

Ким Киуру

*Моей маме — за тот Мир,
который она стремилась мне дать.
Моей жене, которая принесла Огонь к Чаше.*

ПАРАЛЛЕЛИ

Черкаassy - 2006

ББК

ISBN 966-7036-70-7

“ПАРАЛЛЕЛИ”

Автор: Ким Киуру

«Их трое – кочевница, беглый кнехт и жрица.
Они разные, но должны объединить сотни тысяч.
Их Предназначение -- стать во главе величайшей из Армий.
...И они должны умереть для того, чтобы ожила Надежда.»

Художник: Ли С.Я.
Редактор: Конева Е.С.

КИПП “Тясмин” - 2006

Дорогу осилит идущий.

Часть I. Предтечи

*И Ангел да расправит надо мною крыла,
когда вознесу я Меч, ступив стезею Господней.*

Пролог

Над Пиллеей раскинула свои крылья ночь, и крылья эти были полны отчаянья: без солнца, без луны, без звезд, без малейшей надежды на свет покрывали они миры Пиллеи, слывшие некогда разобобщенными, но уже десятки тысячелетий назад ставшие параллельными. Миры соприкасались друг с другом, как соприкасаются чаши величественной пирамиды, и темные воды безлунной ночи, словно перекисшее в уксус вино, переливались из верхних чаш в нижние, наполняя миры безнадежностью.

Ни для кого не было спасения. Ни для единого живого существа из всех миллиардов, населявших Пиллею. Ни для одного человека. Ни для одного ффина. Ни для одного эльфа, гнома или друида, перемальвающих унылость жизни в жерновах нескончаемой войны.

Истинно проклятой была Пиллея: ведь Заря уже не могла изгнать ночь из владений своих, а свет Луны был разбит во мгле безысходности на уголья гаснущих звезд.

Ночь была темна и молчалива. Она налипала на миры Пиллеи, точно гниль савана, которая липнет к костям скелета в давно забытом склепе.

Пиллея была мертва... *почти* мертва, и четыре миллиарда ее жителей напоминали нервы умирающего тела: ток все еще бежал по ним и конечности сокращались, но это были уже конвульсии.

Злата и Торби

Пустыня в закатных лучах солнца горела плавленной киноварью. Огненные полумесяцы барханов сияли на фоне косых теней, и воздух, нагретый жарким дыханием склонов, поднимался вверх, строя хрустальные колонны иллюзий. Небесная чаша темно-синего стекла размеренно остывала после выдоха стеклодува-Дня, облака в небе горели перьями фламинго, и звезды пронизывали их, устремляя мир к забвению Ночи.

По пескам, спекшимся от дневного зноя, брели двое, затерявшиеся в смертельной красоте этого мира. Но познавали они законы не красоты, а смерти, едва находя силы, чтобы идти, — так они были измучены.

Они знали пустыню достаточно хорошо, чтобы не таить надежд на спасение, — Торби и Джеджи Златовласка, отец и дочь, кочевники. Опыт прожитых лет говорил им, что пустыня не враждебна сама по себе, — они умели выживать в пустынях, — однако уж слишком отличались пустыни *параллельных миров*: «знакомые» могли быть приветливыми, а «чужие» всегда оставались чужими...

Этот мир нельзя было назвать знакомым: ведь племя кочевников никогда не бывало здесь; оттого пустыня была словно безучастный палач: в ней не было враждебности, но это не мешало топору опускаться.

Они не помнили, как заблудились: просто во время сумасшедшего, лишаящего рассудка бегства жизнь не оставила им другого выбора, кроме диких прыжков в ближайшие границы миров, умопомрачающего бега в первые же попавшиеся изменения — только бы подальше от западни.

Отец и дочь старались не вспоминать о той ужасной ночи, когда погибло их племя. Отец и дочь не находили сил признаться в гибели всего, что было любимо, чем они жили от рождения, что было их собственным мирком, кочующим по иным, полным великолепия мирам.

Их племя было одним из тысяч подобных ему кочевых племен, которые бродили по Параллелям в поисках работы и торговли. Оно никогда не было ни особенно многочисленным — всего три тысячи человек, — ни особенно воинственным, хотя все три кочевых легиона в совершенстве владели луками и оружием ближнего боя. Их племя не было одним из тех варварских племен, которые обитатели миров с опаской нанимали даже для набега на ффинов. Наверное, не было ничего, что могло бы

выделить кочевников из ряда им подобных: они просто жили так, как жили десятки поколений до них.

Кочевые миграции племени проходили, в основном, по пограничным, плохо обжитым из-за ффинской близости или природных условий мирам, красивым и опасным одновременно.

Эти параллельные измерения напоминали кочевникам театральные декорации бродячих актеров, сменяющие друг друга на нескончаемом марше их дней: один мир, другой, третий... торговые сделки, местные барахольщики, раздутые от сногшибательных барышей, люди, приводящие маленьких детей посмотреть на кочевников и на товары, которые те привезли с собой из *далеких миров* (товары, которые были обычными во внешних мирах, встречались все реже в мирах внутренних, и все дороже готовы были платить за них местные жители), *другие* люди, приходившие к ним по *другим* вопросам.

Последних было видно издали: они подходили серьезные и нахмуренные, в то время как все вокруг были раскованы от пьянящей атмосферы кочевой ярмарки. Эти люди долго топтались вокруг лотков с товарами, делая вид, что прицениваются, а на самом деле, присматриваясь к кочевникам и определяя, кто у них за старшего. Иногда старейшина кочевников сам выходил к ним и, сочувственно кивая, слушал о человеческих горестях: «Ффины угнали три коровы... думали, никто не спросит с них... верните коров и одну забирайте; ффины слишком близко подобралась к пастбищам... отгоните ффинов хотя бы на два мира — и мы заплатим... пять золотых... вот... всей деревней собрали; ффинские мародеры где-то поблизости... скот угоняют, девчонок воруют... одну украли, так потом нашли ее — еще живая, но обезумела совсем... перережьте гадов, а головы ихние нам принесите — отблагодарим мечами и доспехами... для графа ковали, хотели за них всю деревню выкупить, но коли дело такое, то ничего не жалко, чтобы головы нечестивые на колья понатыкать...» Иногда приходило два-три человека, иногда приходила местная дружина, готовая помочь кочевникам рубить ффинские головы. Кочевники не отказывали добровольцам, хотя на одного серьезно раненного кочевника приходилось пять-шесть погибших крестьян.

А когда товары были проданы, ффины отогнаны и люди проходили мимо, стараясь уже не смотреть в сторону *торгащей*, которые только и выискивают, кого бы обмануть, кочевники уходили, и снова миры напоминали театральные декорации в их неторопливом движении к следующему поселению. И это

постоянное движение было истинной основой *их* мира, тем, что пребудет вовеки, невзирая на изменения, которые произойдут во время следующего набега на ффинов... *Кочевой мирок* казался им вечным.

Однако нет ничего вечного, кроме времени. Мир всегда меняется, даже когда кажется неизменным, и истинными причинами великих перемен всегда оказываются «невероятные» мелочи. Неизбежность всегда говорит о себе устами случайностей, и очередной набег стал именно такой случайностью для маленького кочевого племени.

Староста деревни сообщил, что в этой местности за последнее время произошло несколько стычек с ффинами, — здесь их, скорее всего, два или три легиона, направленных для защиты своих границ. Староста предупредил, что нужна просто разведка, нужны сведения, чтобы решить вопрос о вызове подкрепления.

Из двух разведгрупп кочевников по десять человек не вернулся никто. Разведкогорта, посланная на поиски, также не вернулась. Это и был тот момент, когда рухнул маленький кочевой мирок.

К маршу на поиски пропавших племя готовилось в угрюмом молчании и озлобленной решимости. Беременные женщины и малолетние дети были оставлены на попечение деревни. Старейшина кочевников, уже облаченный в доспехи, подошел к старосте. «Вызывайте помощь, — сказал он. — Если из полутора сотен не вернулось ни одного человека, значит, ффины готовятся здесь к атаке. Их соединения многочисленны и подкреплены помощью магов. Деньги за разведку потратьте на тех, кто остался». Он кивнул на плачущих женщин, не сказал более ни слова, развернулся и направился к своему племени. Он не произносил речей, да никто речей и не хотел. Все знали, что оставить побратима в бою равносильно предательству.

Кочевники выступили поздним вечером, когда острия звезд пронзили небесную лазурь. Они шли в полном молчании, двигаясь легко и быстро.

Им не пришлось идти долго. После того как когорта кочевых разведчиков попыталась проникнуть в мир ффинов, те постарались обезопасить себя от подобных неожиданностей. Кочевники не знали магии и не могли почувствовать сигналы магических барьеров.

А потом ффины навалились на них со всех сторон, и ночь превратилась в день от обезумевшего сияния магии черно-

книжников... Потом сотни горящих стреловых дуг порезали ночь на гудящие полумесяцы угасающих вскриков... Потом из-за барханов послышался приближающийся гул ффинской конницы.

Каждый клочок песка был устлан ффинскими телами — по три, по четыре за одного кочевника. Но подоспела конница ффинов — копыта наперевес, гроверы в ряд, — черные всадники в тяжелых латах, уверенно сидящие на таких же черных полулошадях-полуящерах.

Их атака наполняла ужасом, словно несущийся с гор оползень. Ффинские всадники прорвали шеренги кочевых когорт, будто бельт, пронзающий кожаный доспех. Прикрываясь тяжелыми щитами, латная пехота ффинов вошла в пробитую брешь и резкими ударами рассекла племя на несколько частей.

Сколько оставалось кочевников, когда несколько частей сумели объединиться и прорваться сквозь внешнее кольцо ффинов, — пятьдесят, сто? — никто не знал. Но ффинские стрелы вновь наполнили ночь гулом оперений, но гроверы вновь понеслись в атаку. Сколько же кочевников укрылось в ночном сумраке, пропуская их мимо?.. Двадцать, тридцать?.. Не больше.

Разобщенные, отрезанные друг от друга, они прыгали в ближайшие границы миров, не думая, что может находиться за ними, а оказавшись в иной реальности, прыгали дальше и дальше, надеясь только на то, что погоня затеряется позади.

Многим из них повезло, и они вышли к обитаемым мирам или знакомым измерениям. Такие потом еще долго удивлялись, как они сумели проделать столь огромный путь и ничего об этом не помнить.

Никто из них не остался в стороне от войны: все они, злые на свою слабость, шли в отряды ополчения, сами вызывались в рискованные походы, храня в душе одну мечту — вновь и вновь убивать ффинов, пока вражий клинок не прервет кипение их ненависти. Много ли было таких?.. Двадцать, тридцать... Так мало по сравнению с погибшим племенем...

Но были и такие, кто в своем бегстве пересек неизведанные границы миров и оказался в измерениях, о которых не слышал даже в сказках. О да, они все умели выживать там, где гибли другие, но все же они не были богами. Незнакомые миры... незнакомая пища... незнакомые опасности. Слишком много незнакомо-го, чтобы надеяться на благополучный исход.

По оплавленной закатом пустыне брели двое: Торби и Джеджи Златовласка, отец и дочь, некогда бывшие кочевниками. Они брели по пустыне уже долгую неделю, после того как очередная

граница миров, которую они не знали, выбросила их в очередной неизвестный мир.

Отец не представлял, куда идти... Некоторое время, после их третьего или четвертого прыжка, ему казалось, что он почувствовал направление, но неизведанный мир за очередным показавшимся ему знакомым порталом развеял иллюзии. Они заблудились, и не было им возврата, так же как не было двусторонних границ у миров. Параллели окутали их, словно паутина, и Острие Небесного Света не спешило с помощью. Они могли надеяться лишь на кольцеобразные бурдюки под лапами, входящие в боевое снаряжение для смягчения ударов, на то, что

однообразная пустынная растительность съедобна после соответствующей обработки антисептическими средствами, на то, что *они были кочевниками.*

— Скоро ночь, — сказал отец хрипло. — Пора останавливаться, дочка... Думаю, границы миров мы сегодня не найдем...

Златовласка провела языком по пересохшим губам и улыбнулась отцу понимающе: он пытался утешить ее, говоря, что рано или поздно граница миров встретится им. Отец, видя ее улыбку, отвернулся и в отчаянии закусил губу — конечно же, она понимала, что спасения не будет, иногда себя обмануть было легче, чем ее, — устало потрепал дочку по сбитым волосам, которые отливали когда-то червонным золотом.

Совсем невольно он вспомнил другую Джедди — какой она была в ночь гибельного сражения. В легком кожаном доспехе, горящем в свете ффинской магии потеками крови, визжащая дикой рысью, с коротким мечом в руке... Вспомнил, как одним ударом отрубив кисть ффинской лапы, другим — она рассекла ффинскую рожу от подбородка. Вспомнил, как диким ритмом фехтования путала она ффинов в их собственной атаке, чтобы

нанести затем неожиданные и жестокие удары: в бедро почти у паха, под мышку, в горло. Вспомнил, что, когда на племя навигалась латная пехота, она прикрывала отцовскую спину, резко парируя и непредсказуемо атакуя — словно на манекенах отрабатывала удары — точно в стыки ффинских лат. А когда ффинская конница понеслась на них, она подхватила с земли копье и одним ударом вогнала его точно в забрало шлема ближайшего конного. Вспомнил, как, проскочив в опасной близости от следующего всадника, своим коротким мечом она подсекла гроверу лапу и прыжком настигла покотившегося по земле ффина, задрала его подбородок и воткнула в горло меч. Вспомнил, что, когда кровь ее друзей смешивалась на ее доспехе с ффинской, она визжала, как взбешенная кошка, выла, словно осиротевшая волчица, и ффины отшатывались от нее, теряясь на время, достаточное для молниеносных вспышек ее меча. Торби вспомнил это и содрогнулся — такой чистой казалась она ему теперь.

— Разведи костер, — хрипло сказал он, вынимая из ножен кинжал. — Я попробую раздобыть еду.

Он вернулся, когда небо стало почти уже черным, а закат превратился в едва заметную полоску светлого воздуха над горизонтом. Он принес немного: суслика и пару молодых побегов чертовой колючки. Молча они разделали суслика и зажарили его на костре, пережевали стрихнинно-горькие побеги колючки и скупно запили ужин водой.

Когда Злата засыпала, барханы были уже не горячими, но еще и не холодными: в это время между днем и ночью они всегда были изумительно теплыми. Она спала беспокойно, то и дело просыпаясь и выдыхая облачка пара на онемевшие от холода пальцы, и каждый раз, просыпаясь, она замечала темную фигуру своего отца, безо всякого движения сидящего около давно отгоревшего костра.

Новое утро, разжигающее горизонт, было, как всегда, морозно-едким и колючим. Кашель, дерущий горло... все тот же мучительный недостаток влаги... суставы, скрученные холодом... К вечеру этого дня, до крови разодравшего их губы жаждой, они вышли к городу.

Город был древним и давно уже покинутым обитателями. Он был огромен, а крепостная стена, на которую из века в век наваливалось время, все еще была высотой в три-четыре человеческих роста. Гигантские каменные блоки покрывала непонятная вязь — древние руны, даже легенды о которых забылись. Блоки крепостной стены были иссечены ветрами, но

все же находились места, где камень оставался гладким, словно покрытым слоем расплавленного стекла. Зной пустыни накалял камни, и воздух гудел вокруг, возносясь ввысь потоками. Местами крепостная стена была вывалена наружу — словно какой-то неимоверный гигант, заточенный за нею на многие века, в конце концов яростно вырвался из плена.

Глядя на вываленные блоки, наполовину утонувшие в хлынувшем внутрь песке, кочевники терялись в поисках разгадки... Неужели когда-то давно в этом городе пытались скрыть от мира таинственное *нечто*... может, об этом и рассказывает орнамент на крепостной кладке... может, всемирное зло некогда было заточено в этом городе, пока не нашло возможности бежать?..

Войдя в город через один из провалов, они спустились по желтому полукруглому языку песка, который успела втолкнуть в город пустыня. Медленно и настороженно брели они по каменным плитам бывшей улицы, размеры которой поразили бы даже жителей столичного Гаксторна.

Чем глубже в затерянный город заходили отец и дочь, тем все большие разрушения открывались их взгляду: от домов сохранились только первые этажи, а еще дальше от них остались только невысокие холмы. Слой песка покрывал все вокруг. Он был не очень толстым из-за постоянно дующего здесь ветра, а плиты и остатки домов были покрыты тонкой коркой гладкого шлака.

Медленно брели вперед двое кочевников... медленно и настороженно. Может, именно это и спасло их — то, как они шли, то, как они слушали окружающее, то, как они смотрели по сторонам, — поэтому атака гарпии не застала их врасплох...

— Теперь я знаю, что это за город, — сказала Джедди, когда, едва стоящие на ногах, они вытирали окровавленные клинки. — Это Грифф, отец...

— Грифф?.. — открыл рот он, чтобы не согласиться с дочкой, но тут все медленно сложилось и у него в сознании: проваленная наружу крепостная стена... постройки-колоссы в городе... разрушенный центр и уцелевшие окраины... и гарпия, конечно же, и гарпия.

Торби еще раз огляделся по сторонам.

Грифф... самый жуткий город Пиллеи, город, по преданиям, построенный неведомыми титанами еще до возникновения самих Параллелей. Город, ставший первым оплотом ффинов и их первой братской могилой. Город, поход на который единственный раз в истории Пиллеи объединил всех: людей, гномов, эль-

фов, друидов и даже отступников Гильдии Магов, живущих на самом краю мира, где летающие острова медленно дрейфуют в небе, тех, кто именует себя *некрмансерами*.

Это было в то легендарное время, когда собрались воедино Семь Великих Армий, а люди отбросили прочь распри, потрясенные ужасающей силой ффинского единства. Когда каждому из воевод был дан **Меч**, — один из **Семи Мечей**, которые были созданы гномами из редких сплавов, которые были перекованы эльфами в огненном дыхании Драконов и которые людские маги и отступники-некрмансеры вызывали к жизни долгие недели, сотрясая небо и землю своими заклинаниями. Три Меча явились в конце концов посвященными во Свет магами, Три — очарованными Тьмою некрмансеров, и Один, самый могущественный из них, явился наполовину Освященным и наполовину Околдованным, тот, над которым маги и некрмансеры трудились вместе, не в силах в одиночку призвать в металл столь великую душу.

Это было в то легендарное время, когда Семь Армий атаковали захваченный ффинами Грифф, когда волны латников раз за разом разбивались о его неприступные стены, когда на поле брани лежали вперемешку люди, эльфы и гномы, когда друиды на окраине неугасающего многие дни сражения не успевали зализывать раны выжившим.

Это было время, когда Армии начали брать верх и когда сам Сатана пришел на помощь ффинам, когда *он* вновь и вновь творил их из могильной пыли и останков убийц.

Это было то время, когда некрмансеры единственный раз в истории Пиллеи во всевидение продемонстрировали свое одичавшее могущество, одним заклинанием подымая десятки умерших и отправляя их в бой, оживляя и оживляя их снова.

Это было именно то время, когда люди осмелились применить два великих артефакта, данных Семью Ангелами, и сокрушили могущественные крепостные стены, а затем и сам город...

Это было время песен и радости, веселья и непередаваемого счастья, когда даже умерших оплакивали с улыбкой на устах, ибо знали, что имена их будут запечатлены на скрижалях времени.

Это было легендарное время уничтожения зла, уничтожения Гриффа — первого оплота ффинов, города, развалины которого лежали теперь перед отцом и дочерью.

Суи

До дрожания воздуха, уже отчетливо видимого впереди, оставалось не более двадцати шагов, когда из ближайших зарослей высокого кустарника с гортанным ревом к нему бросился ффин.

Ффин был коренаст, с мускулистыми руками, рогатой башкой и зубатой пастью. Одной рукой он прикрывался щитом, а второй волочил за собой по земле полутораметровый двуручный меч.

На одно мгновение Суи испугался, что наткнулся на ффинский разведотряд, но потом с облегчением отметил, что щитом ффин прикрывается не очень умело, а его низкорослость и убогость одежды говорят о жизни в гномьих мирах, потомственном мародерстве, о привычности к легкой добыче и быстрой смерти.

«Насчет смерти — это правильно», — подумал Суи, снимая с плеча автомат.

Ффин с рыком занес двуручник для удара, когда Суи дал две очереди: одну по открытым ногам, а вторую — когда ффин был уже на земле — прямо в грудь. Очереди были короткие — не более трех патронов каждая, — но они исчерпали все, что осталось в почти пустом магазине.

Ффин хрипел и с отчаянным стоном пытался подобрать ноги под себя. Суи отбросил бесполезное Оружие и выхватил меч. Он ударил, шагнув по касательной к ффину, ударил по-кавалерийски — по дуге снизу вверх. Ффин спазматично дернулся и затих: Суин удар развалил его морду почти надвое — от подбородка и до самого лба.

Суи постоял немного над телом ффина и по привычке достал из-за голенища кусочек материи, чтобы вытереть меч, на несколько секунд задержал взгляд на безыскусной вышивке, а потом аккуратно сложил и положил назад, за голенище. «Для тебя и твоего меча...» — пронеслось в Суиной голове.

Ффинская рожа злобно щерилась своим изувеченным ртом. Руки Суи дрожали, помимо воли все крепче сжимаясь на рукояти клинка. Словно сам по себе, меч взмыл вверх и так же, словно сам по себе, резко опустился вниз. Суи тяжело дышал, а ффинская голова катилась по траве, отброшенная в сторону силой его удара. Суи не стал следить за ней, хотя знал, что остановится она обязательно рожей вниз. Медленно нарвал он травы и так же медленно оттер сияющее лезвие от ффинской крови. «Извини уж, что не тканью», — подумалось ему.

Ффинский скарб был нехитрым — котомка походной утвари: подобие точила для меча, котелок с треногой, пара инструментов для латки обуви, тряпица для полировки стали. Неожиданно удивил Суи меч — не двуручный, а другой — клинок гномьей ковки, старый, как мир, весь в зазубринах. Этот меч был бы идеальным оружием для ффинского мародера, он очень подходил и под ффинский щит, и непонятно было, почему ффин сменил его на двуручник: ведь такими длинными клинками не сражаются в паре со щитом.

Медленно Суи направился назад к ффинскому телу, наблюдая, как все ярче сверкает сквозь траву сталь двуручника.

Уже стоя над мечом, он понял, почему ффин не выпускал клинок из рук. Это был не просто меч... это был *эльфийский клинок*. Изящная крестообразная гарда, витая рукоять, инкрустированная черными и белыми жемчужинами, бриллиант и опал, излучающие свет и поглощающие его каждый со своей стороны, — там, где гарда сливалась с лезвием.

Суи слышал, что такие клинки бывают, слышал даже, что некоторые люди издали видели их, — но находиться от такого на расстоянии одного шага...

Со вздохом Суи опустился на колени и осторожно взял меч в руки. Двуручник был почти невесом. Жесткий и крепкий, он был не тяжелее обычного прямого меча, хотя мог выдержать нагрузки в десятки раз большие. Его лезвие было сияюще-зеркальным, без единой зазубрины, а сплошная вязь рун сообщала о его магическом происхождении.

Суи и раньше видал магические мечи, которые разбивали стальные доспехи, словно стекло; которые поджигали доспехи кожаные; которые на время боя делали мечника нечувствительным к боли или умели сворачивать кровь в ранах... Да, Суи видел такие мечи и всегда поражался богатству воевод, ими владевших. Но *эльфийские* зачарованные клинки... Эльфы ревностно охра-

няли все, им принадлежащее, и самый обычный для них доспех или же клинок ценился среди людей, как средних размеров замок. *Зачарованные* же... Нет, эльфы никогда не продали бы того, что было создано их лучшими мастерами.

Медленно Суи протянул ладонь к рукояти меча, и рукоять послушно улеглась в ней.

В памяти всплыла история его похода, всплыли самые радужные надежды, ни одна из которых не подымалась до высот эльфийского магического двуручника...

Конечно, слишком скромным его предприятие тоже нельзя было назвать...

Суи был достаточно умен и пытлив, чтобы увидеть проблески истины в древних легендах о Хранителях Оружия, чья мощь была равна мощи самих *магов* и кто однажды попытался избавить мир от *ффинского* нашествия. Вспомнилась беседа с древней старухой, полузасыпанный песком оружейный склад в пустыне, сотни бесполезных инструкций на староанглийском и как он чуть не погиб, пытаясь выстрелить из давно уже непригодного для стрельбы лазера, а потом нашел один-единственный уцелевший пороховой М-3000 с тремя обоймами к нему. Вспомнилось, как он проводил дни в древней Гаксторнской Библиотеке над текстами манускриптов, пытаясь понять причину захвата *ффинами* Гриффа два тысячелетия назад, причину скопления там цвета *ффинского* чернокнижия; и как однажды понял, что *ффины* искали именно Склады Оружия — а где же им еще быть, как не в подземельях самого древнего города Пиллеи? Как долгие месяцы по крупицам собирал он сведения о пути в Грифф, как однажды в таверне торговец продал ему карту и тут же посоветовал ее сжечь, говоря, что в этом случае Суи потеряет лишь глупо потраченные на ее покупку деньги.

Суи не сжег карту. Не смог даже подумать об этом всерьез. У него была цель... у него была *великая* Цель; и то, что он нашел один Склад, говорило только о том, что были и другие. Суи не знал, что он будет делать, когда отыщет Оружие, — гораздо больше его занимала разгадка тайны Гриффа. Его жизнь перестала принадлежать ему — теперь над ним было *нечто*, ради чего он жил. Оружие... да, Оружие... В конце концов, им можно было и торговать...

Он шел всегда только вперед, один за другим проходя миры и отмечая их на карте.

Некоторое время путь его пролегал по неплохо обжитым человеческим измерениям, но потом он должен был свернуть с

Вектора ради серии безумных прыжков через *внешние* миры, настолько дикие и непредсказуемые, что ни люди, ни даже ффины не решались заселять их.

В мирах внешних солнца были вовсе не желтыми, и их резкое сияние обжигало кожу сильнее солнечной линзы; там приходилось кутаться в ткани и смотреть на мир из узенькой щелки чалмы, а полдень пережидать в тени скал, потому что двигаться в сгустившемся огненном сумраке было невозможно.

На его пути попадались миры, где светило по два солнца и разноцветные тени разбегались в разные стороны. Попадались миры, чей воздух был тягуч, как кисель, и тело в них весило намного больше, чем в мирах людских, где дышать было тяжело и каждый шаг был словно последний. Попадались миры, где метеоритные дожди были так же часты, как и обычные, и приходилось постоянно смотреть вверх и бросаться под ближайшие каменные навесы при первом появлении белесых и, вроде бы, так медленно крадущихся в высоте полос. Попадались миры, влажными джунглями наваливающиеся со всех сторон или же уходящие в стороны бескрайними просторами равнин. Попадались миры абсолютно необитаемые и другие, в которых тварей было столько, что приходилось спасаться одновременно от нескольких хищников.

Наконец Суи вышел к *пограничным* мирам, где люди и ффины до сих пор сражались друг с другом.

Покидая свое родное измерение, Суи был беглым кнехтом — простым крестьянином, которого раз в неделю хозяин его деревни отрывал от повседневных забот, для того чтобы бесконечно гонять в пешем строю и учить обращаться с копьём. Суи понимал, что эти тренировки лишь готовят человека к бессмысленной атаке, отвлекающей противника от маневров кавалерии или же латной пехоты — тех, кто стоит много дороже кнехта. Суи знал роль, отведенную ему бароном, и эта роль его не устраивала.

С раннего детства он тайком проникал во внутренний замковый двор, где внимательно наблюдал за тяжелыми мечниками, отрабатывающими техники атаки или обороны. Он старался запомнить как можно больше движений, а затем со всех ног бежал домой, где хватал простую палку и старался повторить то, что запомнил.

Часто ему попадало от родителей, которые сбивались с ног в его поисках, но это не останавливало его надолго, и он вновь проникал тайком в баронов двор и вновь смотрел на то, что давало крылья мечте.

Когда ему исполнилось тринадцать, никто из старших ребят уже не осмеливался дать ему подзатыльник, если в руках у него была палка: все знали, что против его хитроумных выкрутасов пасуют любые кулаки. Некоторое время его пытались оттузить вдвоем и даже втроем, но потом поняли, что кроме синяков и сильных ушибов из этих драк ничего не вынести.

К пятнадцати годам палку на его тренировках сменила неуклюжая лопата, и все, что раньше получалось хоть немного, перестало выходить совсем.

Суи отработывал свои движения постоянно: когда пас коров, когда косил траву и, особенно, когда рубил дрова на заднем дворе дома... О-о-о, это было еще то зрелище — дикая пляска вольтов и разворотов в преддверии выпада или же сильного рубящего удара.

Люди смеялись над ним, но в глубине души смеялся над ними и он.

«Зачем тренироваться, — спрашивали люди друг друга, — если меча у тебя все равно не будет?»

Они не понимали, что ограниченность человеческого сознания всегда определяется только самим человеком и наивысшая мечта будет ждать впереди лишь тогда, когда человек поверит в нее: ведь мечта — это не конец пути, но его начало. Они верили только в то, во что верили их соседи, и каково же было их удивление, когда однажды Суи вошел в свой дом с самым настоящим мечом в руке.

«Где взял?» — спросила мать. «На ярмарке, — ответил он. — Вышел на забаве против баронового мечника да и побил его. Кто побьет, говорили, тому меч дадут. Меч, конечно, не ахти какой, нашими кузнецами кованый, но для меня — просто верх мечтаний...» «Сколько же он стоит будет?» — спросила мать. «Нисколько, — ответил Суи, доставая давно уже приготовленную им тряпицу для полировки стали. — Нисколько».

Почти месяц после этого он привыкал к размаху атак одноручного меча, по размерам серьезно уступающего лопате.

Через полтора месяца он пошел к барону с просьбой записать его в когарту мечников. Барон поднял его на смех — крестьянин, простолудин, а в мечники метит, ишь...

Пять хлыстов были Суиным наказанием за дерзость. Пять хлыстов... всего около тридцати секунд, проведенных у позорного столба. Тридцать секунд, за которые он окончательно принял давно уже обдуманное решение. Все то небольшое, что он успел

нажить, Суи оставил матери и братьям, с собой взял одну лишь котомку да меч.

Его искали... Ему интересно было читать на стенах трактиров и постоянных дворов объявления с обещанной наградой. Было интересно смотреть на полусонных городских стражников, устало спрашивающих, не встречал ли он такого-то и такого-то, подозрительно похожего на него самого по описанию.

«Слушай, — усмехались стражники, — а это случаем не ты, тот беглый, а то так похож, что аж жуть?» «Не, — так же усмехался Суи. — Я хоть и простолюдин, но любимчик у барона. Меч барон приказал отнести местному чародею. Тот уже получил деньги и никак их не отработает. Вон с какими поручениями посылают, зачем мне убежать?» «А бумага у тебя есть?» «Есть», — и Суи доставал из котомки бумагу, которую сам же и написал перед уходом. Малограмотные стражники с умным видом крутили в руках захватанный листок со странной, подозрительно похожей на баронову печатью, важно принимались к ней, а потом кивали, мол, проходи давай и спать не мешай. Суи усмехался про себя и брел дальше: откуда барону, человеку безграмотному и держащему писца из монахов, было знать, что Суи умеет читать-писать, а опыт его дяди, посыльного старого барона, научил его среди прочего и печати подделывать...

Стражники у границы миров были угрюмы и полны решимости честно исполнить свой долг.

«Куда?» — спросили они.

Суи огляделся по сторонам и ободряюще улыбнулся им. В это время бригада землекопов чистила на заставе колодец и одна из лопат стояла прислоненной к стене пропускного пункта. Когда же невредимые, но униженно-оскорбленные стражники уже лежали на земле, Суи в последний раз обернулся и посмотрел на мир, который он оставлял.

«Твой дом — это место, где тебя всегда примут, когда ты вернешься туда», — кажется, так было написано в одной книге староанглийской поэзии. «Твой дом там, где твое сердце...» Книга была, воистину, старая, наверное, как и сам мир; страницы ее были ломкими и желтыми и по цвету напоминали речной песок. Книгу по большому секрету дал ему как-то почитать подмастерье местного мага, его друг, единственный друг детства, потерявший в пять лет правую руку и оказавшийся бесполезным для своих родителей...

Суи снова оглядел мир, в котором он вырос. Где могли его принять?.. Где было сердце его?.. Он развернулся, чтобы уйти. Сердце его было рядом с его мечтой — в той единственной стране, где он мог обрести покой.

Чем дальше он уходил в неизвестность, тем больше понимал, что человек может гордиться тем, что сделал за свою жизнь, только в том случае, если искренне верит в правоту своих поступков, направленных к высшей цели. Эта вера превращает жизнь человека из тлеющей свечи в свечу, зажженную для кого-то, — ведь нет большого достижения в том, чтобы сгореть в одиночестве, отдав огонь самому себе, но блажен освещающий путь к цели другим. Для ярко горящей свечи всегда найдется подобающее место, и Тот, Кому подвластен свет, владеет и над тенями.

Пограничные миры встретили Суи бесконечными стычками с ффинами, из мира в мир продолжающейся войны.

Были миры, где ффинские отряды ополчения нарушали неписаное перемирие, прокрадывались через нейтральные миры и атаковали людские поселения, грабили, угоняли скот и быстро отступали до прихода людских легионов. Были миры, где людские крестьяне вооружались, чтобы отомстить за набеги и украсить копья ффинскими головами, а заодно угнать скот и сжечь ффинские поселения. Были также миры, где не крестьяне сражались друг с другом, но регулярные воинские части, — такие миры встречались нечасто, ведь война шла, в основном, за редкие нейтральные миры Великого Шелкового Пути, который являлся единственной центральной Осью Пиллеи, имея стратегическое значение для обеих сторон. Часть Пути исконно принадлежала людям, часть — ффинам, и продвижение по нему людских или ффинских легионов сразу же влекло за собой оккупацию отходящих от него Векторов. Опасность подобного проникновения усугублялась связанностью некоторых Векторов между собой, то есть возможностью проникновения в глубокий тыл — в миры, которые доселе считались безопасными. Иногда сражающихся ошеломляло, насколько огромной была Пиллея и как схематично делила измерения линия фронта — если вообще можно было говорить о фронте в параллельных мирах.

Суи проходил через эти земли, стараясь нигде не задерживаться и не принимать участия в сражениях, помня, что отпущенное ему время не вечно.

Три мира встретили его ужасными картинами ффинской оккупации, грабежами и насилием, кровавым заревом на горизонте и дымом, от которого першило в горле.

В одном мире люди пытались отстоять очередной участок Шелкового Пути, откуда их теснили ффины, и Суи, замеченный рекрутными отрядами, был вынужден принять участие в битве. Она была ни особо длительной, ни особо многочисленной — не более шести тысяч человек сошлись в сражении, — но в этой битве Суи чуть не лишился жизни, когда его меч худой людскойковки звякнул и сломался пополам под ударом меча ффинского.

После битвы, перевязывая длинную сеченую рану на плече, Суи с интересом рассматривал новый клинок и с улыбкой думал о том, что у своего барона он видел ффинские мечи только у ветеранов.

Кроме этого боя, было еще три сражения, где Суи принимал участие на пути в Грифф. Три шрама добавились на теле: один на предплечье, тогда еще не защищенном наручем, один на бедре, и последний пересекал его надбровье и часть щеки после удара меча, предательски скользнувшего по шлему.

Два раза люди победили в этих боях — и длительные празднества гремели по округе, подражая легендарному завершению Первого Великого Похода. Один раз люди были побеждены — и тогда гордые ффины разъезжали по улицам поселения, до смерти мучая всех найденных ими людей без скидок на пол и возраст.

Именно тогда, когда три ффинских мародера вытащили из-под развалин дома девчонку, не более шестнадцати лет от роду, Суи стало тесно в его надежном убежище. До того дня он применял автомат только для пристрелки около Склада и в одном из сражений в мире, где ффины приручили летающих ящеров. Но в тот день его очереди яростно разрезали воздух.

Это был отчаянный прорыв, когда перепуганных ффинов отбрасывало назад и тяжелые тридцатиграммовые пули нанизывали их тела на вертела автоматных очередей. После этого бега в его последней обойме и осталось только шесть патронов — всего на две короткие очереди.

Конечно, она влюбилась в него; говорила, что пойдет за ним хоть на край света; плакала о своих погибших родителях; словно котенок, по ночам сворачивалась возле Суи в поисках тепла. Он вздыхал и обнимал ее, и она устало улыбалась, засыпая навстречу совсем нелегким снам.

Он оставил ее в первом же людском поселении; долго говорил с ней на окраине, пытаясь убедить, что так будет лучше для нее, что она должна выйти замуж и стать прекрасной матерью, говорил, что у него никогда не будет дома, что он вечный странник, обреченный на неизведанное. Она не верила, плакала тихонько и просила, чтобы он ее не оставлял. Но Суи оставил...

Идти одному стало вдруг очень тяжело, пару раз он подумывал даже о том, чтобы вернуться. А через неделю девочка, шедшая за ним все это время, сама вышла в свет его костра. Она протянула ему два льняных кусочка материи, вышитых ею. «Для тебя и твоего меча», — сказала она, и слезинка, бегущая по ее щеке, засверкала в свете костра расплавленным золотом.

А утром девушку убили... двое мародеров...

Перевязь автомата, зацепившаяся за наплечник... Меч, с напряженным повизгиванием выскакивающий из ножен... Резкие, дерганные удары... Пара новых зазубрин... ерунда — что мечу зазубрины... Она, рассеченная ударом ффина наискось...

Если б Суи мог, он заставил бы ффинов умирать в муках десятки раз подряд. Если бы он мог, то пропустил бы их через такие муки, о которых и в Аду не слышали. Но ффинское тело по строению почти ничем не отличается от человеческого, и оба мародера умерли слишком легко — в бою, нанося удары на поражение. Суи просто не мог заставить их страдать. Не мог, так же как не смог уберечь ее.

Когда слез не осталось, он похоронил девочку, нарвал ей простых лесных цветов, после чего четвертовал ффинов. Может быть, он мог бы еще многое сделать для нее, но все это осталось в прошлом...

Медленно Суи открыл глаза. Уже стемнело, и незнакомые созвездия стремительно взбирались на пропитанный ночью небосвод. Три огромных твари, похожие на тигров, сидели напротив — рядом с мертвым ффином — и смотрели прямо ему в

глаза. Ффинский труп был уже растерзан, а звери все еще были голодны...

Когда они успели расправиться с ффином?.. Почему Суи не помнил, как они пришли, как пожирали труп?.. Куда делось все это время, как оно исчезло... ведь был день, а уже ночь?..

Суи покосился на меч в руках. Руны сияли серебром в свете взошедших лун.

Твари неотрывно смотрели на него. Повидавший множество хищников во внешних мирах, Суи знал, что надо не двигаться, поскольку любое резкое движение могло спровоцировать атаку; но в то же время он не понимал, почему они до сих пор не напали.

Тот из стаи, который был вожаком, поднялся и медленно направился к Суи. Сердце Суи колотилось, как бешеное.

«Двуручник...» — пронеслось в голове.

С ффинским мечом у него не было никаких шансов, но двуручник... Суи прикинул легкость меча, с трудом попытался оценить расстояние, на котором меч будет способен защитить его, с досадой подумал о недостатке опыта работы с длинными клинками.

«Возможно, если попытаться уйти разворотом, то одна тварь сама должна налететь на меч... останутся две... надежда только на то, что они не умеют нападать в стае».

Очень медленно Суи привстал на колени. Удивительно, что тело его совсем не заоченело, хотя он просидел без движения не один час.

Ближайшая тварь громко и протяжно зарычала.

«Если зверь бросится сейчас, — пронеслось в голове у Суи, — ничего нельзя будет сделать с инерцией атаки».

Он смотрел в сторону зверя, не глядя ему в глаза, и одновременно, сопровождаемый нарастающим рыком, поднимался на ноги. А когда он уже стоял перед оскалившимися тварями, ему вдруг вспомнились его тренировки, когда он еще заменял меч лопатой, пытаясь размером компенсировать неподходящий вес и смещением центра тяжести разработать крепость кисти. Длина у лопаты в том полузабытом уже мире была как раз с эльфийский двуручник... Плавно он опустил меч к земле и осторожно провел им по дуге — сходство сфер поражения было потрясающим. Суи вдруг понял, что у него нет страха перед этим мечом, который он держит в руках впервые, и что он знает об этом оружии почти все.

Он крепко стиснул челюсти и посмотрел в глаза ближайшей кошке. «Ну же, — говорили его глаза, — я жду, и меч мой ждет».

Суи понял, что сможет достать хищника в начале его прыжка, что у него будет еще время уйти от атаки второго животного и ранить третье. Понял, что они ничего не смогут с ним сделать, так как он познал свой меч за долгие годы своих мечтаний: ведь и вес, и размер двуручника были такие же, как у орудия его тренировок, — словно не от безысходности тренировался он с лопатой, но специально подготавливая себя для этого меча. Поэтому у тварей напротив не было никаких шансов: все решат два разворота и три резких взмаха.

Невиданная сила захлестнула его, когда он легко крутанул мечом, с наслаждением ощущая, как лезвие режет воздух. Кошки почти одновременно рыкнули на его движение и как одна прижались передними лапами к земле. Суи снова крутанул мечом — еще резче, еще сильнее — и сам зарычал в ответ.

Ближайшая тварь пристально смотрела ему в глаза; Суи отвечал ее взгляду: теперь уже нечего было скрывать за опущенными веками. В какой-то момент зверь почти прыгнул, но затем его тело подалось назад, и он смотрел уже не на Суи, но мимо, а потом и вовсе отвел взгляд. Медленно двигаясь на своих негнущихся лапах, зверь развернулся, еще раз зыркнул в сторону Суи и побрел прочь... Двое других некоторое время следили за ним, а потом, как по команде, фыркнули и направились вслед за вожаком...

Долго Суи не мог поверить в то, что произошло. Лишь когда стая скрылась из виду, он перевел дух, впервые ощутив, как сильно колотится сердце. Меч притянул его руку к земле, словно это был мешок с зерном, колени стали желеобразными, едва держащими вес тела. Медленно он направился к своим пожиткам, подобрал их и так же медленно пошел к границе миров. Остановился, постоял немного, вернулся к ффинской котомке и подобрал лежащую около нее перевязь эльфийского двуручника. Закинул клинок за спину, а свой старый меч все так же оставил на поясе — сослужит еще железо кому-то добрую службу.

Дрожание воздуха, словно давешний хищник, прыгнуло на него, и он пересек границу миров, вывалившись из одного измерения в другое.

Райси

Ффины стали осторожнее, намного осторожнее, и это чуть не стоило Райси жизни. Хотя в последнее время слова «чуть» и

«почти» потеряли смысл: смерть всегда была слишком *определенной*, для того чтобы укладываться в рамки условностей. В этот раз она забрала всего двух пехотинцев.

Райси зашипела и покосилась на обожженную магией руку. Провела вдоль нее ладонью, шепча заклинания, и прислушалась к гулу в висках: глупая, глупая девочка, она была почти на пределе. Райси вынула из сумки щепотку «голубого пламени» и потянула носом. Качнулась из стороны в сторону и почувствовала, что слабость и магическое истощение притупились. «Если бы не ведьмины эликсиры, — подумалось ей, — давно бы уже...» Райси снова покачнулась, чуть было не потеряв ритм бега.

Вообще-то она недолюбливала зелья, потому что вместе с генерированием аддитивной энергетики они мешали реально оценивать остаточные силы, а это легко могло привести к перерасходу и серьезной травме; но в этом бешеном бегстве у нее не осталось никакого выбора.

Только за последний час она проскользнула через три мира, количество же измерений, пройденных ею с того момента, как магический сканнинг мерзким покалыванием опустился на шею, она не взялась пересчитать. Покалывание было словно жесткий ошейник, словно тяжесть, взваленная на плечи, словно угнетающее чувство безысходности. Люди, в основном, не способны чувствовать сканнинг, и в непрерывных тренировках прошел не один год, прежде чем она научилась осязать окружающую энергию — как девственно-природную, так и преобразованную человеком.

Райси, не замедляя бега, глянула на небо: солнце стояло почти в зените и она едва успевала добежать до открытых Врат. Ффины гончими псами шли по следу, пользуясь прямой пространственной телепортацией: их чернокнижники прорывали магическими заклинаниями мирозданье между измерениями и удерживали

его открытым, пока пехотинцы переходили из одного мира в другой. Ффины двигались по магически отсканированным координатам ее перемещений, и, чтобы не оказаться с ними лицом к лицу, ей приходилось быть в постоянном движении, спеша к местам, где пространственная первоматерия периодически утончалась, следуя своим вечным метаморфозам, к местам, которые жрицы называли Вратами. Куда вели Врата, было для Райси не столь важным, сколь возможность быстро и практически без затрат энергии ускользнуть из очередного мира.

Ох, как же эта неуловимость злила ффинов: они ведь устали уже не меньше ее.

Кто были они, как ее выследили, как проникли в ее мир и почему напали на одинокую жрицу, а не на племя, она не знала. Неделю назад она вышла к границам Жрицких миров, к глухим лесам, мхи которых используются при приготовлении снадобий дальнозоркости. Там на нее была устроена засада. Она почувствовала засаду, но была сбита с толку малым количеством воинов и отсутствием среди них хотя бы одного чернокнижника — суммируя энергетику, она просто подумала, что это пума поджидает своего оленя.

Арбалетную стрелу Райси рефлекторно выхватила из воздуха прямо перед грудью и потом еще долгую секунду смотрела на нее нахмурившись. Кроме арбалетчика в засаде было трое мечников, и они все бросились к ней, как только пришли в себя от того чуда, которое она сотворила. Райсин ятаган пружиной вылетел из ножен. Заученными изгибами тела она ушла от тройной атаки, вывернувшись из нее так, что ффины оказались с одной стороны, испуганно оглядываясь и не успевая защититься ничем, кроме своих собственных спин. Два коротких взмаха и один длинный выпад — три тела рухнули у ее ног. Второй бельг она попросту испарила в воздухе и сразу после этого ударила молнией в кустарник — обугленный труп вывалился из дымящихся веток.

Райси затравленно повела взглядом, потому что впервые за всю жизнь ошейник неучебного сканнинга опустился на ее шею. Вариантов было немного: вести ффинов в мирно отдыхающий жрицкий поселок было, по меньшей мере, неразумно. Почти рефлекторно она отпрыгнула в иной мир, погрузившись в недельный кошмар своего бегства.

Попытки предупредить жриц ни к чему не привели: чернокнижники надежно заблокировали ее ментально.

После второго прыжка Райси с удивлением отметила, что не Жрицкие миры, а именно она была целью их атаки. Ффинов

было, по крайней мере, сто пятьдесят пехотинцев и до десятка чернокнижников, а так как жрицы не имели с врагами всего человечества вообще никаких взаимоотношений, такое необъяснимое внимание угнетало.

Через два часа в трех мирах от засады она впервые атаковала сама, стремясь прорваться к чернокнижникам и ослабить ментальную блокаду. Райси вынырнула среди ффинов в тот момент, когда маги были заняты фиксацией портала, а разгоряченные погоней пехотинцы готовились к прыжку. Ффины не ожидали нападения: загонщики наивно видели в ней затравленную добычу, которая предсказуемо устремится через запланированные измерения. Райси зло ухмыльнулась, на бегу поправляя перевязь ятагана: ффины слишком поздно поняли, на *кого* они напали. Если бы они оценили хоть половину ее способностей, вряд ли организовали бы глупую засаду на жрицу великого бога Ра, которую с пяти лет только и учили что перекатам, изгибам, уходам; ту, которая открыла свой первый портал в семь лет, а в четырнадцать уже просачивалась между измерениями, подобно воде; на нее — на Райси Некоронованную, воспитанницу Раэлиэ Коронодержащей, будущую Верховную Жрицу солнцеподобного Ра.

Сколько полегло их там?.. Не менее двадцати ффинов. Слово вспышки молнии, перед ее глазами промелькнули картины атаки: сплошной водоворот молниеносных ударов ятагана, чередующихся со сверканием магии, — наверное, это было *прекрасно*. В ту атаку она вложила все свое умение, все свои навыки, всю свою скорость. А после атаки впервые за последние годы она прибегла к магическим эликсирам, чтобы убрать навалившуюся усталость.

Чернокнижники... они умело укрылись за пушечным мясом пехоты, всего двое из них лишились жизнью... слишком мало.

Бег продолжился дальше. День бега, второй день, третий... Покальвание на шее... Подошедшее к ффинам подкрепление... Новая атака, задуманная ею, когда уже пятьдесят чернокнижников вели пехоту по следу.

«Не понимаю, — сказал тогда старый чернокнижник, склонившийся над магическим кристаллом. — Не могу определить с ее координатами. Так получается, что она уже здесь...»

Визг ближайшего ффина; алый шлейф, заливший кристалл; сухой треск ветвистой молнии, опрокидывающей пехотинца на кинувшихся в атаку чернокнижников; дерево, срезанное ее магией и с грохотом сминающее тех, кто сумел подняться; пехотинцы, прикрывшиеся щитами импровизированной «черепахи»; осад-

ное заклинание, сметающее их прочь, — словно щелчок пальца, сбивающий со стола муху; она, резко добывающая выживших; она, возникшая перед старым чернокнижником, — быстрый взмах ее ятагана...

Тяжело дыша, Райси стояла над трупами оторвавшегося от когорты отряда в двадцать ффинов — пять магов-сатанистов, один из которых все еще хрипло стонал, приваленный деревом, и пятнадцать пехотинцев.

Когда из леса выбежал второй ффинский отряд, Райси была уже за два мира от этого места. Измученная нагрузками, спазматически вдыхающая ведьмин порошок, качающаяся из стороны в сторону, она продолжала бег.

Один из молодых колдунов хотел прыгнуть за ней, хотя основная часть когорты только подходила; хотел тремя-четырьмя телепортами настигнуть ее, от ярости не думая даже, что получится из его затеи, но сухая старческая рука на плече остановила его.

— Она ведь именно этого и ждет, — тихо сказал старый чернокнижник, переживший уже не одно столетие. — Ждет, что найдется еще парочка дураков. Ты *очень* спешишь?.. Они ведь тоже спешили, — кивнул он в сторону трупов. — Неужели так хочется догнать их?..

И когда молодой потупил взгляд, старик похлопал его по плечу:

— Все равно ей некуда деться. Она ведь одна — рано или поздно она выдохнется и мы загоним ее.

Райси и сама понимала это. Она была не просто зла от своей беспомощности, она была в дикой ярости. Ее прыжки из измерения в измерение напоминали прыжки голыша по водной глади: охват миров внутренним взором и сканнинг отбившихся от когорты; раскаленная игла портала, прожигающая первоматерию; короткие взмахи эльфийского ятагана; ее хриплый голос, кричащий заклинания; копоть на ладонях; вонь горелого мяса; прыжок назад... прыжок назад... в сторону... еще один в сторону, совсем в иные миры, мелькающие, словно гравюры эльфийских книг; чернокнижники, теряющие ее след в Коротком Круге; она, понимающая, что не уйти из Круга Длинного; и... все заново.

Райси не была глупа — она понимала, что так не может продолжаться вечно. Несмотря на ее способность просачиваться между мирами и первобытные методы телепортации ффинов, ее силы были почти на исходе, в то время как их маги сменялись и отдыхали. Давно ей не было так страшно. Это был даже не страх,

это было угнетающее чувство беспомощности, заливающее темной смолой кошмара мирный сон ее прошлой жизни...

— Запомни, Райси, — говорила когда-то Раэлиэ, — нельзя бояться смерти. Она так же естественна, как и рождение. Нельзя бояться умереть. Нужно бояться потерять то, ради чего был рожден в плотный мир. Если, умирая, ты теряешь — значит, тебе еще не время покинуть этот мир. До тех пор, пока смерть может забрать себе часть твоего естества, умирать еще рано: ты ведь все равно вернешься за тем, что оставила. Новое рождение всегда приведет к новой смерти, и лишь время между первым и последней может обернуться истиной, свершившейся попыткой твоего Освобождения. Восставший из пепла вновь обращается в пепел, и остается только его стремление к свободе. Изучи жизнь. Изучи смерть. Пойми, в чем *истинная* разница между ними...

Что успела изучить о смерти Райси?.. Да ничего, кроме страха в расширяющихся вертикальных зрачках ффинов...

— Чего ты боишься, милая? — спросила ее наставница, когда ей было около пяти.

— Что ты уйдешь...

— Но... почему ты боишься этого?

Маленькая Райси принялась ковырять в пыли носком сандалии. Наставница терпеливо ждала.

— Потому что так уже было, — Райси подняла на нее перепуганные глазенки. — Кто-то уже ушел от меня перед тем, как ты нашла меня на краю Драконьих Лежбищ.

Раэлиэ на миг онемела. За онемением пришла холодная ярость, и Верховная Жрица приложила невероятные усилия, чтобы скрыть ее. Кто же додумался рассказать малышке правду?

— Кто?.. — спросила она полушепотом. — Кто посмел рассказать тебе подобное?..

— Ангел, — ответила Райси просто. — Ангел приходил ко мне вчера ночью. Он взял меня за руку, и всю ночь мы летали в Небесах. Он показал мне, какие звезды вблизи, как горят от большой скорости камни и как получаются звездные дожди... Он сказал, что рад тому, что именно я буду рядом с ним на Поле битвы Света и Тьмы.

— Он сказал... — полушепотом повторила за ней Раэлиэ.

— Да, — тепло улыбнулась Райси, — мы о многом говорили с ним, сидя на краю Небесного Облака, откуда *вся Пиллея* видна и где все миры, словно один. Он говорил о мечтах, о том, что они — самое светлое на земле, и о том, что для их достижения человек

должен пройти сквозь все, что есть на земле темного. Он говорил, что нет ничего прекраснее веры, ибо разум слеп, а вера зряча. Говорил, что разум карает того, кто забирает у человека, а вера — того, кто забирает у Бога. Он говорил, что ты великая Жрица и что многому сможешь научить меня, что нам с тобой далеко за Жрицкие миры идти вместе, до самого края мира, где исход Битвы преобразит Параллели.

— А он сказал... — прошептала Раэлиэ непослушными губами, — сказал, как его зовут?..

— Он сказал, — девочка нахмурилась, — чтобы я запомнила дословно, потому что иначе ты мне не поверишь. Он сказал, что имя его вы ставите во главу судьбы каждой жрицы, навеки связывая судьбу и имя. Что он имел в виду, я не поняла, но, может, ты сможешь сказать...

Онемевшая Раэлиэ прижала ладонь к губам.

— Имя, — выдохнула она наконец, — имя каждой жрицы несет дань нашей любви к нему и нашей ему преданности. Каждое имя начинается на «Ра»... Как, например, твое, Райси...

Всего день понадобился Жрицкому Совету, чтобы просмотреть Райсин сон в остаточных слоях ее памяти и признать ее будущей Верховной Жрицей.

Страшно... всего раз в жизни ей было по-настоящему страшно. На бегу она поправила ятаган. Было страшно, но все же заманчиво и интригующе. Ятаган... Тогда у нее не было ятагана, была только мечта о нем...

Пещера была огромна и темна. С невидимых сталактитов капала вода, и эхо мудрых слов наставницы разносилось во мраке. Хрупкая девочка в растерянности стояла около стрельчатого входа.

— Ты все еще хочешь войти? — спросила наставница. — Если мы просто вернемся, никто не осудит тебя.

Девочка глубоко вздохнула и шагнула вперед.

— погоди, — женщина подошла к ней и крепко прижала ее к груди. — Помни, если что пойдет не так, сразу беги. Не думай ни о чем, не пытайся его разжалобить. Он не человек, он не сможет понять тебя так, как я или кто-то другой. Помни, что ты принадлежишь теперь не только себе, помни, что тебя ждет судьба Верховной Жрицы. Если что — просто убегай. Он не будет тебя преследовать. Договорились?..

Девочка серьезно выслушала ее и так же серьезно кивнула.

Пещера показалась ей угольно-черной после солнечного дня, и с каждым шагом света в ней становилось все меньше. Своды

пещеры расходились в стороны, исчезая во мгле. Когда мрак сомкнулся за спиной, девочка остановилась, позволяя глазам привыкнуть к темноте. Издалека доносились искаженные десятками поворотов звуки капающей воды. Постепенно она начала различать вокруг себя смутные силуэты и присела на один из валунов. Идея этого похода вдруг показалась глупой и бессмысленной. Подумалось, что сейчас ее сверстницы играют в Главную Жрицу, а у нее эта роль получалась лучше всех.

Девочка вспомнила, что, несмотря на успехи в обучении, она еще даже не посвящена, хотя Верховная Легенда стала Посвященной именно в четырнадцать лет. Девочке пророчили великое будущее. Хотя теоретические знания в магии давались ей очень тяжело, практически использовала она их необъяснимо просто. Это был ее собственный способ растворения в магии — словно нехоженный путь, воздающий настойчивому путнику сторицей... Впрочем, попытки догнать Легенду потерпели поражение и стать Посвященной в четырнадцать ей уже не удастся. Когда она входила в пещеру, то все еще верила в победу, но теперь... Она не знала, что делать теперь. Она подумала, что это ведь несложно — подняться и выйти из пещеры, — но потом представила лица, десятки лиц, и на всех одно и то же выражение, и даже на лице Раэлиэ, — все смотрят на нее одинаково понимающе и сочувственно: в конце концов, она ведь просто маленькая девочка, она даже не потомственная Жрица...

Слезы навернулись на глаза, когда она встала и сделала новый шаг вперед. Некоторое время она сомневалась, но потом решила, пренебрегая запретом Раэлиэ, выколдовать свет.

— Не советую... — содрогнулась вдруг сама пещера.

Девочка замерла на месте. Послышался мощный вздох и мягкий, но вместе с тем колышущий само мироздание хлопок невидимых крыльев. Огромная тень опустилась перед девочкой. Незаметным движением Дракон создал свет, и волны золотых искр заиграли на чешуе.

— Здесь только мне разрешено пользоваться магией.

Райси осторожно рассмотрела его. Дракон был в несколько раз выше самого высокого дома в их поселениях, выше Храма коронации, выше самых высоких деревьев в лесу. Его кожа была золотой с легким багровым оттенком, а глаза сияли рубиновым.

Медленно Дракон опустил голову к ней так, что огромный вертикальный зрачок оказался напротив ее лица.

— Ты кто? — спросил он.

— Райси... — тихо ответила девочка.

— А я — ваш Дракон, — отодвинулся он от нее. — Скажи ведьмам, что наглость, как и все в мире, должна иметь границы. Ты же еще совсем ребенок, куда тебя к Драконам посылать?

Райси насупилась:

— Никто меня не посылал... Я сама к тебе пришла.

— Сама? — усмехнулся Дракон. — Да сколько ж тебе лет?

— Четырнадцать, — гордо ответила девочка. — Я уже не маленькая.

— Иные отсюда еле ноги уносили, когда им было сто четырнадцать, — рассмеялся Дракон. — Прожив меньше, чем чешуйка на моей шкуре, ты хочешь сказать, что знаешь больше?

Дракон взглянул на покрасневшую Райси и после паузы продолжил:

— Ну, говори, зачем пришла?

— Что?.. — прошептала Райси.

Дракон вздохнул:

— Ты ведь пришла к Дракону не просто познакомиться, наверняка, тебе что-то нужно, только не понимаю что... ведь кукол у меня нет.

Райси опять покраснела.

— Я думала, ты сам знаешь, для чего я пришла... Думала, ты знаешь все мои помыслы... Ты же Дракон...

Дракон тяжело вздохнул:

— Если я буду смотреть мысли всех пришедших, половина из них отсюда не выйдет. Сначала я хочу взглянуть на вас вашими же глазами и только потом, при необходимости, я обращаюсь к Зрению Собственному. Когда я прошу поведать мне о причине твоего визита, я пытаюсь понять, в чем ты сама видишь смысл этого весьма необдуманного поступка.

Дракон смотрел на девочку:

— Так ты будешь говорить, чего тебе надо, или нет?

— Меч!.. — выпалила Райси.

Дракон на некоторое время опешил, как бы не решаясь поверить тому, что услышал.

— **Что?!!** — заорал он наконец, и Райси содрогнулась от его рыка.

Кожа Дракона стремительно потемнела от гнева.

— Да ты что, девочка, не в своем уме?.. — клубок едкого дыма вырвался из его пасти, подсвеченный изнутри алым пламенем.

Райси всхлипнула и зажмурилась от страха.

— Чего стоишь?!! — рявкнул Дракон, и девочка закашлялась от дыма. — ДА БЕГИ ты, пока жива!!!

Слезы потекли из Райсиных глаз. Ей не хотелось уже иметь меч... Ей не хотелось ничего... Только бы все закончилось... Бежать?.. Было ясно, что она не справилась с той миссией, которую сама на себя возложила. Куда бежать... да и зачем?.. Ничего у нее уже не получится. Она бессильно опустила все на тот же валун и тихо заплакала, прикрыв лицо руками. Гул несущегося пламени был ей абсолютно безразличен.

Дракон долго смотрел на обожженные валуны, на девочку, даже не шелохнувшуюся, когда пламя, способное испарить сталь, пронеслось всего в метре от нее... долго смотрел, а потом присел рядом.

— Малышка, — сказал он угрюмо, — разве твоя смерть принесет тебе меч?

Райси все так же плакала, не обращая на него внимания. Время от времени она пыталась вытереть слезы, но лишь размазывала по щекам осевшую на ладонях копоть. Она злилась из-за этого, но ничего не могла поделать.

Дракон подождал, пока она немного успокоится, и спросил:

— Зачем тебе меч?

— У... у каждой жри... цы есть свой меч, — заикаясь от слез, сказала Райси.

— Девочка, но причем здесь Дракон? Закажи себе меч у гномов, они куют прекрасные клинки.

— Зака... заказывали уже... шесть штук заказывали. Гномы сказали, что я д... дура и что сама не знаю, чего мне на... а... до. Сказали, что мы, видать, сильно бога... тые... сказали, что золота нам девать не... некуда... А мы ведь не та... такие и богатые... у нас и торговать уже нечем. Просто мечи мне не... не подходят. Они словно дети спя... щие, а мне нужен другой... проснувшийся... Мы и к эльфа... ам ходили, но они вообще не продают свое о... оружие...

Дракон кончиком хвоста приподнял ее заплаканное личико.

— Что ты имеешь в виду, — спросил он, — когда говоришь, что мечи как дети?

— Ну... они х-холодные... просто ж-железо... от них ничего не идет.

— А кто сказал тебе, что от них что-то должно идти?

Райси вытерла слезы и проглотила комок нового плача:

— Ангел... Наш бог... Ра...

— Ты виделась с *Ангелом*?! — изумился Дракон.

Райси отвернулась в сторону. Вспомнился *его* визит, все стало как-то спокойнее, умиротвореннее...

— Он приходил ко мне несколько раз и брал с собой на Небо. Он рассказал, что я приемная, что Раэлиэ мне не родная мать, но что любит меня даже сильнее... Он рассказал мне так много... И он рассказал о том, каким должен быть меч.

— А он не говорил тебе... — Дракон чуть помолчал, — почему он рассказал тебе об этом?

— Разве не потому, что я люблю его?.. — удивленно посмотрела на него Райси.

Дракон моргнул пару раз, отвел взгляд и кивнул едва заметно:

— Конечно... конечно, поэтому.

Он наклонился к ней так, что его голова опять оказалась напротив ее лица:

— Ты не будешь против, если я загляну тебе в глазки?.. *Своим* взглядом — глубоко тебе в глазки?..

Райси вытерла слезы и качнула головой:

— Нет, я не против. Смотри...

Она очнулась лишь несколько часов спустя. Она лежала одна на том же самом валуне, на котором плакала недавно. Дракона не было рядом, зато возле валуна, в затухающем лоскутке света, блестел прекрасный эльфийский ятаган.

— Что?!.. — крикнула Райси, вскакивая с валуна. — Что ты увидел во мне, Дракон?!..

Тишина... мерные всплески капель, падающих с огромной высоты...

— Что?.. — почти прошептала она, борясь с непослушными слезами.

Но лишь молчаливо горел возле нее свет.

Она долго еще плакала все на том же валуне, и отсутствие ответа рождало в ней лишь новые вопросы.

— Спасибо тебе, Дракон, — сказала она позже, когда дрожащие ноги донесли ее до выхода из пещеры.

И легкий ветер, овеявший спину, принес ответ. Ветер принес Слово, адресованное только ей. Имя Дракона. *Tueol*...

...Райси снова почувствовала, как усилилось покалывание на шее, и снова ускорила бег, с болью понимая, что не успевает к очередным Вратам и что на самодельный портал придется выкладывать последние силы.

...Драконы никому не открывали своих имен. Одни лишь эльфы знали *имена* Драконов, и это было настолько великим даром, что навеки сделало эльфов *избранными*. Драконы открывали свои имена лишь тем, с кем навсегда связывали свои судьбы. Tu-eol... Горящее Золото... Имя огромного Дракона, непонятно почему открытое маленькой заплаканной девчужке... имя, которое перевернуло ее жизнь сильнее, чем слова Раэлиэ о ее будущей коронации.

Дракон открыл ей имя...

Он открыл имя *ей*...

Он открыл ей *свое* имя...

Райси бежала от ффинов, и в этом беге к неизбежности она забыла, что на самом деле когорта преследователей *не может* иметь рокового значения в судьбе, так тесно связанной с судьбой Дракона.

Суи

Под ногами скрипел песок, который гнали по древним плитам такие же древние ветра. Суи медленно шагал вперед, пытаясь догадаться, куда подевалась гарпия, атаковавшая его недавно. Гарпия была опасным противником — сильным, ловким, стремительным, — полуженщина-полуптица, способная к быстрому и легкому полиморфозу. О, ее было гибельно недооценивать.

Древний город жестко встречал своих гостей.

Грифф Суи увидел еще издали. Утомленный и измученный пустыней, он заплакал тогда, заплакал без слез, ведь влаги почти не осталось в его иссушенном теле, заплакал потому, что его долгий путь все-таки подошел к своему завершению.

Грифф был жутким городом. Построенный неизвестными зодчими в неизведанных глубинах прошлого, он до сих пор был величественен. По преданиям, Древние владели им десятки тысячелетий назад, еще до возникновения Параллелей. Потом город опустел и затерялся в бесконечности измерений, открытых для людей Господом. После город захватили ффины, а еще позже люди начали Великий Поход. Город был осажден Семью Великими Армиями и после долгой битвы уничтожен двумя вспышками Божьего Пламени, которым некогда владели Хранители Оружия. Два светоносных Артефакта, долгие тысячелетия покоившиеся в Гаксторнском Храме Огня, очистили пространство от скверны на десятки километров в округе.

Грифф погиб, погибли и ффины, его захватившие, — по преданиям, сам Князь Тьмы едва унес ноги из святого жара Божьего Сияния: по преданиям, *он* не верил в то, что люди решатся призвать Огонь.

Но даже после всего случившегося крепостная стена, проваленная наружу только в некоторых местах, оплавленная и вбитая в землю, все еще была высотой в добрый десяток метров. Дома, площади, древние монументы — все это было полуразрушенным, и чем дальше человек проходил внутрь города, тем большие разрушения открывались его взгляду.

В древних Книгах, которые Суи нашел в первом Складе, говорилось, что к разрушениям приводил сжатый воздух, но Суи не мог представить, до какой степени этот воздух надо было сжать, чтобы он смог совершить *подобное*. Характер разрушений напоминал скорее мощный удар огромного тарана, нежели нечто, призванное в этот мир человеком. Хотя... при чем здесь человек? Говорили, что город был построен титанами и что Ангелы Господни были их помощниками. Ими же он и был разрушен. Конечно, людям казалось, что Артефактами воспользовались *они*, но кто знает действительную *роль людей*?

Меч в руках Суи словно зазвенел: похоже, что гарпия, одержимая жаждой убийства, опять вернулась в это измерение.

В первый раз тварь напала на Суи из полутемного переулка, которых полно в Гриффе, — стремительный силуэт, несущийся на него. Хорошо, что меч был в его руках, заранее высвобожденный из перевязи; хорошо, что он настороженно вслушивался в окружающую тишину, ничуть не доверяя ей; хорошо, потому что все последующее было слишком стремительным для оценки. Жесткая атака гарпии; взмахи меча, отчаянно не поспевающие за ее сумасшедшей скоростью, направляемой инстинктами убийцы; уловка с фронтальным уходом; меч, всего лишь скользнувший по перьям на ее груди; дикий крик злобы; удар звуковой волны хлопнувшегося портала; дрожание его рук... Что же теперь?..

«Самая большая беда Гриффа, — говорил торговец, у которого Суи покупал карту, — это именно гарпии. Конечно, там множество неприятностей, и, честно сказать, я не понимаю, зачем туда надо нормальному здоровому парню, вроде тебя... Там страшная жара, почти нет воды — разве что со стороны Шахматной Доски, где даже особый вид травы умудряется расти... Пожрать там тоже особо нечего: так, немного пустынной растительности — кочевники называют ее колючками черта, — суслики, гарпии...

Хотя я, например, не рискнул бы охотиться на гарпий. Мясо у них съедобное вполне, но уж больно гибельное это занятие, на них охотиться. Можно, конечно, подстрелить гарпию из арбалета, но нужно иметь глаз-алмаз, чтобы попасть ей в сердце или легкие... И ноги надо иметь длинные, потому что гарпия так сразу не сдохнет... Сначала она, наверняка, попытается убить тебя, а потом уж и сама отойдет к пра...гарпиям».

«Но, — хрипло рассмеялся торговец, — тебе от этого не будет ни легче, ни сытнее. Гарпии живут в Гриффовых руинах, словно питоны на своих ветвях: дремлют себе спокойно, но если кто проходит мимо, не преминут свалиться ему на голову, чтобы эту самую голову набок и свернуть. Наш караван сбился с курса и почти полгода шел наобум по этим проклятым Параллелям, прежде чем дошел до затерянного города. Из всего каравана — это почти тридцать человек — назад удалось вернуться лишь мне одному... да и то по случайности: пожалел просто кто-то Наверху моих маленьких деток да жену мою слезливую...»

Долго смотрел торговец на Суи, потом одним глотком допил пиво и встал. Посоветовал Суи сжечь карту и торопливо, словно спасаясь от призраков прошлого, ушел из таверны.

Суи не сжег карту. Просто не смог этого сделать: тогда и сердце его сгорело бы вместе с ней. Полтора года следовал он свету одинокой, никому, кроме него, не ведомой звезды; полтора года не знал он дома иного, кроме дороги, и успокоения иного, кроме скитаний; полтора года видел он только смерть и отчаяние. Полтора года, прежде чем он все-таки достиг Гриффа.

Суи стоял посреди громадной площади на окраине города и с изумлением рассматривал ее. Центральная площадь Гаксторна была в несколько раз меньше, хотя являлась *центральной* площадью всей людской половины Пиллеи. Было непонятно, для каких целей нужно было создавать *такую* площадь, как эта; непонятно, каково было население древнего города, если *такие* площади строились на его окраинах; и уж тем более было непонятно, какими же тогда были площади в его центре. Станный это был город... странный и таинственный...

Наверное, он понял слишком поздно, что меч в руке уже давно *подрагивает*, и одновременно запредельным чутьем он уловил быстрое движение за спиной. Резким разворотом он попытался уйти от удара, но все же не успел, и когти гарпии расплосовали руку выше локтя четырьмя глубокими порезами — словно грабли прошли по земле. В сумасшедшем ритме сражаясь с инерцией

ее удара, он умудрился ударить сам, и рассекший воздух меч сбил гарпию с линии второй атаки. Резким полукругом она набрала высоту и снова бросилась вниз. Один, два, три...

Взмахи меча мелькали, как в упражнении на стремительность, но непослушная рука не выдерживала даже бывшего ритма, в то время как гарпия все глубже погружала свои выпады в сферу поражения его клинка.

Злобная ухмылка на ее получеловеческой роже; попытка снова заманить ее уходом; она, вроде бы поддававшаяся, но в момент его атаки с диким смехом обошедшая лезвие и ударившая сама — яростно, с оттяжкой, так сильно, что даже не было боли...

Окружающие здания пронесли в воздухе, и плиты мостовой ударили его по ладоням и коленям. Двумя взмахами крыльев гарпия набрала высоту и резко спикировала вниз. С диким воплем Суи перекатился на спину и с отчаянной силой рубанул воздух. Воздух?.. Нет... Со свистящим криком, полным ярости и боли, гарпия уходила вбок, одновременно готовясь к новой атаке, а кожистый обрубок ее лапы на мостовой на глазах превращался в человеческую ступню.

Гарпия рухнула на Суи, словно камень. Он попытался снова ударить мечом, но крылья уже стали руками, крепко обхватившими его запястье и резко вывернувшими его. Меч с болью в металлическом голосе звякнул о мостовую, а руки гарпии сомкнулись на Суиной шее. И в тот самый момент, когда мир вокруг начал темнеть, копье сияющей дугой мелькнуло в воздухе. С шипящим криком гарпия вырвала его у себя из бока, отбросила в сторону и оглядела площадь: с середины ее к противоположной стороне бежал крепко сложенный мужчина. Гарпия с шипением обратила свои руки в крылья и понеслась за ним.

Некоторое время казалось, что мужчина не успеет добежать до ближайшего здания, но он все-таки успел, должно быть, побив все рекорды в беге. Гарпия разочарованно заверещала, но не стала соваться в окно полуразрушенного здания. Одним рывком развернувшись в воздухе, она в жутком молчании понеслась к Суи.

Суи окаменел на секунду, а потом со стоном перевернулся на бок, пытаясь дотянуться до меча. И замер, не в силах поверить глазам: нечто, поразившее гарпию, было вовсе не копьем, как ему показалось сначала, это была штурмовая винтовка М-3000 со штык-ножом, закрепленным под стволом. С замирающим сердцем Суи схватил ее и передернул затвор, автоматически сняв

винтовку с предохранителя. И тут ужасная мысль поразила его: раз Оружие использовали как простое копьё, значит, патронов в нем уже не осталось...

Гарпия была всего в двух метрах от него, когда, надеясь на чудо, Суи нажал на спуск. Двадцать семь патронов обоймы покинули ствол автомата за несколько секунд, и Суи, теряющий сознание от боли в ранах, все-таки сумел улыбнуться.

Сказать, что от гарпии осталось немного, было бы не большим преувеличением. Пули, имеющие аккуратные входные отверстия, сделали своими сплюсцивающимися головками ужасные рваные раны на ее спине. И все же... она была жива. Это было невероятно, но это было так, и окровавленная и плюющаяся кровью гарпия ползла к Суи сантиметр за сантиметром, ползла до тех пор, пока пальцы ее вновь не сомкнулись на его шее. Улыбка, последняя в ее наполненной злом жизни, искривила окровавленные губы, но пальцы вдруг непослушно разжались, тело ее исчезло, а мир дернулся и закрутился вокруг, словно детский волчок.

Торби, отец Златовласки, стоял над трупом гарпии и, тяжело дыша от быстрого бега, смотрел на ее голову, которая катилась по мостовой. Потом он осторожно поднял Суи на руки и отнес его в хлипкое убежище, возле которого недавно шипела от ярости гарпия, побоявшаяся сунуться в окно, которое мужественно охранял меч Златовласки.

Суи выжил. Рана на руке была не опасна, а финальный удар гарпии, пропущенный им, по счастливой случайности соскользнул по ребрам, не проникнув глубже. Была очень высока вероятность инфекции, но здесь очень пригодились остатки походного антисептика, которыми Злата обработала раны.

Златовласка

Тихо сидела она возле Суи... нежно смотрела на него... заботливо меняла мокрые лоскуты ткани на раскаленном лбу. Инфекция таки проникла в его организм, и хотя антисептики убрали вероятность заражения крови, их было недостаточно, чтобы высушить раны. С заботливостью матери Злата промывала нагноения и делала перевязки.

Каким радостным был миг, когда они с отцом нашли воду на расстоянии двух дней похода от места их проникновения в Грифф — почти на другом конце города. Это было там, где кончалось каменистое Гриффово плато и начинались причудливые

холмы, расположенные в шахматном порядке и поросшие жесткой травой, которую кочевники видели впервые. Переселившись на городскую окраину, они носили воду полными бурдюками. Теперь они могли позволить себе роскошь кипятить ее, чтобы приготовить свой излюбленный кочевой чай, а также варить супы из пойманных грызунов и, время от времени, из убитых гарпий.

Злата постоянно совершенствовала навыки владения мечом, своевременно нанося фатальные удары.

Ночь гибели племени показала отцу, что такого прекрасного воина он еще не встречал. Торби был воином всю жизнь и отлично помнил свой первый бой: первая атака на ффинов, в которой он принимал участие, ничем не напоминала первый бой Златовласки. Да, он был тренирован не хуже; да, он владел мечом, возможно, еще лучше; но все эти знания улетучились куда-то, когда дело дошло до боя, до *его* первого боя с ффинами. То, что Джедди показала в своем первом сражении, заставило его смутиться...

Этот парень... да, Торби видел, как он сражался против гарпии, атакующей на открытом пространстве. Он видел то, что могла и не заметить дочь. Он видел мастерство чужестранца, невольно вспоминая их собственный бой с гарпией — десяти-

минутную схватку с тремя сме-
нами парной тактики, прежде
чем он сумел вывести гарпию
на себя, подставив ее для рез-
кой и точной атаки Златы. Тор-
би понимал, что, кроме Суи, в
жизни он видел лишь одного
воина такого же уровня — это
была его дочь. Он долго думал,
почему они оказались вместе в
этом городе, давно затерянном в
сонных воспоминаниях Пиллеи,
долго пытался понять, почему
Суи вышел именно на площадь
перед их домом, где они смогли
прийти на помощь.

Чужеземец сразу понравил-
ся дочери — Торби увидел это с
первого взгляда... Златовласка
все время была около Суи, она
была заботлива, как мать.

Суи — в своем горячечном бреде он назвал свое имя — плакал не от мучений тела. Весь израненный, он страдал духом, постоянно просил у кого-то прощения. Плакал, что не уберег, извинялся за то, что оставил, что не взял с собой, не поверил. Если бы он знал — выкрикивал он в своем бреде, — если бы он знал, что все может сложиться так...

Торби сказал однажды Златовласке, что Суи — великий воин и маг.

«Но воины и маги тоже теряют тех, кого любят», — добавил он минутой позже.

Злата непонимающе посмотрела на него: как мог Суи потерять кого-то, как мог он позволить умереть кому-то, кого любил? Злата вспомнила чудовищные взмахи его меча, рассекающие пространство. Маг... да, Суи был не только воином, но еще и магом: ведь кто другой мог извлечь из странного ритуального копья такой огромный, всеразрушающий язык пламени... Суи был, наверное, величайшим магом на всей Пиллее — как же тогда он мог не уберечь кого-то?..

В своей жизни она видела нескольких магов, которые показывали чудеса на рыночных площадях, но их почему-то называли фокусниками и обманщиками. Злата не знала, почему ей нравилось то, что они умели делать. Глядя на них, Злата всегда чувствовала себя маленькой девочкой, которая радуется вылетевшему из рукава голубю. И если они были обманщиками, то какие же чудеса умели творить те, кто был настоящими магами?

...В ее сознании всплыл метровый язык пламени, буквально вспоровший гарпию. Наверняка, он также умел и летать, этот воин... этот маг.

«Не уберег... если он не уберег, кто же тогда смог бы?..»

Ей вдруг стало страшно: ведь если поверженными оказываются великие мира сего, что же тогда ждет в этой жизни *ее*?..

Она медленно поднялась на ноги и подошла к камню, на котором лежал меч Суи. Еще никогда в своей жизни Злата не видела оружия более совершенного, более прекрасного и более ужасного. Ей не хотелось бы стать противником Суи, когда тот был вооружен подобным клинком. Несколько раз она восхищенно брала меч в руки — настолько легок и мощен был клинок. Один раз она попыталась даже выполнить формальное упражнение, но быстро поняла, что приучена работать лишь с одноручным оружием, незаменимым во время набегов, и нужно немало времени, чтобы понять *этот* клинок.

Злата осторожно взяла меч, снова поразившись его легкости; плавно провела им из стороны в сторону — и две пылинки закружились в водовороте, уносясь вслед за своими половинками. Злата восхищенно улыбнулась, провела рукой по завиткам рун на лезвии и, вздрогнув, отдернула руку назад: на мгновение ей показалось, что руны под пальцами были теплыми. Будучи простой кочевницей, она, конечно же, не понимала, что такое руны, — они казались ей обычным орнаментом, — и даже отец, поглядев на руны, сказал, что это красиво, но рисункам не место на боевом оружии. Но в то же время некое шестое чувство, прожившее всю жизнь взаперти, теперь с удивлением и опаской выглядывало из своей темницы. Злата снова осторожно прикоснулась к лезвию меча... «Нет... холодные... просто показалось».

Она осторожно положила оружие на место и посмотрела на Суи. Она не могла понять, почему человек, владеющий подобным мечом, путешествует в одиночку, почему его одежда настолько убога и потрепанна, почему он идет пехом, когда преспокойно мог бы позволить себе ехать верхом. Она представила себе гнедого жеребца, быстрого, как мысль, и улыбнулась: «Гнедого?.. Нет». С замиранием сердца она поняла, что лучше белого коня может быть лишь легендарный *единорог*, боевой единорог слепяще-белой масти. «Конечно, каждый раз для сражения надо спешиваться или же носить с собой второй меч для атак с седла... Для пешего боя подходит Суин двуручник, а вот с седла... тут потребовалось бы что-то вроде ятагана... Хотя нет, ятаган слишком массивен, и центр тяжести его смещен; для обращения с ним нужны сноровка и опыт, чтобы с коня не свалиться во время атаки... Лучше что-то вроде финских изогнутых мечей с одинарной заточкой или, — даже охнула она, — или же *гноми* *катана*... наследник самурайских мечей и степных сабель... таким рубанешь сверху, а он уже сам взлетает для второго удара. Легкий, отточенный настолько, что накинутый на него шелк разрезается под собственным весом... Эх... вот им бы рубануть, да так рубануть, чтобы все разваливалось надвое...»

— И кого... кого рубить будем? — вдруг слабо спросил Суи.

Злата замерла на секунду, а потом смутилась, сообразив, что уже некоторое время говорит вслух.

— Мне бы воды... — сухо слотнул Суи и добавил, едва найдя силы на слабую улыбку, — если это не сильно оторвет тебя...

Злата покраснела еще сильнее и выбежала из комнаты. Стоящий на пороге Торби неловко кашлянул:

— А вот это ты напрасно, парень... она возле тебя уже четвертые сутки сидит.

Суи долго смотрел на него, а потом еще раз сглотнул:

— Какие... сутки?

— Четвертые, — Торби зашел в комнату и присел возле него.
— Ты был без сознания четверо суток, парень... Да я вообще удивляюсь, как это ты очнулся так рано.

Суи осторожно приподнялся на постели и застонал от боли. Дрожащей рукой он попытался приподнять засохшие бинты на груди.

— Куда?! — бросился к нему Торби. — Лежи спокойно. Недавно чуть Богу душу не отдал!

— Четверо суток... — словно не веря себе, повторил Суи.

— Почему ты не стрелял? — спросил он. — Зачем швырнул автомат?

— Не понимаю, о чем ты, — Торби предотвратил его очередную попытку подняться.

— Меч... — Суи повел из стороны в сторону помутневшим взглядом. — Мой меч...

— Успокойся, тут твой меч.

— Воды... воды...

Златовласка быстро зашла в комнату с бурдюком воды; от сделанных усилий Суи ослабел настолько, что с трудом мог глотать.

— Прости... — прошептал Суи Златовласке. — Прости...

Торби удивленно посмотрел на дочь:

— Странно... он извинился...

Златовласка посмотрела в сторону:

— А ты уверен, что это передо мной?

— Ты о чем? — не понял Торби.

— Прости, что не уберег... прости, что не уберег тебя...
— уже с закрытыми глазами бредил Суи.

Отец вздохнул, взял двуручник и осторожно положил его рядом с Суи. Когда он вышел, Злата некоторое время прислушивалась к себе, потом взяла бессильную руку Суи и опустила ее ладонь на витую рукоять двуручника.

Меч

Ладонь хозяина покоилась на рукояти Меча, уставшая от бессознательного сна, но ищущая его в этом сне. Ладонь *человека*, желающего понять Меч.

За последние столетия Меч повидал многих воинов, но ни в одной ладони не было ничего, кроме озлобленности на весь мир и желания обладать этим миром. А могло ли быть что-то еще?.. Когда-то ему казалось, что да, но те времена давно прошли, и грезы обратились обыденным пеплом.

Не было ни взаимопонимания, ни стремления к единой цели, да и цели самой не было. Достигнув цели, герои возносятся на небеса, мечи в их руках пламенеют, а крылья за их спинами сияют ослепительно-белым. Но разве было такое?.. Нет. *Цель* была достигнута, но все оставалось прежним. Значит, не было никакой *цели* и никакого единства, как не было и Великого Похода, торжества света, почестей и клятв в вечном родстве, не было ничего, кроме одного лишь самообмана.

Семеро безумцев уничтожили великую святыню Древнего мира, помнящую времена, когда был один только огромный мир, а не это безумное переплетение измерений. Люди взорвали святыню, помнящую времена, когда в этом мире жили лишь люди, времена, когда не пришли еще в эту реальность *ффины*, когда не было здесь ни эльфов, ни гномов, ни друидов. Люди уничтожили не оплот *ффинов* — они уничтожили то единственное, что связывало их самих с отголосками далекого прошлого. Они придумали себе великие лозунги. Где эти лозунги теперь? Не они ли стекли раскаленным шлаком с оплавленных камней? Не они ли удобрили землю вокруг Гриффа десятками тысяч обожженных трупов? Нет?!!

Мечи... Семь заблудших душ: три Светлых, три Темных и он, непонятно кто, словно полумрак, затерявшийся между ними.

Забывье отчаяния пришло уже после Похода. Оно прерывалось лишь на короткие мгновения, когда умирающие руки конвульсивно сжимались на его рукояти и когда руки новые жадно тянулись к нему.

Чем была его жизнь?.. Проклятьем, раскинувшим среди звезд темные крылья безысходной вечности.

Был ли он жив?.. Был ли он мертв?.. Нельзя было назвать жизнью существование, лишенное смысла; но также нельзя было назвать умершим то, в чем еще теплились чувства.

Меч спал долгие столетия, перестав просыпаться, даже когда умирали те, кто им владел. Меч спал, словно медведь-шатун, провалившийся в спячку на исходе долгой зимы. Меч спал, и яростные призывы его братьев отзывались в нем лишь блеклыми сновидениями.

Они звали к себе — и Светлые, пламенеющие душой праведника, и Темные, словно провалы в бездну.

Светлые рьяно говорили о новом шансе, о том, что нужно вернуть яростные дни Первого Похода, когда мечта была рядом, когда надо было просто гнать ффинов до их родных миров, уничтожая всех подряд. Светлые говорили, что никогда не поздно проснуться: у Судьбы всегда есть ответы для тех, кто не устает задавать вопросы... Но Меч не шел к ним. Просто он видел не только повороты этого пути, но и тупики за ними: на место убитого всегда рождается другой — человек же или ффин, это не важно.

Темные звали его к некромансерам, живущим на окраинах мира... Но что он забыл там?... Мрачные колдуны, высокая цель для которых свелась к оживлению мертвых: лишь за этим приходили они на поля сражений. Словно гули, разграбляющие могилы, тянулись эти «великие» к изливающейся из ран жизни. Нет, уединение Темных было не лучше помешательства Светлых, ибо ни те, ни другие не имели перед собой Цели, ошибочно принимая за Нее лишь очередной поворот впереди.

И Меч спал дальше.

Конечно, ему хотелось смерти; но как судьба никогда не покажется желающему встретить ее, так и смерть сторонится тех, кто хочет ее найти.

Меч был жив... полужив, и его часть, заколдованная некромансерами, говорила, что полужизнь лучше жизни, ведь терять приходится наполовину меньше.

Некромансеры колдовали над ним вместе с магами, и тьма переплеталась со светом в их проникновенных заклинаниях. Каждая серия заклинаний выжигала на его металлическом теле одну руну, насыщенную мощью всей серии. И когда были произнесены все заклятия, руны оказались сложенными в слова, в предсказание, которого никто не ожидал.

Их было двести пятьдесят две — сто двадцать шесть рун, выжженных магами на его стальной груди, и сто двадцать шесть, вплавленных в его спину некромансерами. И хотя заклинания магов и некромансеров были противоположны, на его груди и на его спине можно было прочесть одно и то же: «Будет их Семь. И получают Ее. И не добудут Его. Будет их Три. И потеряют

Ее. И не добудут Его. И останется Один, но не будет Их. Лишь когда уйдет Последний, вернется Он».

«Что это значит?» — спросили маги у колдунов... Колдуны усмехнулись криво и ответили, что предсказания никогда не дают ответов, но лишь озвучивают вопросы, и что люди в очередной раз разгадают пророчество лишь тогда, когда предсказанное свершится.

Никто не понял, почему Свет и Тьма не смогли сделать по отдельности того, что смогли они вместе, ведь на других мечаях руны в предложения так и не сложились. И если правда, что Свет сильнее Тьмы, то участь пророка несомненно должна была выпасть ему; но если правда, что Тьма хитрее Света, то украсть пророчество должна была именно она.

Меч мирно спал тысячелетия, пока не очнулся однажды неведомо в каком мире и неведомо в чьих руках. Меч не понимал со сна, что за твари сидят напротив, и не понимал главного — почему улечучивается сон... На секунду он похолодел от ужасной мысли о бессоннице, которая могла стать наихудшим из всех его мучений.

Три грозных твари сидели напротив, и его нынешнему хозяину, судя по всему, жить осталось недолго...

«Кстати, — сонно подумалось Мечу, — кто он такой?.. Человек; вроде как мечник; в ножнах на боку еще один меч болтается. Это он что — от особого ума два меча с собой носит?..» Мелькнула мысль о том, что один можно использовать при конных атаках, но финский труп рядом и изящная заплечная перевязь рассказали ему правду. «Да, не повезло парню: не успел взять рукоять в свои ладони, а через пару минут придется выпускать ее из слабеющих пальцев».

Меч замер, осененный догадкой: это ведь значило, что он останется лежать прямо под открытым небом и через столетие-другое ржавчина изъест его крепкое тело до такой степени, что душа уже не сможет уместиться в нем. Неужели его молитвы были услышаны и покой ожидает впереди?..

Его новый хозяин осторожно начал приподыматься с земли...

«Правильно, вставай, чего сидеть — если умирать, то стоя. И твари сейчас набросятся. Давайте уж скорее, перед вами ведь не противник, нет, а просто сытный и очень вкусный ужин... Чего же вы ждете, освободите меня, вперед, тигры!»

Однако что же это?.. Его новый хозяин плавно опустил рунное острие к земле и осторожно провел им по дуге, как бы оценивая, как далеко может поражать Меч. И этот человек — Суи

— остался доволен тем, что видел, хотя двуручник держал в руках впервые. Смотрит на хищников так, будто готовится рубить.

И в этот момент Меч вздрогнул каждым атомом своего тела — ибо в первый раз за два без малого тысячелетия рисунок будущего боя ударом молнии пронесся сквозь него. Позиции и дистанции, атаки и уходы, замахи и удары в одно мгновение рассказали ему, что скоро все твари будут корчиться на земле от смертельных рубленых ран.

Сияющей дугой пронесся Меч, рассекая воздух, и рык животных был ему ответом. Словно серебряный круг, пронесся он снова, и снова хищники зарычали, прижимаясь к земле... Нет, не прыгнули: уловили отблеск молнии в глазах Суи. Развернулись за своим вожаком и медленно побрели прочь. А Меч заинтригованно заглянул в глубь своего хозяина, хотя такого не делал уже давно. «Лопата, — рассмеялся про себя Меч, — вот откуда Суи знает о радиусе поражения двуручника... простая лопата...»

Во второй раз Меч пришел в изумление во время боя с гарпией в Гриффе. Двуручник слишком хорошо помнил этих противников, призванных в Град Титанов тысячелетия назад: ведь он провел многие столетия после Великого Похода в окрестностях Гриффовых миров. Говорят, что подобное всегда притягивает подобное, и многие из тех, чьи пальцы Меч помнил на своей рукояти, направлялись в сторону Гриффа... туда, где под тоннами шлака была погребена его мечта.

Реально оценивая гарпий, Меч даже не представлял, что и для них может найтись достойный противник... кроме его первого хозяина, конечно, — того, кто жил во времена, когда Божье Пламя еще не сожгло горизонты миров, а некромансеры и люди все еще были на одной стороне; того, чья рука неизменно приносила видения будущего боя в стальное сознание Меча...

Когда Суи пропустил удар гарпии, Меч был изумлен: ведь он помнил такие удары — длинные, с оттяжкой. Такие удары никогда не соскальзывали по ребрам грудной клетки, они проникали кривыми когтями внутрь тела и раскрывались там, чтобы мощными взмахами крыльев вырвать внутренности.

А когда кочевник метнул в гарпию штурмовой винтовкой, Меч понял, что уснуть ему уже не удастся: винтовка причинила гарпии не больше вреда, чем сделал бы лежащий на мостовой булыжник, однако о булыжнике кочевник даже не подумал. Это было уже некое высшее покровительство, которое отбрасывало в сторону предположение об их случайной встрече.

«Лопата...»

Меч усмехнулся.

Райси

Ффины чуть приотстали, и она была рада возможности немного отоспаться, так как была практически без сна десять дней. Иногда сон побеждал ее во время бега, и тогда она врезалась в стволы деревьев. Она могла ненадолго заснуть перед Вратами, когда ждала утончения межпространственного слоя, но теперь ей начинало казаться, что уже все равно, что будет, если она просто упадет и уснет.

Какое счастье, что ффины не могли больше преследовать ее в прежнем темпе, в котором не могла бежать и она. Начало погони и ее дерзкие вылазки казались теперь далекими и нереальными. Реальность перемешивалась в ее сознании с видениями. Иногда ей казалось, что она сошла с ума...

Да уж... если она и была чему рада, так это возможности немного отоспаться.

Ей снились живые и яркие сны, а также нереальные, сущие абстракции. Ей снилась колышущаяся земля, которая почему-то сильно била ее по пяткам. На секунду она увидела себя в строю бегущей в атаку армии, а потом поняла, что это была не она, ибо тот, кем она себе приснилась, уже умирал и душа его стремительно уносилась вверх, призываемая коконом величественного Млечного Пути. Конечно, это была не она, потому что она вновь бежала вперед и кричала от ярости и меч в ее руках дернулся, столкнувшись в ударе с мечом ффинским. Но это снова была не она: ведь она снова умирала и снова уносилась вверх. Снова она убивала мечом, и снова была убита... Снова, снова, снова...

А потом она опять была собой, потому что опять спасалась от ффинов; и бежалось ей, как летелось, словно Дракону у правого плеча, который едва поспевал за ней.

— Райси, тебе нужна помощь? — повернул он к ней громадную голову. — Я бы мог помочь тебе с этой когортой.

— Ты бы мог помочь мне и с целым легионом, — рассмеялась в ответ Райси. — Но спасибо, Туэол... моя помощь уже в пути.

— Ты хранишь мой дар? — усмехнулся Дракон. — Помнишь мое имя...

— Но ведь и ты помнишь мое...

Дракон рассмеялся, а потом присмотрелся к чему-то далеко впереди.

— Это и есть твоя помощь? — спросил он.

Райси проследила за его взглядом, присмотрелась сама и утвердительно кивнула:

— Это и есть моя помощь...

Она проснулась, посмотрела на звезды, ментально прислушалась к ффинам. Они были еще слишком далеко — недвижимые, спали без сновидений.

«Славный момент для атаки», — подумала Райси и уснула опять. Ей приснились вспышки огня, рвущие ффинов на части; их отчаянные крики; ослепительное сияние, которое испаряло тени; огромный кусок земли, вывернутый, словно чудовищной лопатой.

Будто от толчка, она проснулась снова, но звезды на небосклоне не сдвинулись ни на миллиметр...

Она была в пещере Туэола, и он сидел рядом, обнимая ее золотым хвостом. Она облокотилась о его громадную лапу, нежно поглаживая рукой чешуйки золотистой шкуры. Знала ли она больше, чем эти золотистые чешуйки?.. Теперь она понимала, что нет.

— Прости, что так получилось... — вздохнул Дракон. — Ты, наверное, ненавидишь меня?

Райси попыталась заглянуть в его глаза, но Дракон отводил взгляд.

— Тебе не за что извиняться, — вздохнула она.

— Я не уберег тебя... — слеза побежала по его морде, и Дракон отвернулся, чтобы Райси не увидела ее. — Открыл тебе имя, дитя, и не уберег...

— Ты мог уберечь меня от ффинов, но ты никогда не сумел бы уберечь меня от меня самой.

— Я мог... — Дракон задрожал, словно от невыносимой боли. — Мне не следовало давать тебе этот ятаган. Это он проклял тебя.

— Ну что ты... — усмехнулась Райси и ласково погладила Дракона. — В мече была часть тебя, ты вложил в него все самое светлое, что имел, когда великие эльфийские мастера переплавили его в твоём дыхании. Ты пытался *уберечь* меня, вручая меч. Проклятие же... дело ведь не в мече... и даже не во мне. Дело в нас обоих. Так уж получилось, что мы не смогли уберечь друг друга.

Дракон молчал, не поворачиваясь в ее сторону. И она молчала, ласково перебирая пальцами чешуйки его золотистой шкуры. Мерно капала вода, ни на мгновение не сбиваясь с выбранного вечностью ритма.

А потом Райси проснулась, потому что ффины уже сворачивали свой лагерь. Проснулась, но снова побежала в своем сне, и

снова Дракон летел рядом с ней, мягко сотрясая мир огромными крыльями.

— Хороша у тебя подмога, — сказал он, еще раз осмотрел ее и взмыл вверх.

— Помни, — прокричал он оттуда, — помни, что Третьим Мечом владеет Тузол...

На мгновенье он завис над ней и рассмеялся:

— Просыпайся, глупышка... просыпайся, а то ведь убьют.

Все еще не проснувшаяся Райси вскочила на ноги. Ффины были уже на расстоянии двух миров.

Мечи... Что Дракон говорил про мечи... про некий Меч, которым владеет Тузол? Раньше она никогда не слышала, чтобы Драконы говорили о себе в третьем лице. И если этот Меч по счету Третий, то где же первые Два?... Где же хотя бы Первый?..

Видение мало-помалу улетучилось из ее головы, и в полусонном сознании осталась только приближающаяся когорта ффинов.

Мечи... Просто сон, улетающий вместе с ночью.

Суи

Он был еще очень слаб, когда спросил Златовласку об оружии, которое Торби метнул в гарпию. Еще раньше он пытался поговорить с кочевником, но понял, что отец Златы не имеет никакого представления о назначении М-3000, принимая его за ритуальное копьё. Злата рассказала, что, обследуя развалины в округе, она нашла вход в подземелье, где было большое помещение, заполненное непонятными предметами; среди них и было ритуальное копьё. Кочевники приняли подземелье за руины храма исчезнувшей религии.

Долго Злата сопротивлялась просьбам Суи провести его к храму, и только когда Суи сказал, что сам принадлежит к этой древней религии, она согласилась указать ему путь.

Когда в развалинах огромного здания на уровне двух-трех метров под землей они остановились перед действующим кодовым замком *шлюза*, Суи стало не по себе от волнения: раз действовал шлюз, значит, была цела и Оружейная. В тех развалинах, которые он нашел в далеком мире, дверь шлюза была приоткрыта и заклинена.

Злата подошла к панели устройства замка и тихо сказала:

— Когда я пришла сюда в первый раз, то не могла понять ни что это такое, ни, тем более, что мне нужно делать. А потом я увидела, что кубики на стене напоминают мне наши судные камни.

Я нашла камешки, похожие на судные, прочла над ними молитву, бросила и, странно, с первого же раза запомнила, в какой последовательности они остановились. Я увидела подобие *порядка* в их движении и поняла, что вижу не просто камни, а древний рисунок, запечатленный в них. Я нажала кубики в той же последовательности, как останавливались камни, и дверь открылась мне.

Злата вздохнула и набрала на панели кодового замка «127-7-3-1». Суи с удивлением следил за кочевницей, пытаясь понять, что ему напоминают эти цифры, но потом, когда дверь с шипением ушла в сторону, он не мог думать уже ни о чем.

С легким дребезжанием зажегся слепяще-белый свет, и вздох изумления вырвался из груди Суи. Прямо перед ним, уходя вдаль на сотни метров, располагались стеллажи, стояки и ниши, заполненные самым разнообразным Оружием. Когда к нему вернулась способность двигаться, он так быстро, как только мог, захромал вперед, опираясь на свой Меч.

Злата понимала, что Суи не солгал: никто, кроме паломника, не смог бы так радоваться найденному святилищу. Его радовало все: и ритуальные копьа, которых здесь хватило бы на целую когорту призрачных жрецов; и продолговатые камни со штырьками и кольцами («А если потянуть за кольцо?» — в который раз подумалось Златовласке, и в который раз она сразу же забыла об этой глупой идее); и длинные трубы, уложенные слишком аккуратно даже для ритуальных предметов; а также многое, чему она не могла придумать названий.

Ближайшие к шлюзу стояки содержали пороховое оружие — стандартные М-3000, оружие для ближнего боя, в котором можно было легко обжечься при стрельбе из лазера. Оружие содержалось в особой силовой упаковке, которую могла отключить простым касанием только человеческая рука. Порохового Оружия было не более пятидесяти стволов, и на каждый автомат приходилось несколько обойм.

Дальше находились полки с лазерами — однотипными излучателями модели Heavy Laser (HL). Они имели губительную силу огня, один импульс которого был эквивалентен по мощности килограмму тротила. Боезапас лазера составлял сотню импульсов и находился в заплочном блоке питания, который весил до тридцати килограммов, обреченный на тяжесть вмонтированными солнечными батареями. Лазеры применялись при скоординированной Оператором атаке трех-четырёх пехотинцев по удаленным целям, ибо на расстоянии нескольких километров для импульса не существовало понятия излета.

Еще дальше Суи обнаружил плазменные подствольные насадки, способные испепелить пехотинца вместе с доспехами.

Еще дальше находились подствольные пусковые установки портативных ядерных ракет класса «Пингвин», имеющих мощность взрыва, эквивалентную десяти тоннам тротила. И несмотря на то, что мощность настоящего ядерного оружия измерялась *мегатоннами*, Суи встречал рекомендательные указания о применении «Пингинов» против бункерных укреплений.

Суи невольно усмехнулся, вспоминая, сколько он искал значение слова «бункер» в технических характеристиках стрелкового оружия. Также, после того как, казалось, каждая книжка об Оружии была выучена наизусть, Суи долго не мог понять смысл слова «Оператор». Только позже, наблюдая, как капрал гоняет на плацу когарту копейщиков, он понял, что, кроме сражавшихся, в те далекие времена были и координаторы их сражений, те, кто издали управлял маневрами войск.

Полки с фотонным Оружием порадовали его не так сильно: еще в далеком заброшенном складе он обратил внимание на излишнюю громоздкость FАGа даже по сравнению с лазером и на его излишнюю мощность. К тому же лазеры перезаряжались от солнечного света, а фотонные аннигиляторы имели боезапас всего в тридцать импульсов. Источники для создания импульсов располагались в двух массивных сменных рожках парами — материя и антиматерия. Суи лишь рассеянно пробежал пальцами по основным узлам этого оружия и отметил для себя, что оно в порядке.

Ему казалось, что Оружейная не закончится никогда. Снайперские пороховые винтовки с патронами длиной в человеческую ладонь; снайперские лазерные винтовки с блоком питания еще более массивным, чем у НL, но всего с десятью зарядами... Очень долго Суи искал среди Оружия электромагнитные снайперские винтовки, но так и не смог найти. В описаниях говорилось, что на расстоянии до горизонта EmSR может уничтожить любую пехотную цель, обнаруженную компьютером слежения.

Когда Суи осмотрел последнюю полку с Оружием, с момента открытия шлюза прошло уже несколько часов.

— Это ведь не просто ритуальные предметы, — сказала Златовласка, когда Суи, вовсе не обессиленный, но окрыленный, подошел к ней. — Я чувствовала что-то, когда ты прикасался к ним. Мне вдруг показалось, что в каждом из этих предметов заключена *сила*, которая долгие тысячелетия ждет человека, способного выпустить ее. Это *сила* зла, она хочет только убивать, и грешник

умирает от ее руки точно так же, как и праведник. Что это такое, Суи? Что так бережно ты носил в своем сердце все это время?

Суи изумился, но потом вспомнил, как Злата открыла дверь:

— Ты права, Златовласка, это не просто *предметы*... Это то, в чем живут призраки. Злые призраки самой великой расы из всех, некогда населявших Пиллею.

Неизвестно, в каком измерении потревожили ффины их размеренную жизнь и сколько миров успели захватить, пока Хранители Оружия не пошли на них всежигающей войной. Известно, что Хранители были расой, величие которой заключалось в силе созданных ими механизмов, и этими механическими монстрами они покоряли природные стихии целых миров, хотя совершенно не ведали магии. В походе против ффинов они испепелили адским огнем своих механизмов триста пятнадцатый и триста двадцатый миры вместе с населявшими их ффинами.

Их продвижение в ффинские земли было стремительным, а поражение казалось невозможным. Но из самых отдаленных миров Параллелей ффины сумели призвать себе помощь... Это были Драконы. Не Золотые Драконы, нет... Тела этих Драконов были черны, а глаза горели огнем безумия — никто из тех, кто рискнул заглянуть туда, никогда не вернулся назад, а страдания их тел, говорят, были ничем по сравнению с адскими муками похищенных душ. Когда раса Хранителей была уничтожена, ни одного Черного Дракона не видели более на Пиллее...

Всего несколькими Хранителям удалось вырваться из адского огня Драконового дыхания...

Предания говорят, что даже их огромные ползающие крепости плавилась в Драконьем магическом пламени, а Оружие Хранителей было бессильно. И остались от великой расы лишь заброшенные Склады, когда-то обеспечивавшие наступление армий... Из уцелевшего Оружия лишь два заряда Божьего Пламени были оставлены людям Ангелами Господними...

О Драконах, испепеливших Хранителей, говорят, что они были инструментом Сатаны, но мне не верится в это. Конечно же, они были несомненным Злом, но Сатана... не думаю, чтобы он имел особую власть над *ними*; иначе, подумай сама, почему мы все еще живы и почему Пиллея все еще разделена между нами и ффинами практически на две равные части...

— Эльфы знают больше, — добавил он. — Эльфов ведь часто посещают Драконы Золотые, которые еще помнят события тех кровавых лет.

Злата задумчиво глядела в глубь помещения.

— Вот почему они так злы... — прикоснулась она к стеллажу. — Подло убитые и никем не отомщенные. Они умерли за нас, а мы превратили их существование в *легенды*. Ох, Суи, мне кажется, что мы неблагодарные наследники.

Злата взяла Суи за руку:

— Пойдем, покажу тебе еще кое-что.

Она вела его через Оружейную, едва дыша, будто шагала не мимо рядов Оружия, а мимо шеренг солдат, отдавших свои жизни — пусть глупо и бестолково, — но отдавших свои жизни за них.

Через два шлюза, огромной ямой уходя глубоко под землю, был расположен Ангар. Суи читал про Тяжелое Оружие, но увидеть его своими глазами...

— Это они?.. — тихо спросила его Златовласка. — Это те ползающие крепости, о которых ты говорил мне?..

Суи судорожно глотнул, разглядывая махины высотой с корабельную сосну, и кивнул ей. Суи невольно прижал руку к повязке на груди: если Драконы сумели уничтожить *такое*, что тогда говорить о простых пехотинцах. Суи не заметил, как стиснул ладонью рукоять Меча. И вдруг что-то заслонило ему глаза...

Рукой он смахнул пот и вновь уставился в монитор компьютера... Расчерченная зелеными квадратами координатной сетки, перед ним лежала равнина очередного мира, которую перемалывали гусеницами их «Мамонты».

— Залп!!! — проорал голос в наушниках. — Залп, Хэндриксон!!!

— Не действует, сэр!!! Они неуязвимы!!!

— Не мели чушь, Хэндриксон, открывай огонь U-двадцатыми!

— Сэр, нас тряхонет...

— Огонь, солдат!!!

Заухали ракетные турели, и десятикилотонные ракеты унесли к летящим навстречу призракам. Вспышки разрывов легли вокруг Драконов, и «Мамонт» содрогнулся от взрывных волн восьми ядерных взрывов.

— Не действует!!! О Господи Всемогущий, не действует!!!

— Лазеры наизготовку! Импульсный шнуровой разряд...

— Сэр, они пикируют на нас... Сэр!!! Сэр!!! О БОЖЕ!!!!...

Резко, словно от ожога, Суи отдернул руку от Меча, и тот со звоном упал на пол.

— Да, Злата, это они... их ползающие крепости. Вон тот, поменьше, зовется «Рэйдер», а этот, громадный, — это «Мамонт», неуязвимый для простого оружия и сбивающий самолеты, словно мух. Лишь ионные удары с орбиты могут достать его. Мощьность его реактора...

— Суи, — начала тормозить его Златовласка, — ты пугаешь меня. Говоришь, будто и не ты вовсе...

Суи помолчал немного, приходя в себя.

— Правда твоя... — сказал он очень устало, наклоняясь за Мечом. — Пошли отсюда... Не будем без нужды беспокоить их... сон. Пойдем.

И еще долго после этого Суи не покидало ощущение, что он по-прежнему там, в огромном Ангаре, — стоит возле танков, опершись на МЕЧ, а перед его глазами разворачиваются ужасные картины прошлого. Одна за другой... одна за другой.

Прая

Поселок горел. Потоки дыма и черной копоти взмывали вверх и раскрывались в небе крыльями стервятника. В северной части поселения все еще шло сражение, и остатки блаженцев мужественно сопротивлялись натиску финских латников. Медленно появлялось второе солнце, бело-синее; потоками огненных лучей оно резко обрисовывало предметы и слизывало полутона.

Этот мир был одним из тех, которые принято называть внешними мирами, — жесткий и требовательный, но в то же время благодарный за терпение. Ночь длилась здесь всего три часа, серыми сумерками укутывая землю в преддверии нового восхода; грунт был сухим, колодцы — глубокими и очень мелководными; зато урожай собирали здесь четыре раза в сезон, и всего за три с половиной года существования колония сумела найти постоянных и весьма заинтересованных покупателей.

Никто не завидовал блаженцам — колонии христиан, — постоянно носящим марлевые повязки на глазах, чтобы не ослепнуть от сверкающего сияния пламенеющих небес. Люди, покупавшие у них продукцию, называли их сумасшедшими, ибо никто, кроме сумасшедших, не смог бы выжить в этом мире. А когда они узнавали, что поселенцы были ко всему еще и христианами, миссионерами, организовавшими новую общину во Имя Господне, то не задавали больше вопросов, покупали товары и уезжали прочь: ведь миссионеры были блаженными Пиллеи, нищими умом святыми, теми, кто был верен совсем уж

призрачной мечте и кто с легкостью расставался с жизнью на пути к ней.

Люди не понимали миссионеров: было в них что-то, что заставляло чувствовать себя слишком меркантильными в их присутствии. Миссионеров не смущало то, что они ходили в обноски, питались подааяниями и не имели дома; они могли день за днем вещать свои проповеди, стоя под палящим солнцем или заливающим мир дождем; могли терять сознание от истощения, но, как только становились на ноги, сразу же уходили в свои новые и бесконечные странствия по нескончаемому безверию людских миров.

Нет, в общем, люди считали себя верующими и исполняющими заповеди Божьи: люди молились перед едой, ходили в церковь по воскресеньям, в праздники подавали милостыню и всем говорили, что верят в свое *Спасение*... Но одно дело говорить об этом тому, кто тоже любит говорить, и совсем другое — тому, кто требует доказательств произнесенным словам и без отговорок предоставляет доказательства сам.

Миссионеры не говорили: «Да, ты спасен, сын мой, только не забудь про воскресное подаяние в сокровищницу храма...» Миссионеры говорили по-другому: «Отпусти все, во что вцепились твои пальцы, и позволь светлым крыльям небесных стремлений вознести тебя над желаниями плоти». Миссионеры звали с собой, предлагая оставить в прошлом все, что дорого, ибо дорого должно быть то, что на Небе, а не то, что на земле. Они звали к испытаниям, говоря, что светлая вера и чистая любовь будут лучшими проводниками во мраке лишений. Они говорили, что мало *знать*, как поступить правильно, и что спасен будет лишь тот, чьи *поступки* праведны наряду с его знанием. Они говорили так много и так правильно, что детей не выпускали на улицу, когда миссионеры приходили в поселок, и церковнослужители боялись показать нос из церквей своих личных, а люди сидели друг напротив друга и молча пытались пережить эти дни.

«А дети... — говорили глаза женщин немому вопросу мужей. — Что будет с детьми, если мы пойдем за ними?.. Что будет с нами, что мы оденем, чем прокормимся?.. Неужели ты хочешь нам всем страданий?..»

Мужья понимали своих жен... Мужья знали, что их жены правы: что никто не позаботится об их семьях, если поле не будет засеяно пшеницей, если корова не будет выпасена, телега смазана, а кони подкованы. Кто даст им пристанище, когда пойдет дождь;

кто убережет их от болезней, когда пойдет снег; кто поможет им, когда вокруг на десятки километров не будет живой души или когда на них, одиноко шагающих своей угрюмой дорогой, наткнется финский разъезд?.. Бог? Но разве не Бог уже дал им все, что они имеют; разве не Бог дал им дом, и детей, и хозяйство; разве не Он делает урожай на их поле обильным, а корову плодovitой?.. Зачем теперь отказываться от всего этого, отдавать Ему назад все, что уже было дано Им?.. Зачем гневить Его, возвращая назад дары Его?..

«Права жена, — вздыхали мужчины, — права». Только вот тайно от нее, тайно от детей, тайно от соседей несли они милостыню праведникам, несли, кто сколько мог, несли деньги, отложенные жене на сапоги, детям на тулупчик или на новую секиру. Несли и отдавали, потому что знали в глубине души: не права была жена и они были не правы, когда слушались ее, что был у них шанс стать по правую руку от Господа среди тех, кто уже отдал свои жизни во Служение Ему, кто отдал Ему свое самое дорогое, не думая о том, как любим недавно достроенный дом, как обожаема пригрозившая уйти жена или какими они видят своих подрастающих детей. И когда жена обнаруживала, что деньги, которые они откладывали уже год, исчезли, то не возмущалась даже, потому что понимала: пусть уж лучше будет так, чем по-другому.

А потом миссионеры уходили... Уходили, и медленно, словно от глубокого сна, возвращались поселки к повседневной жизни. Снова звучали мессы в церквях; снова все более уверенно говорили священники прихожанам, что те *спасены*; снова прихожане оставляли часть своего заработка на содержание своих спасителей; снова на улицах начинали они смотреть друг другу в глаза и снова откладывали деньги на новенький тулупчик, или сапоги, или же на секиру... Слова, которые говорили миссионеры, понемногу забывались, терялся их внутренний смысл, пропадала горечь в душе, словно ничто и никогда не менялось в их жизнях, до конца отданных такому любимому поднебесному миру. Лишь ночами, когда после тяжелого трудового дня они почему-то не могли заснуть, их дремлющие мысли снова и снова возвращались к дням проповеди...

Были ли они грешны, когда отрицали призыв души своей и оставались на месте вместо того, чтобы следовать за блаженцами?.. Нет, конечно же, нет. Грешен убийца, закапывающий ограбленную жертву. Грешен прелюбодей, соблазняющий праведницу. Грешен лжесвидетель, за деньги очищающий имя того,

кто недавно убил свою семью. Вот кто грешны. Эти же люди жили простыми человеческими жизнями; в них не было той почвы, которая могла бы дать жизнь росткам миссионерства; они не смогли бы бросить жен, детей, дом, с которыми душа давно уже срослась в единое целое. Они не могли верить в то, что нельзя было увидеть; не могли познать то, что было невозможно объяснить. Они не могли жить жизнями, которые были непонятны. Они были не в силах отдать Богу то, что принадлежало лишь им.

Миссионеры тоже понимали, что все не могут стать блаженцами, что мир всегда был и всегда будет разделен на тех, кто счастлив, живя в нем, и тех, кто счастлив, пытаясь из него вырваться. И понимали миссионеры, что правы были как первые, так и вторые, ибо человек всегда прав, когда делает то, во что искренне верит...

Это поселение миссионеры обосновали три с половиной года назад, обживая мир, на который не претендовали ни люди, ни ффины... Поселенцы обнесли поселок частоколом, выкопав вокруг него ров и обнеся его кольями, а также соорудили некоторое подобие подъемного моста. Конечно, они были правы, ведь до ффинов было всего ничего — два-три нейтральных мира, — а извечная война света и тьмы никого не оставляет в стороне, и уж тем более тех, кто всю жизнь отдал свету.

Миссионеры понимали, что когда-нибудь ффины узнают об общине и придут сюда: ведь их ненависть к Богу требовала определенных действий по поводу всего, с Ним связанного.

И они приходили — ффинские крестьяне с вилами наперевес, злые после недавнего людского набега и желающие только мести.

Миссионеры оборонялись, стреляя из-за частокола из самодельных луков, вонзая вилы в тех, кто через частокол перелезал, и выбегая с косами наперевес, когда приходила пора атаковать.

Несколько раз блаженцы сами ходили в набеги и возвращались с несколькими коровами, ревущими от испуга; а один раз они привели даже боевого ффинского гровера. Гровера они продали в конюшни какого-то князя, а на вырученные деньги наконец-то достроили местную церковь. И теперь, когда восходило голубое солнце, витражи ангелов в стрельчатых окнах сияли по-небесному слепяще.

В общем, все было, как обычно, до того самого дня, когда не обозленные ффинские крестьяне толпой завывали по ту сторону недавно укрепленного частокола, а ффинская латная пехота остановилась перед воротами в угрюмом молчании; когда

стрелы, выпущенные крестьянами, никак не могли найти своей цели среди умело сомкнутых стальных щитов; когда не самодельный таран слепо ткнулся в ворота через заваленный земле ров, но чернокнижное заклинание слепящей вспышкой сорвало их прочь. А затем штурмовой переходной мост был опущен ффинами, и латники ворвались внутрь, умело отсекая крестьян от входа и занимая полукруглый плацдарм для арбалетчиков. Словно по команде, опустились пехотинцы на колени, все так же прикрываясь щитами, а из-за их спин тучей брызг разлетелись во все стороны дуги ффинских бельтов...

Глухой стук; отчаянные крики умирающих блаженцев; немелкая атака — просто попытка приблизиться к арбалетчикам; ффинская пехота, резко поднимающаяся им навстречу; отброшенные назад крестьяне; ффины, снова опускающиеся на колени; новый залп арбалетчиков; полусвист-полугул бельтов; глухие удары, пробивающие людей насквозь; новые крики, полные боли и отчаяния; атака чернокнижников сверху; вспышки магии, рвущие людей, словно тряпичных кукол; латники, в строгом боевом порядке снова поднимающиеся в атаку.

Это был не бой... это была бойня.

Среди ффинов — закованных в броню ветеранов — почти не было потерь: оцарапанный тут, контуженный своей же магией там, раненый арбалетчик, до которого все-таки добежал один из блаженцев... Несложных приемов атаки латников было достаточно для победы над простыми фермерами.

Из миссионеров не выжил никто, кроме одной маленькой девочки семи лет от роду, которую все знали и любили в поселке. Ее родители прибились к общине всего полгода назад. А имя ей было Прая.

Она не знала, как осталась жива. Обожженная близкой магией, с пропахшими гарью, сбитыми волосами, исцарапанная брызнувшими от разрыва осколками, она сидела над мертвыми телами родителей и плакала, не шелохнувшись даже тогда, когда над ней пронесся

гул арбалетного залпа. А когда ффины смяли ополчение, ей на секунду стало страшно, но не за себя, а за соседских близняшек, испуганно выглядывающих из-за угла дома.

А позже, когда рядом возник ффин и занес над ней окровавленный клинок, она просто закрыла глаза.

Прая ничего не помнила о своей смерти и так же ничего не помнила о своем воскрешении. Когда ее глаза открылись вновь, все было по-прежнему. Все так же горел поселок, и потоки копоти растекались по небу, словно пролитая кровь. В северной части поселка все так же добивали миссионеров; мычал угоняемый скот. Испуганно смотрели в небо стеклянные глаза мертвецов; стонали от невыносимых страданий умирающие. Все было прежним... все, кроме нее.

Не было более зуда в ожоге, не было самого ожога; мелкими осколками лежал около нее разбитый меч, да пялился помутневшими глазами мертвый уже ффин; коротенькая прическа ее была аккуратна; царапины от гравия исчезли; а одеяние сияло.

Медленно Прая поднялась на ноги и осмотрела горящий поселок... На секунду ей показалось, что это не поселок горит, но все, что было с ней в дни и минуты прожитой жизни... Мертвые близнецы... Слеза медленно покатила по щеке. Прая не стала вытирать ее; она развернулась и пошла прочь от своего обуглившегося прошлого. Что-то легонько подтолкнуло ее в спину, но ничто уже не имело значения... даже то, что это была арбалетная стрела...

Поселок уже догорел, лишь дымились развалины домов да вонзались в небо обломки взорванной заклиниванием церкви. Не мычал уже угнанный скот, не лязгала кровожадная сталь. Лишь сотни человеческих трупов покоились на улицах поселка...

Почему-то ффинские чернокнижники запретили надругательства над телами, сказав, что хватит с них простой смерти. И ффины ушли прочь из этого мира, все, кроме одного чернокнижника, старого и матерого, словно седой, но все еще быстроногий волк.

Две странные смерти заинтересовали его — магические смерти. Один ффин лежал около остатков своего разбитого клинка, и его изувеченная лапа до сих пор сжимала треснувшую рукоять. Меч мог быть уничтожен лишь магией: ничем нельзя было так разбить его — в лучшем случае, переломать пополам. Лапа ффина была сильно обожжена, особенно в кисти, где плоть обуглилась до сухожилий, — словно пехотинец до плеча засунул руку в горящий огонь и сгреб в кулак раскаленные угли. Второй, арбалетчик,

был менее изувечен. В его спине зияла рваная рана — словно кавалерийское копьё воткнули между лопаток, а потом с силой выдернули назад. В глазах его, так же как и в глазах первого ффина, было скорее искреннее недоумение, нежели испуг.

Чернокнижник раздумывал пару минут, какой труп выбрать, и решил работать с первым: ведь воздействие огня всегда более персонифицировано, более лично и все маги, желая того или нет, вкладывали душу в творение огня. А если маг вкладывал душу, это оставляло за ним четкий, хорошо прослеживаемый *трейс*, который позволял найти его ментально.

Чернокнижник наклонился над трупом и провел ладонью вдоль обожженной руки... О-о-о, каким сильным был маг, как был он искусен, как Светло атаковал пехотинца. Чернокнижник рассмеялся: давно у него не было столь достойного противника. Глубоко вдохнув, он протянул руки к ране, и все более мощным потоком понеслась его сила по следам ушедшего мага. Раз за разом обходя потаенные ловушки и неверные ориентиры, намеренно оставленные ему, чернокнижник уверенно приближался к магу. Еще немного — обход Внутренних Врат; еще немного, всего минута, всего чуть-чуть — и маг уже не сможет избежать столкновения; еще немного — и ментальная атака ффина, словно абордажный канат, потянет сознание мага в этот мир, где бы тот ни находился; еще немного — и они окажутся лицом к лицу, сущность к сущности, и никого для них не будет в мире, кроме них и их ментального поединка.

Словно рыбацкий крючок, зацепилась ффинская магия за край светящегося сознания; словно бульдог, перебирая зубами, поползла она в более плотной хватке и потянула на себя: лишь бы только не сорвался, лишь бы только не ушел... нет, нет, теперь уже не сорвется...

Чернокнижник почувствовал, что маг не просто согласен на ментальный поединок, но даже открывает портал в этот мир, согласившись сойтись в поединке *физическом*. С радостной улыбкой чернокнижник вскочил на ноги, чертя перед грудью рисунок сложнейшего заклинания: не сорвался-таки... не ушел...

Полный ужаса крик чернокнижника далеко разнесся по округе... В тот день ему попался действительно достойный противник...

Маленькая девочка, идущая по едва видимой в пыли дороге к ближайшей границе миров, не зная почему, вдруг обернулась... и всего на миг ей показалось, что очертания прекрасного храма вспыхнули над руинами сгоревшего поселка. Вспыхнули и

погасли, словно никогда и не загорались вовсе. А еще через некоторое время до ее слуха долетел далекий, приглушенный расстоянием крик.

Райси

— Зачем мы приходим сюда уже пятый день?.. — тихо спросила Златовласка, когда они расположились все на том же холме Шахматной Доски.

Суи задумчиво потер висок, оглядываясь по сторонам, будто впервые увидел место, куда каждый день приводил Златовласку.

«Зачем?.. — Суи поморщил лоб. — Зачем?..»

Он чувствовал, что изменился после посещения Оружейной и Ангара; и поступки, которые раньше он никогда бы не совершил, теперь совершались легко и просто, послушные внутренним импульсам. Наверное, он начал доверять тому, что чувствовал, намного сильнее, чем тому, что мог объяснить рационально. Многие из непонятого ранее находило объяснение именно в чувствах, возникших после знакомства с Ангаром. Шахматная Доска, например, — ряды абсолютно одинаковых холмов, поросшие настолько жесткой травой, что о нее можно было порезаться.

Полоса этих холмов, шириною несколько километров, массивной дугой огибала Гриффово плато, упираясь краями в каменные скалы. Конечно же, она была искусственного происхождения и была выстроена теми же Строителями, которые создали сам город. Но так же очевидно для Суи стало теперь и ее предназначение. В те далекие времена сооружению Гриффова масштаба мог угрожать только один вид техники — колоссальные ползающие крепости «Мамонт», — именно от них Грифф отгородился холмистой равниной с одной стороны и пустынными барханами с другой. Суи не уставал удивляться мощи древней цивилизации: даже великая пустыня Гриффова мира была рукотворной.

Получилось, что, пройдя путь в долгие полтора года, Суи пришел вдруг к началу пути нового. Все то, что он искал, оказалось на самом деле куда более значительным и куда менее достижимым. И не Оружие стало сокровищем обретенным, но знание — знание о вечном существовании еще большего знания. Суи понял, что знание — это великая ответственность, ибо само по себе оно может стать губительным, и для наделения его жизнеспособностью всегда нужно еще кое-что. Мало знать. Необходимо верить и идти за своей верой, ибо вера бывает бесплодна лишь тогда, когда человек сам опустошает ее сомнениями.

Суи не знал, почему он приходил на холмы снова и снова, почему всегда брал с собой НЛ, при этом никогда не оставляя в Гриффе эльфийский двуручник, почему всегда вел с собой Златовласку. Будто магнитом, тянуло его сюда: что-то внутри подсказывало, что это необходимо, что это очередной вопрос, ответ на который ожидает его на том же Пути — просто чуть дальше.

День за днем проводили они со Златой, сидя на одном и том же холме, глядя, как удлиняются тени, как они перемещаются по часовой стрелке, в то время как солнце плавно катилось по небосводу за их спинами. Они часто молчали, слушая, как шелестит в жестких травах ветер, как поет он в уступах недалекого Гриффова плато, вонзающегося каменистым клином в раскинувшуюся неподалеку пустыню.

Знали ли они, что тот день, когда Злата задала свой вопрос, был последним, проведенным здесь, что ответ на вопрос был уже близко — измученный неделями непрерывного бегства — и ответ был женщиной, которая ничего уже не ждала от жизни, кроме наступающей смерти?..

— Зачем мы здесь? — спросила Златовласка, а Суи задумчиво потер висок, как бы выходя из транса и будто видя это место впервые.

— Зачем?.. — тихо переспросил он, морща лоб. — Зачем?..

Он немного помолчал, пытаясь собраться с мыслями, но Златовласка прервала его.

— Смотри!!! — крикнула она, вскочив на ноги.

Суи знал, что по остроте зрения ему не тягаться с кочевниками, поэтому поднялся и посмотрел в указанном направлении.

На вершину соседнего холма с видимым трудом взбиралась женщина. Она тяжело дышала, вместе с тем изо всех сил пытаясь сохранить ритм бега. Перевалив через вершину, она побежала вниз, все так же сохраняя ритм и удлинившимися шагами компенсируя время, затраченное на подъем. Поверх одежд была накинута изодранная мантия, некогда весьма изящная, в ее правой руке был ятаган, и руку эту на разном расстоянии от кисти охватывали семь металлических браслетов, предположительно, первородного серебра, хотя было сложно сказать что-то определенное на таком расстоянии, да и руки женщины в некоторых местах были сильно обожжены.

Женщина уже спустилась в ложбину между холмами, когда на вершине, только что оставленной ею, показались преследователи. Суи резко снял лазер с предохранителя, и тот протяжно

засвистел, одновременно с тональностью набирая энергию для выстрела...

Женщину преследовали ффины...

Та, которую звали Райси и которая еще не знала ни о Суи, ни о Злате, но чьи судьбы были спутаны одна с другой сильнее, чем путается сеть за корягу на дне, тоже почувствовала своих преследователей и, развернувшись на бегу, выбросила в их сторону руку, что-то громко при этом выкрикнув. Шар блеклого огня загорелся в ладони, и едва видимая в свете дня молния ударила в верхушку холма. Ффины завывали от боли, некоторые упали, а остальные отступили назад.

Не прошло и секунды, как еще один ффин вышел на вершину... Это был уже не пехотинец: по черной мантии и надвинутому на глаза капюшону Суи легко узнал чернокнижника. Ффин прокричал магические формулы и резко выбросил руки вперед — воронка тьмы свернулась над ним и вспыхнула в его ладонях ослепительной молнией. Жрица с криком выставила блок, и молния соскользнула в сторону — земля вскипела там, вздуваясь черными пузырями. Сама Райси покачнулась, сделала пару неуверенных шагов, вытирая бегущую из носа кровь, и, зацепившись носком сандалии, упала без чувств.

Суи не ждал дольше. Луч, шипящий атакующей коброй, вонзился чернокнижнику в грудь; очередь в четыре прикосновения разорвала его на части, сбросив остатки тела с холма.

— Помоги ей, — крикнул Суи Златовласке, настороженно вода стволом из стороны в сторону.

Злата кивнула и побежала вниз к лежащей без сознания женщине. Но не успела она пробежать и половины пути, как на холме вновь показались ффинские латники... Суи не медлил: очереди одна за другой пронизывали пространство между холмами, разрываясь среди ффинов сверкающими вспышками. Когда вершина холма снова опустела, Суи бросил обеспокоенный взгляд на счетчик разрядов НЛ. В блоке питания оставалось еще семьдесят импульсов... Удачей была, конечно, солнечная погода и то, что лазер перезаряжался уже в процессе ведения огня. Но... тридцать разрядов за десять секунд...

Показалась Джедди, которая тащила бледную жрицу, все еще не пришедшую в себя. Суи хотел сказать Златовласке, что магичку нужно срочно унести отсюда, но Злата с округленными глазами ткнула пальцем в соседний холм. Над вершиной его, искажая пространство темным глазом, был открыт портал, откуда выпрыгивали ффинские пехотинцы. Они прикрывались щитами,

на ходу формируя боевое построение, но щиты были ненадежной защитой против лазера. Очереди рвали солдат на части, разбирали в стороны силой разрывов, сбивали с ног изорванными трупами соратников, однако напор пехоты, портирующей в этот мир, все не ослабевал. А самым опасным было, что среди латников начали появляться маги.

Ффины поняли, что существует всего один очаг сопротивления, и чернокнижники открывали свои порталы так, чтобы выпрыгнуть из первоматерии поближе к Суи или даже за его спиной. Хорошо, что Злата оказалась умницей: молниеносные взмахи меча, свист штык-ножей из Оружейной, которыми она точно поражала цель...

Одного чернокнижника Суи расстрелял в упор, и его самого чуть не сбilo с ног от разрыва. Ситуацию осложняла быстро истощающаяся батарея НЛ и то, что один за другим чернокнижники начинали прикрываться магией от его атак. Не у всех хватало силы и реакции, чтобы успеть выставить блок и тем более, чтобы выдержать удар очереди из трех-четырех зарядов; многих уносило во тьму вместе с порванными щитами; но были и такие, кто выдерживал.

Злата физически не могла поспеть везде. Суи понял, что огненный шнур лазера не справится с пушечным мясом ффинской когорты. Словно сам собой щелкнул переключатель, активирующий подствольный «Пингвин». С шипением вылетела ракета и устремилась в ложбинку между холмами. Суи мощным толчком скинул Злату с холма в противоположную сторону, схватил за одежду магичку, швырнул ее прочь и сам бросился вслед за ними. Райси покатила вниз, а он немного проехал по траве на животе и замер, вжавшись в землю.

Холм вздрогнул под ним, как вздрагивает иногда песок, на который падает громадное дерево, и чудовищный грохот наполнил округу. Земля резко подалась навстречу Суи. От толчка воздух вылетел из легких, и чудовищная сила отбросила тело назад. Несколько метров он снова ехал вниз по трясущемуся, словно в лихорадке, склону. В это время слепяще-белый конус света ударил из ложбины в небо... Медленно, очень медленно этот конус перегорел в бордовый и так же медленно погас.

Суи, едва вставший на дрожащие ноги, одной рукой поднял с земли оглушенную произошедшим Злату, другой — все еще пребывающую в бессознательном состоянии Райси и быстро побежал по виляющей между холмами ложбине: он читал про лучевую болезнь и не хотел испытывать на себе или своих спутниках

ее последствия. Через некоторое время Злата начала приходить в себя и побежала сама, помогая Суи нести магичку.

Казалось, они бежали целую вечность, прежде чем достигли Гриффов плато. Лишь оттуда Суи впервые позволил себе обернуться назад. На месте одного из холмов, разбросанных в шахматном порядке по долине, чернела громадная воронка. Половина холма была обращена взрывом в пар, а вторая — отброшена назад, словно кто-то откинул лишнюю землю гигантской лопатой. Глядя на разрушения, произведенные десятитонной ядерной ракетой, Суи ужасался при мысли о том, какие же последствия может иметь мегатонный взрыв... Он начинал понимать, что на самом деле означали проваленные наружу стены Гриффа.

Женщина, спасенная ими, металась в бреду трое суток, после чего понемногу начала приходить в себя, что было весьма кстати: Злата к тому времени тоже слегла. Суи читал, что у разных людей может быть различная сопротивляемость радиации. О своем состоянии он не мог сказать ничего плохого, а вот Златовласку терзала бесконечная рвота; она даже не могла ходить от слабости.

Чародейка попросила Суи подвести ее к Злате, осмотрела кочевницу, прошептала несколько заклинаний, попросила уголек. С Суиной помощью она нарисовала на плитах мостовой сложнейшую пентаграмму со множеством внутренних диагоналей и приказала положить Злату в ее центр. Когда Суи неуверенно сообщил ей, что здесь есть гарпии, женщина недоверчиво усмехнулась.

— Грифф?.. — сказала она как бы про себя. — Ну ничего себе...

Она немного помолчала, а потом, покачав головой, вздохнула:

— А по поводу гарпий ты не беспокойся. Заклинания мои чисты... Черный цвет линий, конечно, немного ослабит силу противодействия тьме, но не думаю, что у какой-нибудь нечисти хватит ума сунуться в зажженную Светлую Пентаграмму.

Она проследила за тем, как Суи положил Злату в Пентаграмму, проверила положение тела, утвердительно кивнула Суи и после этого потеряла сознание прямо у него на руках. Она провела почти сутки в тревожном сне, почти в бреду, но утром следующего дня самостоятельно вышла из своей комнаты. Она осмотрела еще раз мирно спящую в Пентаграмме Злату и повернулась к Суи.

— Все будет в порядке, — сказала она. — Через пару дней девочка снова будет на ногах. Где кочевница подхватила эту заразу?.. Подобное я видела раз в жизни, когда к Жрицким мирам вышел один из затерянных караванов... Торговцы сказали тогда, что сошли с дороги в поисках более быстрого пути; но так как маршруты не зря проложены уже тысячелетия, то они нашли лишь приключения на свои седалища. Они были полумертвыми, говорили, что наткнулись на строения Древних, что там была какая-то шахта и что через день, после того как они спустились туда в поисках золота, многим стало плохо. Я смогла спасти лишь троих, должно быть, самых стойких, остальные же были изъедены страшными язвами, практически у всех выпали волосы. Ты привел меня к девочке, когда она была готова перейти именно в эту стадию.

— Рассказывай, — добавила она вдруг требовательно.

Суи вздохнул, не представляя даже, с чего и начать.

— Хотя, погоди, — остановила его магичка и улыбнулась. — У девушки должен быть гребень. Ты не будешь против, если, слушая тебя, я буду приводить волосы в порядок?..

Она слушала внимательно, не перебивая, медленно расчесывая самодельным гребнем Златы только что вымытые волосы, — они были с одной стороны обожжены разрывом, что придало Райсиной прическе очарование истинной амазонки. Была ли она красива?.. Была. Она была несомненно красива...

Немного позже они стояли на краю плато, и Райси хмуро рассматривала результаты Суиного творчества.

— Древнее Оружие, — сказала она задумчиво. — Ты не только нашел Оружие самых светозарных легенд Пиллеи, но и сумел верно применить его.

— Не понимаю... — поморщилась она. — Я не понимаю...

— Чего? — посмотрел на нее Суи.

— Всего, — ответила ему Райси и повернулась уже, чтобы уходить, однако Суи взял ее за руку и развернул к себе.

— Договаривай... — сказал он. — Я, конечно, вижу, что ты магичка, высшая каста, белая кость; что нам, крестьянам, с тобой не равняться; но я имею право знать, что тебе кажется странным, потому что очень многое мне кажется странным тоже.

— Что же, например? — прищурила глаза Райси и высвободила руку.

— Например, твое спасение... — Суи не отводил взгляда. — Оно было неслучайным. Почти неделю приходили мы со Златой на один и тот же холм, не понимая, чего мы ждем... Это теперь я

знаю, что ждали мы тебя. Древнее Оружие... Нет, конечно, можно предположить, что полтора года я бродил по Параллелям с одной целью — найти в Складах НЛ с подствольной ядерной ракетой и уничтожить твоих преследователей. Но мне это кажется слишком невероятным: если бы кто Наверху пытался спасти тебя, то можно было бы обустроить все куда проще... Например, поставить на вашем пути, как бы случайно, рать одного из местных баронов. Результат был бы тот же; хотя нет, даже лучше: в этом случае ты нашла бы еще и весьма завидного жениха. Планировать же твое спасение с моей помощью, да еще и за полтора года...

Суи устало усмехнулся:

— Я произвел впечатление?.. Маг будет говорить с простолюдином?..

Райси отвела взгляд:

— Я не маг, Суи, я жрица, одна из тех, кого в цивилизованном мире зовут лесными ведьмами за нашу нелюдимость и жестокость, за то, что мы заняли несколько пограничных с Внешним миров и никого туда не пускаем... ни друзей, ни врагов. Буду ли я говорить с простолюдином?.. Если простолюдин свободно читает на Ванише, знает основы логики и психологии, а также неплохо разбирается в вопросах устройства женских судеб... буду, пожалуй.

— Не злись на меня, Суи, я не хотела тебя обидеть, — мягко улыбнулась она, предупреждая очередную вспышку негодования. — Ты прав... Все это так странно... Странно еще и потому, что в момент взрыва ты находился недалеко от вершины, а Злата — почти у основания холма. Толщина земли, которая защищала вас от излучения, напротив тебя была в три-четыре раза меньше, чем напротив Златы, но заболела именно она, а не ты... Ты вообще не ощутил на себе последствий взрыва... ведь пара синяков и царапины не в счет.

— А ты... — кивнул на нее Суи. — Тебя ведь тоже... не повредило...

— Я — другое дело, — усмехнулась Райси. — За два часа до нашей встречи при входе в Гриффово измерение я приняла последний стимулирующий эликсир, который, среди прочего, защищает тело от ядов, еще не попавших в него, и очищает от тех, что уже есть в организме. Думаю, что излучение не затронуло меня именно из-за «голубого пламени». То, что вы день за днем ходили на один и тот же холм, говорит лишь о предопределенности моего спасения именно вами. Ведь ни разу у тебя в голове не возникла идея прихватить с собой отца Златы, гораздо более

сильного и опытного воина, чем она... Вот что странно... то, что нам троим было суждено встретиться здесь.

— Нам троим... — она закусила губу, а потом вновь посмотрела на Суи. — Какова была вероятность твоей случайной встречи с тем торговцем в таверне? Какова была вероятность того, что проданная тебе карта окажется подлинной?.. Это почти невероятно. Какова вероятность для двух кочевников, затерявшихся в Параллелях, выйти к руинам единственного в пустыне города — единственного в этом затерянном мире?.. Снова невероятность. А я... Добраться безумными прыжками от Второго вектора до Гриффового измерения?.. Бред какой-то. И учти Суи, что все это произошло не с интервалом в двести-триста лет, но все три события наступили одновременно, именно сейчас. Можешь даже не оценивать вероятность такого стечения обстоятельств... Это еще менее вероятно, чем северное сияние над Гаксторном.

Райси вдруг улыбнулась:

— Ты когда-нибудь видел северное сияние?

Суи некоторое время смотрел на нее серьезно, а потом рассмехался:

— Теперь я уже и сам не знаю...

Мечи

Два Меча оказались рядом, случайно оставленные никогда не расстающимися с ними хозяевами. Солнечный свет, падающий из окна, сиял на широкой дуге ятагана, а тень от откоса плавно кралась вдоль лезвия двуручника, деля его на две равные части. Казалось, Мечи давно знали друг друга и давно искали этой встречи, но в то же время, встретившись, они были угрюмы и молчаливы.

— Таки пришел, — первым не выдержал, как всегда, нетерпеливый ятаган, — таки пришел к нам...

— Я пришел в Грифф, — сухо поправил его двуручник.

— Но ты же знал... Ты же не мог не знать...

— О чем?..

Блик света соскользнул с одной грани двуручника и был поглощен гранью другой:

— Я до сих пор ничего не знаю...

Ятаган, казалось, насупился:

— Шутки шутишь... дурачком прикидываешься, будто не видишь, что опять начинается.

— Домыслы, — казалось, вздохнул двуручник. — Одни лишь сплошные домыслы. Все, о чем ты говоришь, закончилось

тогда же, когда и началось, закончилось навсегда. Нет никаких «опять».

— Но это же второй шанс, — злился ятаган. — Как ты не понимаешь, что это второй шанс, данный нам, чтобы закончить начатое?..

— Второй шанс?.. — казалось, усмехнулся двуручник. — Глупо искать второй шанс там, где не было даже первого.

И в ответ удивленному молчанию ятагана продолжил:

— Мы никогда и ничего не начинали, так же как не нам все это и заканчивать. Мы никогда и ничего не решали, мы даже не имеем возможности управлять боем, потому что лишены способности передвигаться. Мы монстры, как ты не можешь понять? Живые Клинки... Как мертвое может быть живым?..

— Но... Но ведь именно так и должно быть, и мы не просто металл... Мы — это Знак Божий, Знак людям, что их борьба будет победоносной, ибо если даже Клинки их ожили, то как могут умереть они сами...

— Смертны все, — тихо проговорил двуручник. — И мой хозяин, и твоя хозяйка, и мы с тобой. Даже мир, в котором мы живем, и тот смертен. Смысл жизни никогда не заключался в бессмертии, но лишь в том, чтобы запечатлеть в бессмертии свое предназначение. Беда нашей стальной Семерки именно в том, что своего предназначения не знает ни один из нас.

— Я знаю, — вспыхнул ятаган. — Мое предназначение — это то, ради чего меня ковали. Смерть... нескончаемая смерть ффинов, вот что это. Их смерть — до тех пор, пока моя хозяйка сможет подымать навстречу их ужасу мое отточенное лезвие. А после...

— А после, — перебил его двуручник, — будет другая хозяйка или другой хозяин. Так ведь? Их ведь множество — тех, кто может унести тебя в своей руке. Это ты у нас такой один — особенный... Сколько раз за эту невероятную погоню Райси рисковала жизнью, когда ее кровь гудела безумным призывом твоих горящих ненавистью рун? Сколько раз ты был готов пожертвовать ею только ради того, чтобы зарубить еще одного ффина или послать через свое тело еще одно заклинание?.. Сколько раз сам ты оказывался на грани смерти или, что еще хуже, плена, *ффинского* плена?.. Сколько раз ты становился глух к гласу своего рассудка ради того, чтобы свежая кровь омыла твои древние письмена... Это ли Предназначение?..

— Мы должны поступать так!

Пылинки дернулись над ятаганом, словно от невыносимой боли.

— Мы должны быть готовы пожертвовать всем, что имеем, ради...

— Мести?.. Да будет тебе... Мести... За что ты мстишь? Ффины ведь не причинили тебе никакого зла. Хватит, нужно признаться себе, что все, сделанное тобою, сделано только потому, что тебя *создали* таким. Вплавляли древние заклинания в твое тело, чем и обрекли на бесконечную ненависть к ффинам. Серии заклинаний, прочтенные над твоим рождающимся сознанием, — это и есть твой путь, навеки запечатленный в звездах... Если ты называешь Предназначением *это*, то я отказываюсь верить в него.

— Отказываешься ты или нет, жизни наши *уже* не такие, какими мы могли бы их выбрать. Но они такие, *какие* они есть, и нам никуда от этого не деться.

Двуручник ответил:

— Да, но это не значит, что надо смириться и ждать «неизбежного».

— Что ты имеешь в виду?

— Что я действительно не верю твоему Предназначению. И в то же время я ищущий свое...

Долго еще молчали Мечи... Долго еще солнце над ними завершало ежедневный обход... Ятаган, казалось, все так же лежал на свету, а двуручник — наполовину в неподвижной тени... Предназначение... Можно ли *найти* его? Не *оно ли* само находит нас? Не оно ли охотник, Которого никогда не сделать добычей?

Казалось, они думали именно об этом, лежа рядом на свету и в полутени, в свете вечной борьбы с ффинами и в тени вечного противоборства с самими собой.

Клэр

Со дня выздоровления Златовласки прошла уже почти неделя. Гарпии научились бояться появления на своих улицах четверки новых жильцов, да и жильцам начал уже надоедать мясной рацион. Злата и Торби все чаще ходили в пустыню за чертовой колючкой, из корней которой они готовили весьма неплохие супы. Суи и Райси дни напролет тренировались в навыках обращения с мечом.

Райси была удивлена умением Суи эффективно применять самые простые приемы, Суи был в восторге от скорости и поднебесной техники Райси. Они сражались до изнеможения, после

чего Райси уходила в тень, а Суи с исступлением машины оттачивал все, что сумел перенять у жрицы за время поединка.

После отдыха, в течение которого из тени до Суи то и дело долетали уничижительные комментарии, Райси снова насадала на него, да так, что он едва успевал парировать ее резкие и жестокие атаки. И изумленные гарпии издали наблюдали за смертельным танцем двух павших с неба лучей.

По вечерам у самодельного очага все дружно пили чай и рассказывали друг другу интересные истории из своих жизней. И смех заливал руины давно умершего города. А иногда очень серьезные темы затрагивались ими...

Суи и Злата с отцом были первыми людьми в жизни Райси, кроме Раэлиэ, которым она рассказала о пещере, и о Драконе, и о своем ятагане. Именно тогда она поймала оценивающий и немного растерянный взгляд Суи, брошенный на ее оружие, и кивнула ему:

— Да, Суи, я сама давно уже приглядываюсь к твоему мечу. Наши мечи оба зачарованные, и хотя руны на них разные, изготовлены они в едином стиле. Это значит, Суи, что наши мечи были выкованы не просто в одном и том же эльфийском мире, не просто в одной и той же кузнице, но даже одним и тем же мастером. Ты знаешь, что на всей Пиллее не найдется и двух десятков подобных мечей, и прекрасно понимаешь, что за свой клинок ты можешь купить пол-Гаксторна: ведь меч твой относится к классу уже не оружия, но *артефактов*, реликвий.

Как ты думаешь, сколько подобных мечей может выковать за свою жизнь кузнец?.. Он будет гением, если создаст один. Наш же мастер создал как минимум два... И оба меча, созданные многие столетия назад, — здесь, с нами, в Гриффе. Не знаю, что ждет нас и для чего нас привели сюда, Суи, но это что-то очень и очень серьезное; и я не удивлюсь даже, если призрак древнего мастера лично явится нам как-то вечером, чтобы пророчествовать о наших судьбах.

Никто не засмеялся шутке Райси, и сама она даже не улыбнулась. Было очевидно, что все они находятся у последней грани напряжения, потому что никто из них не просил такой судьбы. Им было тяжело привыкнуть к чувству, что нечто высшее, чего осязать они не могли, нависает над ними каждый день, каждую секунду и что каждое мгновение может вновь все переменить в их жизнях. Незнание угнетала не меньше, чем неизбежность.

А потом воздух в комнате начал вибрировать, и вибрации становились все интенсивней.

— Как же это?.. — непослушными губами прошептал Суи и беспомощно уставился на Райси.

Райси побелела и точно так же посмотрела на Суи: в комнате открывался портал.

— Это... — прошептала Златовласка.

Райси отрывисто кивнула. Медленно вынула из ножен ятаган. Посмотрела на Суи. На Торби. На Злату.

— Ты побежишь к Складам, — сказала она кочевнице тихо. — Взорви их... Оружие не должно достаться ффинам.

Суи поднялся со скамейки и медленно высвободил из перевязи свой двуручник.

— Беги! — прикрикнул он, и когда Злата выбежала, посмотрел на Райси. — Может, это оно и есть... наше *предназначение*... Может, это и была наша судьба — прийти в Грифф и погибнуть вместе с секретами прошлого, не позволив им попасть в ффинские лапы... Может, лишь для того изучал я Оружие, чтобы Злата сумела взорвать Склады?..

Торби тоже поднялся, обнажил оружие и запер дверь подвала на засов.

Воздух в комнате густел и был готов открыться пронзающим пространство телепортом. Суи крутанул мечом и вновь с трепетом ощутил, как лезвие разрезает воздух. Райси смотрела на портал и шептала заклинание... Ее левая рука, протянутая вперед, начала светиться у запястья и в ладони, заряжаясь энергией для магической атаки. Торби по-самурайски занес меч над головой...

И тут портал открылся. Из него вышел один-единственный человек. Первоматерия сомкнулась за его спиной. И в одно мгновение кровь отлила от лица гостя, когда он увидел крутящийся меч Суи, горящую руку Райси, а спиной наткнулся на острие меча Торби.

— И... и... звините... — едва выговорил этот человек. — Я, наверное, немного ошибся координатами... Как же так?..

Он беспомощно посмотрел на удивленного Суи, не прекращающего, впрочем, вращать двуручником.

Рука Райси снова стала просто рукой.

— Ты не мог ошибиться менее удачно, — холодно сказала она, изучая гостя пристальным взглядом.

— Это Грифф, маг, — добавила она едва слышно.

Глаза мага полезли на лоб, и Суи с усмешкой остановил вращение клинка:

— Что, закинуло тебя?..

Маг удивленно посмотрел на него:

— Да я вообще-то сюда и направлялся... Но мне сложно понять, что тут делаете вы?..

Жесткий взгляд Райси предупредил Суины задушевные разговоры. Она медленно положила ятаган на стол и так же медленно протянула руки в сторону мага. Ее пальцы едва заметно завибрировали.

— Э!!! — возмущенно закричал маг, глупо махая руками. — Кто разрешил?.. Кто разрешил, я спрашиваю?!!

Морщась от боли, он попытался выставить блок, но Райси сложным жестом своих рук смахнула защиту прочь. Тогда маг попытался дотянуться до ее ятагана, но два меча преобольно укололи его: один — вовсе не казавшийся ему таким длинным — в горло, а второй — до сих пор ощущаемый лишь через кафтан — под левую лопатку. Маг вскрикнул и в отчаянии опустил руки, громко постанывая и мученически кривясь.

Прошло не менее минуты, прежде чем Райси присела на скамью, устало, но в то же время с интересом глядя на мага. Тот шипел от боли, сжимая руками виски, должно быть, таким образом пытаясь удержать голову от обращения в пар.

— Ты знаешь, что это крайне неэтично... — прохрипел он, — что мысленный сканнинг допустим к применению только с обоюдного согласия... что это очень болезненно, — он зашептал что-то себе под нос и застонал, — и что эта боль не снимается заклипаниями...

— Прости, маг, — усмехнулась Райси. — Мне нужно было знать, кто ты. Ты мог быть ффинским разведчиком, замаскированным под человека чернокнижниками. Мы поначалу и приняли тебя за самую настоящую атаку ффинов...

— Атаку ффинов?.. — усмехнулся маг. — За атаку на кого?.. Грифф давно уже пустынен, и ффины потеряли его эфемериды, как и люди, впрочем. Я имею в виду, что никто не знает, где этот город, и его... ну, опорные коор...

Райси усмехнулась:

— Я знаю, что такое эфемериды, маг. Только вот, — поправила она его, — нет ничего такого, о чем не знал бы *никто*. И совсем недавно у стен этого *никому неизвестного города* была уничтожена целая когорта ффинской пехоты. Не предполагай даже, что они заблудились: они преследовали меня и хотели убить.

— Когорта?.. — удивился маг. — И кто же, позволю уточнить, уничтожил эту самую «целую когорту ффинской пехоты»?..

— Он, — кивнула Райси в сторону Суи и тепло улыбнулась его укоризненному взгляду.

— О-он?.. — во взгляде мага промелькнуло любопытство, смешанное с обидой, как у человека, который понимает, что его разыгрывают, но не понимает, зачем. — На мага он не похож, хотя, честно сказать, сложно представить себе даже боевого суперскаута, способного в одиночку справиться с целой когортой ффинов. Как же *ему* это удалось?..

— Древним Оружием, — Райси все так же весело смотрела на мага.

— А-а-а... — протянул тот. — Ну да, ну да... как же я сам-то не догадался... Древним, значит, Оружием.

Он состроил оскорбленную мину и тяжело вздохнул:

— Скажи мне лучше, чего ты от меня хочешь. Пичкаешь разными небылицами и не отпускаешь, а раз не отпускаешь, значит, тебе надо что-то, хотя я начинаю догадываться, что. Одного я не могу понять: как это ты, человек образованный, маг, высшее сословие, как это ты спуталась с этими... с этими *двумя*?

— Так ты же у нас умный, — рассмеялась Райси. — Может, сам и расскажешь про нас-то... как мы все тут друг с другом спутались... А?..

— А думаешь, не расскажу, — разозлился маг. — Думаешь, побоюсь?..

— Нечего мне бояться, — тихо закончил он, косясь на Суин двуручник.

— Ну так давай, чего молчишь? — подстегнула его жрица.

— А чего тут молчать, — снова разозлился маг, — тут и так все ясно. Ты магичка, отступница, обозленная на весь мир и скрывающаяся на его краю от какого-то вполне сердечного, думаю, разочарования. Браслетами на руке неумело маскируешься под представительницу жрицких племен, Ра-подобную, хотя среди них очень мало путешественников, и если кто из них и путешествует, то только в одиночку и сбродом из разных миров не обзаводится. К тому же, в большинстве своем, жрицы эти — алкоголики женского пола, почитаемые за святых разве что по ограниченности ума соплеменниц. В Гильдии ты была не последняя, судя по твоему ятагану, хотя и особого шума по поводу исчезновения кого-то, на тебя похожего, я не припомню.

— Он, — кивнул маг в сторону Суи, — беглый кнехт. По ладоням видно: шире только у кузнецов. Меч у него эльфийский, должно быть, он-то и является причиной бегства.

— Князь за меч, небось, пару уделов отдал? Ты хоть князя не убил?.. — спросил он у Суи и в ответ на мрачный взгляд усмехнулся. — Что, не нравится правда-то?..

— Он?.. — кивнула Райси в сторону Торби.

— Он?.. Кочевник. Что, не видно что ли? Тюрбан вон уже сколько не носит, а лоб все никак не загорит. Меч у него явно ффинский, должно быть, в одном из набегов подобрал... А в куче, вы все — свора бандитов, отыскавшая себе самое надежное из всех убежищ и с твоей помощью терроризирующая настолько разные измерения, что поймать вас невозможно. Ну что, умею я складывать картинки?..

Райси посмотрела на него с кривой усмешкой.

— Картинки все мы умеем складывать, — устало вздохнула она. — Да не все — правильные. Твой шедевр как раз из последних, маг. Суи действительно кнехт, действительно беглый, но никого он не убивал, а меч свой забрал у ффина в честном бою, — она улыбнулась Суи, — если принять во внимание предположение о том, что Древнего Оружия не существует. Беглый он, потому что мечникам барона в поединках носы утирал, а самого в мечники не брали, а только кнутами угощали, чтоб не зарывался. Торби — кочевник, но меч свой он подобрал не в набеге, а на поле. На том самом поле, где ффины под корень вырезали его племя. Я не маг, и в Гилддии не состояла и никогда не стремилась туда: недостаточно еще отупела для этого. Я действительно представитель жрицких племен, Ра-подобная; да, не простая, а единственная, та, что должна была стать Верховной Жрицей, но была оторвана от ежедневных забот своею собственной судьбой. А ты — Клэр Книгарь, представитель древнего рода, дурак, неуч и невежда.

— Да что вы тут городите?! — после небольшой паузы заорал Клэр. — Вы что, пытаетесь убедить меня, что вы все правильные и правдивые, и хотите, чтоб я поверил во весь этот бред небывалый, особенно про Древнее Оружие? Да я докторскую защищал по Древнему Оружию, и уж кто-кто, а я знаю, что Древнее Оружие было просто первыми прорывами магии на Пиллею, тем, что люди еще никогда не видели, а потому и приписали ему высшее происхождение. Нет вашего Оружия, нет, и не было никогда, а вы — свора бандитов и...

Договорить свою патетическую речь ему не удалось, потому что в этот момент дверь в комнату сорвало с петель взрывом чудовищной силы. В дверном проходе стояла Злата и, ничего не соображая от волнения, поливала все, что видела, из лазера.

Клэр мигом свернулся под столом, Торби прижался к стене от греха подальше, Суи с диким гоготом отпрыгнул в сторону, а хохочущая Райси с трудом отражала один импульс за другим, пытаясь одновременно докричаться до Златовласки. Но та наконец и сама увидела свою, так сказать, ошибку и испуганно заглянула в комнату, полную дыма:

— Ой, а я думала, вас всех уже перебили... эти ффины...

— В одном ты права, — все еще смеющаяся Райси попыталась вытереть слезы, но только размазала по лицу сажу с ладоней. — Только что нас действительно чуть всех не перебили.

Суи, услышав эти слова, снова загоготал, периодически давась кашлем от пыли и гари; за ним, с немалой паузой, зашла нервным хихиканьем Злата; Райси продолжила начатое; завершил же все грохочущий бас Торби.

— Ты не додумалась, как взорвать Склады? — Райси снова размазала сажу по лицу.

Суи, ласково улыбаясь, протянул ей льняную тряпицу для меча. Райси посмотрела на нее, посмотрела на Суи, постучала себя по лбу и снова повернулась к Златовласке:

— Не взорвала ведь?..

Та беспомощно развела руками:

— Суи так и не научил меня пользоваться ядерным оружием... Я пыталась сделать что-то сама, но у меня ничего и не получилось... Вот я и схватила лазер...

Суи все так и стоял, с болью глядя на тряпицу в своей руке, а потом с силой стиснул ее в кулаке, осмотрел комнату и быстро вышел на улицу.

— Зачем ты с ним так?.. — Торби непонимающе смотрел на Райси. — Он же просто хотел тебе помочь... Тебе в голову не приходило, что он, возможно, хочет забыть свою боль... забыть ту, которую не уберег? А мы не даем ему обрести покой?..

— Да как это так — забыть?! — возмутилась Райси. — Он ведь вроде любил ее...

Торби долго смотрел, а потом постучал по лбу себя.

— Утерянная любовь может возвратиться, если человек того заслуживает... — сказал он, выходя из подвальчика вслед за Суи.

— В отличие от утеряннго разума, — добавил он уже с лестницы.

Злата долго смотрела на Райси, потом медленно повернулась и тоже вышла.

Райси тяжело вздохнула, чертя в воздухе горящий рисунок заклęcia, и телепортировалась на свое излюбленное место на Гриффовом плато: ей вдруг очень захотелось побыть одной.

Клэр медленно вылез из-под стола, осмотрел дымящиеся выбоины в стенах подвального и, ничего не понимая, нерешительно пожал плечами.

Снова Клэр

— Итак... — тихо и неуверенно заговорил Клэр, когда все они собрались опять. — Итак. Все получается совсем уж не человечески. Древнее Оружие существует... Я до сих пор не могу прийти в себя от той воронки — а существует оружие еще в тысячи раз мощнее. Сила, которой мы, маги, обладаем, оказывается ничем по сравнению с силой простых солдат, всего-навсего правильно вооруженных. Кажется, что мир сошел с ума, и все меняется так стремительно, словно готовилось к этому столетиями.

— После твоего открытия, — кивнул он в сторону Суи, — Пиллея не сможет остаться прежней, как бы мы этого ни хотели... Все это словно начало какой-то сказки... или же кошмара.

— Ты говоришь, что мир меняется, — Суи скрестил руки на груди, — что его готовили к этому. Но ты имеешь представление о том, что это? Кто и к чему готовил мир?..

Клэр отрицательно покачал головой:

— Не понимаю... Я не понимаю.

Суи посмотрел на Райси. Та многозначительно повела бровью и вздохнула:

— Я понимаю.

Спокойно выдержала четыре изумленных взгляда, а потом усмехнулась:

— Да не смотрите на меня так... Не самая я умная, а просто единственная, кто копался в его мозгах, — кивнула она на Клэра. — А знание Клэра о самом себе ограничено святой верой в собственную гениальность.

— Без обид, — примирительно улыбнулась она, и Клэр закрыл открывшийся было рот.

— Дело в том, Клэр, — обратилась к нему Райси, — что до твоего прихода все было сложным и запутанным, словно рассыпанные осколки витража; я складывала их и так, и эдак, но ничего не получалось. Я злилась на себя, хотя мои способности были ни при

чем. Просто не хватало самой важной части головоломки — тебя. Когда я заглянула в твой разум, то поняла, как мы заблуждаемся в оценках и догадках, насколько себялюбиво распланировали мы свои жизни, с рождения не нам принадлежащие.

Она замолчала, улыбнувшись своим внимательным слушателям, а затем продолжила:

— Пусть Клэр расскажет немного о себе, о родне своей и о пращуре своем древнем, о том, кого звали Клэром Великим. Мы внимательно выслушаем его — и недостающая часть осколков появится перед нами. А когда он закончит, я сложу осколки в витраж.

Некоторое время все смотрели на нее, ожидая новых слов, но она уже кивала Клэру:

— Рассказывай, маг, мы внимательно тебя слушаем.

Клэр непонимающе глянул на Суи, на Злату, на Райси:

— Так а что рассказывать-то?.. Что рассказывать?..

— О себе. И о своем происхождении.

Клэр пожал плечами:

— Ладно... расскажу, если вам это так интересно. Чего там... Я не шпион какой-то, чтоб с вами в молчанки играть. Я Клэр, Клэр Книгарь...

Первое имя неизменно получают все мальчики в нашем роду, оно переводится с какого-то древнего языка как «шаман». Все мальчики нашего рода обязаны пройти подготовку в Гаксторнской Академии и получить магический титул. Я, например, доктор наук, профессором не стал еще, в Грифф летел для сбора информации о древней Гриффовской библиотеке, так как на эту тему я пишу работу.

Что еще?.. Второе имя я получил, как и все в моей династии, в двадцать пять лет. Маги, вы знаете, живут подольше простых... э-э-э... всех остальных, и двадцать пять мне исполнилось почти семьдесят

лет назад. Хотя, с другой стороны, семьдесят лет для мага — это словно столетие для цивилизации: вроде бы и немало, а остановиться, в общем-то, и не на чем. Имя Книгарь я получил потому, что за книгами просидел практически все время, прожитое мною на этом свете.

В детстве я не играл со сверстниками, а когда меня спрашивали, почему, то отвечал, что это неинформативно. В молодости — я имею в виду, еще до того, как закончил Академию — меня почти не интересовали подруги: в том, чтобы тратить время, притворно восхищаясь их мнимым остроумием, особого смысла я не видел, а искать тех, с кем действительно стоило знакомиться, мне было некогда. Я не люблю торжественные приемы, которые то и дело устраивают члены Академии: ведь рецензии на мои работы звучат на заседаниях Академического Совета, а на приемах я слышу просто их разнообразные интерпретации, причем иногда не в самой лучшей форме. Я предпочитаю работу отдыху, а знание — личному счастью... Меня считают идиотом, хотя никто не называет так вслух... Идиот — это ведь человек неоцененный, вспомните хотя бы древнюю индивидуалистическую философию...

— Клэр...

— Ты говорила, что перебивать не будешь, — укоризненно посмотрел он на Райси.

— Ладно, не хотите о Достоевском, значит, не будем... Идиотом меня назвать нельзя, потому что мои работы всегда были успешны и высоко оценены. Может, я действительно не особо какой маг — прикладная магия всегда была для меня мукой, мои порталы не раз открывались в скалах или под водой, — но ученый из меня получился достойный. Я являюсь автором восьми научных монографий о природе Параллелей; вектор, существование которого я предвидел еще до его открытия, назван моим именем. Я первым исследовал природу надстационарных порталов, известных в простонародье, — он немного замялся и кашлянул, — ну, в общем, известных как «границы миров»... Я исследовал их настолько глубоко, что сумел выдвинуть теоретически обоснованное доказательство их неприродного происхождения и, кроме того, доказательство возможности влияния на них с целью изменения их пропускной способности и векторной направленности. Это исследование положило начало новому научному течению, которое тоже, как и тот вектор, назвали моим именем. Конечно, мне кажется, что «директизм» звучало бы лучше, потому что со староанглийского это можно было бы перевести как

«учение о возможности управлять», но волею моих коллег учение стало называться «клэоризм».

Что еще?.. Отношения у меня с коллегами теплые, а напыщенных баранов и овец я за коллег считать отказываюсь принципиально.

Клэр перевел дух.

— Теперь о предках... Действительно, был у меня такой предок Клэр Великий, по крайней мере, так говорят легендарные свитки, почитаемые моим родом за святыню. В свитках говорится, что примерно два тысячелетия назад мой пращур явился в гномий мир и приказал гномам выковать Семь Великих Мечей. Год гномы трудились над его заказом, пока сам Клэр объезжал людские королевства, призывая их на войну с ффинами, убеждая правителей в необходимости уничтожения ффинской оккупации Гриффа, — иначе в сатанинские лапы могут попасть величайшие тайны прошлого.

Клэр говорил со всеми: с баронами, с князьями, с простыми крестьянами, — зажигая своим огнем и тех, кто уже был верен ему, и тех, кто приходил на площади послушать его от скуки или из любопытства.

Когда он закончил объезд земель эльфов и друидов, вся Пиллея воспламенилась его идеей. Собирались величайшие армии, какие только видел наш мир; объединялись земли, враждовавшие столетиями; дворяне вместе с простолюдинами ели одну и ту же похлебку на привалах.

Мечи, обещанные воеводам, к тому времени были уже выкованы, но Клэр остался не совсем доволен гномьей работой. Он отдал мечи на доработку эльфам. Эльфам пришлось призвать в помощь Драконов, потому что одни эльфы не смогли воплотить в металл великие требования Клэра Великого... Но и на этом работа не закончилась... Для завершающей стадии из Гаксторнской Академии были приглашены маги, а с самого края света — отступники их Гильдии, некромансеры.

Когда все собрались, маги наотрез отказались работать с отступниками, так же как и некромансеры не хотели иметь ничего общего со своими предшественниками. Никто не мог переубедить их... Но всего полчаса наедине с главами двух враждебных Орденов понадобилось Клэру, чтобы те вышли из его походной палатки пристыженными и усмирненными, готовыми на все ради вновь обретенной веры.

Больше трех недель работали они над Клинками, и выбранное ими измерение содрогалось до самого основания от пробужден-

ных стихий. Когда истек срок, Семь Мечей были отданы в руки тех, кто еще не знал о своем грядущем бессмертии.

Один из Мечей, освященных магами, был передан народу эльфов во главе с прекрасной и жестокой королевой, чье имя будет переведено позже как Алая Мудрость. Второй Меч получил величайший из воинов-магов, которого собратья прозвали Ведуном: казалось, он умел видеть самую суть событий, не обманываясь формой, — словно был всезрячим. И Третий Меч, освященный магами, получили некромансеры, доказавшие свою преданность людским идеям. Имя носителя этого Меча переводилось как Посланник Небес, и говаривали, что когда-то давно он посещал сами Небеса, приглашенный туда Ангелами, до того как некромансерово учение омрачило его сознание. Три некромансерских Меча были распределены так же, как и человеческие. А последний Меч, над которым трудились как маги, так и некромансеры, Клэр Великий оставил себе.

Ну, что было дальше, известно: Поход, Сияние Божьего Пламени, разрушение Гриффа... Об этом говорить не стоит.

В легенде есть, пожалуй, еще один момент, на который необходимо обратить внимание: после окончания Похода Клэр Великий забрал все Семь Мечей у тех, кому он дал их. По преданиям, он сказал, что Мечи — слишком грозное оружие, чтобы обнажать их не во время грозы. По преданию, он отвез Мечи в самые дальние уголки Параллелей, припрятывая или отдавая на сбережение лишь тем созданиям, в ком был уверен. Об этих его поездках известно мало, разве лишь, что самый сильный из Светлых Мечей он отдал на сбережение Дракону на самом Краю Света.

Клэр усмехнулся:

— Так ведь и написано — на самом Краю Света... Вот... Ну что, теперь уж точно все... Только вот насчет Клэра Великого... Это ведь просто легенда. Если в том, что я рассказал о своей жизни, я точно уверен, то в сведениях, дошедших до нас, о жизни его...

Райси посмотрела на него, усмехнулась, медленно вынула из ножен свой ятаган и так же медленно протянула его рукоятью вперед. Отрывисто кивнула Суи, и тот сделал то же самое.

Долго-долго Клэр смотрел то на Райси, то на Суи, не решаясь принять оружие из их рук.

— Нет, нет... — умоляюще прошептал он, отводя взгляд от мечей. — Прошу вас, не говорите мне, что это была не просто легенда...

— Доказательства есть у тебя голове, — тихо сказала Райси. — Когда я нанесла визит твоим мозгам, то увидела лишь общую картину... Закончить ее придется тебе самому.

С полувсхлипом-полустоном Клэр принял мечи и долго разглядывал их. Потом медленно поднял уже ничему не удивляющийся взгляд:

— Да, это **Мечи**... Твой, Райси, — это как раз самый сильный Светлый, а твой Суи — это единственный двуручник из всех Семи, тот, над которым работали и маги, и некромансеры, тот, который был в руке Клэра Великого в сражении у Гриффовых стен...

Не дрогнув, он провел лезвием ятагана по своей ладони и, глядя, как кровь поднимается из глубины пореза, подытожил:

— Это не сон...

Райси и Суи убрали Мечи подальше от Клэра, пока тому не захотелось проверить еще какую-нибудь из своих догадок, а затем Суи взглянул на Райси:

— Многое становится ясным, но ты обещала до конца сложить витраж...

— А нечего тут уже складывать, — усмехнулась жрица. — Все очень просто. Начинается Второй Поход против ффинов. Снова собираются Мечи; и когда их снова будет Семь, опять придет гроза и сверкание молний наполнит мир Божьим Пламенем.

Оглушительная тишина повисла в комнатухе, а потом Клэр вздохнул тяжело:

— Боюсь вас разочаровывать, но Семи Мечам не дано уже собраться вместе...

Молящая улыбка была ответом их изумленным взглядам.

— Моя псевдогениальность... Она сыграла с нами злую шутку. Я тут не рассказал кое-что, но скрывать это теперь нельзя.

Он снова вздохнул... еще протяжнее и тяжелее.

— Все дело в том, что один из Мечей был у меня в руках... Один из Светлых, второй после твоего по силе, Райси. Но я не верил в легенды... Я взялся было доказать, что он подделка. Лишь инструмент для контроля толпы. Ничего конкретного я доказать не смог и постепенно отошел от этой идеи... К тому же появилась новая и очень живая работа, связанная с надстационарными порталами. Так что я спрятал Меч подальше от глаз — в подвале родового замка... Это в тринадцатом мире... Год назад его завоевали ффины.

Все молчали, не в силах поверить услышанному.

— Ты не смог вывезти меч? — полуспросила Райси.

Клэр замотал опущенной головой.

— Зачем вывозить бесполезную подделку?.. — всхлипнул он. — Ффины, наверняка, уже нашли его...

— Клэр, успокойся... — одернула его Райси и добела сжала пальцы на рукояти ятагана.

— Конечно, ффины могли найти Меч, — заговорила она. — Но после всего случившегося с нами, это может оказаться проверкой.

Суи понял ее усмешку и улыбнулся в ответ. И пока Клэр переглядывался со Златой, Суи поднялся на ноги.

— Все правильно, Райси... Мы можем доказать, что способны на что-то, лишь своими поступками. Говори, что из Оружия надо взять.

Райси вздохнула немного даже виновато:

— Кажется, я начинаю понимать, за что та девушка любила тебя: ты ведь так чарующе безрассуден... Но сейчас никакого Оружия мы брать с собой не будем. В Клэрово измерение пойдут всего двое: я и Клэр, — причем свой ятаган я тоже оставлю здесь. Мы не имеем права рисковать тем, что получили Свыше... Ты останешься возле Складов, Суи, потому что никто, кроме тебя, не сумеет взорвать их в случае необходимости.

— Злата, наверное, сможет...

— Нет, Суи, прости, что перебиваю тебя... Ты сроднился со своим Оружием еще до того, как нашел путь в Грифф... Ты знаешь, как и что работает еще до того, как возьмешь эту вещь в руки. Однако ты ведь не сразу научился этому... Полтора года устремленья, не забывай. А у нас нет даже недели на то, чтобы доучить Злату, не говоря уже про целый год... Мы с Клэром выходим сегодня вечером.

— Но почему ты тут командуешь?..

Райси ласково улыбнулась ему:

— Ты забываешь, Суи... Я ведь Жрица... Ра-подобная... Та, кого на моей земле звали не просто Райси, но Райси Некоронованная.

Клэр и Райси

Мир, куда они пробирались почти неделю, встретил их неласково. Серое небо над головой, морозящий дождь, насквозь промокшая одежда, да косые взгляды ффинов-гвардейцев, устало бредущих по тракту.

Тракт был старый, избитый за сотни лет тысячами ног. Иногда тракт чинили, но проходило немного времени — и он снова

нуждался в ремонте, потому что чинили его всегда кое-как. Клэр прекрасно помнил, как градохранитель из раза в раз говорил его отцу, что у этого мира, как и у всех других, есть лишь две беды — дураки, которые чинят дороги, и дороги, которые вновь нуждаются в починке. Отец сочувственно вздыхал и подписывал очередной банковский счет. Крестьяне любили его за это. Не за банковский счет, конечно, а за то, что он никогда не оставался равнодушным к их бедам, какими бы мелкими они ни казались.

Крестьяне, за которых ффины принимали их сейчас, были давними жителями этой параллели, трудягами ее бескрайних полей. Приход ффинских орд застал их врасплох. Практически никто не успел убежать в другие людские измерения, и тысячи землепашцев стали дармовой рабочей силой для ффинов.

Говаривали, что даже остатки их свободы будут у них отобраны, когда ффинские фермеры переселятся сюда. Что ожидает крестьян, не знал никто, но все предполагали нечто ужасное, например, раздачу людей в рабство ффинам, а более жестокое будущее выдумать было сложно. Пока люди еще имели некоторую свободу перемещения по миру, хотя все попытки побега жестоко карались отрядами, охранявшими границы миров.

Около трех месяцев назад ффины переселили несколько деревень неизвестно куда. Люди начали возмущаться, но любые попытки восстаний жестоко подавлялись, причем карательные отряды уничтожали не только повстанцев, но и тех, кто им помогал. Это было так ужасно, что крестьяне в самых светлых мечтах не заходили теперь дальше визита к родственникам в соседнюю деревушку.

Ходили, правда, слухи, что отчаянные сорвиголовы создали отряды ополчения, но после того как ффины на куски изрезали восстание в недалеком Хармоне, все это больше выглядело сказками, которые люди сочиняли сами для себя.

Тринадцатый мир все более смирялся со своей незавидной судьбой и все более превращался в очередное измерение, оккупированное ффинами.

Клэр и Райси медленно брели по дороге, они вымокли и устали, их чувства притупились: безысходная атмосфера этого мира делала серыми самые прекрасные мечты. У них не осталось сил даже на слабую улыбку, когда сквозь завесу дождя вдали показались мрачные очертания Клэрова замка.

— Почти пришли, Райси, — осипшим голосом сказал Клэр.

— Вижу, — тихо ответила Райси.

В воздухе все больше сгущалось напряжение, и все более ощутимым становилось отсутствие оставленного в Гриффе оружия.

Клэров замок возвышался перед ними, придавливая громадой своих сырых стен. Никогда еще Клэр не видел его таким мрачным и угрюмым.

Два стражника у ворот равнодушно оглядели их.

— На перепись? — глухо, как из бочки, спросил один.

— Да, — резко ответил Клэр.

— Тогда проходи, чего вылутился?! — рыкнул другой, но рыкнул как-то беззлобно и обыденно.

Они прошли мимо, пряча под капюшонами напряженные взгляды.

— Райси... — Клэр поднял с земли листок бумаги и протянул его своей спутнице.

«Указ Лорда Т'Хадара.

Всем жителям деревни (название деревни вписано корявыми и совсем непохожими на почерк писца буквами) в месяце (вписано) числа (вписано) явиться в замок Т'Ханд для переписи и контроля.

Магистрат Земель Лорд Т'Хадар (без подписи)».

— Что тут происходит? — тихо и как-то жалобно спросил Клэр. — Что...

— Тихо, дурак, — прервала его Райси. — Не канючь, а то вон и так стража на нас пялится: видано ли — грамотные крестьяне... Идем скорее отсюда.

Быстро и по возможности неприметно они направились ко входу в замок, но резкий окрик заставил их замереть на месте.

— Куда собрались, бродяги беспородные?..

Они обернулись и увидели невдалеке стражника, вынимающего из ножен меч, и другого рядом с ним, поднимающего заряженный арбалет.

— Не стреляйте, мы на перепись!.. — закричала Райси, усилив воли подавляя желание выставить магический блок.

— На... куда?.. — переспросил ффин с арбалетом.

— На перепись... населения, — Райси подняла вверх руку с грязным листком бумаги и помахала им.

Ффин с арбалетом глянул на мечника и что-то спросил у него. Тот, ничего не понимая, широко развел руками, а потом кивнул куда-то в сторону. Арбалетчик сам пожал плечами, а потом крикнул:

— А что ж вы так поздно?.. Ваши—то все еще вчера поприходили. Сегодня и не было почти никого.

Клэр хотел что-то сказать, но Райси толкнула его локтем в бок:

— А мы недавно из гостей, потому со всеми и не успели.

Стражник помолчал немного, а потом махнул в сторону, куда недавно кивал мечник:

— Туда идите, там есть времянка, там вас и перепишут.

Райси показалось, что стражник ухмыльнулся, но завеса дождя могла и обмануть.

Медленно побрели они в указанном направлении. Райси шла настороженно, пытаясь подготовить себя к любым неожиданностям. Клэр был испуган; с трудом переставляя одеревеневшие ноги, он принюхивался к окружающему, как щенок в новом месте. Райси и сама давно учуяла беспокоивший его запах, только виду не подавала... Она очень хорошо помнила этот запах, встречавшийся во многих мирах. Вокруг пахло кровью. Пахло железистой, только что вылившейся кровью, пахло кровью, уже свернувшейся, и кровью, намертво впитавшейся в землю. Райси не могла понять, откуда шел запах, но одно она знала точно — ничего хорошего он им не предвещал.

У одной из стен замка за могучим вековым дубом, по которому, наверное, еще дети Клэра Великого лазали, приютилась маленькая времянка, отгороженная от второй половины двора высоким, наспех сколоченным забором. У входа во времянку стояли двое ффинов. Увидев Клэра и Райси, один удивленно посмотрел на второго и спросил:

— Это еще что мне тут такое?

Второй, в котором Райси с удивлением распознала слабенького чернокнижника, смотрел на них настороженно.

— Мы крестьяне, — тихо подал голос Клэр.

— На перепись? — спросил ффин.

Райси и Клэр дружно закивали. Ффин пожал плечами и повернулся к другому:

— Должно быть, староста ошибся... Ну, давайте... заходите...

Он повернулся и зашел во времянку. Следом за ним зашел второй ффин, а затем и Райси с Клэром.

Райси ожидала чего угодно — вопросов о происхождении, о занятиях, — но дальнейшего не мог предвидеть никто. В полном молчании первый ффин подошел к столу, взял с него меч и под монотонный говор второго ффина рубанул клинком с широкого

замаха. Опешившая Райси, ничего не понимая, моргнула, увидев летящую на нее сталь; но потом тело взяло контроль на себя, и резким изгибом она ушла в сторону, едва успев избежать чудовищного удара. Струя жидкого пламени сорвалась с ее ладони потоком напряжения и с шипением вгрызлась в грудь ффинскому мечнику. С хрюкающим криком отлетел он к стене, и грохот удара сотряс времянку. Молниеносным движением Райси выхватила из воздуха падающий меч и, шагнув ко второму ффину, вывернула оружие на атаку. Округленные глаза, резко расширяющиеся от страха зрачки да булькающий хрип в горле чернокнижника: меч достал концом лезвия его грудь. Ффин охнул; инерция движения, впитанная из клинка, отбросила тело на стол, и тот с треском сломался, рассыпая по полу свитки пергаментов и разливая содержимое чернилниц.

— Что... — начал было Клэр, но его прервала распахнувшаяся с другой стороны времянки дверь.

В проеме возникла удивленная ффинская морда.

— Что... — заговорил ффин, но Райси была уже рядом, и меч врезался в него смертоносной дугой.

Райси нанесла страшный удар, и клинок, резко теряя скорость, разрубил ффина почти пополам, застряв в позвоночнике. Если бы подобный удар нанес Суи, тело развалило бы надвое. Ффин со страшным хрипом осел на пол, конвульсивно дергая ногами. Райси выпустила меч из рук и выхватила из его лап короткий палаш. Двумя быстрыми шагами она пересекла комнату, готовясь добить обожженного мечника, но такой необходимости не было: в дыре, пропаленной огнем, виднелись дуги ребер; сердце и легкие были испепелены. Ффин у двери отупело посмотрел на меч в своем животе, дернул ногами еще раз и затих.

— Что тут происходит? — наконец выдавил из себя Клэр.

Райси зыркнула на него и подошла к двери. Она осторожно выглянула на улицу — и обомлела. Смрад, так беспокоивший ее, шел именно отсюда: во дворе, отгороженные от мира недавно сколоченным забором, чернели ямы с сотнями, тысячами порубленных крестьян.

— Ах вы мрази! — тихо выдохнула Райси.

— Что?.. — выглянул из-за ее плеча Клэр, присмотрелся и сложился пополам в приступе рвоты.

— Ах вы мерзкие твари! — уже с бешенством в голосе повторила Райси. — Ах вы... Ну ничего.

Она быстро подошла к разрубленному ффину и резко потянула меч на себя... Тот не выходил, крепко увязнув в позвоноч-

нике. Райси с остекленевшими глазами уперлась ногой ффину в грудь и обеими руками взялась за рукоять. С противным влажным скрежетом меч вышел наружу. Клэра стошнило снова.

— Ну ничего, ничего... Сейчас мы поквитаемся, — она провела рукой вдоль лезвия, и кровь, покрывающая его алой пленкой, ярко загорелась и исчезла.

— Что уставился?! — рыкнула она на Клэра. — Надевай балахон вот этого!

Она кивнула на относительно целого ффина, получившего мечом в бок.

— Пристегнешь тесак, сделаю тебе ффинскую морду колдовством и поведешь меня в замок.

— Ох доберусь я до вас... — неопределенно сказала она, зло крютанув мечом.

Клэр сглотнул и поблагодарил Бога за то, что не числится в списке врагов Райси. Райси повернулась к нему и, вытянув руки перед собой, едва слышно зашептала заклинание. Так же, как это было в Академии, Клэр почувствовал, как немеет кожа лица, на которую ложится узор маскирующей магии. Райси опустила руки, критически оглядела спутника, но увидела лишь обыкновенного ффина, скрипнула зубами и протянула ему полторный ффинский меч.

Они молча вышли из временки, и Райси решительно направилась к центральному входу в замок. Клэр с трудом догнал ее и схватил за руку.

— Райси... — сказал он тихо. — Не надо. Это самоубийство. Нам незачем идти через центральный вход. Есть ведь ход черный.

Райси посмотрела на него жестко и очень страшно, и было видно, что здравый смысл сражается в ней с дикой жаждой крови. Потом взгляд ее опустился к земле.

— Веди... Веди к своему черному ходу, Книгарь.

Он быстро провел ее через задний двор — тот был пуст и никто не увидел их. У самых дверей Клэр оглянулся на Райси, беспомощно дергая за ручку:

— Закрыто, Райси...

— Да? — съязвила жрица и легонько прикоснулась кончиками пальцев к щеколде замка.

Приученный к магии, Клэр заметил голубой импульс огня, метнувшийся по ее руке, после чего замок с грохотом вывалился вовнутрь.

— Веди, Книгарь, — сказала она, злобно пнув дверь ногой.

Клэр вздохнул глубоко и пошел вперед, слыша за спиной кошачьи шаги Райси. Его очень волновал произведенный шум, так как по длинным каменным коридорам отзвуки могли распространяться чуть ли не бесконечно, затихая немного лишь на крутых поворотах.

Клэр волновался не напрасно: не успели они пройти и ста шагов, как из ниши в стене на них кинулся ффин, должно быть, охранник, разбуженный грохотом. Напасть на них, впрочем, было не самой удачной идеей, в чем он убедился, когда Райси мягко, прямо-таки нежно прикоснулась кончиками пальцев к его шее. Новый импульс голубого пламени ударил со звуком падающей на землю кувалды — и тело ффина отбросило назад, в ту самую нишу, откуда он выскочил. Охранник лежал неподвижно — из его ушей и носа медленно вытекала темная кровь.

Райси не стала прятать труп; перешагнув торчащие в коридор ноги, она пошла дальше... Книгарю ничего не надо было объяснять: он и так понимал, что Райси не хотелось прятаться, что она хотела одной большой драки. Правда, что она могла сделать в этой драке одна (какой из Клэра боец?!), он не знал, но каким-то глубинным чутьем подозревал, что она может и погибнуть. Поэтому он спрятал труп. Поэтому и повел ее тихими коридорами тайных ходов, которые тщательно изучил еще в детстве.

Они медленно шли вперед, оскальзываясь на вековом моховом наросте, счищая целые пласты лишайников, чтобы открыть очередную потаенную дверь, натываясь в темноте на каменные углы и спины друг друга, но никем не замеченные.

— Райси, ну сотвори ты свет! — не выдержал наконец Клэр.

— Сам сотвори! — огрызнулась Райси. — Как великий ученый, ты должен знать, что алкоголики диких племен прекрасно видят в темноте.

Клэр поканючил еще немного, а потом все же поднял с пола древний, полуистлевший факел и зашептал над ним магические заклинания. В конце концов он заставил факел засветиться призрачным голубоватым светом.

Вскоре за очередной дверью они увидели уже не замшелые стены следующего тайного лаза, но просторную темноту подвального помещения.

— Куда дальше? — полушепотом спросила Райси, настороженно оглядываясь.

— Иди за мной, — так же полушепотом ответил Клэр и направился в дальний угол подвала мимо огромных винных бочек, толстенных витков корабельных канатов, садового инвентаря и Бог только знает мимо чего еще, занесенного в этот подвал течением проплывших мимо веков.

Низко нависали балки, и, проходя под ними, Райси опасно косилась вверх и по сторонам: она не доверяла этому подвалу — чересчур хорошее было место для засады. Она принюхивалась к воздуху, совсем как Клэр недавно, пыталась осмотреться магически, но магия давала неожиданные результаты: слишком много ффинов было сверху, над ними, в зальных помещениях замка. И, не доверяя окружающему, она шла за Клэром и молилась о том, чтоб ее опасения оказались напрасными.

Наконец Клэр добрался к тайнику и, опустившись на колени, начал шарить руками по пыльном полу. Райси недоуменно покосилась на него, но Клэр знал, что делал, — его рука нащупала крепкое бронзовое кольцо, и, поднатужившись, Клэр поднял на себя массивную дубовую дверь, какие обычно ведут в еще более глубокие помещения. За этой, однако, спуска не было, а была лишь неглубокая выемка в полу, а в ней... целый и невредимый, наспех укутанный Клэром в полотняную ткань, лежал Меч — Меч, спрятанный здесь Клэром Великим два долгих тысячелетия назад.

Не веря своим глазам, Клэр медленно протянул руку вперед и взялся за рукоять. И в этот момент дверь подвала с грохотом сорвало с петель. В помещение ворвалась толпа ффинов: пехотинцы, латники, копейщики. Это было как штормовая океанская волна, сметающая все на своем пути.

Райси с визгом ударила магией, еще, еще и еще... Ее удары выбивали в волне огромные бреши, но вода сразу же смыкалась в неумолимом натиске. Ффины почему-то не применяли магии, что удивило Райси. Последний разрыв ее магии швырнул в лицо Райси вонь сожженной плоти вперемешку с озоном, а потом волна накрыла их — ее и неумело машущего Мечом Клэра...

Пробуждение Райси было долгим и мучительным. Болело все тело, избитое ффинами, сбивалось сухое дыхание, и при каждом вдохе ныло сломанное ребро.

Они с Клэром были прикованы к стене в одной из комнат замка, а напротив них в кожаном кресле сидел чернокнижник-ффин. Двое подмастерьев стояли у него за спиной. Спокойные, уверенные в себе, они с презрением смотрели на двух избитых людей, захват которых предсказывался сложным и рискованным, но оказался обычным захватом обычных магов.

Сидящий за столом медленно царапал по листу пергамента искусно выполненной перьевой ручкой. На столе перед ним покоился Меч, тот самый Меч, который они нашли в подвале замка. Наконец ффин отложил ручку в сторону, запечатал свиток пергамента личной печатью и кликнул из-за двери посыльного. Когда тот вышел, ффин повернулся к Райси.

— Я рад, что вы с вашим другом наконец-то у меня в гостях, — он усмехнулся и выдержал эффектную паузу. — Честно сказать, в последнее время я уже начал терять надежду, что кто-нибудь вообще придет. Но магнит жертвоприношений оказался эффективным. Притягивающим... Велика была моя радость, когда мне доложили о двоих, выламывающих замки и уничтожающих всех на своем пути... Мы были уже готовы к встрече!

Он улыбнулся и бережно взял Меч в руки.

— Подумать только... Великий Меч Первого Похода. Моему народу так не хватало его... Когда в Т'Хагарде мне сообщили, что Меч может находиться в этом замке, я не поверил: я ведь не верю ни в чудеса, ни в сказки. Но, прибыв сюда, я сразу понял свою ошибку: даже с дороги заметно, что замок светится силой и могуществом. Я легко нашел меч по его ауре, он был там же, где и вы нашли его. По легенде, большинство заклинаний этого замка сосредоточено именно в подвале, создавая как бы неосознаваемый магический фундамент. Я мало верил в легенды, но все же приказал достать Меч из потаенного убежища магам более низкого ранга. Пытались двое. У обоих оторвало руки. И тогда я поверил в легенды о том, что лишь Клэр может забрать Меч из тайника своего дома, если другой Клэр положил его туда ранее. Я обращался в Совет Мудрейших Т'Хагарда, но они посоветовали ждать. И создавать магнит. И я ждал. И создавал магнит... Я уже думал, что крестьян на него не хватит...

Ффин мерзко рассмеялся и критически оглядел Райси.

— Кто ты, магичка? — спросил он. — О Книгаре я знаю почти все, очень уважаю его труды, но кто ты, и почему идешь вместе с ним — сыном великих предков?.. Или возомнила себя избранницей судьбы, подобной ему?

Ффин ухмыльнулся. Райси зло нахмурилась и сплюнула ему под ноги. Ффин пожал плечами.

— Ладно, хватит веселья, давай о деле. Мне нужно, чтоб вы с многоуважаемым Книгарем четко выложили мне, что вы знаете о Древнем Оружии и об уничтожении пятнадцатой когорты...

Он запнулся, внимательно посмотрел на Райси, а потом подался вперед, округляя глаза.

— Слушай, это же ты... та самая, за которой мы послали пятнашек... Ну ничего себе... — ошеломленно посмотрел он на своих помощников. — Оказывается, что на стадо ловцов и зверь бежит стадами.

Ффин рассмеялся и вновь повернулся к Райси.

— Мы не знаем, что произошло с той когортой... Они рапортовали, что почти загнали тебя, но в то же время говорили, что потерялись в координатах миров... Времени на определение ты не давала...

— А потом, — развел руками ффин, — оказывается, они уже мертвы, все до единого. Мы несколько дней искали их трупы, но получили только тонкий контакт с одним из покойников. В остаточных слоях его памяти отпечаталось пламя Древнего Оружия... Раз уж ты попала к нам, милая жрица, тебя ожидает множество вопросов... Кстати, а где *твой* Меч?..

Райси вздрогнула, но потом жестко усмехнулась:

— То, что ты захватил Меч Клэра, ффин, принесло тебе не только словесный понос, но еще и старческое слабоумие. Вот тебе мой ответ.

Райси вновь плюнула, но на сей раз не на пол, а в морду ближайшего чернокнижника, и громко прокричала активизирующее заклинание. Ффин с воплем закрыл руками морду, от которой повалила вонь сгоревшей плоти, и заметался по комнате. Он наткнулся на стол начальника, на стену рядом с Райси и вывалился в окно, должно быть, перепутав его с дверью. Его надсадный крик звучал чуть больше секунды, после чего резко стих. «Этаж третий», — разочарованно подумала Райси. Чернокнижник за столом внимательно изучал ее.

— Вот как? — спросил он как бы сам себя. — С нетерпением буду ждать нашей встречи в лабораториях Т'Хагарда.

Он вздохнул, медленно поднялся и направился к двери. И тут недоверие мелькнуло в его глазах. Ничего не понимая, он развернулся и замер. Предчувствие не подвело его. Воздух почти не дрожал, все произошло очень быстро: раз — и что-то взорвалось в комнате темным глазом портала.

Челюсть чернокнижника отвисла, а из портала ударил прерывистый шнур огня. Разряд попал в грудь второго помощника, который не выглядел уже ни наглым, ни самоуверенным. В лицо Райси пахнуло гарью, а остатки ффина отбросило к стене.

Из портала выскочил Суи, упал на колени и выпустил еще одну очередь. Великий ффинский наместник и завсегда́тай Т'Хагардовских лабораторий так и не очнулся от шока, и было непонятно, смог ли он осознать в конце жизни, что то, что он так долго и упорно искал, само пришло к нему... Луч лазера безжалостно разрубил его тело пополам, высекая оплавленные осколки камня из стены за его спиной.

Суи глянул на Райси, подмигнул ей и выскочил в коридор. Его лазер зашипел уже там, сопровождаемый грохотом разрывов и ффинскими воплями.

Из портала появился второй человек, третий... Все были в легких латах с мечами на боку, и все держали в руках излучатели. Райси насчитала пятьдесят человек, пятьдесят воинов, обученных владению Древним Оружием.

А потом из портала вышел еще один. На нем не было брони, и в руках он не держал никакого оружия — даже магического посоха, — но Райси ни на секунду не усомнилась в его могуществе. Перед ней, несомненно, был *мастер*. Как искусный воин мгновенно узнает мастера стали по тысяче деталей, так и Райси с первого мгновения узнала спокойный, властный взгляд, готовый моментально вспыхнуть пламенем смертоносной стихии; плавные движения, готовые мигом смениться ритмичными, годами

отточенными рисунками заклинаний; тихое, едва слышное дыхание, готовое громогласно выкрикивать формулы уничтожения и разрушения... Райси сразу узнала все, что только можно было узнать за один взгляд. Никогда еще в своей жизни она не видела магического искусства, выраженного ярче, магической силы, отточенной совершеннее, и знаний, вошедших в чье-то сознание глубже.

Вошедший держал руки перед собой так, чтоб их было хорошо видно; широкие рукава светлой мантии покачивались в такт его ша-

гам. Выйдя из портала, маг плавно повел рукой в его сторону — и первоматерия послушно сомкнулась за ним. Так же, не утруждая себя заклинаниями, он слегка махнул рукой — и цепи, сковывавшие пленников, вспыхнули и исчезли.

Маг подошел к Райси, внимательно осмотрел ее и что-то прошептал — сила заклинания изогнула Райси дугой и сломанное ребро перестало ныть.

— Ты не познакомишь нас? — маг перевел взгляд на Клэра.

Райси обернулась к своему недавнему спутнику и увидела не лицо, но гримасу изумления.

— К... к... конечно, — пролепетал Клэр.

— Р... Р... Райси, — Клэр величайшим усилием воли оторвал свой взгляд от спокойной и властной фигуры мага и повернулся к ней. — П... п... познакомься с Р... Р... Ректором Гаксторнской Академии Наук, магистром, мэтром А... А... Ауэном. Мэтр А... А... Ауэн... это Ра... Ра... Райси, одна из тех, кого мы называем Ра... Ра...

— Ра-подобными, — закончила за него Райси. — Я очень рада нашему знакомству, мэтр Ауэн.

— Я тоже, — неожиданно тепло улыбнулся ей маг. — Твое волшебство сильно отличается от академического Райси, одна из Избранных, но в нем ты безусловно сильна.

— Мне не тягаться с Вами, — склонила голову Райси.

— Но ты ведь и не Ректор Академии, — весело улыбнулся Ауэн.

— Но... но... но... — попытался что-то сказать Клэр.

— Но как мы сумели открыть портал в этот заговоренный замок? — закончил за него Ауэн.

Клэр судорожно кивнул.

— О... это ведь не только моя заслуга. Нам пришлось хорошо потрудиться сообща с деканами факультетов транспортной магии и порталции. И хотя заклинания, защищающие замок, устарели, они все же доставили немало хлопот. Нам пришлось работать без сна и отдыха, потому что промедление было смерти подобно. Но согласитесь, мы подспели именно в ту минуту, когда это было необходимо.

— Но... но... но... — снова подал голос Клэр. — Я ведь прекрасно помню, как на а... а... одной из лекций вы говорили нам, что Академия а... а... абсолютно а... а... аполитична. Вы говорили, что ни одна из местных войн или войн с ффинами н... не

касается н... ни учащихся Академии, н... ни ее выпускников. Как же так, вы, Ректор Академии, принимаете у... участие в рейдах по ффинским тылам?

— Ну, — вновь улыбнулся Ауэн, — я бы не назвал это место тылом, однако в остальном ты, безусловно, прав. Тогда я действительно говорил об аполитичности Академии. Теперь же... Что поделатъ, все мы время от времени заблуждаемся, и счастлив тот, кому жизнь помогает это увидеть, а тем более дает шанс исправить заблуждения. Я рад, что я здесь, рад, потому что вновь поверил в то, что делаю. Знаю, что, как и вы...

— Вы... вы пришли, чтобы спасти нас? — тихо спросил Клэр.

— Вас... И Меч... И еще кое за чем. Выгляньте в окно.

Райси медленно подошла к окну и увидела мечущихся по двору ффинов, а также людей Суи, методично расстреливающих их из лазеров. Райси посмотрела на ффинов, и чувство слепой ярости вновь захлестнуло ее: как жаль, что она не там, не в гуще сражения, воздающая по заслугам тем, кто никогда уже не заслужит великой чести называться солдатом.

— Ничего, девочка, — легкая рука Ауэна опустилась на плечо, — придет еще и твое время. Подобных магнитов на всех хватит.

Райси, не уловившая и намек на зондирование, изумленно вздохнула, подумав, что в Коллегии титулы понапрасну не раздают. На сей раз Ауэн промолчал в ответ.

Солдаты Суи быстро покончили с остатками ффинской пехоты и, отягощенные жесткой усталостью боя, возвращались назад. Из ффинов не выжил никто. Из людей троих достаточно сильно обжег чернокнижник, которого долго выкуривали из бокового коридора.

Райси еще раз убедилась в мастерстве Ауэна, когда он помогал раненым. Ожоги, на которые ей пришлось бы потратить не один час, организовывая стихийные силы каббалистическими символами, он лечил за считанные минуты, ласково разговаривая с ранеными, отвлекая разговором от боли и страданий, не давая возможности их испугу мешать магии.

А потом она нашла Суи, устало опершегося о двуручник возле огромных братских могил, где покоилась не одна тысяча крестьян, и долго стояла рядом. Он заметил ее, но не произнес ни слова, стоял и молчал, словно оставшись единственным человеком во всей Вселенной.

— Мои родители тоже были крестьянами, — наконец сказал он как бы сам себе. — Мы жили в тихом, давно обжитом сорок де-

вятом мире, и казалось, войны нет, казалось, ничто не изменится в этом спокойном уголке Параллелей и вечно все будет именно так: я, мать, отец и шесть моих братьев... А потом отца убили. Нет, Райси, нет, милая, не ффины.. Его убили обычные людские разбойники. Банду поймали потом, она была ох какая серьезная: чтоб совладать с нею, в ополчение пошла мужская половина трех ближайших деревень... А еще позже бандитов прилюдно вешали, а я смотрел, как качаются тела на висельных веревках, и плакал горько и безутешно, плакал оттого, что моего отца все это так и не вернуло... И сам не пойму отчего, но сейчас я чувствую то же самое. Мы пришли сюда в огненных одеждах отмщения, мы выжгли этих тварей из покоев, где они поселились, но вокруг сотни других домов, и там живут такие же твари, а перед нами — мертвые хозяева.

— Райси... Райси, — тихо позвал он ее. — Скажи, что ты понимаешь меня...

Райси ласково взяла его за руку:

— Я понимаю... понимаю тебя, Суи, один из Избранных... я понимаю тебя, мой брат — мой брат по оружию.

Суи крепко обнял ее и долго-долго не мог найти в себе сил сказать ей хоть что-нибудь.

— И не надо, — обняла его Райси в ответ. — Не надо мне ничего говорить.

Грифф

— Ох, как тут все переменялось, — изумленно выдохнула Райси, когда портал Ауэна вернул их в самое сердце Гриффа.

Суи огляделся по сторонам и довольно усмехнулся: новые двухэтажные здания, новая брусчатка под ногами, новые крепостные стены вокруг города. К тому же, по словам магов, восстановить все это из руин было намного проще, чем изначально построить.

Он повел Райси к своей любимой беседке, недавно восстановленной магами, и они долго сидели на нагретой за день скамейке.

Солнце размеренно перемещалось в небе, а Райси все молчала, блаженно откинувшись на спинку скамейки в прохладной тени огромных пальм. Журчала вода в фонтане, все вокруг казалось очень тихим и мирным...

Суи с улыбкой смотрел на нее.

— Что?... — наконец не выдержала она.

— Рад, что ты вернулась, — подмигнул ей Суи.

Райси отвела взгляд.

— Давай пока не будем о личном, — она устроилась поудобней, пытаясь скрыть неловкость, и вздохнула, — пока война...

Суи уже пожалел о сказанном, но Райси примирительно толкнула его локтем в бок:

— Лучше расскажи мне, как пришли маги.

Суи посмотрел на верхушки пальм, вытянул ноги, тоже устраиваясь поудобней, и рассказал о том, как же пришли маги.

Грифф: Маги

Маги пришли, как всегда, неожиданно.

Ни Суи, ни Злата, ни тем более Торби не могли предположить, что в этом измерении возможно появление кого-либо другого, кроме ффинов, поэтому всегда старались держаться вместе. Суи методично заставлял Златовласку повсюду брать с собой НЛ. Златовласка сопротивлялась, как могла, потому что недолюбливала Древнее Оружие, но Суи раз за разом настаивал на своем, убеждая, что против совместного огня двух лазеров не устоят даже три пехотные когорты.

В тот день они сидели в центре окраинной площади Гриффа, по которой вечность назад крался Суи, нервно оглядываясь по сторонам в поисках исчезнувшей гарпии. Светило солнце, и было очень тихо... Шел уже третий день, с тех пор как Райси и Клэр направились в замок. Жизнь стала спокойной и размеренной; казалось, все идет, как надо, и никаких сюрпризов уже не осталось у жизни в ее длинных рукавах...

Маги появились молниеносно.

Четыре портала на мгновение сотрясли воздух над Гриффовой площадью. Суи быстро вскочил на ноги, Злата же повела излучателем прямо с колена. Два мага, словно призраки, за считанные мгновения пронеслись от края площади до них, двумя резкими ударами посохов повалили их наземь и еще до того, как Суи успел понять, что происходит, приставили посохи к их груди. Суи, прекрасно помнивший, что основное назначение посоха — быть мощным резонатором магических заклятий, похолодел.

— Нет-нет, друзья, — долетел до него мощный голос. — Оставьте их, ибо я видел их в своем видении... Не враги они нам, но хозяева судеб наших...

Суи вдруг оказался стоящим на ногах, хотя мгновение назад лежал на каменных плитах... Два мага уже мчались прочь... Ка-

залось, они неслись в миллиметре над землей, не касаясь ее, ибо ноги их были недвижимы.

— Наши скауты, — с гордостью сказал седовласый старик почтенного возраста, заботливо помогающий Златовласке подняться на ноги. — Элитарная группа боевых магов, которые отбираются из самых способных выпускников и десятилетиями обучаются, прежде чем покинуть стены Гаксторнской Академии.

Посреди площади вспыхнул новый портал, и почтенные мужи с ростовыми резонаторами в руках принялись буднично выходить из него, на ходу разговаривая друг с другом, молча кивая головами или оживленно споря. Попарно разошлись они по периметру площади, каждая пара остановилась напротив руин зданий... Заклинания раскатисто понеслись над площадью, и вдруг, раз! земля содрогнулась под ногами, закачалась, словно лодка в водовороте, и задрожала резкой, прерывистой дрожью...

Суи и Злата обернулись на грохот и замерли от удивления. Здания, полуразрушенные древней магией, вибрировали. Магия нынешняя громадными светлыми водоворотами собиралась над магами; направляемая магическими посохами, она вливалась в основы домов и вырывалась через их крыши, выравнивая здания, подымая древние стены, заново отстраивая давно несуществующие арки и проемы.

— Что... — едва вымолвил Суи.

— Что... — вторила ему Златовласка.

Старец снисходительно улыбнулся себе в бороду и кивнул головой:

— Знаю, что в первый раз впечатляет именно зрелищная магия, но поверьте, на самом деле она очень проста. Восстановление некогда разрушенного не является делом искусства: чтобы восстановить руины, надо просто заставить их вспомнить, как они выглядели раньше. У каждого предмета наряду с материальным телом есть еще и тело более тонкое, слои которого содержат память предмета. Как бы сильно ни было повреждено здание, оно всегда помнит, каким оно было раньше. Мы не делаем ничего сверхъестественного, мы просто заполняем память строения стихийными энергиями, организовывая их своими магическими навыками. Так мы переносим существующие образы с уровня тонкого на материальный.

Работа со стихиями — основа магии, потому что они являются безграничным источником Силы. Оживление мертвых тоже из

этой области, хотя этический кодекс людей запрещает нам проводить эксперименты по некрокинетике.

Однако *истинное* магическое мастерство заключается в создании силами своего сознания того, чего ранее не существовало. Сотни трупов, оживленные некромансерами, не могут сравниться с одним-единственным цветком, который эльфийский маг может соткать из воздуха. То, что вы видите сейчас, это не магия вовсе, а так... детские забавы, строительство, которое выполняют покоренные духи стихий. Именно они помогают нам поддерживать города в константном виде столетиями.

Заклинания сотрясали воздух — и одно за другим здания восстанавливались из вековых руин.

— Но... кто вы? — спросил Суи.

— Это же очевидно, — улыбнулся старик. — Мы маги. Мы те, кто слышал Зов в своих снах и кто пришел сюда, повинувшись ему. Мы знаем, что начинается нечто грандиозное... Я даже могу предположить, что...

И маг выдержал паузу.

— Второй Поход... — прошептал Суи.

— Второй Поход, — повторил маг. — Мы ждали этого слишком долго, чтобы сомневаться теперь... Позавчера многие из нас увидели первый сон... вчера — второй. Сегодня мы пришли в то место, которое видели во снах.

— Вы видели во снах Грифф?..

— Ну... — усмехнулся старик, — мы все видели во снах *не-что*... нечто, что не могли идентифицировать. Никто из нас не видел этого города раньше. Никто, кроме меня, хотя и я не сразу узнал его в своих видениях.

Суи с изумлением смотрел на мага. Тот улыбкой ответил его взгляду:

— Ничего сверхъестественного. Я учитель Клэра... того, которого вы знаете под именем Книгарь. Три дня назад он связался со мной. Сигнал был, как всегда, размыт и неустойчив, но все же я сумел понять, что Клэр собрался в какой-то поход и что женщина-воин будет сопровождать его. Он сказал, что Гриффовская библиотека откладывается, потому что в его жизни появились вещи поважнее. И когда город начал являться нам в видениях, стало ясно, что это именно Грифф.

Впервые после окончания Первого Великого Похода тайные свитки Гриффовских эфемерид стали достоянием более чем десяти магов одновременно, потому что путь наш лежал именно сюда. Как я уже говорил, мы не думали долго. Любители роско-

ши, конечно, остались в Гаксторне, но более полутора тысяч преподавателей Академии пошли за мной.

— Вы пришли, чтобы помочь нам? — подала голос Златовласка.

— Вам, — улыбнулся Старик, — и тем, кто придет за вами... Вы же не думаете, что вы единственные люди на Пиллее, которым суждено свыше прийти сюда?.. Кроме вас, будут еще тысячи, десятки тысяч других, кто откликнется на Зов Собирающий. Вы будете в ответе за их судьбы, и Вы примете их жертвы, когда придет День Великого Сражения. Но до того как этот день наступит, десяткам тысяч нужно будет чем-то питаться и где-то жить. Мы пришли восстановить необходимую часть города, открыть транспортные порталы в аграрные миры и затем дополнить магическими умениями воинскую силу пехотных легионов.

— Десятки тысяч... — изумленно прошептал Суи. — Неужели так много?..

Старик долго смотрел на него — гордость и сочувствие были в его глазах.

— Суи, — вздохнул он, — этого может оказаться невероятно мало.

Суи потупил взгляд:

— Я ведь не говорил, как меня зовут...

Маг улыбнулся:

— Не говорил? Это ты так думаешь... Правда ведь, Златовласка?..

Ближе к вечеру усталые, но довольные маги собрались в заново отстроенном Холле Собраний, некогда центральном Холле всего Гриффова пригорода.

Суи старался не думать о том, каким был этот город до попадания ядерной ракеты, если один только его пригород был по размерам больше, чем весь нынешний Гаксторн, и его невозможно было охватить взглядом даже с высоты ближайших холмов. По сравнению с его родной деревушкой, с колокольни которой было хорошо видно не только ее саму, но и три соседние вместе с баронским замком, Грифф напоминал Дракона рядом с воробьем.

Впервые в жизни Суи присутствовал на собрании магов. Он слушал их отчеты все перед тем же старцем, его вопросы, их ответы, и не переставал удивляться тому, что маги такие же люди, как он или Злата.

Он понимал недоумение в глазах Златовласки: почему маги сидят и разговаривают, как простые люди, почему сгустки энергии не кружатся над их головами, а посохи не горят от притаив-

шихся в них заклинаний, почему, в конце концов, самые обычные светильники, восстановленные магами из единых сплавленных кусков бронзы, освещают Холл Совета, неужели маги не могли создать нечто более подобающее им?..

Однако маги оказались самыми обычными людьми, которые ошибаются, смеются над шутками и радушно относятся к своим гостям. Конечно, они расспрашивали Суи про Мечи, внимательно рассматривали его двуручник, но большинство вопросов касалось лазера, всегда стоящего возле его кресла, гигантских подземных Ангаров Гриффа, Древнего Оружия вообще и Тяжелого Оружия в особенности.

Воронку, сотворенную им, отправились смотреть всей командой. Никто не смог сдержать возгласа удивления. Маги шептались, протягивали вперед руки, что-то колдовали, удивленно качали головами, снова перешептывались и снова качали головами. Один из них попросил Суи продемонстрировать еще один такой взрыв, но Суи с сожалением сказал, что «Пингвинов» в складах совсем немного. Маги разочарованно замычали, но потом попросили хотя бы продемонстрировать стрельбу из лазера. Огненный шнур со свистом заплясал на склоне соседнего холма, и тяжелый бас разрывов с небольшим интервалом долетел до них. Маги, словно дети, хлопали в ладоши, один даже начал требовать дать очередь в него. Суи воспротивился было, но когда его заверили, что этого добровольца не убить ничем, согласился и выпустил в мага очередь из пяти-шести разрядов. Тот отразил их, задумчиво покачал головой, сообщил, что мощность каждого примерно напоминает стандартную «молнию», достал из кармана платок и вытер копоть с ладоней.

Суи с болью посмотрел на его измазанные копотью руки... Маг-старик, стоящий рядом, со вздохом положил ладонь ему на плечо. Когда Суи обернулся, маг сказал:

— Иногда месть кажется выходом...

Все удивленно посмотрели на них.

— Даже не так, — поправился старик. — Мечь кажется выходом всегда, просто...

— Не копайся в моих мыслях, старик, — резко оборвал его Суи, почему-то очень злой на себя.

Этим вечером два скаута подошли к Суи, сидевшему на краю Гриффового каменистого плато. Они немного поговорили об Оружии, его преимуществах и недостатках по сравнению с боевой магией, а потом один из них сказал, глядя в сторону:

— Не злись на него, Суи... Он не копался в твоих мыслях: поверь мне, даже самый мастерский зондаж ощущается физически. Ауэн просто видит вещи такими, какими они и являются. Он видит всех: людей, предметы, мысли — Истинными. Если он говорит, что от *вас* зависит будущее нашего мира, то ни у кого *из нас* не возникает ни тени сомнения. Если Ауэн скажет, что в Поход мы выходим прямо сейчас, все молча обнажат мечи. Он — сердце каждого истинного мага Пиллеи, потому что он никогда не поступает так, как *кажется* правильным, он всегда *знает*, что является правильным наверняка, так как имеет дар слышать свое истинное Сердце, а Сердце не разум, и обмануть его невозможно. Ауэн никогда не говорит о маловажном: ведь, кроме маловажного, есть очень много вещей, истинная значимость которых неоспорима. Конечно, это просто совет, но поверь моему опыту: если он что-то говорит тебе, значит, стоит очень серьезно над этим подумать. И не перебивай его больше, хотя бы из уважения к нам — тем, кто пришел служить *твоим идеям*...

Маг замолчал, а Суи все так же сидел на краю плато и наблюдал, как медленно погружается за линию горизонта алое солнце. Служить *его идеям*?.. Как-то это казалось слишком уж глупым, хотя бы потому, что никаких идей у него не было.

— Очень жаль, — сказал он тихо, — но вы, наверное, ошибаетесь, и я не тот человек, который вам нужен... Нет у меня никаких идей... нет и не было никогда, кроме тех, которые ваш маг назвал ошибочными.

— Но ведь это *ты* нашел Оружие...

— Простая случайность. Нет у меня никаких идей.

Маги повернулись, чтобы уйти, и второй, который молчал все это время, сказал на прощанье:

— Случайность есть не что иное, как *Совершенная закономерность*. Если тебя избрали на определенную роль, значит, она все равно достанется тебе... Решения Высших не обсуждаются людьми.

— Я могу просто уйти, — вспыхнул от злости Суи. — Я могу просто уйти в мир, откуда пришел, и тогда не будет никакого решения.

Маг усмехнулся:

— Когда дети капризничают, их ставят в угол. И дети стоят там до тех пор, пока все же не сделают того, чего от них требуют, нравится им это или нет. К тому же поверь мне, Суи, — принимая эту Миссию перед рождением, ты благоговел от Оказанного тебе

Доверия. Так стоит ли предавать самого себя, если ты просто еще не вспомнил достаточно?..

Алое солнце краем цеплялось за горизонт, а Суи, все так же сидевший на краю плато все думал о том, что он не просил ничего этого; что груз, который ложится на его плечи, попросту сломает его... Он думал, что просто хотел найти Оружие — свою призрачную мечту; хотел просто убедиться, *что* она есть — далекая звезда, зовущая его за горизонт; найти место, где заканчивается его путь, а не искать себе пути нового; хотел убедиться в своей правоте и отдохнуть от своих исканий и стремлений... Пошел бы он, если бы знал, *что* ждет его за горизонтом?.. Задумчиво смотрел он на выступающие звезды, на раскуроченный холм, на погасший уже день. Пошел бы?..

Вдруг он понял, что знает ответ, что догадывался о нем все полтора долгих года своих скитаний. Ну надо же — знать, что ждет тебя совсем не то, что ты предполагаешь, и все равно идти... в Неизвестность, исполнять некогда данную Клятву, о которой напоминало лишь щемление в груди...

Уже взошла Луна, а Суи все так же задумчиво сидел на краю плато... Он не думал больше о вопросах: ведь разгадки, таящиеся в нем самом, открываются не количеством вопрошаний.

Так, по словам Суи, и пришли маги.

Грифф: Гномы

— Ну и где мы, по-твоему, оказались? — донесся голос из руин.

Голос был грубый, навеки осипший от морозного воздуха походов и сизого бивуачного дыма привалов.

Суи в тот день хотелось побыть одному. Тихая забота Златовласки тяготила, заумные и оттого непонятные рассуждения Ауэна раздражали, молчаливое присутствие Торби рядом казалось назойливым. Все сразу навалилось на него, угнетая с каждым днем все сильнее.

Маги Академии устраивали настоящие паломничества, чтобы сразиться с ним и его двуручником, — люди, жившие на земле уже столетия, самые бездарные из которых становились королевскими телохранителями, любой из которых мог сразиться одним посохом с отрядом мечников, — эти люди приходили сражаться с Суи. И раз за разом непредсказуемая пляска его клинка заканчивалась их поражением.

Суи чувствовал, что маги не поддавались и сражались в полную силу, временами прикладывая невероятные усилия, чтобы не

применить еще и магию, понимал, что они делали все, чтобы победить... но они не побеждали. И в момент своего поражения, тяжело дыша и непонимающе глядя на Меч, упирающийся в грудь, они снова и снова недоверчиво смотрели на Суи, а потом что-то вспыхивало в них, но этого не мог понять уже Суи. Он сжимал дрожащими руками рукоять Меча и не понимал как ему удалось победить: ведь даже гарпия была медленнее его соперника. Так они и стояли некоторое время — маг и Суи, а потом маг приходил в себя, с уважением кланялся Суи и сердечно пожимал ему руку.

Последними к Суи пришли скауты. Они долго противились просьбам своих старших коллег — сначала, потому что боялись обидеть его быстрой победой, затем, чтобы изучить стиль его боя...

Скауты были мастерами боевых искусств. Они одинаково хорошо владели и посохом, и мечом, и копьем. Они знали, как добывается победа, знали, что при сражении равных противников к ней ведет долгий путь — разведка, пробные атаки, определение мест, где оборона как бы прогибается, немного пружиня под натиском. Их атака была нацелена именно в эти слабые места — чтобы оружие протиснулось в брешь обороны и замерло возле тела противника.

Суи не поступал так. Точнее сказать, он как бы прощупывал оборону, но не верил подставным ловушкам и заключительной атакой врвался именно в ту слабину, о которой даже его противник не догадывался.

Скауты пришли к Суи всем отрядом, но сразился с ним лишь один — тот самый, который говорил ему об Ауэне на краю Гриффова плато. Никто из присутствующих не видел боя более захватывающего. Движения скаута, насыщенные магией, были в четверть быстрее движений Суи, но куда бы ни бил резонатор, его везде встречал двуручный клинок: как бы случайно перехватывал он шест в момент, когда победа скаута казалась неоспоримой, как бы ненароком, как бы не успевая... Суи чувствовал, что им руководит какое-то более глубокое сознание, и, как это случалось в боях с другими магами, вспышки озарения освещают его новый бой, управляя его телом, как китайский мастер управляет воздушным змеем. Он опять одержал победу... Как? Он опять не знал...

Вскоре маги не приходили уже сражаться с ним — они просто стояли неподалеку, переговариваясь, и внимательно его рассматривая. В их взглядах не было напряженности и враждебности, но было непонимание, которое угнетало Суи. Он все чаще

улавливал в себе раздражение, причины которого определить не мог. И он начал уходить от магов, уходил от Златы и Торби - от всего этого мира, чей приход в его жизнь еще недавно напоминал страницу из сказки.

В тот день он далеко зашел во все еще разрушенную часть Гриффа, но хриплые голоса, неожиданно донесшиеся из руин, нарушили его одиночество.

— Черт тебя дери, я тебе говорил, что этим пройдохам, чернокнижникам, нельзя доверять ни на копейку, — зло ворчал первый.

Услышав о чернокнижниках, Суи тихо снял с плеча излучатель.

— Перестань, я давно знаю А'Делаида, он бы никогда не обманул нас... и он не чернокнижник, а маг... адепт.

— Ну да! — продолжал ворчать первый. — Все они, мошенники, одинаковы... Чего ему с нами канителиться, коли деньги уже у него?.. Вот и отправил туда, откуда мы его не достанем.

— Ну и что ему с тех денег, когда наши ребята с него сейчас шкуру спустят? — начал сердиться второй.

— Ха... спустят, как же, сейчас и сами тут окажутся.

С этими словами двое показались из-за руин. Суи молчал, наставив на них конус излучателя, но они шли и ругались, не замечая его. Двое не были ффинами, но не были они и людьми. Двое были гномами. Низкие, кряжистые, бородатые... прямо, как на картинке какого-нибудь Академического Бестиария. Оба были в кожаных рубахах, толстенных кольчугах поверх них и с неизменными секирами за поясами.

— Эй, парни, — тихо, но отчетливо позвал их Суи.

Двое одновременно остановились и обернулись к нему, выхватывая топоры. Оружие было достойно уважения: конечно, гномьейковки, сработанное на славу, — таким в долгом бою будешь рубиться и не устанешь ничуть.

Гном, вышедший первым, но говоривший вторым, нахмурился и замер. Второй, который злился и ругался, взглянул на первого и со скрипом достал из ножен еще и меч. Меч тоже был хорош. Конечно, не двуручный монстр и не полуторник, но идеально подогнанный для работы в паре с братцем-топором. Этот скалящийся зазубринами клинок, наверняка, был выкован мастером, который давно уже разменял не первую сотню лет.

— Э-эй! — снова позвал их Суи. — Так какого черта вы тут забыли?

— Э-э-э... — протянул тот, кто отличался манерой оправдываться, а потом злиться. — Э-э-э... А ты сам-то, кто таков?

— И говори побыстрее, — молодецвато задрал бороду другой, — а то порубим тебя на кусочки, а вдруг другом окажешься, как складывать обратно будем?

— Ах, вот как... — усмехнулся Суи и выстрелил в каменный блок справа от них.

Блок вспыхнул ярким сполохом и с оглушительным грохотом разлетелся на тысячи осколков. Гномы были, конечно, ребята хоть куда: ни тот, ни другой оружия не выронили, хотя удар взрывной волны и расшвырял их по сторонам.

— Бе... бе... бе... бе... — бормотал оправдывавшийся, которого отбросило к стене полуразрушенного здания и присыпало осколками.

Он судорожно сжимал топорище секиры и пытался подняться. По-видимому, у него был легкий шок, но Суи надеялся, что обошлось без контузии.

— Ого! — прошептал гном с мечом, который сумел устоять на ногах. — Так это вовсе и не сон был?

— Бе... бе... либерда какая, — его приятель наконец поднялся на ноги и, часто моргая, уставился на Суи.

Затем перевел взгляд на своего товарища и вопрошающе мотнул бородой:

— Т... так что, будем р...рубить?..

Его товарищ внимательно осмотрел лазер в руках Суи, двуручник, лежащий у его ног, затем медленно подошел и спросил:

— Должно быть, эти руины зовутся Гриффовыми, и именно тут люди собираются нынче во Второй Поход?

Суи усмехнулся и кивнул. Гном засунул топор за пояс и протянул Суи крепкую лапищу:

— Меня зовут Гиннад, я гном ГОА, и топор моего деда слишком долго не купался в ффинской крови.

Суи пожал гному руку — это было похоже на знакомство с кузнечными тисками.

— А я Суи...

— Один из Избранных, — закончил за него Гиннад.

Почти бесшумно вложил он меч в ножны и с улыбкой подмигнул своему приятелю.

— А р... а рубить?.. — разочарованно развел руками тот, по-видимому, все-таки контуженный.

— Позже, — ответил ему Суи. — Много, но позже.

Гном некоторое время молчал, расстроено глядя на топор, а потом вздохнул, заталкивая его за пояс:

— Позже, так позже.

Еще через четверть часа начали подходить остальные.

Гиннад был не рядовым гномом, он был легатом, командиром Гномьей Ополченческой Армии; и «остальными», о которых он говорил, оказалась вся ГОА, состоящая из целых двух легионов, то есть из четырнадцати тысяч бородатых вояк.

Гномьи войска телепортировались несколько дней, всеми силами пытаясь протиснуться в неудобный для такого количества солдат портал.

Они наполнили гриффовский лагерь шумом, гомоном, беззлой руганью и лязгом оружия своих бесконечных поединков. Сражаясь, они скалили зубы, как дикие животные, и движения их с виду таких неуклюжих тел сливались в мощном водовороте атаки. А через секунду они уже гоготали во все горло, хлопая друг друга по плечам и тыча пальцами в толстые животы. Рожденные в мирах с двойной гравитацией, они воспринимали миры стандартного типа не иначе как насмешку над обретенными в других условиях бойцовскими качествами. «Когда легко без меры, это тоже плохо, — говорили они. — В Гриффе тренироваться надо сутками, а то ведь и жирком обрасти недолго».

Магов они недолюбливали. Не делая различия между магами и чернокнижниками, они говорили, что нормальных людей не может быть среди этих высокомерных шарлатанов, из которых ни один и топора в руках не удержит, а если ко всему облачить его в кольчугу, то и на ногах не устоит. А то, что у них «хокусы и покусы» там разные, так «хокусы и покусы» хороши для ярмарки, чтоб недоумков развлекать, а не для боевого лагеря, где куется грядущее.

Гномы были отличными вояками - чего стоила смертельная «мельница» Гиннада — танец меча и топора!

Суи сражался с Гиннадом четыре долгих часа, едва удерживаясь на ногах под мощными ударами, едва успевая парировать: топор-меч-топор-меч, меч-меч-топор, едва успевая втискивать свои удары в его непрерывные атаки, но все-таки успевая, на пределе сил, но успевая. И хмельное вино боя пьянило его, как никогда прежде.

А потом гном оперся вдруг на топорище, перевел дух и сказал, что голоден, а на голодный желудок сдаваться не пристало. После обеда он собрал свою братию и заявил, что ему, Гиннаду, с Суи не тягаться и что вообще ни один гном в этом мире победить Суи не

сможет. И Суи, пьяный от радости, сжимал Гиннада в объятиях, едва стоя на ногах, едва не теряя сознание, и называл его братом.

— Вот это воин! — кричал Гиннад своим ребятам в ответ и хлопал Суи по плечу так, что тот сомневался, выдержит ли ключица. — Вот это брат!!! Не то, что соседи наши белоручки...

И под общий гогот гном тыкал своей секирой в сторону магов, наблюдавших издали за поединком.

— Гномы любят тебя, — сказал ему тем вечером Ауэн. — Вообще-то они дикий и никем не признанный народ, но за тебя они пойдут на смерть.

Он чуть помолчал и добавил:

— И они, и мои люди тоже.

— Что — твои люди тоже? — не понял Суи.

Ауэн внимательно посмотрел ему в глаза и печально улыбнулся:

— Мои люди тоже умрут за тебя... Как и гномы. Когда придет время.

— Но я не хочу, чтобы за меня кто-то умирал, — похолодел Суи.

— Я тоже... — вздохнул Ауэн. — Я тоже не хочу, чтобы кто-нибудь умирал... Но далеко не все вернутся из этого Похода. Далеко не все.

Он потрепал Суи по волосам, словно ребенка, и пошел куда-то прочь. Суи хотел побежать за ним, но что-то остановило его. Может, страх перед тем, что он мог услышать...

Именно так, по его словам, и пришли гномы.

Грифф: Эльфы

Эльфы пришли по-другому, может, потому что и были они совсем другими.

Суи направился в тот день к руинам южного крыла Гриффа в надежде отыскать вход в новые подземелья города, о которых накануне рассказал Ауэн. С раннего утра Суи искал мага, но ни-

кто не знал, где он. Суи заглянул в гномий лагерь, но Гиннад тоже куда-то исчез. И Суи отправился в южное крыло один.

Он пролазил по руинам целый день, заглядывая в каждую щелочку и ощупывая каждый камень, но руины оставались руинами и вовсе не горели желанием отдавать свои секреты первому встречному, даже если этот встречный был Избранным. Уже под вечер хмурый, валясь с ног от усталости, он прилег среди развалин на огромный камень одного из зданий.

— Ну почему так? — пробормотал он тихо. — Ведь должно же было получиться...

И в этот миг изогнутый клинок легонько приподнял его подбородок.

Онемевший Суи попытался скосить глаза назад, но в ответ меч лишь плотнее прижался к шее.

«На этот раз точно ффины», — пронеслось в его голове.

За спиной были тишина и молчание, и только ветер гудел в расщелинах развалин.

— Who are You?¹ — вдруг донеслось до него, словно из необозримой дали.

Суи удивленно поднял брови. «Вот так да... — подумал он на удивление спокойно, — это же староанглийский...»

Голос казался призрачным и нереальным, словно порыв ветра. Меч в невидимой руке еще сильнее вдавился в шею:

— Ma-an, — настойчивость и призрачность соединились в голосе, — I know, that You speak the Vanished Language.²

— You know? — тихо переспросил Суи. — How?³

Из-за спины донесся смех — легкий, как звон хрустального колокольчика:

— Due to my nature, there are things, I just know.⁴

— Oh... — Суи чуть помолчал и осторожно пожал плечами.

— If You do, then, I guess, You should tell me, who I am.⁵

Колокольчик отзвенели снова, и невидимый голос вздохнул:

— O.K., I'll tell You what You *think* I should. But in fact, it's *You*, who should tell me this... I'm not the Oracle, I'm just the mind-reader. Whatever. You believe that You are one of the Ones. But that is only a belief, and all the beliefs are just the echoes, roaming on the passages

¹ Кто ты?

² Человек, я знаю, что ты говоришь на исчезнувшем языке.

³ Ты знаешь? Откуда?

⁴ Благодаря моей природе, есть вещи, которые я просто знаю.

⁵ O... Если это так, то, наверное, *ты* должен сказать мне, кто я.

of truth. What I need is not your *belief*, but your *destiny*. Do you really know what your destiny is?⁶

Суи помолчал чуть, а потом плавно отвел меч от своего горла. Встал на ноги и обернулся к стоящему за ним. Это была прекрасная эльфийка, изящно держащая в руках изумительной красоты саблю, которая сияла отблеском крови в свете заходящего солнца. Суи любовался эльфийкой, не в силах отвести взгляд, а потом ответил на вопрос:

— A belief could *never* be only a belief. It is a true base... the only *true* base of a Destiny. Do I know my Destiny... Guess, I do. Guess, I know.⁷

И в это мгновение, наполненное его словами, эльфийка нанесла молниеносный удар саблей — практически без замаха снизу вверх, а затем петлей сверху и наискось вниз. Суи перекатился по камням, пытаясь втиснуться во все уменьшающееся пространство между сталью и поверхностью земли. А потом, как огнем, обожгло его спину — эльфийка задела его третьим ударом.

Едва дотянувшись до лежащего на камнях оружия, Суи снова перекатился, увлекая за собою Меч. Перевязь слетела со стали, и вот Меч уже взлетает вверх, и с визгом соскальзывает по ней эльфийская сабля, пройдя в считанных сантиметрах от Суиною лица.

Раз! Два! Три! О, как искусна эльфийка, как уверенно и точно она атакует. Раз! Два! С колена в горло, но эльфийка уходит, изогнувшись, и сияющая молния проносится над ней. Раз! Раз! Раз! Слобно вспышки яростного огня под плотно сомкнутыми веками. Время стянулось в тугую спираль, соприкасаясь с реальностью лишь в точках контакта мечей. С каждым разом все ближе и ближе... яростнее... неупержимее.

И вдруг великое спокойствие вновь снизошло на Суи. С полуразворота он увел эльфийский клинок в сторону, и его двуручник почти нежно потянулся к шее эльфийки лезвием у самой крестовины. Эльфийка попыталась уйти изгибом тела и сво-

⁶ Хорошо, я скажу тебе то, что ты *думаешь*, я должен сказать. Но на самом деле именно ты должен сказать мне это... Я не Оракул, я лишь чтец мыслей. Но не важно. Ты веришь, что ты один из Избранных. Но это лишь вера, а все верования — это только отзвуки эхо, блуждающие по путям истины. То, что мне нужно, — это не твоя *вера*, а твоя *судьба*. А ты в действительности знаешь, в чем заключается твоя судьба?

⁷ Вера *никогда* не может быть только верой. Она является *истинной* основой... единственно истинной основой судьбы. Знаю ли я в чем заключается моя судьба... Думаю, да. Думаю, я знаю.

им разворотом вывести Суи на заблокированную саблю, но валун попал ей под ногу, и она покачнулась, едва не потеряв равновесие. Меч у ее шеи дрогнул, и по белой коже покатиалась бусинка алой крови.

— You are fighting the wrong guy, my wise elf, — сказал Суи, плавно убирая меч от ее горла. — I'm not the one, who is your enemy. I'm just the one. One of the Ones.⁸

— I know, — тихо ответила эльфийка, пальцем вытирая с шеи капельку крови. — Now I know...⁹

— What... — подался вперед Суи. — What did You see in me, elf?...¹⁰

Эльфийка молчала, глядя куда-то мимо Суи, потом медленно вложила клинок в ножны так, что он лишь тихонько зашипел, входя в них, и повернулась, чтобы уйти.

— Stop...¹¹ — выдохнул Суи ей вслед.

Эльфийка остановилась.

— Why? — спросила она тихо. — Why cannot You accept the things You gain without asking those silly questions... those silly questions, that no one can answer. No one but You.¹²

Суи подошел к ней и развернул ее к себе.

— How did I beat You, — спросил он ее тихо. — How *could* I beat all those, who were fighting me... How *could* the mage scouts loose... And how could *You*...¹³

Эльфийка улыбнулась:

— You didn't beat me... Believe me, You could not do that even physically. I'm stronger, I'm faster, I have the experience You don't have. But there's something above the strength, above the speed, above the knowledge. Something above the life itself. Water never beats the Rock. Water is doomed just to make its way through. That's not a *fight*, my dear. That's a *fate*.¹⁴

⁸ Ты сражаешься не с тем, моя мудрая эльфийка. Я не твой враг. Я лишь один. Один из Избранных.

⁹ Я знаю. *Теперь* я знаю...

¹⁰ *Что*... Что ты во мне увидела, эльфийка?..

¹¹ Стой...

¹² Почему? Почему ты не можешь принять достигнутое тобой, не задавая этих глупых вопросов... этих глупых вопросов, на которые никто не может ответить. Никто, кроме тебя.

¹³ Как я победил тебя? Как *мог* я сразить всех тех, кто противостоял мне... Как *могли* скауты магов потерпеть поражение... И как могла *ты*...

¹⁴ Ты меня не победил... Поверь мне, ты не смог бы это сделать даже физически. Я сильнее, я быстрее, у меня есть опыт, которого у тебя нет. Но есть нечто превыше силы, скорости и знания. Нечто превыше самой жизни. Вода никогда не побеждает скалу. Воде предназначено лишь прокладывать свой путь. Это не *сражение*, мой дорогой. Это *судьба*.

Она снова повернулась и пошла прочь.

— You leave?¹⁵ — тихо спросил Суи, и хрустальный колокольчик были ему ответом.

— Having come, elves never leave, — ответила она и исчезла в стусившемся сумраке. — Even if somebody wants them to.¹⁶

И в тот момент, когда силуэт ее растворился в сумраке крадущейся ночи, Суи увидел ее другой, совсем другой и совсем в другом месте — в платье тончайшего льна, простоволосую, рядом с белым единорогом у полного сверкающих искр водопада. Увидел, как, улыбаясь, она смотрит в небо, а единорог своим взглядом рассказывает ей что-то и она на-

певаает нежную и ласковую мелодию, известную единорогу уже неисчислимое количество лет. Увидел и вздрогнул, потому что девушка из его видения повернула вдруг голову к нему и сказала тихо: «Look inside of You. Deep inside. As deep, as You dare».¹⁷

«Look for what?»¹⁸ — спросил ее Суи.

Колокольчик зазвенел вновь, и эльфийка ответила ласково: «For Yourself»¹⁹...

Она сказала правду — эльфы действительно никуда не пропали, — этой ночью девять сотен воинов пополнили гриффов лагерь.

У гномьих бивуаков все мигом замерло: и поединки, и беззлобная ругань, и громкое песни. Гиннад подошел к Суи и несмело тронул его за рукав.

— Суи... — прошептал он. — Это... это *они*?..

— Это *они*, — так же тихо ответил ему Суи.

— Господи, как же они прекрасны, — едва слышно выдохнул гном, глядя, как мимо них мягкой, горделивой поступью шествовала сама ночь.

---

¹⁵ Ты уходишь?

¹⁶ Если эльфы приходят, то они уже не уходят. Даже если кто-то этого хочет.

¹⁷ Ищи внутри себя. Глубоко внутри. Так глубоко, как осмелишься.

¹⁸ Что мне нужно искать?

¹⁹ Себя.

Одна эльфийка плавно остановилась возле них, и мягкая улыбка осветила ее величественное лицо. Лишь пристально взглядевшись, Суи узнал своего недавнего противника, жестокого и непредсказуемого.

Будто услышав его мысли, эльфийка внимательно посмотрела ему прямо в глаза. Ее улыбка была тиха и печальна.

— Did You beat him too?²⁰ — кивнула она на Гиннада, не сводящего с нее глаз.

Суи опустил голову и кивнул.

«Deeper...»²¹ — произнес голос у него в голове. Он вскинул на эльфийку удивленный взгляд, но она уже уходила прочь.

— Ты знаешь ее? — уставился на Суи гном.

— Нет, — ответил ему Суи, — наверное, нет... Не знаю совсем.

— Она ведь спрашивала обо мне? — спросил гном немного позже, когда они все еще смотрели вслед уходящим эльфам. — Я ведь немного знаю Ваниш.

— Староанглийский ты имеешь в виду? — переспросил Суи.

— Не знаю, как ты там его называешь, — вздохнул гном, — я говорю о *ее* языке. О том, на котором *она* с тобой говорила.

— Староанглийский, — подытожил Суи и тоже вздохнул.

Гном долго молчал, а потом сказал :

— Они — как сказка.

Суи улыбнулся и кивнул. Позже он рассказал гному о поединке с эльфийкой, и о своей победе.

— Ты победил *ее*?!! — вновь уставился на него гном. — Ты победил эльфийку?.. Но как?..

Суи продемонстрировал увод ее руки и скользящую атаку меча.

— Ты хочешь, чтобы я поверил, что она купилась на этот фокус? — фыркнул гном, раздраженно. — Да никогда не поверю! Она же могла простым разворотом вывести тебя на свой клинок... Сабля вспорола бы тебе бок.

— У ее ноги был камень... Она не могла выполнить разворот. Попробовала, но едва устояла на ногах.

Гном медленно опустил на ближайший валун.

— Суи, ты изумляешь меня, — произнес он тихо. — Скажи мне, что ты видел этот камень, я назову тебя гениальным стратегом, и мы мирно пойдем к лагерю.

Суи покачал головой:

²⁰ Ты его тоже победил?

²¹ Глубже...

— Я не видел камень...

— Ты не... — гном развел руками, — но о чем ты думал тогда... Суи, я немного слышал об эльфах, и поверь мне, это был бы не твой проигрыш... это была бы твоя смерть...

Суи точно так же развел руками:

— Я ни о чем не думал в тот момент. Я просто... шел вперед — как будто слышал *зов*... вот и все...

Гном задумчиво оглядел его и медленно вынул из-за пояса секиру. Подумал немного и достал из ножен меч.

— В позицию, солдат! — привычно скомандовал он.

Суи нервно рассмеялся, доставая двуручник, а Гиннад со вздохом рубанул топором воздух там, где он только что находился...

А скауты магов все так же наблюдали за ними издали...

Эльфы разбили лагерь у крепостной стены.

Они были молчаливы: телепатические способности убрали необходимость языкового общения. Они быстро расставили простые, но изумительно красивые походные палатки и как один вышли к стене. Неизвестно откуда, в воздухе возникли хлопья тополиного пуха. Эльфы достали луки и без промаха принялись сбивать их. Стрелы шуршали в полете, скользя вдоль стены, а эльфы прямо-таки с нежностью запускали в полет стрелы новые.

Среди них были и маги. Маги-эльфы медленно прогуливались вокруг лагеря; своими серыми и огромными, как миниатюрные озера, глазами они внимательно рассматривали все вокруг, и печальная улыбка играла на их устах.

— Что они делают? — спросил Суи у Ауэна.

— Ты не знаешь? — удивился тот. — Эльфы же долгожители, особенно маги. Многие из них шли с Клэром Великим в Первый Поход против ффинов. Многие теперь с удивлением оглядывают эти места, вспоминая, как выглядел Грифф *тогда*. Им не верится, что мимо пролетели уже не годы и даже не столетия... что за их спиной остались две тысячи лет.

— Они могут жить так долго?.. — изумился Суи.

— Могут, — усмехнулся в ответ Ауэн. — И не только они.

И, ничего не добавив к своим туманным объяснениям, маг пошел прочь.

В своем лагере эльфы вежливо принимали каждого, кто приходил к ним, но в их вежливости чувствовался холод вечности — мало кто решался зайти к ним во второй раз, даже Ауэн. Но, как у любого правила есть исключение, было оно и здесь. Исключением был Гиннад.

Удивительно, но гном и пленившая его эльфийка по-настоящему сдружились, и не было дня, когда грозный и грубый Гиннад не приходил бы к Аэоми, чтобы, воодушевленно размахивая руками, рассказать ей одно из своих невероятных приключений или послушать ее рассказы. Они прекрасно понимали друг друга, и все с изумлением наблюдали их дружбу — то, чего не могло существовать в природе, но что все-таки существовало, словно редкий алмаз, принесший не страдания, но счастье.

Эльфы не приходили к Суи меряться силами, и это немного насторожило его. До той поры, пока Аэоми не пояснила, что она приказала эльфам его не беспокоить, потому что все равно нет победы там, где нет ее, исходя из самой ее природы.

Суи долго выпытывал, что она хотела сказать этим, значили ли ее слова, что им суждено сокрушить в своем Походе ффинскую твердыню, что победа будет за ними... Эльфийка слушала его вопросы, глядя на него так ласково, что Суи уже не верилось в тот удар — практически без замаха снизу вверх и сразу по петле вниз... Она смотрела на Суи и молчала, а когда Суи уставал от своих вопросов, говорила, что никогда не будет правды, полученной в ответе от другого человека, ибо за этот ответ была пролита чужая кровь, и что лишь ответ, омытый своими собственными страданиями, из метафизики сможет когда-нибудь превратиться в истинную основу человеческой судьбы.

Именно так к великому Походу присоединились эльфы.

Людская пехота пришла со стороны разбросанных в шахматном порядке холмов. В боевом порядке, звеня латными доспехами и салютуя вынутыми из ножен мечами, люди гордо шагали туда, куда звало их нечто непостижимое, но в то же время такое прекрасное, то, что уже стало судьбой человеческих легионов.

Друиды пришли тихо и незаметно. Они принесли с собой шест листвы, спокойствие и умиротворенность июльских дубрав, щебетанье птиц, радостно приветствующих восход солнца. Было заметно, что до самого похода им нет никакого дела, но в боях тысячи людей будут ранены и на залитом кровью поле оставшиеся в живых будут звать на помощь лекарей. Друиды шли не убивать ффинов. Они шли возвращать к жизни людей.

— Вот так все и было, Райси, — закончил свой рассказ Суи. — Именно так.

Он чуть помолчал, глядя на нее, а потом спросил:

— Что, Райси, надо еще что-то, правда? Чтобы все стало на свои места...

Райси ухмыльнулась и промолчала, вновь откинувшись на тенистую в свете заката скамейку. Они долго сидели молча, а потом посыльный — мальчуган лет двенадцати — прибежал к ним и сказал, что прибыло еще пополнение. На сей раз больше сотни лесных ведьм, сестер Райси, покорительниц стихий.

Мечи

Два меча вновь оказались рядом: один — у ноги Суи, второй — у ноги Райси.

Первый был все так же молчалив и угрюм, а второй — все так же беспечен.

— Что молчишь?.. — бодро спросил ятаган.

— А что прикажешь делать? — устало ухмыльнулся двуручник. — Повизгивать?

— Да как же так? — удивился ятаган. — Ведь начинается то великое, чего мы, Светлые, так долго ждали. Ведь начинается новый Поход, понимаешь или нет?.. Ведь мы наконец-то уничтожим ффинов!

И Меч весело звякнул о камень. Райси посмотрела на него и бережно поправила оружие.

— А дальше... — тихо пробормотал Меч Суи.

— Что — дальше?.. — не понял ятаган.

— А дальше что? Уничтожите вы ффинов, а что будет дальше?

Ятаган, казалось, онемел. Райси снова подхватила меч и положила его себе на колени.

— Как это так — что дальше? — возмутился ятаган. — Как это так — ЧТО ДАЛЬШЕ??? Мы тысячелетия ждали этого. Мы тысячелетиями рубили ффинов с одной-единственной целью — избавить от этой погани Пиллею раз и навсегда. И мне все равно, что будет дальше. Я знаю, для чего я родился и жил все это время, и мне все равно, что будет! Я знаю — **чего не будет**. Не будет ффинов. Никогда они не будут больше осквернять Пиллею своим мерзким существованием. И я знаю, что если ради этого мне нужно будет забрать чью-то жизнь или отдать свою, я не задумаюсь ни на секунду. Вот что важно для меня, потому что я живу этим, а не дурацкими вопросами недоделки-отступника.

— Э-эх, — добавил он с горечью в голосе, — а я-то, дурак, в тебя поверил. Я-то думал ты уже опомнился и поведешь нас в бой. Я-то думал, что ты и есть Он... Тот, чьи стремления будут почти человеческими, кто переймет у Хозяина часть его силы и кто укажет всем остальным путь к победе.

— Да, — согласился двуручник, — ты дурак. Нельзя верить в то, чего никогда не будет.

— Я ж думал, тебя из стали ковали, а не из...

— Да не о себе я говорю, — спокойно перебил его Меч Суи. — Я говорю о победе.

На долгое время ятаган замолчал.

— Ты не веришь в нашу победу?.. — спросил он наконец.

— Я не верю в то, что невозможно по своей природе. Как бы вы с ффинами ни схлестнулись на поле сражения, победить не сможет никто. Будет бойня, огромная бойня. И кто бы в ней ни выжил, править Пиллеей будет не он.

Двуручник помолчал, а потом продолжил:

— Вы не понимаете, что можно десятилетиями рубить друг друга, что столетиями можно жонглировать мирами, отбирая их друг у друга, как дети забирают друг у друга игрушки; но никогда не поменяется установленный порядок. И как Свет пришел в мир мечтой о созидании, так и Тьма посетила его, воплотившись в стремлениях к разрушению. Созидание всегда уравнивается Разрушением... В их борьбе не сможет победить никто, потому что не победа есть цель этой борьбы, но разрушение отжившего ради созидания нового.

Ятаган снова притих, совсем по-новому глядя на двуручник...

— Так это и есть твоя вера? — усмехнулся он наконец. — Вера в то, что надо засунуть голову в песок и отмалчиваться?.. Ты предлагаешь смотреть на то, что творят ффины и ничего не делать — все равно ведь ничего не изменить... Так? О-о-о, если это то, чем ты живешь, то я предпочитаю свою глупость. В моей глупости никогда не найдется места для раскаяний из-за бездействия, а твоя мудрость обязательно приведет тебя к ним.

— Дурак ты, — совсем беззлобно повторил двуручник и вздохнул. — И я дурак. Ведь я не верю ни твоей выдумке о великой миссии, ни твоей слепой вере в праведность вашей борьбы, ни твоим вымыслам о моем, так сказать, Хозяине. Я не верю ничему, но посмотри на меня, мой искривленный друг, посмотри на величайшего глупца в истории всей Пиллеи, который все равно будет вместе с вами до самого конца.

— Неужели... — изумленно начал ятаган, но двуручник перебил его.

— Нет... — усмехнулся он. — Не надо говорить еще больших глупостей. Я вовсе не горю вашими идеями... Просто уйти от них я тоже не могу. Мир ведь меняется. Это как течение горной реки

— если ты не можешь преодолеть его, не стоит тратить силы зря: все равно тебя будет сносить все дальше назад, а в конце концов раздавит о камни. Нужно учиться использовать течения.

И два меча умолкли, а тучи медленно собирались над их судьбами; и то, что никто не видел этих туч, уже не могло повлиять на предрешенность грозы.

Tueol

День подходил к концу, когда они подошли к Холлу, расположенному над подвалом, в котором недавно решали мировые проблемы опасные разбойники Суи и Райси вместе с Торби и Златой. В темном небе Гриффа одна за другой зажигались звезды, а зарево заката медленно угасало. После всего пережитого в этом безумном дне хотелось спать, а не планировать будущие действия Второй Великой Армии.

Суи и Райси задержались на пороге прекрасного Холла, на полную реконструкцию которого маги затратили не один долгий день, пытаясь воссоздать былую славу гриффовского муниципалитета. Райси решительно посмотрела в глаза Суи.

— Да, Райси, — грустно улыбнулся Суи, — я знаю. Знаю, что возврата уже не будет. Мы сожгли за собой мосты, когда решили идти в Грифф, следуя за мечтой. И за границами мечтаний мы нашли нечто большее — рождение предназначений. Теперь остается только идти вперед до конца, чтобы увидеть, что лежит за границами предназначений. Так ведь, Райси?.. Так?..

Райси вздохнула, тепло улыбнулась ему, а потом легонько подтолкнула к двери:

— Идем, Суи, хватит философии, оставим ее для тех, кто придет после... То, что суждено *нам*, ждет нас *сейчас*.

В Холле собрались люди, которые с недавнего времени начали называть себя Коллегией.

Здесь присутствовали Архимагистр, Ректор Гаксторнской Академии Ауэн и его не во всем путевый воспитанник Клэр Книгарь.

За столом среди прочих сидели Джедди Златовласка и ее отец, кочевник Торби. По всему людскому лагерю ходили слухи, что Джедди на самом деле была ему не родной, но приемной дочерью и вовсе не была потомственной кочевницей. Однако откуда эти слухи ползли, не знал никто.

Присутствовал тут и Гиннад, возглавляющий ГОА — Гномью Ополченческую Армию, — отряд отважных воинов, беззаветно преданных своему командиру. Говорили, что, проработав не-

сколько десятилетий в штольнях и плавильных цехах, Гиннад однажды понял, что не такого ждал он от жизни. Это убеждение, многократно помноженное на его природную духовную мощь, в конце концов и привело его в ГОА, бывшую тогда всего лишь гномьей милицией. Устремленность Гиннада и способности вождя позволили ему зажечь гномов своими мечтами и повести самых отважных в неизвестность Первого Похода. Ходили слухи, что ему многие сотни лет и что некое благословение самого могущественного божества его народа сделало его неуязвимым на поле брани. Но откуда ползли эти слухи, не знал никто.

На заседание Коллегии обязательно приглашали и Аэоми, эльфийку, прекрасную и нежную, как отблески рассвета в каплях утренней росы на траве. Но те, кто встречался с ней в поединке, единогласно утверждали потом, что на самом деле это не роса, но кровь была разлита по траве и что отражался в ней не рассвет, а зарево пожарищ. Более рассудительного и безжалостного противника, говорили они, невозможно встретить и в ночном кошмаре. Даже Гиннад, влюбленный в эльфийку безнадежной, но оттого еще более чистой любовью был вынужден признать это.

Также среди членов Коллегии присутствовал Крайс — легат, ведущий за собой в неизвестность легион латной пехоты и насобиравший по пути еще две когорты легковооруженных пехотинцев. В деревнях, рассказывал он, их встречали неласково,

но провожали еще злее, потому что с ними, опьяненные сбывающимися снами, уходили немало мужчин.

Рядом с Крайсом сидел Тристан, молодой, но тем не менее гениальный стратег, одержавший над ффинами ряд громких побед в близких к внешним мирах и не раз забиравшийся с карательными рейдами в глубь ффинских территорий. Ффины боялись и уважали его.

Из ведьминого ополчения в Коллегии никого пока не было, потому что Райси держала место для Раэлиэ, которая — Райси была уверена — когда-нибудь обяза-

тельно присоединится к ним. Конечно, Раэлиэ была ответственна за все жрицкие племена и не могла так легко оставить их, но неизбежность есть неизбежность...

Ни одно заседание Коллегии не начиналось без Суи, для беглого кнехта великолепно владеющего мечом и не знающего поражений. Не смог победить его даже Гиннад, про «мельницу» которого ходили легенды; гном был побежден еще лишь двумя: блистательной, быстрой и непредсказуемой, как молния, Аэоми и мастером меча, победителем всех рыцарских турниров Гаксторна — легатом Крайсом. Гиннад сказал Аэоми про поединок с Суи: «Это все равно, что биться против судьбы: ты можешь выиграть час жизни, но только потому, что тебе суждено умереть позже». Эльфийка слушала его рассуждения с невесомой улыбкой и молча кивала... Крайс в конце поединка с Суи удивленно уставился на острие огромного меча, приставленное к его груди. «Ничего себе...» — сказал он, обращаясь к Гиннаду, внимательно наблюдавшему за схваткой, когда к нему вернулась способность говорить. — «Ты вообще понял, как это произошло?..» Гном пожал плечами, усмехнулся и ответил, что это неважно. Прежнего Суи победить было несложно: тогда он был простым человеком, отличавшимся от других кнехтов лишь чрезмерным пристрастием к упражнениям с мечом да чрезмерной мечтательностью. Но победить нынешнего Суи — Суи-воителя, Суи-их-командира, Суи-нашедшего-в-своей-жизни-потаенный-смысл, — победить такого Суи было уже невозможно: ведь приходилось сражаться не только против него, но и против его веры, а вера его была во истину великой... Тристан, скрестив с Суи меч, рассмеялся после первой же своей атаки и продолжал фехтовать с неизменной усмешкой на лице. Раз за разом он кивал Суи, признавая свое поражение, и раз за разом вновь становился в начальную позицию, уговаривая Суи дать ему еще один шанс. После боя Тристан сказал, смеясь: «Этот парень чувствует все, ребята. Когда я рубился с ним, у меня сложилось впечатление, что из нас двоих лишь я не знаю сценария пьесы. На любую мою хитрость он отвечал так просто и гениально, что стыдно за себя становилось. Хотелось просто рассмеяться и пожать ему руку. Первое я делал во время боя, а второе сделаю сейчас. Наносить удары он, может, и не мастер, но в тупики ставит мастерски. Боец — то, что надо».

Вторым человеком, вошедшим в Коллегию на равных с Суи, была Райси, которой лишь нелепая случайность (в лице отряда ффинов) не позволила занять пост Верховной Жрицы бога Ра. К ней относились настроенно и немного отчужденно: Суи

знали все, а Райси во время сбора в Гриффе была в далеком мире Клэрова замка. Ауэн сказал своим магам в день их прихода, что будет еще один человек, маг, который поведет их вместе с Суи, но которого сейчас нет в лагере. Когда же его подопечные спросили о магической силе Райси, он ответил: «Она очень сильна. И хотя среди вас найдутся более сильные, победить ее не сможет никто». Азоми в разговоре с эльфами назвала Райси потомком рода куда более древнего, чем эльфы; сказала, что жрица обладает благосклонностью Дракона, а этим не могла похвастаться даже она, выросшая в местах, где визиты Драконов не были редкостью. Гиннад сказал своим рубакам, что Райси владеет древним мечом, выкованным гномами в те времена, которые давно стали для нынешних поколений легендарными. Гномы мало поняли из столь туманных намеков, но на Райси перестали смотреть как на простого людского мага-хокусника, хотя, конечно, и не приравнивали ее к своему любимцу Суи.

...Теперь же Суи и Райси стояли перед людьми, эльфами и гномами и молчали.

Суи не находил нужных слов, хотя уже несколько раз успешно проводил заседания Коллегии, а Райси вообще не знала, о чем здесь надо говорить, да и как. Медленно подошла она к Клэру и протянула ему принесенный из замка меч.

— Наверное, для этого мы собрались здесь сегодня, — заговорила она тихо. — Наверное, для того чтобы отдать Меч твоего предка тебе.

Клэр нерешительно протянул руку вперед, но его пальцы так и не коснулись оружия.

— Нет, — выдохнул он едва слышно. — Я не могу взять его. Я чувствую вину за то, как поступил с ним. Я усомнился в его истинности, я высмеял Истину перед тысячей подобных мне глупцов... Я предал этот Меч и владеть им не имею никакого права. Я не знаю, чья рука будет рубить им ффинов, но точно не моя.

Райси повернулась к Ауэну:

— Так должно быть?

Ауэн улыбнулся:

— Не спрашивай то, что знаешь сама.

— Значит, должно, — сказала Райси и перевела взгляд на Клэра.

— Ну, брат мой мудрый, а у кого есть право носить в ножнах этот дар твоего пращура?

Клэр отвел взгляд:

— Я... не знаю ответа на этот вопрос, Райси... уж извини.

Райси растерянно смотрела на оружие в своих руках.

— Нет, это уже слишком. Ты понимаешь что-то? — повернулась она к Суи.

Суи также растерянно посмотрел на нее и отрицательно покачал головой.

— Так мне что, второй Меч к поясу цеплять? — Райси прошлась взглядом по лицам присутствующих.

Все усердно отводили глаза. Напряжение возрастало, даже свечи в канделябрах слегка померкли. И тут Райси заметила единственный прямой взгляд, уже ничем не напоминающий отблески рассвета, но твердый и жесткий, как само время.

— Is it Yours?²² — тихо спросила Райси.

— No... of course it is not, — тихо улыбнувшись, ответила эльфийка. — But I know how to find out, who's the holder.²³

Райси кивнула, немного успокоенная: если эльф говорит, что он что-то знает, значит, он знает это наверняка.

— Will You tell us?²⁴ — спросила она.

— I will, — эльфийка легонько кивнула. — For ages wizards of humanity tried to understand those writings on the swords. They had a lot of theories, and every new one drove them further and further from the answer... from the beginning. In the beginning there were only the Swords... and the Sword Keepers. Runes... Oh, yeah, the answer is truly simple... Those were the names. All of 'em. In the moment of spiritual creation, the names of the future Sword Keepers were put on the blades. Read the last rune on the one You are holding, and You will understand, which of those present here is the one. One of the Ones. One more...²⁵

Райси долго смотрела на эльфийку, а потом положила Меч Клэра на стол Коллегии и вынула из ножен Меч свой; постояла немного, собираясь с силами, и перевела взгляд на оружие.

— Видящая Насквозь, — сказала она тихо и побледнела.

Перевела взгляд на эльфийку:

²² Он твой?

²³ Нет... конечно, нет. Но я знаю, как узнать, кто его владелец.

²⁴ Ты нам скажешь?

²⁵ Скажу. Веками мудрецы человечества пытались понять эти надписи на мечах. У них было много теорий, и каждая новая лишь вводила их все дальше и дальше от ответа ... от начала. Ведь вначале были лишь Мечи... и Хранители Мечей. Руны... Ах, да, ответ действительно прост... Это были имена. Их всех. В момент духовного сотворения имена будущих Хранителей Мечей были помещены на клинки. Прочитай последнюю руну на Мече, который ты держишь, и ты поймешь, кто является его Хранителем. Одним из Избранных. Еще одним...

— Руна, обозначающая...

— Ray See, — все так же жестко улыбнулась эльфийка. — The one, who sees through... who sees the Truth. Your name.²⁶

— Это последняя руна, — едва слышно прошептала Райси. — После нее нет ничего.

— That's because, You are the last Sword Keeper.²⁷

Так же тихо выпутал из перевязи свой Меч Суи. Как бы извиняясь, протянул он оружие Райси: он не знал языка древних магов. Райси пристально посмотрела на него, а потом перевела взгляд на холодную сталь его Меча.

— Руна Sue. Преследуемый Судьбою. Ты, Суи. Последний. Как и я.

Плавно вернула она оружие Суи и взяла со стола третий меч.

— Руна Tueol.

Райси смотрела на сидящих за столом и ждала, когда кто-нибудь из них скажет хоть что-то, но они все так же молчали, опустив взгляды.

— Туэол, — повторила Райси. — Это имя хорошо знакомо мне, но здесь нет того, кому оно принадлежит.

— Ты так уверена? — спросил вдруг Ауэн.

И маг заговорил, чеканя каждое слово:

— Неужели ты действительно думаешь, что нас собрали здесь по чьей-то мимолетной прихоти лишь затем, чтобы рассказать, как переводятся ваши древнеанглийские имена?.. Нет, Райси, нет, и ты это знаешь. Туэол здесь, среди нас. Ведь одно и то же имя может принадлежать разным существам.

Райси устало сникла.

— Объясни же нам, кто он... — тихо попросил Суи.

Ауэн вздохнул. Посмотрел на Джедди и спросил, как переводится ее имя с языка ее племени. Джедди замаялась на секунду, смущенная общим вниманием, а потом ответила едва слышно:

— Горящее Золото.

— Это из-за волос, — добавила она, как бы извиняясь.

Райси замерла на секунду, а потом медленно повернулась к Златовласке:

— Ты?.. Tueol — это ты?..

— Я... не знаю, — все не поднимала взгляда Злата.

²⁶ Райси. Та, кто видит насквозь... кто видит Истину. Твое имя.

²⁷ Это потому, что ты последний Хранитель Меча.

Ауэн медленно поднялся, вышел из-за стола и принял Меч из рук Райси, которая была оглушена происходящим настолько, что даже не пыталась понять, что маг делает и для чего.

— Руна Tueol, — сказал он, — переводится с языка Драконов как «горящее золото», но вместе с тем имеет и еще один смысл на языке магии и алхимии. Драконы называют так металлы, чья кристаллическая решетка близка к разрушению, так называемые «уставшие» металлы. В Драконьем мире этот термин означает не только то, что у нас, хотя все вы знаете, что «уставшими», в основном, называют готовые сломаться конструкции, а также... плавящиеся металлы. Тысячи лет назад уставшие металлы называли «fatigue», и никакого отношения к плавке этот термин не имел. Но в истинной основе металл ничем не отличается от нас, живых существ... Устав быть сильными, твердыми в своих убеждениях, мы ломаемся... или меняем форму, вливаясь в ту среду, которая способна принять нас. Мы устаем, теряем свое «я», становимся другими. Естественно, что термин «fatigue» вполне применим и к плавящимся металлам, хотя теперь мы не знаем этого слова, забыли его. Исторически сложилось так, что за время забвения Ваниш утратил почти две трети словарного запаса, сохранившись в полном варианте лишь у эльфов. И термин «fatigue» был значительно упрощен нами. Упрощен до «jaded».

— Так ведь, Джедди? — протянул он меч девушке.

— Не знаю... — тихо ответила она. — Я ничего не понимаю.

— Я тоже понимаю немного, — ласково улыбнулся Ауэн.

— Но простой человек никогда не сможет понять всего; духоразумение заключается именно в способности верно *выбирать* из ряда *догадок*.

Он плавно взял ее руку в свою и так же плавно охватил ее ладонью рукоять Меча. Вторую ее руку он положил на лезвие оружия, на руны, горящие в свете мерцающих свечей багряным золотом. Джедди вздрогнула на мгновение и замерла.

— Что ты чувствуешь? — спросил ее маг.

— Что руны теплые, — прошептала она.

— А еще?

— Еще... что я... и есть *она*... *та самая*. Tueol.

Маг по-отцовски погладил ее по волосам:

— Возьми же свой Меч покрепче, Tueol, возьми и владей им с гордостью, достоинством и стремлением. С огромным стремлением сделать все так, как подсказывает тебе сердце... И даже если цена покажется тебе слишком высокой, знай, что нет на свете высокой цены за то, чтобы обрести саму себя.

Злата резко вскинула на него свой взгляд, и лихорадочный румянец на щеках напомнил магу вечерний туман, сторающий в лучах солнечного заката.

— Да, Ауэн, да... — крепко, до побелевших костяшек, стиснула она свои пальцы на рукояти Меча. — Ты прав. Нам дано право творить подвиги.

— А высшая сила, которая над нами, — погладил ее по голове Ауэн, — вырастит из семян подвигов Дерево Грядущего.

— Воистину так, — склонил он свою голову.

— Воистину, — неожиданно легко произнесла Райси и преклонила голову.

— Воистину, — подался вперед Суи.

— Воистину, — как эхо, понеслось по рядам Коллегии, и головы склонялись одна за другой.

— Воистину... — тихо и нерешительно, но от этого не менее значимо сказала Джедди Златовласка и сама преклонила голову перед тем таинством, чье присутствие в Холле каждый из них ощущал почти физически... перед тем, что было здесь, с ними, что было навсегда, что было извечно.

И они были теперь одним, и не было здесь больше никого, кроме них и объединившего их Таинства.

Поздним вечером Суи нашел Златовласку на краю каменистого Гриффового плато. Холмистая равнина с огромной воронкой лежала прямо перед ними. Златовласка сидела, вся сжавшись, будто замерзшая птичка на ветке ранневесеннего дерева. Суи присел рядом с ней и ласково обнял за плечи.

— Я так устала, Суи, мне так плохо, — почти проплакала Злата, и Суи еще крепче прижал ее к себе. — Я так надеялась, что это буду не я... Куда мне в Избранные, Суи, ну ты сам скажи?.. Я родилась для того, чтобы стать кому-то любящей и верной женой, чтобы родить прекрасных, здоровых детей, чтобы воспитать их честными людьми, которыми будет гордиться их отец, и чтобы спокойно доживать свою жизнь среди десятка галдящих внуков. Именно об этом я мечтала с самого детства. Мечтала, рубя чучела на тренировках племени, стреляя из лука в мишени, готовясь к набегам и сражаясь в последнем бою насмерть; видя ужас в ффинских глазах и чувствуя ужас в глазах своих, я все еще мечтала об этом... Я всегда была равнодушна ко всевозможным Великим Свершениям, какие бы легенды ни складывали о них потом. Так зачем же мне сейчас дается все это?

Она усмехнулась горько и вздохнула, глядя вдаль.

— Хотя нет, Суи... справедливости ради нужно добавить, что была еще одна мечта... мечта заветная. Все-таки я была кочевницей как-никак.

— И второй этой вещью, — снова усмехнулась она, — был *катана*, прекрасный самурайский меч.

Суи невольно покосился на Меч в ее руках: тот был выкован в форме катана. Джедди заметила его взгляд и усмехнулась:

— Да, Суи, да... я мечтала именно о таком мече. И я получила его именно сегодня. Сегодня... в день моего рождения.

Суи помолчал немного, а потом нежно сжал ее руки в своих.

— Поздравляю...

Злата звонко рассмеялась, а Суи подмигнул ей и продолжил:

— Мы родились не для такого счастья, милая моя сестричка Златовласка. Не для того, чтобы жить в любимых всем сердцем домах и воспитывать любимых всем сердцем детей. Не для того, чтобы делать добро людям и вечно помнить о добре, сделанном нам. Не для того, чтобы спокойно умереть в конце нашего жизненного пути... Мы родились для того, чтобы это смогли сделать другие. Те, кто придет после нас. Понимаешь?

Он серьезно посмотрел на нее.

— Мы не в силах изменить то, что было создано не нами. Наши судьбы не принадлежат тем людям, кем мы теперь являемся... Что-то ведь привело тебя в Грифф, Златовласка, что-то указывало дорогу тебе и Торби... что-то не допустило вашей смерти в пустынных песках... И это что-то — оно внутри тебя, Злата, это часть тебя... это твоя судьба, которую дал тебе Он... и которую ты приняла от Него с радостью.

— И если мы начнем капризничать, — улыбнулся Суи, — то обязательно окажемся однажды в углу...

— В каком углу? — не поняла Златовласка.

— В том, — Суи улыбнулся еще раз, — куда ставят непослушных детей.

Темные Миры: Суи и Райси

Было раннее утро, и темное небо алело у самого горизонта высокими перистыми облаками. На краю каменистого плато, полумесяцем огибающего Грифф, на своем излюбленном месте Райси задумчиво смотрела вдаль.

Она проснулась сегодня от непонятного толчка изнутри — словно что-то резко ударило ее и сразу же исчезло. Бешено

колотилось сердце, непонятное волнение стискивало горло, остатками ускользающего сна тревожило мысли. Спать ей уже не хотелось, и, чтобы хоть как-то успокоиться, она решила немного прогуляться.

Ноги сами вынесли ее к темному, все еще полному ночи плато, где она встретила первые отблески зарождающегося дня. Тихое, равномерное гудение утреннего ветра успокоило сердце, помогло выбросить из головы непонятные ночные тревоги и убедить себя, что если она не помнит сна, то и значения в нем не было.

А потом сквозь голос ветра она расслышала топот бегущих ног. Удивленно обернувшись, Райси увидела Суи, который со всех ног бежал к ней.

— Что стряслось? — спросила она, когда Суи буквально рухнул на камни рядом.

Взгляд его беспокойно метался по горизонту.

— Стряслось... — Суи посмотрел на нее так, будто увидел впервые. — А... стряслось... да, стряслось. Многое... м-м-м... как бы тебе сказать... что стряслось... Сон я видел, Райси.

Райси напряглась.

— Сон видел, и мне кажется, сон этот рассказал мне, что нам делать дальше.

— В каком смысле — рассказал?.. И что значит — тебе кажется?..

Суи смотрел куда-то далеко за горизонт.

— Суи... — позвала его Райси.

— А, да... — очнулся он. — Мне снилось, что я иду... иду в темноте... и иду не туда. Было жутко, но я понимал, что в силах побороть страх. Я проснулся, словно от толчка, не понимая ни где я, ни что мне делать. Сон здорово растревожил меня, и я долго лежал, ничего не понимая... Но ты же знаешь меня, Райси, если я хочу что-то понять, то обязательно пойму это. Я понял свой сон, я понял, что это было, Райси... понял, что это были Темные Миры, Темные Миры, которые ждут меня...

Райси обеспокоенно взглянула на него.

— Суи, — снова позвала она его, и он вздрогнул. — Суи, ты вообще понимаешь, о чем говоришь... Темные миры закрыты для людей, я никогда не слыхала, чтобы человеку удалось проникнуть в них и вернуться назад, зато знаю сотни свидетельств о людях, чье чрезмерное любопытство очень укоротило им жизни. Ты понимаешь, что Миры зовутся Темными не оттого, что рады своим посетителям. Оттуда просто не возвращаются.

— Клэр Великий вернулся, — Суи не отводил взгляда от горизонта, — а к тому же мой сон...

— Суи, — резко прервала его Райси. — Твой сон не такой уж и хороший... Ты же знаешь, что я Жрица и умею толковать сны. Если тебе снится, что ты двигаешься в темноте, да еще и не туда, куда надо, это вообще-то не сулит ничего хорошего.

— Но я чувствовал, что могу справиться...

— Суи... твоя идея, честное слово, кажется мне бредовой... Знаешь, мне ведь тоже снился сон этой ночью... тревожный сон, и, хотя я совсем не помню его, он точно не говорил о возможности благих начинаний в этот день.

Суи вздохнул, все так же глядя куда-то вдаль своим рассеянным взглядом.

— Плохо, что ты не со мной, Райси, я очень рассчитывал на твою поддержку... Но я иду в Темные Миры, и мне все равно, кто со мной, а кто нет... Я знаю, что вернусь оттуда.

Райси внимательно смотрела на него.

— Дурак ты, Суи, — сказала она наконец. — Дать бы тебе ухо за такие слова, да посильнее. Это я, значит, не с тобой... Да я всегда с тобой, куда бы ты ни направлялся: назвав тебя братом у стен Клэрова замка, я не просто воздух сотрясала... Мы с тобой едины в нашей вере и нашей Избранности, а также...

Райси вдруг запнулась и с досады прикусила губу. Суи смотрел на нее.

— А также?.. — переспросил он, силясь понять.

— Дурак ты, — отвернулась Райси. — В вере и в Избранности, а больше ни в чем.

— Чего это вы ругаетесь? — спросила заспанная Златовласка, медленно подошедшая к ним.

— Тоже не спится?.. — зевнула она. — Мне тут такой сон приснился... Вроде вы ушли куда-то, а я ждала-ждала вас, а потом сама куда-то пошла... такой бред... вы ведь никуда не уйдете без меня, правда?..

Суи устало хмыкнул:

— От тебя куда-то денешься, как же...

Злата снова зевнула и усмехнулась в ответ:

— А что, хотелось бы?..

...

Ауэн молча указал им на кресла.

— Почему вы без Златы? — спросил он.

— Мы с Суи задумали одно серьезное дело, — заговорила Райси. — Мы собираемся покинуть Грифф на некоторое время и

отправиться в Темные Миры. Суи верит, что Темные Клинки там, и они ожидают, что мы заберем их. Так уж получилось, что мне никуда не деться от него, а Злата...

Райси досадливо поморщилась, думая, что верх безрассудства — вести ребенка в Темные Миры.

— Кто-то же должен остаться, — сказал Суи. — Безумием мне кажется отправиться в Темные Миры всем троим, бросив Армию в Гриффе. А вести Армию с собой смысла нет, потому что у нас двоих путь займет пару недель, а у Армии — пару лет... Вообще, мне бы следовало пойти одному, но без Райси я туда просто не проберусь: все-таки я не маг, а открывать собственные антрейсовые порталы умеет лишь Райси. К тому же...

— К тому же, — перебила его Райси, — как я уже говорила, мы решили идти вместе до самого конца. Поэтому — мы ни на шаг друг от друга.

— Как муж и жена?.. — улыбнулся Ауэн.

— Когда-нибудь, — твердо ответила Райси. — Если он заслужит.

Суи удивленно посмотрел на Райси, но та лишь подмигнула в ответ.

— Н-н-да, — задумчиво произнес Ауэн. — Темные миры, значит...

Он вздохнул снова и перевел взгляд на Суи:

— Ты думаешь, недостающие Мечи так просто дожидаются тебя там?.. Это ведь не Клэров мир, Суи, это миры некромансеров, миры нежити, миры, чьи границы тщательно охраняются от безумцев, желающих заявиться туда с визитом. Очень многие ученые пытались тайно проникнуть в Темные миры для изучения загадочных измерений, в которых громадные каменные острова парят над землей; но ни один из них — слышишь меня, Суи? — ни один из этих ученых никогда не вернулся назад. Никто не знает, что с ними случилось. Некромансеры очень жестоки к тем, кого не желают видеть в своих мирах. А видеть они не желают никого... Они нелюдимые изгои... у них нет правил, кроме правил своего служения, Суи...

— Так уж сложилось, — усмехнулся он, помимо воли повторяя Райсины слова, — что люди не возвращаются из этих миров...

— Клэр Великий вернулся.

Ауэн закатил глаза, а затем посмотрел на Суи так, как смотрят на маленького ребенка:

— Клэр Великий был *Великий*, и за это ему очень многое прощалось всеми, с кем он встречался. В нем была сила Огня, и люди чувствовали это...

Суи скрипнул зубами и стиснул рукоять своего Меча.

— Ауэн... — сказал он едва слышно, — я не позавидую тому, кто попытается потушить *меня*...

— Тихо, тихо, — поднял руки Ауэн. — Пойми меня правильно, Суи... Я ведь не запугиваю тебя. Я просто объясняю, что тебя ждет в этих мирах. Ты должен быть готов ко всему... ведь тебе придется яростно сражаться за свою жизнь. И сражаться не мечом, за который ты так любишь хвататься: ибо примени ты силу — и некромансеры раздавят тебя, как букашку; нужно быть готовым сражаться своим умом и верой своей в Правое Дело. Но все же я не знаю, что нужно сотворить, чтобы некромансеры согласились слушать, а тем более *выслушать* тебя; а еще тем более, чтобы согласились отдать *тебе Мечи*, если, конечно, они у них... Не обижайся Суи, но план твой выглядит нереально, и, чтобы все получилось, необходимо самое настоящее чудо...

Суи нахмурился и медленно убрал руку с рукояти Меча.

— А что произошло, когда Райси и Клэр отправились в его родовой замок?.. — тихо спросил он. — Не чудо ли, что время и место нашей атаки совпали с местом и временем их допроса... А наша встреча в Гриффе — не чудо ли это; а сны, которые вели людей сюда; а то, как стремительно начала собираться Армия?.. А то, как я всегда побеждал в поединках, где должен был быть побежденным?.. Все, что происходит сейчас, — скажи мне, Ауэн! — это ли не величайшее из всех виденных нами чудес?

Старый маг долго смотрел в окно, монотонно барабанил пальцами по крышке стола. Затем повернулся к Суи и заговорил снова:

— Может, в твоих словах есть доля правды, Суи, и Темные Миры преклонятся перед истинно сильными духами. Что ж, проверим себя на истинность. Да, друзья мои, я отправляюсь с вами.

— Ведь я знаю дорогу в Темные Миры... — снова усмехнулся он. — Потому что я один из немногих, кто выбрался оттуда.

— Нет-нет, — предупредил он возражения Суи, — даже не думай отговаривать меня. Избранность — категория, конечно же, индивидуальная, как, впрочем, и глупость. Но если с Избранностью вашей я могу смириться, то с глупостью — уж никак.

Ауэн рассмеялся и снова перевел взгляд за окно. Над горизонтом показался краешек солнца.

Три человека медленно шли через отстроенную часть Гриффа, мимо башен магов, светящихся в утреннем сумраке раскаленными иглами, мимо людских бараков, где, несмотря на раннее утро, уже звенела сталь и солдаты до седьмого пота сражались друг с другом, пытаясь перенести в свои движения рисунки Суинных атак... Они шли мимо гномьих бивуаков, где неугомонные весельчаки с громким хэканьем перерубали своими громадными топорами ростовые куклы, а такие же бородачи-сержанты орали на них навеки охрипшими голосами и тыкали в неперерубленные витки проволоки, изображавшие человеческие кости... Они шли мимо эльфийских палаток, откуда невесомые стрелы уносились к едва различимым вдали мишеням... Они шли — и все замирало вокруг них: и звон людской стали, и гномья ругань, и дребезжащие щелчки эльфийских луков.

Все: люди, гномы, эльфы — смотрели им вслед, и горечь была в их глазах... Если бы они могли... если бы они только могли взять на себя хоть часть *их* невероятно тяжелой ноши... Ведь легко убивать в бою и умирать в бою; нести же на плечах судьбу этого боя куда тяжелее. Люди, эльфы и гномы смотрели *им* вслед и понимали, что у каждого лишь одно предназначение и что, получив его однажды, уже никуда от него не деться, не уйти, как от тянущего на дно камня или же возносящих вверх крыльев... Люди смотрели *им* вслед и понимали, что на каждое предназначение есть и свой камень, и свои крылья. Ибо мало быть избранным на нечто Великое — необходимо еще найти силы свершить этот Подвиг, или поддаться трусости и отречься от мечты.

Что было дано им — тем, кто уходил в алое зарево рождающегося дня? Куда проложит путь сила, заключенная в них, или слабость, укрывшаяся в их силе? Наверное, этого не знал никто из тех, кто смотрел вслед троим людям, покидающим просыпающийся лагерь.

Темные миры: Тринадан

По пустынной равнине серого, словно придорожная пыль, мира устало брели трое людей: воин, жрица и маг. Суи, Райси и Ауэн. Когда-то, целую вечность назад, эти слова были их именами. Когда-то, целую вечность назад, эти слова значили так много для них. Когда-то, целую вечность назад... еще до того, как безжизненная равнина выпила иссушенными губами их души.

Сколько уже брели они по этой пустыне среди безвременья, измученные губительным жаром?.. Неделю, две, три?.. Сколько уже прошло времени с тех пор, как последний из порталов, на

миг сплавивший миры, открыл им безрадостное уныние пустыни серой, словно неосуществленная и давно уже позабытая мечта?..

Серые рассветы... Три площадки тошнотворной воды, с великим трудом выколдованные Ауэном... Немного черствого хлеба, который никак не хотел пережевываться в иссушенных ртах... Усталые шаги, меряющие равнину, которой, казалось, никогда не будет конца... Пыль, облачками взлетающая от малейшего движения, скрипящая на зубах и кашлем оседающая в горле... Отчаяние, словно пустынный песок, впитывающий в себя то светлое, что поддерживало их и помогало идти дальше.

Ауэн устало говорил, что Давление серой пустыни — это Первая Преграда, созданная некромансерами тысячи лет назад для защиты Темных миров от незваных гостей. Вторая преграда должна находится где-то поблизости, внутри Первой, но что это будет, Ауэн не знал. Он помнил, что уйти из Темных миров оказалось намного сложнее, чем прийти. Ни Суи, ни Райси не видели ничего странного в таком объяснении, а если и видели, то не имели сил спросить, что именно хотел сказать старик Ауэн. Им казалось, что сама жизнь безостановочно вытекает из них, как из опрокинутого ведра, с тех пор как серая равнина раскинула вокруг них бесконечные крылья.

В какой из дней встретили они трех всадников?.. В какой из дней три крылатых призрака появились на горизонте облаком поднятой пыли и неумолимо устремились к незванным гостям этого мира?.. В какой именно из дней странники поняли, что достигли наконец Второй Преграды на пути к сердцу Темных миров — страшному и прекрасному Наэну?.. Не в тот ли, когда их жизни и смерти легли на одну и ту же карту избранной судьбы, когда они столкнулись не просто с противником, но с воплощенной злобной волей целого мира?.. Три черных рыцаря в черных плащах, развивающихся за их спинами. Темные призраки угрюмой пустыни.

Первой не выдержала Райси. Ее молния ослепительной дугой унеслась к ближайшему наезднику, но тот со смехом отразил ее. Молния врезалась в землю, вспорола ее, словно консервный нож, и облако горячей пыли взвилось в воздух. Райси ударила еще раз... и еще раз... и еще, со стоном вытирая ладонью бегущую из носа кровь, но ее заклятия пружиняще отскакивали от всадника, словно это были и не заклятия вовсе, а простые древесные щепки, летящие из-под топора дровосека.

Рыцарь был уже совсем рядом, когда обессиленная Райси в отчаянии уткнулась лицом в ладони и расплакалась. Она, на-

верняка, погибла бы, если б Суи не бросился к всаднику, если бы в сумасшедшем выпаде не отбил в сторону кривой замах сабли, если бы не отдал все, что у него было, той, которую любил, как сестру, сильнее, чем сестру, той, которая давно уже перестала быть для него просто будущей Верховной Жрицей бесконечно далеких племен...

Сила удара черного рыцаря отбросила Суи в сторону, запутала в хаотическом мелькании собственных ног, повалила наземь и перевернула несколько раз, прежде чем его движения снова приобрели оттенки смысла. Второй всадник навис над ним, и вороной конь, резко переступая копытами, попытался раздавить его. Не в силах противопоставить ему хоть что-нибудь, кроме отчаяния, Суи ударил мечом, в надежде подсесть конские бабки; но с ржанием, слишком уж напоминающим злобный смех, конь перепрыгнул через его вялый выпад и вновь надвинулся на него.

Первый всадник с той же одержимой уверенностью разворачивал своего скакуна для второй атаки на Райси, а третий, прижавшись к конской гриве, неся на Ауэна. Суи подумал было, что поход в Темные миры был действительно неудачной идеей, но в этот момент старый маг произнес одно слово. Всего одно слово, которое вспыхнуло в этом сером мире, подобно взорвавшемуся в небесах солнцу.

И замерли всадники, замерли кони под ними, замерли на полувзмахе искривленные сабли, замерли их летящие на ветру плащи. Все замерло, ибо и всадники, и кони под ними, и мечи в их руках — все это было обращено словом Ауэна в камень.

Суи, не веря глазам, смотрел на окаменевшие конские копыта, замершие над ним, а Райси, с трудом опираясь на локоть, дрожащей рукой все вытирала бегущую из носа кровь. Еще дальше, около последнего из всадников, пошатываясь от сделанного усилия, стоял Ауэн и с легкой улыбкой оглядывал дело рук своих.

— Нет-нет, — заметил он взгляд Суи. — Не смотри на меня так. Я не Господь Бог, чтобы гневом своим обращать плоть в камень. Просто это были не люди, — кивнул он на статуи всадников. — Это были големы, оживленная магией земля. Я не сделал ничего сверхъестественного, своим заклинанием я просто убрал магию.

Ауэн медленно присел на камень и устало вздохнул:

— Самым тяжелым было понять, каким именно оружием необходимо сражаться против них.

— Хотя согласитесь, — усмехнулся он, — что ответ лежал на поверхности. Заклинания Райси не того уровня, чтобы так легко отразить их, а големы неуязвимы для боевой магии.

Суи с трудом поднялся на ноги и внимательно осмотрел големов: черты их лиц, навеки застывшие на ветру плащи, занесенные для удара сабли... Земля и магия?.. Что же это за магия, способная вызвать землю к *такой* жизни?..

Ауэн так и не ответил на его вопрос. В муках, достойных святого, он сотворил для них с Райси плоски воды.

Они заставили себя выпить теплую, тухлую от недостатка магии воду, причем Райси чуть не стошнило. Усталость так навалилась на них, что остаток дня и всю ночь они лежали у каменных изваяний големов в полуобморочном состоянии, наблюдая, как медленно поворачивается вокруг них серый небосвод.

Утром, немного отдохнувшие, они с трудом отправились дальше.

— Всадников должно быть шесть, — подбодрил их Ауэн. — Особенность Второй Преграды в том, что она никогда не появлялась перед живущими в Темных мирах, и редкие некромансеры имеют представление о ее природе.

— Разве это не они создали их?.. Не они ли создали големов?..

Ауэн едва заметно усмехнулся:

— Вторая Преграда была создана в то далекое время, когда Темные миры только начали заселяться некромансерами, когда величественные знания Гильдии Магов еще не до конца были променяны ими на новые, манящие своей простотой знания некрокинетики. Вся сложность изучения Второй Преграды для некромансеров в том, что она существует независимо от них, а мудрые предшественники сделали все возможное, чтобы знания о ней были утеряны. Они справедливо рассуждали, что чем меньше людей будет знать о Преграде, тем меньше расскажет о ней посторонним. Некромансеры не имеют никакого контакта с Преградой, а пришельцы имеют с ней контакт слишком тесный, чтобы поведать о нем. Исходя из совместной энергетики напавших големов, я полагаю, что нам предстоит встреча еще с тремя.

Конечно, Ауэн был прав, и к вечеру этого дня они действительно повстречали недостающую троицу.

— Ха!!! — рассмеялся Ауэн. — В этом месте, наверное, и прошел Клэр Великий.

В сером мире не было дождей, редко подымался сильный ветер, но пролетевшие мимо тысячелетия серьезно изувечили

каменные статуи. Суи не мог найти в себе ничего, кроме жалости, когда смотрел на строгое лицо голема, у которого уже не было нижней челюсти; и на обломок меча в руке другого голема; на глубокие трещины, избороздившие каменные одеяния третьего; на их все так же развевающиеся плащи... на то, как немилостиво ко всему великому не менее великое время...

— Ауэн!!!

Крик был громким и чужим.

Суи и Райси как один выхватили мечи, инстинктивно занимая оборонительную позицию на флангах мага. Но старик Ауэн не спешил бросаться в бой... Он продолжал спокойно рассматривать големов. Что-то тронуло его черты, и на секунду Суи показалось, что он прикрывает веки, словно от невыносимой боли.

— Тринадан... — он произнес это слово хрипло, но все же твердо.

— Все еще помнишь это имя?

Перед Суи и Райси, словно из воздуха, появился старец в черной мантии с иссушенным черепоподобным лицом. Правой рукой он сжимал резонатор черного дерева, левая же была перед ним, заряженная на магическую атаку.

— Я помню все, — все так же хрипло ответил Ауэн и медленно обернулся.

— Время немилостиво к тебе, — заговорил он снова. — Время и твоё учение.

— Ты тоже не молодеешь, — оскалился некромансер. — Я мог убить вас ещё вчера, когда вы валялись возле големов... Сдаешь, Ауэн.

Маг усмехнулся:

— Я чувствовал тебя, Тринадан, знал, что ты рядом, и знал, что ты не нападёшь, потому что захочешь выяснить, чем закончится наш поединок. Захочешь не убить, но победить меня. Узнать, кем стал ты и кем стал я.

Лицо некромансера дрогнуло, и некоторое время он молча смотрел на мага, смотрел зло и очень страшно.

— Клэр рассказал тебе про Стражей? — спросил он наконец.

— Ты прекрасно знаешь, что Клэр ничего не успел мне рассказать...

— Вы сражались вместе...

— В бою не до размышлений о прошлом. Оно не стоит того, чтобы терять будущее.

Тринадан хрипло прошипел:

— Ты все еще мудр, хотя твоя мудрость уже покидает тебя: при тебе нет магического посоха, а это крайне неразумно, особенно, когда против тебя противник моего уровня.

— Пусть это будет уступкой твоей молодости, Тринадан, и тому, что моя мудрость покинула меня все же в меньшей степени, чем тебя.

Шипение некромансера перешло в хриплый рык. Резко — ни Суи, ни Райси не успели заметить движения — он перехватил резонатор двумя руками, и ветвистая, ослепительно сияющая молния сорвалась с металлического наконечника. Безумным прыжком Ауэн перемахнул через статую голема, в полете выпустив три полыхающих огнем шара, которые разорвались в трех местах, по которым только что пробежал Тринадан. Статуя голема вспыхнула и разлетелась на куски, разорванная ответным ударом магии. Новый удар некромансера почти достиг Ауэна, но тот успел телепортироваться, и вслед за ним портал выбросил длинные языки черного пламени. Маг ринулся к земле, по пути выпустив извивающуюся реку огня и вновь уходя телепортом, когда острые камни готовы были пронзить его тело.

Фланг некромансера оказался открытым для атаки, и опомнившиеся Райси и Суи бросились в бой. С ревом досады из-за потери удобной позиции некромансер пронесся над землей, обходя молнию Ауэна и одновременно пытаясь не терять из виду новых противников. Мимоходом он швырнул заклинание в лицо жрице, и, только выставив блок, та поняла, почему маги уходят от атак друг друга, избегая блокировки. С боевой магией такого уровня она еще не встречалась... Блок отбросил ее далеко назад, словно тряпичную куклу, протащил по камням. Пытаясь подняться на ноги, Райси почувствовала, что теряет сознание.

Суи в ярости рванул вперед... Уйти от направленной в него молнии он не мог, и с криком, от которого все заболело внутри, он рубанул по ней мечом... Наверное, это было чудом, но меч не разлетелся на сотни осколков, и молния не разорвала Суи на части.словно солнечный луч с зеркала, соскользнула магия с меча и вонзилась в землю где-то в стороне. Суи был цел, и Меч был цел, и лишь легкая окалина покрывала то место, где молния соприкоснулась со сталью, но и она быстро исчезала, напоминая следы дыхания на зеркальном стекле.

Суи был готов разрубить онемевшего некромансера вторым ударом, но магия Ауэна опередила его. Удар отшвырнул Тринадана прочь и поволок по земле... Скрипя зубами, Суи настиг катящееся тело, но клинок его нерешительно замер: в дыре, про-

битой в груди некромансера, были видны скользкие легкие и спазматично пульсирующее сердце... Колдун доживал последние секунды...

— Глупец, — прохрипел он подошедшему Ауэну. — Ты не знаешь, что ты выбрал, мой... *мудрый* друг...

Некромансер закашлялся, и из его горла хлынула алая кровь.

— Ты думаешь, бывает второй шанс... — он говорил все тише. — Думаешь, хоть иногда можно изменить прошлое... пережить жизнь заново... простить тех, кто предал тебя... Нет, Ауэн, нет... Нет прощения... в этом мире. Нет его мне... нет его и тебе...

Долго еще Суи стоял над трупом некромансера, а Ауэн был уже около Райси, магически поддерживая ее и помогая восстановить силы... Суи понимал, что маг давно знал некромансера; он видел, что силы все больше наполняли Ауэна с приближением к центру Темных миров — к тому, что звалось странным именем мира Наэн... понимал, что Ауэн был вовсе не таким, каким он его себе представлял.

А когда Райси немного пришла в себя, Ауэн отослал их вперед, устало глядя им в спины и разжигая в ладони искорки ритуального пламени. «Восставший из пепла в пепел и возвратится...» Это, конечно, не было ритуальным прощанием некромансеров, но темные слова колдовского погребения почему-то не шли Ауэну на ум... Впрочем, думалось магу, вопрос в другом: если бы он вспомнил эти слова, смог ли бы он заставить себя произнести их?..

Темные миры: Наэн

— Это... — чуть кашлянув, подала голос Райси, — это и есть Наэн?..

Ауэн кивнул.

— Это и есть Наэн, — ответил он, немного помолчав, но голос был хриплым, и слова получились неразборчивыми.

Суи же не мог издать ни звука.

Конечно, он слышал, что на самом краю земли есть миры некромансеров; что огромное солнце сияет там на полнеба, но оно не спит и почти не греет, так как миры эти прокляты; слышал, что гигантские острова дрейфуют там в воздухе; слышал, что на многие километры в округе от границы миров нет ни единой травинки и что почва там сбита, точно гладкий камень.

Но Суи не придавал значения слухам, так как о Гаксторне тоже говорили, что город увенчан рубинами с два кулака и

когда солнце садится, они сияют, подобно сотням Драконьих глаз, призванных защищать столицу человеческую. Суи был в Гаксторне, но рубинов на его стенах не было, и никому, кроме ночной стражи, не было дела до защиты города.

За время своего путешествия Суи научился скептически относиться к слухам, так как многие люди говорят не для того, чтобы поделиться знанием, но лишь для того, чтобы заставить других восхищаться собой, пусть даже это восхищение будет лживым. За полтора года пути он понял, что услышать о чем-то от разных людей вовсе не достаточно, для того чтобы составить об этом объективное представление, так как разные люди могут пересказывать одни и те же легенды. И так как Суи не ожидал от Наэна ничего, кроме очередной серой пустыни, подобной уже многим пройденным, то, конечно же, он онемел, когда перед ним предстало вдруг все и сразу: и гигантское солнце в небе, и парящие острова, и сбитая в камень идеально ровная почва под ногами.

— А если посмотреть сюда, — кашлянул Ауэн, — то можно увидеть то, что зовется Осью миров... Именно вокруг нее дрейфуют каменные острова, не отдаляясь более, чем на сто километров.

Суи и Райси медленно обернулись в указанном направлении и вновь замерли в удивлении. Перед ними, совсем рядом, возносился в небо огромный обелиск. Колонна, составляющая его основу, была на вид с сотню метров в диаметре, а про высоту ни Суи, ни Райси не решились бы даже ничего предположить. На определенных высотах вокруг обелиска медленно и величаво перемещались в воздухе гигантские сферические образования — словно яблоки на гигантской яблоне, лишенной веток, — а перед обелиском, преломляя лучи сияющего солнца, в воздухе горели слова, выведенные огромными староанглийскими буквами: «Наэн. Ось миров. Центр мироздания».

Ауэн подвел их к обелиску, причем идти к нему понадобилось почти полчаса. Обелиск оказался еще большим, чем казался издали, а миры, парящие в вышине, отбрасывали тени, в которых могли бы разместиться боевые центурии. Когда они проходили сквозь горящие в воздухе буквы, что-то, словно иголочками, покалывало кожу и волосы на головах вставали дыбом.

— Приложите руки к обелиску, — сказал Ауэн.

Они прислонили ладони к поверхности и почувствовали ритмичное подрагивание.

— Это зовется дрожью Наэна, — проговорил Ауэн. — Если потратить побольше времени, то можно убедиться, что все здесь вибрирует, начиная от почвы под ногами и заканчивая парящими в небесах островами.

— Разве... — неловко кашлянул Суи, не в силах убрать от обелиска руку. — Разве ты бывал *здесь*?.. Я думал, никто тут не бывал; а ты не только помнишь свой визит, но и то, что уйти отсюда еще тяжелее, чем прийти...

— Я родом отсюда, — негромко произнес маг. — Клэр забрал меня из этих миров...

— Клэр Книгарь?.. — изумился Суи.

— Клэр Великий, — ответила вместо мага Райси.

— Но это значит... — ошеломленно посмотрел на него Суи. — Значит, что тебе уже две тысячи лет...

Ауэн усмехнулся:

— Больше, Суи, немного больше. За мое великое знание мне пришлось заплатить не менее великую цену, которую рано или поздно спрашивают с каждого мага. Наши зачарованные жизни подвергаются Огромному Испытанию, которое таит в себе Знание основ Мироздания... Многие, спустя двести-триста лет магической практики, начинают понимать тщетность своих попыток изменить мир к лучшему. Редкий маг дотягивает до пятисот лет: все они обрывают свои жизни в поисках покоя, не понимая, что покоя уже не будет никогда.

— Каждый маг, — он посмотрел на Суи, улыбнулся ему и исправился. — Каждый, кто решил служить сохранению Знания, подобен лучине, которая дарит людям свет, сжигая на угли себя. Если ей вздумается погаснуть на полпути, она не будет уже лучиной, но и Светом от этого не станет. Она так и останется обгорелой щепкой. Нельзя изменить мир... но можно найти в нем свое место. Отказаться же от избранного места — значит не просто предать себя, но предать также и Того, из Чьих рук этот выбор был принят. Уходят из мира те маги, которые *магами* так и не стали.

Суи медленно перевел взгляд на обелиск.

— Как эта ось связывает миры воедино, — усмехнулся Ауэн, — так и новые рождения незримой нитью связаны с прошедшими. Никто не обретет покоя через самоубийство.

Они были на расстоянии нескольких километров от обелиска, когда полные ненависти крики заставили их выхватить оружие. Среди пятерых вооруженных посохами некромансеров не было никого, по возрасту равного Тринадану, но все они были

немолоды. Некромансеры визжали, что Ауэну было заказано возвращаться сюда; что он был проклят при рождении, раз набрался подобной наглости; что эти миры еще помнят его предательство. Они кричали, что ничего, кроме вечных мучений, не найдет здесь людской прихвостень со своими дружками, они кричали, что смерть, которая все гнушалась сожрать его, наконец-то приблизилась.

— Опомнитесь!!! Мы ведь пришли не для войны! — кричал Ауэн, высоко поднимая вверх безоружные руки.

Лишь теперь Суи понял, почему маг не взял из Гриффа резонатор.

— Расскажи об этом Тринадану!!! — визжал самый молодой из некрмансеров и тыкал в сторону мага горящим от заклинаний посохом.

— Тринадан ударил первым!!! — что было мочи закричала Райси.

— Врешь!!! — заревел все тот же некрмансер. — Если бы он ударил первым, он был бы здесь, а не вы!!! Убили подло, в спину, ублюдки человеческие!!!

— Мы пришли не для войны!!! — все так же орал Ауэн. — Опомнитесь!!!

— БЕ-Е-Е-ЕЙ!!!! — истерично завизжал молодой, и шаровая молния сорвалась с его посоха. С жутким воплем Суи разрубил ее пополам и сразу же устремился вперед.

Справа от него Райси ложным выпадом рассекла мантию второго некрмансера и лезвием увела его посох в сторону — сорвавшаяся с него молния по гигантской дуге изодрала землю.

— Опомнитесь!!! — все кричал Ауэн, с трудом парируя один за другим три мощных удара. — Опомнитесь, это же Храм!!!

Но никто уже не слушал его.

Суин противник выбросил вперед руки — и поток огня с низким гулом устремился к Суи... Суи даже не пытался уйти, резко ударил мечом в огонь — и тот расступился перед ним клубами дыма... С криком напряжения Суи весь вложил в новый удар — некрмансер с трудом ушел, неловко прикрывшись посохом и ошалело глядя на тлеющие рукава Суиной рубахи... Меч, довольно звякнув, разрубил резонатор на две части и силой удара отбросил колдуна еще дальше.

Справа от них яростно сражалась Райси, и щепки летели из магического посоха ее противника.

Ауэн, поняв, что ни до кого не докричатся, крепко стиснул зубы и сражался с троими сразу; рывками, по скорости равны-

ми молнии, он уходил от магии противников, очередями посылая заклинания в их сторону.

Решение некромансеров применить силу здесь, у подножия святого места, говорило о том, что они уже давно ожидали их и, ослепленные гордыней, решили не формировать боевое подразделение, а быстро расправиться с пришельцами силами тех, кто вместе с Тринаданом составлял Темный Совет Наэна.

И все же их планы были нарушены... Но не *тремя* — пришедшими в этот мир...

Позже, когда пятеро некромансеров Темного Совета будут рассказывать о происшедшем в тот день, ни один из них не сможет определить, против кого на самом деле они сражались. Мечник, рубящий мечом шаровые молнии, жрица, уходящая от заклинаний еще до того, как они появлялись на свет, отступник-некромансер, которому магия была вообще не страшна... Все трое словно знали сценарий пьесы. Все трое словно играли заученные роли победителей: и не взывающий уже более ни к кому Ауэн, отсылающий заклинание за заклинанием в своих противников, едва успевающих совместно заблокировать их; и Райси, воющая от ярости в огненном танце атак магии и выпадов ятагана; и Суи... никому из пятерых некромансеров, не покидавших более Наэн, не будет суждено вновь столкнуться с Суи — лишь отголоски заждающихся легенд долетят к ним из грядущего.

Меч Суи по дуге взлетел для последнего, смертельного удара...

Райси почти уже дотянулась до своего противника на его очередном отходе...

Ауэн уже оплавил землю вокруг троих некромансеров...

И именно в этот момент громоподобный Глас с небес приказал им остановиться. В небе над ними раскинул крылья огромный Золотой Дракон, в несколько раз больший, чем известный Райси Туэол. Дракон назвал их безумцами и прогрохотал, что каждое заклинание, вспарывающее землю, может оказаться последним для всей Пиллеи. От его рева закладывало уши, а слова его проникали так глубоко, что все тело начинало вибрировать.

Но кто-то снова ударил... Маг, Ра-подобная, воин или же некромансеры?.. Это было уже неважно... Но Суи с полукруглого замаха уже опускал меч на своего противника, Райси перерубила-таки темный резонатор и, уводя противника в сторону коварным ложным выпадом, уже была готова ударить магией в его грудь,

трое, напавших на Ауэна, уже не могли справиться с силой его ударов.

Все было именно так, когда Дракон прокричал древнее заклятие, первородная сила которого была ужасна. Заклятие сотрясло мир, словно таран, врезающийся в крепостные ворота, и даже солнце моргнуло в небесах, будто испугавшись за сохранность мироздания. И место у огромного обелиска, где не на жизнь, а на смерть сошлись восемь безумцев, вдруг опустело.

Суи

Меч Суи пронесся по дуге и едва не врезался в возникшие ниоткуда глыбы гранита. Суи на мгновение замер, а затем обернулся по сторонам, еще раз, еще... Куда-то подевались некромансеры и прилетевший из неизвестности Дракон.

Суи стоял один посреди необъятной пещеры, из глубины которой доносился перезвон капель. Своды пещеры уходили вверх так высоко, что место, где они смыкались, терялось в туманном свечении. Нигде не было видно выхода, а мягкий свет лился, казалось, одновременно со всех сторон.

Оглянувшись еще раз, Суи невольно залюбовался сиянием сталагмитов, которые взмывали вверх десятками метров, — в спокойствии пещеры они были подобны шпильям эльфийских храмов, тянущихся к солнцу, а капли воды отблескивали на них золотым и серебряным.

Суи на некоторое время забыл обо всем: о незаконченной схватке, в которой его меч почти настиг противника, о Драконе и его трубном гласе, о грядущем Походе и о Мечах, которые они отправились добывать в Темные Миры, — забыл, потому что это все было призрачным и нереальным по сравнению с тем чувством умиротворения, которое пролилось на его душу теперь.

— Здравствуй, Суи, — послышался тихий голос за спиной.

Суи вздрогнул от неожиданности и развернулся, все еще сжимая в руках Меч.

Перед ним стояла эльфийка. Она была одета в простые свободные одежды, голову ее украшал веночек, сплетенный из бледных, но прекрасных подземных цветов, а на руке косичкой приютился браслетик изо льна. Волосы ее были белы, как снег, черты лица — молоды, но паутинка морщин уже обосновалась у глаз и в уголках губ. Ее фигура была тонка, как и у всех эльфиек, но кожа рук была уже суха и обветрена... Ее лицо показалось Суи знакомым.

— Не волнуйся, Суи, — улыбнулась она в ответ его мыслям, — ты не бредишь. Я действительно эльфийка, и я действительно говорю на всеобщем. И я рада видеть тебя здесь... рада, что мне удалось перехватить тебя.

Видя его недоумение, эльфийка рассмеялась звонко и пояснила:

— Вы очень разозлили Стража Сектора. Скажите спасибо, что он просто раскидал вас по сторонам, а не сжег всех, невзирая на вашу пресловутую Избранность.

— Хотя, — нахмурилась она, — жечь ему было нельзя, из-за Наэна...

Суи молчал. Эльфийка улыбалась:

— Страж, Суи, Страж Сектора... Дракон... Ты помнишь Дракона?..

Суи осторожно кивнул. Как же, он помнил золотую молнию в небе; помнил рев, грохочущий, казалось, прямо в его груди; помнил, как жажда убийства загасила в нем все страхи и как он преследовал некромансера, подбираясь все ближе; как его меч, готовый разрубить врага пополам, вдруг не нашел цели и чуть не врезался в скалы, а сам он очутился здесь... Помнил ли он дракона? Помнил...

— Слово «Дракон», — слегка нахмурилась эльфийка, — произносится с заглавной буквы, Суи. То бишь не дракон, но Дракон. Нельзя допускать подобных оговорок даже в мыслях.

Суи снова промолчал.

— Хорошо, — вздохнула эльфийка и повторила еще раз. — Хорошо. Ты сейчас немного не в себе.

Она осторожно взяла его за руку.

— Но в этом нет ничего удивительного. Пойдем со мной... Ты отдохнешь немного, а потом мы с тобой немного поговорим. И ты пойдешь дальше по своему Пути.

— Куда ты ведешь меня? — спросил Суи.

— Домой, — улыбнулась эльфийка.

— Туда, где ты живешь?

— Суи, — ласково улыбнулась эльфийка, — для человека, который немного не в себе, ты проявляешь слишком много любопытства. Там, куда мы идем, живут многие.

— Эльфы?

Его провожатая смеялась звонко и долго, а потом чуть пожала его руку:

— И эльфы тоже.

Место, куда она привела его, находилось в глубине этой же пещеры, которая раскрывалась в подземелье огромной полостью. Призрачный золотой свет наполнял ее, и, казалось, спокойствие и мир укутывали от невзгод любого, кто мог дышать этим светлым воздухом.

Здесь раскинулся город, прекраснее которого Суи еще не видел. Сталагмиты были здесь высотой уже в километры и напоминали шпили неведомых храмов, которые построили для своих священных молебнов титаны. Вокруг каждого сталагмита вились вверх ряды построек, и, лишь приглядевшись к ним, Суи с изумлением отметил, что сталагмиты на самом деле были куда больше, чем показалось вначале: ведь постройками были не маленькие хибарки, но воздушные дворцы, сотканые из золотистого свечения и магии. В недоумении Суи повернулся к эльфийке, и она ласково улыбнулась ему:

— О-о-о, Суи, внешний вид — это даже не песчинка в вихре чудес нашего Града.

— Где мы? — только и смог спросить ошеломленный Суи.

— Ты что-нибудь слышал про Лету? — последовал вопрос.

Суи оглядывался по сторонам, и восхищение постепенно сменялось испугом и чувством потерянности. Он знал, что был храбрым человеком, безрассудным воином, который мог броситься с одним лишь мечом на могущественного некромансера; он был воином, мужество которого не дрогнуло перед ревушим Драконом; но Лета...

— Город умерших эльфов, — едва слышно выдохнул он.

— Город умерших мудрецов, — поправила его эльфийка.

— Так ты — *тоже*? — попятился от нее Суи.

— По твоим понятиям — еще нет, — глаза эльфийки были светлы и печальны. — Но по понятиям этого мира — очень и очень давно.

— Но ты не бойся, Суи, — одними губами улыбнулась она. — В Лете тебе никто не причинит вреда, и в этом я клянусь тебе самым дорогим, что у меня есть. К тому же, в мире живых тебе угрожает куда большая опасность, чем здесь, в мире умерших, в городе, которым до сих пор пугают непослушных детей.

— Хотя почему пугают, — сказала она сама себе, — не знаю. Лета не навредила еще ни одному существу, когда-либо жившему в мире.

— В моем мире? — тихо уточнил Суи.

Эльфийка улыбнулась, как улыбаются детям:

— Я имела в виду, тем, у кого мир в душе.

Суи молчал, глядя на гигантские сталагмиты и прекрасные замки, опоясывающие их ветвистыми надстройками. Было тепло и тихо... спокойно. Не хотелось войны, не хотелось ничего, кроме мира. Кроме мира в душе. Эльфийка рассмеялась и подмигнула ему:

— Быстро делаешь успехи...

И добавила секундой позже:

— Тогда пойдем, Суи, я с радостью покажу тебе наш город.

Да, действительно, внешний облик Леты был лишь песчинкой в вихре его чудес — эльфийка была, несомненно, права. Островерхие башни; выложенные мраморными плитами улицы; беседки, воздушные настолько, что казались призрачными; фонтаны, журчащие кристально-чистой и холодной водой, — все это было прекрасно, но не это составляло *суть* Леты. Суть Города умерших заключалась в чувстве полноты жизни, которое он дарил всем посетителям. И дело было вовсе не в магии, которая влилась в Лету, создала свет в вечном царстве тьмы, пустила воду в резные фонтаны, подарила жизнь прекрасным горным цветам — живым самоцветам, украсившим город; дело было в чем-то другом, что было ощутимо лишь краешком сознания. Может, дело было в яблонях?.. Суи не знал.

Все дворцы, рассказывала эльфийка, были творениями магии высочайшего уровня, которая в реальном мире не появится еще долгие тысячелетия. И, вспоминая, как Ауэн говорил о величии одного-единственного цветка, сотканного из воздуха, по сравнению с восстановленным прошлым, Суи поражался тому, что видел теперь.

— Вы сами научились *такому*? — спросил он эльфийку, когда молчать дальше не позволило бившееся в груди изумление.

— Ну что ты, Суи, — усмехнулась она. — Мы хоть люди и неглупые, но ведь это неземная магия... Изобрести ее сами мы не могли из-за своей земной природы. Нет, Суи, *такому* мы научились не сами, *этому* нас научили те, кто жил тут *до* нас. А мы населяем этот мир не так и давно: не более двух тысячелетий прошло с тех пор, как первый представитель Пиллеи был призван в Лету... призван теми, кто жил тут ранее... Да, они призвали первых из нас, научили всему, что могли, а потом... просто ушли.

— Нет, Суи, — упредила она его вопрос, — не спрашивай меня, куда. Я пыталась искать их, но поиски были тщетны. Найти можно того, кто прячется. Тех же, кого больше нет, найти

невозможно. Они ушли в миры, недоступные не то что нашему пониманию, но даже нашей фантазии.

Суи долго не решался заговорить.

— Ты знаешь, кто были они? — наконец спросил ее он.

— Да, — сказала она, улыбнувшись, — знаю... Это были эльфы, Суи.

И ответила его изумленному взгляду:

— *Настоящие* эльфы.

— Как это — настоящие?..

Эльфийка снова улыбнулась, но на этот раз в ее улыбке и отведенных в сторону глазах были печаль и усталость:

— Ты узнаешь... Конечно же, ты еще узнаешь...

— Я заметил, что ваши строения, вьющиеся по сталагмитам, — сказал Суи немного позже, — снизу приземистые, кражистые, похожие на крепостные постройки, выше же они легче и воздушнее, а еще выше вообще будто сотканы из эфира. А что же расположено на самом верху?

Эльфийка помолчала немного, а потом посмотрела вверх, в *самый верх*. Суи проследил за ее взглядом. Ввысь, слегка размытые золотистым туманом, возносились прекрасные дворцы. Мягкой спиралью огибали они сталагмит, становясь все меньше, все изящнее, постепенно растворяясь в воздухе. А вверху... И вдруг, вершина сталагмита стремительно понеслась ему навстречу — все быстрее и быстрее, — это было похоже на полет, на шорох птичьих перьев, на клекот в голубом небе, на дугой изогнутые крылья. Прекрасная башня венчала сталагмит — высокая, как небо, стройная, как игла храмового шпиля, пронзающая облака и ослепительно сияющая, подобно перворассветному лучу солнца.

Суи замер в неподвижности немого восхищения. Он ни о чем не думал, он не дышал и даже не мыслил о том, что дышать нужно вообще, он не замечал, что воздуха становится все меньше и что удушье уже затемнило его грудь, что...

— Не надо, Суи, — мягко взяла его за руку эльфийка.

Растаяла башня. Воздух со свистом понесся мимо, унося это чудо неземного творения ввысь. И вот, он стоит там же, где и раньше, и удушье сдавливает его, и он падает на колени и не может надышаться пьяным воздухом, а эльфийка настороженно смотрит на него, сжимая его ладонь своими.

— Не надо, — вновь повторила она. — Тебе еще рано сюда насовсем.

— Наверху, Суи, — сказала она секундой позже, — находятся Башни Хранителей мира. Их всего пять: Хранитель Огня,

Хранитель Воды, Хранитель Воздуха, Хранитель Земли. Пятый — это Верховный Хранитель, Старейшина Леты. Он живет здесь дольше всех, с того дня, когда после смерти был призван в Лету и заглянул в глаза Жившим Ранее... Тогда он понял, что сам он не более, чем искусная подделка, выполненная с неизвестной целью. Он — тот, с кого начался наш приход сюда; тот, кто так долго ждал тебя. Завтра, Суи, завтра ты встретишься с ними... с пятью Хранителями.

— А сегодня?

— А сегодня, — тепло улыбнулась эльфийка, — сегодня день твоего отдыха. Постарайся воспользоваться этим, ведь в ближайшем времени отдыха тебе не видать, ты уж поверь мне на слово.

Эльфийка улыбнулась еще раз, мягко пожала Суи руку и неторопливо проводила его в один из дворцов у подножия ближайшего сталагмита. И там, в тихих покоях величественного замка, они долго беседовали, и беседа их, чистая и спокойная, как полноводная река, мерно текла, наполняя их тишиной и спокойствием, неумолимо увлекая их сознания в их общее будущее.

Снова Суи

Зал, в котором собирались высокочтимые Хранители, находился в шпиле самой высокой Башни Верховного Хранителя Леты, и чтоб попасть туда, провожая Суи создала телепорт. Суи до сих пор не привык к использованию этих магических штучек и из гудящей пустоты портала вышел, настороженно оглядываясь.

Четыре Хранителя — человек, два эльфа и друид — были уже в сборе. Перед Суи предстали четверо мужчин, облаченных в строгие мантии одинакового серого цвета, отличающиеся лишь оттенками. Все они сидели в высоких тронных креслах. Над одним креслом, озаряя все вокруг бордовым, витали в воздухе языки пламени, а мантия мага при движении приобретала ярко-алый оттенок. Второе кресло венчал миниатюрный смерч, с легким посвистыванием вибрирующий над Хранителем Воздуха; и в мантии мага запутались голубые цвета. За третьим креслом шумел маленький водопад, извергающийся ниоткуда и уходящий никуда; мантия Хранителя отсвечивала темно-синим. Четвертое кресло в основании имело пашню; мантия же мага в складках материи цветом напоминала плодородный чернозем.

Суи с интересом отметил, что человеком был Хранитель Огня, — должно быть, именно яростная устремленность гар-

монировала с этим знаком, — а друидом оказался Хранитель Земли. Эльфы, ввиду своей эфирности, справедливо разделили знаки Воздуха и Воды.

Четыре кресла стояли в окончаниях четырех лучей магической пентаграммы, начертанной на полу светящимися линиями, пятое же кресло еще было пусто — должно быть, Верховный Хранитель опаздывал.

— Нет, Суи, — раздался голос сзади, — нет. Верховный Хранитель не опаздывает.

Суи обернулся и замер в немом изумлении — Верховным Хранителем была его давнишняя провожатая. Но теперь она была не просто прекрасной эльфийкой, над которой не властны время и возраст, теперь к ее изящной фигуре добавились величие и могущество, делающие понятным безвластие над ней хода звезд, поскольку звездами была она сама. Ее волосы оставались белыми, но миллиарды оттенков переплелись в них — они казались то рыжеватыми, то черными по краям, то соломенными, — а венок, возлежащий на голове, был сплетен уже не из призрачных горных цветов, а соткан из тончайших полосок червонного золота, и драгоценные камни венчали его. Глаза эльфийки смотрели властно и холодно, но в то же время искры тепла то и дело сглаживали отрешенность ее лица. Маленький браслетик из льна сиял теперь неземным светом платины, которую оттеняли четыре камня спиралевидной формы, обнимающие браслет: алый рубин, бледно-голубой бриллиант, синий сапфир и черный, мерцающий изнутри золотым опал. Камни кралась по бесконечной ленте браслета, обвивая его, подобно четырем миниатюрным змейкам, и приковывали взгляд, будто маятник в руке гипнотизера. Мантия эльфийки была слепяще-белого цвета, она казалась упругой и глянцевои, и, как молнии, по ней металась отблески бордового, алого, синего, голубого, зеленого и черного.

Улыбнувшись Суи тихой улыбкой, Верховный Хранитель прошла к пятому креслу и плавно опустилась в его мягкие объятья.

— Приветствую Хранителей, — обратилась она к магам и представила их Суи:

— Нари, — маг Огня легонько кивнул ей в ответ.

— Эллисар, — голову склонил маг Воздуха.

— Эллиннор, — улыбнулся маг Воды (Суи отметил поразительное сходство не только внешности эльфов, но и их имен, наверняка, они были братьями).

— И наш, как всегда, задумчивый Явор, — друид с мягкой укоризной посмотрел на нее, и она ласково ему улыбнулась. — Вижу, все Толкиенисты в сборе...

Суи непонимающе нахмурился, и эльфийка тихо пояснила ему:

— Это просто шутка... Дань памяти древнему пророку.

— Стань в центр пентаграммы, воин Суи, — громким голосом произнес Хранитель Огня, и Суи безропотно подчинился ему.

— Присядь, — мягко поправила мага эльфийка, — не тебе стоять перед нами...

Она плавно повела в его сторону рукой — и за спиной Суи возникло кресло, подобное тем, на которых сидели Хранители.

Суи опустил в кресло, настороженно глядя по сторонам. С удивлением он заметил, что стоило ему подумать о ком-то из магов, как видение того сразу же появлялось перед его глазами. Казалось, что он сидит лицом одновременно ко всем пятерым и видит и понимает одновременно каждого.

— Все мы знаем, для чего собрались здесь, — вновь заговорила эльфийка. — Все мы знаем, какая ответственность лежит на нас за решение, которое мы примем сегодня. И все мы знаем, что решение это должно быть принято. Мне кажется, что сегодня один из тех дней, когда не нужно убивать время, чтобы осознать его истинную ценность.

Эльфийка немного помолчала, а потом улыбнулась Хранителю Огня:

— Говори, Нар, ты у нас самый молодой, тебе и первое слово держать.

Нари осмотрел присутствующих и усмехнулся:

— Да, тяжело быть молодым. Но еще тяжелее быть первым...

Его взгляд на некоторое время задержался на Суи, и Суи немного подался назад: если глубины глаз этого молодого волшебника *так бездонны*, то что говорить о глазах других магов. Хотя... в глазах своей провожатой он ничего сверхъестественного не замечал. Он посмотрел на нее, и она вновь ответила ему легкой улыбкой. «Вот она, мудрость, — пронеслось в его голове, — дающая сначала власть над другими и лишь много позже, с набором *истинных* знаний, дающая власть иную — власть над самим собой».

Нари с немного изменившимся выражением глаз осмотрел Суи и спросил:

— Ты знаешь, для чего мы собрались?

Суи отрицательно покачал головой. Нар вздохнул.

— А что ты вообще знаешь о нас? О тех, кто живет в Лете?

— Да почти ничего, — пожал плечами Суи.

— Ну да, ничего... Знаешь, наверное, что раз в год на праздник людской детворы мы выходим из пределов своей обители, чтобы праздновать самим, чтобы нападать и убивать, запугивать до смерти и уносить с собой души умерших. Сам, небось, в этот день наряжался разной нечестью из Леты, когда был мальчишкой. Знаю, потому что и я делал то же — когда был мальчишкой, конечно.

Так вот, не все, что говорят про День Всех Святых, — ложь. Не каждый год, но все же мы иногда выходим из нашей Обители, когда в мире резко нарушается баланс добра и зла.

Не всегда мы помогаем людям, нет, но ведь не всегда люди и заслуживают того. Когда люди начинают перетягивать на себя одеяло жестокости, мы помогаем уже ффинам. Потому и ходит о нас дурная молва как о сатанистах-отступниках, которых сам Князь тьмы якобы сторонится и не признает, стыдясь того, что мы сотворили. Это утверждение, конечно, невероятная глупость: как это падший Ангел может не признать ангелов, которые якобы падают?..

Ну так вот, иногда мы все-таки выходим отсюда... Конечно, мы берем на себя огромную ответственность, потому что понимаем, чем это может грозить нам, когда мы снова попадем на Верховный Суд.

Однако далеко не каждый, ушедший из Леты, достигает твоего мира, Суи: Барьер между миром живых и миром мертвых не всех пропускает. Из десяти ушедших до вашего мира доходит пять-семь самых опытных. Остальные погибают уже во второй раз...

— И попадают на Суд? — спросил Суи.

— Нет, Суи, не попадают. Они не попадают уже никуда. Не дошедшие до мира живых остаются за гранями известных нам реальностей, до своего исчезновения подпитывая Барьер между мирами собственными душами. Мучения, которые они при этом испытывают, не поддаются описанию.

Нари чуть помолчал и осмотрел других Хранителей. Те были суровы, их лица казались высеченными из горного хрусталя. Было видно, что все, о чем говорил Нары, каждый из них испытал не раз.

— И теперь, — с неожиданной хрипотцой в голосе продолжил он, — мы все думаем, что пришел черед воинов Леты вновь прийти в мир, для того чтобы вершить там справедливость. Мы

считаем, что пришел наш черед поддержать человечество во Втором Походе против ффинов...

— Зло тянется к Пиллее, — устало проговорил он. — Великое Зло, которое вы, люди, не сможете сдержать сами. У вас, конечно, есть очень многое, Суи, и главное из всего этого — вы Трое; но вера слаба в вас...

Нари угрюмо посмотрел Суи в глаза и продолжил, не отводя взгляда:

— Извини, конечно, что приходится говорить тебе об этом, но вы сами ограничили себя своей верой. Вы верите, что все будет идти, как надо, но вы не догадываетесь, что так будет лишь до тех пор, пока ваш План не рухнет. И когда многое случится не так, как вы себе представляете, ни одной шаровой молнии не быть более разрубленной твоим Мечом. Ибо в день, когда реальные события и образы ваших мечтаний станут различны, ваша вера иссякнет.

Долго он смотрел на Суи, и долго тот не отводил взгляда.

— Но разве это может быть? — произнес Суи наконец. — Как же может наш План рухнуть, если мы все *так свято верим*? Как же может Господь оставить тех, кто до смерти будет верен лишь Ему? Как...

Нари смотрел себе под ноги и не отвечал.

— Как может сказанное тобою быть истиной? О-о-о... — усмехнулся Суи, — думается мне, что это была проверка... Нет, уважаемые Мудрецы, вы меня не проверяйте: что есть во мне, во мне и останется. Во мне есть вера, настоящая Вера в то, что я стою на правильном Пути и он может привести только на Поле могущественного Сражения, на Поле Второй Великой Битвы за Пиллею. А также я верю, что на Поле уже ничто не будет зависеть от меня и когда весь Свет Пиллеи и вся ее Тьма сойдутся вместе, уже не мы, но наши Покровители будут решать исход своего Противоборства. И если мне суждено пасть в этой борьбе, то ничего нет для меня желаннее этой участи, ибо эта участь будет той, к которой я так долго шел. То, что Добро может оставить нас... О нет, я не думаю, что это возможно, пока мы сами не отойдем ко Злу.

Нари все так же не отрывал взгляда от пола, Эллисар переглядывался с Эллином, Явор задумчиво смотрел на Верховную Хранительницу, эльфийка же ласково смотрела на Суи.

— Ты прав, — сказала она наконец. — Конечно же, ты прав. Добро никогда не предаст пущенные Им ростки. Встретимся на

Поле, Суи, теперь мы окончательно приняли решение выступить в вашу поддержку.

— Но... — развел руками Суи, — никто же из магов не сказал ни слова...

— Для тебя — нет, — усмехнулась эльфийка. — Для тебя — нет...

Все пять магов теперь смотрели на него.

— Так вы действительно придете на помощь людям?.. — неловко спросил Суи, пытаясь понять, что же наполняло их взгляды.

— Суи, — вздохнула эльфийка, — мне было очень приятно встретиться с тобой вновь... Я горжусь тем, что выкрала тебя у власти Стража. Ты очень многое пояснил нам, но что именно, ты не узнаешь до тех пор, пока Битва за Пиллею не раскроит твою жизнь на две огромные части. И это *все*, что мы можем тебе сказать; ты уж извини.

И снова маги сидели молча, и снова Суи не мог придумать, о чем спросить их.

— Наверное, мне пора, — сказал он наконец.

— Наверное, — все с той же улыбкой ответила ему эльфийка.

Медленно она поднялась со своего трона и подошла к нему. Поцеловала его в лоб и сказала тихо:

— Береги себя... Ты мне очень нужен.

И только когда портал загудел вокруг него, Суи осознал, что понятия времени не было в этом мире, что произошедшее тысячи лет назад все еще не существует здесь, а то, чему только суждено произойти в будущем, *уже* повлияло на Лету. А еще он понял, что камни, крадущиеся по браслету эльфийки, скрывали на самом деле одну-единственную руну. Имя. Имя — В'юнн. Хотя руны никогда не были известны ему.

Райси

Она почти уже дотянулась до некромансера. После *спектакля*, который устроил Суи, отражая мечом молнии и разрубая пополам потоки огня, драться с врагами стало несложно: они были оглушены нереальностью происходящего.

Суи в ореоле своей мощи был непобедим, его противник едва прикрывался обломками своего посоха, даже не пытаясь атаковать. Ауэну все равно приходилось несладко, но его великий опыт обращал ярость некромансеров против них самих; Ауэн находил даже моменты для собственных атак. Все шло

как нельзя лучше. «Держись, держись, старик, мы сейчас, только сами управимся, мы сейчас...»

Рев дракона остановил ее лишь на мгновение, а затем она вновь ударила сильно и страшно, и некромансер едва успел прикрыться магией и подставить свой посох под следующий за ее атакой удар ятагана; его посох, натужно скрипнув, сломался пополам...

И именно в этот момент, когда, казалось, руку протяни до незадачливого противника и спеши на помощь остальным, земля ушла из-под ног, ушла и вернулась так резко, что Райси едва не упала на колени.

На мгновение она замерла, а потом нервно обернулась по сторонам. Не было некромансера. Не было Суи и Ауэна. Не было боя не на жизнь, а на смерть. Не было ничего, кроме стрельчатого входа в огромную пещеру, темного и мрачного. Поразительное чувство *déjà vu*²⁸ на миг охватило ее, подкашивая и без того нетвердо стоящие ноги, лишая возможности здраво рассуждать, лишая воли и оставляя совсем беззащитной: ведь когда-то она уже стояла у входа в такую же пещеру, стояла и дрожала, не в силах сделать первый шаг навстречу тому, что было суждено с рождения.

Наваждение, которое она видела теперь, было могущественно, и Райси стоило большого труда отогнать его прочь... Нет второй такой пещеры. Не может быть. Ведь никогда и ни за что она не поверит, что может существовать второй Туэол.

— А второго и нет, — донесся из пещеры тихий голос, от которого, казалось, завибрировал весь мир.

Огненное дыхание едва заметно осветило контуры громадной головы, и рубиновые глаза на мгновение вспыхнули во мгле. Райси невольно попятилась, прикрываясь мечом, вдруг показавшимся ей глупым и ничтожным.

— Глупа и ничтожна ты, — устало сказал Дракон, появляясь из пещеры, — когда находишь в себе подобные слова. Не обижайся на мою грубость, Райси, просто такого нельзя говорить о Мечах даже в мыслях. Ты ведь не знаешь, как Их создавали и каких усилий стоило всем Их появление на свет.

Наконец он полностью вылез из пещеры и покосился на небо.

— Быть дождю, — уверенно сказал он и свернулся громадным кольцом прямо перед Райси.

²⁸ Уже видел (фр.)

Полуприкрытым глазом он следил за ней, как она все кралась и кралась в сторону, а потом громко хмыкнул:

— Ну куда ты пятишься, милая девочка, неужели тебе надо объяснять, что если бы я хотел убить тебя, ты уже десятки раз была бы мертва? Нет-нет, милая моя Райси, я не желаю тебя убивать, иначе зачем мне было отдавать столько сил борьбе с могущественной волей Стража Сектора, зачем было воровать тебя у твоего Предназначения даже на такое маленькое время... Зачем, скажи мне?

Райси на мгновение замерла, а потом продолжила пятиться.

— Ну и катись, — обиженно поморщился Дракон. — Надоест — вернешься.

Райси повернулась и со всех ног побежала прочь. Она до такой степени испугалась происходящего, что чуть было не сорвалась со скалы, круто обрывавшейся ущельем за грядой камней у Драконьего логова. Она стояла на крутом уступе, а внизу, так далеко, что захватывало дух, сиял белый покров облаков, застывших в неподвижности призрачного движения. К ее облегчению Дракон молчал, и у нее появилось немного времени, чтобы собраться с мыслями.

Бог с ним, с Драконом: она не знала, кто он, и у нее не было желания выяснять это. Она хотела узнать, где сейчас Суи и Ауэн, и помочь им. Она не могла оставаться здесь — в стороне (надо признать — непонятно в какой) от всего, — куда ее выкинуло по невероятной случайности. Глубоко вздохнув, она без промедления приступила к делу.

А Дракон тихо дремал на солнышке, которое перед грозой жарило особенно сильно. Нельзя сказать, что он забыл о своей гостье и не следил за ней всем своим магическим сознанием, лишь малой его частью притворяясь спящим; нельзя сказать, что больше всего на свете его не заботило, не свалится ли Райси с крутого уступа в немом приступе отчаяния и не придется ли ему в срочном порядке превратиться из могущественного наважде-ния прямиком в спасателя.

Прошло немало времени, прежде чем Дракон смог облегченно вздохнуть, когда измученная Райси подошла к нему и тяжело повалилась рядом, прислонившись спиной к теплой шкуре.

— Где мы? — тихо спросила она. — Что это за земли такие, что держат меня, как магнит... Я без труда открыла портал, но стоило мне шагнуть к нему, непонятная сила сомкнула перво-материю. Я попыталась удержать ее открытой, вкладывая в стабилизующее заклинание все свое умение, — материя очень

неохотно поддалась... Но когда я шагнула в портал, непонятно что *вытолкнуло* меня оттуда... Это были твои чары, Дракон?

Дракон вздохнул протяжно:

— Нет, Райси, мои чары привели тебя сюда, перехватили на пути к месту, указанному Стражем Сектора, но на этом мое вмешательство закончилось. Я просто не смог бы один противостоять *его* силе, как-никак Страж именно он. Познакомься, Райси, это Тадрэн, Дракон из миров Второй Оси.

Райси нахмурилась и хотела было спросить, о чем он говорит, как вдруг тень упала на ее лицо. Райси посмотрела вверх и замерла: вид летящего Дракона всегда поражал ее в самом сердце.

Дракон садился плавно и осторожно. Места на площадке, где была Райси, оставалось совсем немного. Райси поймала себя на желании подтянуть под себя ноги и громко рассмеялась: если Дракон промахнется, ей уже не будет что, да и куда, подтягивать.

— Ну что ты, девочка, — произнес хозяин пещеры. — Драконы не промахиваются никогда. И никогда не ошибаются, по крайней мере, по вашим человеческим меркам. Это, по-моему, ты уже должна была усвоить.

Райси сделала вид, что пропустила слова Дракона мимо ушей, и он продолжил:

— Так вот, о Тадрэне. Одному мне, может, и удалось бы перетащить тебя в этот мир, но как только я ослабил бы волю, сила Стража утащила бы тебя обратно, и с такой скоростью, что только пятки в воздухе мелькнули бы. Мой друг — именно тот, кто не допускает Стража к тебе.

Тадрэн тем временем уселся на плато совсем рядом с Райси и аккуратно сложил за спиной огромные золотистые крылья.

— Привет, — сказал он просто, будто они с Райси были знакомы на протяжении веков. — Вы, я вижу, уже наладили отношения?..

— Нет, — усмехнулся первый Дракон. — Наша гостья просто устала. Сейчас она отдохнет немного и снова начнет кидаться на стену.

— Что, и такое было? — усмехнулся Тадрэн.

— Было-было, да еще как. Я думал, она мне все тут разворотит. Как разошлась, так и давай палить во все, что видела, своими молниями. Наверное, весь обрыв мне оплавил... Ты посмотри, она даже себя умудрилась обжечь.

Райси чуть поморщилась: она действительно немного обожглась на последнем заклинании — если ничего не получалось, надо же было хоть на чем-то злобу выместить...

Драконы переглянулись.

— Хо-хо, — усмехнулся Тадрэн, — ну ты и шутница, девочка.

Райси насупилась, точно малышка, которую дразнят взрослые. На сей раз Тадрэн посмотрел на нее с симпатией, которую и не пытался скрывать.

— Но это еще не все, — продолжил первый, не Тадрэн. — Ведь мало затащить тебя сюда и не допускать до тебя Стража. Надо еще тебя тут удержать, не позволяя, плюнув на все, отправиться в сущее пекло, что ты и пыталась недавно сделать. С этой миссией справился, и надо сказать очень неплохо, еще один Дракон — он присядет тут буквально через несколько секунд. Вон, кстати, он уже виднеется в небе.

Райси проследила за взглядом первого Дракона и увидела в небе маленькую золотистую черточку. Черточка, быстро увеличиваясь, принимала очертания пикирующего на площадку Дракона... И неизвестно почему, сердце Райси вдруг защемило непонятной и неуместной болью...

Тадрэн многозначительно смотрел на хозяина пещеры, а тот угрюмо смотрел на нее. Райси не поняла его взгляда и быстро отвела глаза прочь. Громадная тень накрыла их, и третий Дракон плавно опустился туда, где, казалось, не было места и второму. Долго-долго они с Райси смотрели друг на друга, а потом Дракон очень тепло улыбнулся.

— Здравствуй, маленькая, — сказал он тихо.

Райси с трудом проглотила ставший в горле ком. По ее щеке побежала слеза, и, как и тогда, давно, злая на себя, она размазала ее по лицу грязной от сажи ладошкой. Дракон медленно подошел к ней и плавно опустил морду к ее глазам:

— Почему ты плачешь, милая? — все так же тихо спросил он.

— Она злится на тебя, Туэол, — сухо оборвал его Тадрэн. — Злится на то, что одним мимолетным мгновением ты навечно пленил ее детское сердце, а после оставил наедине с ее предназначением, понять и осознать которое без твоей помощи она была не в силах. Злится на то, что всю жизнь, изо дня в день, она ждала твоего чудесного появления, ждала, что ты придешь и поддержишь, ждала, что позовешь ее назад в сумрак своей пещеры, что все-таки не сможешь забыть ее, откупившись простым куском металла, каким бы священным он для тебя ни был. Ждала, но ты не шел. Ты же решал проблемы целого мира...

— Хватит, Тадрэн, — тихо, но вместе с тем властно прервал его первый Дракон. — Хватит. Дай им побыть вместе. Просто от-
вернись и помолчи... Они тебя даже и не заметят.

Когда два Дракона снова обернулись к Райси и Туэолу, ни-
что вроде бы не изменилось — только Райси молча смотрела в
сторону, — но всем было понятно, что ни злости, ни обиды у нее
больше не было: иногда приходится ждать целую вечность, чтобы
убедиться в предрешенности Встреч. Туэол усмехнулся и сказал
примирительно:

— Вот и хорошо, что ты понимаешь, потому что, поверишь
или нет, милая Райси, вечность — это не так и много, если ты
помнишь, Чего ждешь. Ты, конечно, имеешь право злиться на
меня, но это всего лишь человеческие мерки. Зачем же мерить
ими?

Тадрэн закатил глаза:

— Повезло тебе с сопряженной, Туэол. Она еще слишком мо-
лодой дух, чтобы подвергать ее таким испытаниям. Из слоненка
сначала нужно вырастить слона, чтобы возлагать на него соот-
ветственную тяжесть.

Дракон глубоко вздохнул.

— Ну да ладно. Коль все обошлось и мы тут все собрались, то
давайте примем более подобающий облик и зайдем в пещеру: как
бы я ни выглядел, мокнуть я не собираюсь.

— Гроза начнется километрами пятью ниже, — вызывающе
посмотрела на него Райси, — так что тебе, каким бы сахарным ты
ни был, ничто не угрожает... По крайней мере, по человеческим
меркам.

Тадрэн на некоторое время потерял дар речи, Туэол же и
второй Дракон переглянулись, причем второй ласково посмо-
трел на Райси:

— Меня зовут Тарин, детка. Честное слово, не стоит имено-
вать меня то Вторым, то Первым: я не тот и не другой. Я Тарин.
А теперь зажмурься-ка поплотнее, потому что слепая Избранная
нам тут ни к чему.

Райси не поняла, о чем он говорит, но послушалась его и
крепко зажмурилась, надеясь, в случае чего, все же подсмотреть
что-нибудь.

— Ра-айси, — оборвал ее мысли Тарин. — Даже и не думай
об этом. Я ведь не шучу насчет слепоты.

Райси мысленно обиделась и пожалала плечами, при этом
Тадрэн весело усмехнулся. «А он язва, — усмехнулся в ответ Та-
рин, — Туэол молчит и правильно делает». Словно мальчишки,

захихикали все трое. Райси не удержалась и тоже усмехнулась, зажмурилась поплотнее и чихнула. И в то же мгновение вспышка белого магического света залила все вокруг. Слава Богу, глаза Райси были закрыты, иначе она бы действительно ослепла. Свет был как лезвие, режущее веки; он ударил мгновенно и так же мгновенно погас.

— Когда-то это назовут термоядерной реакцией, — глубокомысленно изрек Тарин.

Его голос изменился: стал не таким раскатистым и объемным.

— Но пройдут еще тысячелетия, пока разделившие атом научатся управлять выделяющейся энергией.

— Перестань изображать философа, — фыркнул Тадрэн.

Его голос также поменялся.

— Если ты имеешь в виду свой умственно отсталый мир, то не говори так обобщающе. Мои давно уже владеют ядерным синтезом.

— А толку? — хмуро парировал Тарин. — Какой толк в твоих умниках, если тебе приходится частенько вмешиваться в их дела, чтоб они не испепелили себя в очередном приступе гениальности?... Райси, можешь открыть глаза.

Тадрэн кипятился, Тарин был расчетливо холоден, Туэол наблюдал за всем с интересом и задорной искоркой в глазах. Уловив взгляд Райси, он подошел к ней и ласково обнял рукой за плечи: теперь, пребывая в облике человека, он вполне мог себе это позволить.

— С ними всегда так, — прошептал он ей на ухо. — Одного всегда хвалят на Совете за невероятную духовность его мира, а второго — за беспрецедентное научное развитие.

— Райси, — ответил он немому вопросу в ее глазах, — они Хранители миров, как и я.

Райси моргнула пару раз и спросила:

— Неужели у каждого мира есть свой Хранитель?

Туэол извиняюще улыбнулся:

— Мы называем миром то, что вы называете Осью. Я — Хранитель всей Пиллеи.

— Всей Пиллеи? — не сдержала возгласа удивления Райси. — Но это же тысячи миров!..

— Десятки, сотни тысяч, — поправил ее Туэол мягко. — И это всего лишь одна Ось, Райси...

— Что есть Ось? — спросила Райси тихо.

— Вселенная, Райси. *То, что вы* называете Вселенной. Бесконечность сопряженных миров. Хранитель Сектора, которого вы прогневили, опекает пять-семь Осей. За ним стоит Хранитель Региона, это уже пять-семь Секторов. Хранители Региона подчиняются Дракону-Императору, живущему от начала веков.

— Всевышнему?!! — в благоговейном ужасе прошептала Райси.

— Что ты, нет... Император — это как бы Главный Дракон. Он вовсе не *Тот*, кого вы, люди, зовете Богом. Сложно в двух словах описать тебе принципы построения Иерархий и то, как Иерархии взаимодействуют или как они дополняют Друг Друга до Двух Великих Спиралей: восходящей — Света и нисходящей — Тьмы. Пространство слишком драгоценно, милая девочка, чтобы его населяли лишь известные тебе формы жизни... Жизнь как таковая разлита в каждом миллиметре Вселенной.

— Но *ты*... кто *ты*?

Туэол ласково погладил ее по волосам:

— Я тот, кто известен тебе под именем Пиллея.

— Но ты... ты же передо мной, а Пиллея — она... вокруг нас...

— Милая всезнайка, — Туэол ласково обнял Райси. — Я просто перенес малую часть своего сознания в тот участок пространства, где находишься сейчас ты, и покрыл его удобной для меня материей, чтобы как можно больше возможностей Духа сохранилось. Например, возможность изъясняться понятным для *тебя* образом. Это ведь вовсе непросто... куда сложнее, чем выдыхать магическое пламя.

— Так ты... — Райси чувствовала, что близка к обмороку. — Ты — это...

— Я Страж Пиллеи, — закончил за нее Туэол. — Большого вместить ты просто не сможешь.

— Но ты... но ты!.. — закричала Райси. — Ты же пришел сюда... ты спустился, а если... если тебя убьют? Ты подумал об этом? А если случайность — просто метеорит упадет на это плато и тебя убьет... Что тогда... ты же Пиллея, и ты погибнешь... ты... *как ты мог быть таким безрассудным?*..

Тадрэн и Тарин изумленно переглянулись.

— Никто не погибнет, Райси, — успокаивал жрицу Дракон. — Никто не погибнет. Я и есть это место, я осязаю каждое изменение его материи, и я могу управлять этими изменениями. Но даже более того, девочка, если бы тот я, который сидит перед тобой, был полностью *уничтожен* (что возможно лишь

при сражении с другим Драконом, а поэтому невозможно), так вот, *даже* если бы *меня* не стало, это было бы не смертельно для *Меня*, Райси. Это была бы потеря некоторых ценных накоплений, некоторых жемчужин, которые создавались тысячами тысячелетий, но это не было бы гибелью Пиллеи. Очень многое пришлось бы начинать заново — только и всего.

— Но что... — не могла сдержать слез Райси. — Но зачем... зачем вы выкрали меня?

Туэол чуть помолчал. Потом взглянул на нее:

— Не хочу лгать тебе, Райси, однако при всем желании никто из нас не сможет защитить тебя от власти Стража Сектора, потому что он намного старше, мудрее и сильнее нас... Мы втроем лишь на время *отсрочили* назначенную тебе судьбу, хотя этого проступка достаточно для открытия внеочередного заседания Совета... Но мы не думаем об этом. Если мы и будем наказаны, то не за то, что мы уже сделали, но за то, что только собираемся сделать.

К ним подошли Тарин и Тадрэн.

— Откровенничаешь?.. — съехидничал Тадрэн.

Тарин толкнул его локтем в бок. Лишь теперь Райси заметила их молодость: они казались двадцатилетними юношами.

— Нам сотни миллионов лет, — сказал Тарин тихо. — Хотя, наверное, ты права: для Дракона это даже не зрелость.

— Особенно для тебя, — буркнул Тадрэн и пихнул его в ответ.

— Особенно для меня, — весело согласился Тарин и потрепал Тадрэна по волосам.

— Особенно для нас троих... — поправился он секундой позже.

Снова Райси

— Так и будем мокнуть? — спросил Тадрэн, демонстративно подставляя ладонь под летящие сверху капли.

Райси с улыбкой осмотрела выколдованное им облачко, которое повисло над скалой. Тарин тоже глянул вверх, рассмеялся, и они дружно вошли в пещеру, которую три Дракона использовали для встреч в мирах Туэола.

— Свет, — сказал Тарин тихо.

Под высоченными сводами пещеры зажглись три миниатюрных, но от того не менее ярких солнца. Тарин огляделся по сторонам и, чуть нахмурившись, добавил:

— Иллюзия семь.

— Все не откажешься от словесных команд? — Тадрэн, казалось, на самом деле был удивлен.

Тарин пожал плечами и сел за появившийся неизвестно откуда мощный дубовый стол:

— Зачем?.. Слова напоминают мне про то, что было в Начале. Тот факт, что мы научились управлять реальностью с помощью одного лишь волевого усилия, я считаю не особо важным. Произнести слово — это все равно, что сотворить мир. Присаживайся, Райси, и не бери ничего в голову: если мы и называем это иллюзией, то только ввиду нашей исключительной заумности. Для тебя же — это самая настоящая реальность.

Райси присела за стол, стоящий в середине уютного зала, и осмотрелась. Туэол трепетно рассматривал стены пещеры и поглаживал камни, словно живые существа... Тадрэн что-то бормотал, вытянув руки перед собой и временами поглядывая на Тарина. Тарин тоже бормотал что-то, весело отвечая его все более раздраженным взглядам.

— Ну так и будем мудростью маяться или наконец покормим Райси? — Тадрэн демонстративно перевел взгляд на висящие под потолком светильники с сотнями свечей, в которые превратились три ярких солнца.

Тарин, казалось, смутился:

— Прости, Адрэ, я думал, ты, как всегда, для себя стараешься.

Тадрэн пожал плечами и взял с возникшего перед ним блюда кусок курицы:

— Для себя тоже, куда же от этого, но сегодня, обрати внимание, только сегодня — и для вас. Приятного всем аппетита.

— Приятного, — ответил Тарин, в смущении выколдовывая все новые и новые яства.

Стол его все более напоминал стол уважающего роскошь князя перед приходом толпы голодных гостей.

— Тоже иллюзия? — спросила заинтересованная Райси.

Сама она догадывалась, скольких трудов стоил бы весь этот стол настоящих яств: она еще слишком хорошо помнила, как мучительно добывал Ауэн воду в пустыне.

— Для тебя или для нас? — спросил Тадрэн, деликатно обглаживая куриную ножку. — Да и вообще, Райси, какая разница, а? Это вкусно, это питательно, это привычно для тебя, и скажи мне, пожалуйста, зачем тебе надо знать, чем все это было раньше, или, — криво усмехнулся он, — чем оно станет позже.

— Это не иллюзия, Райси, — сказал Тарин, подвигающий к себе салат из кальмаров. — Ешь, что хочешь, и ни о чем не переживай.

— Заведение угощает, — вставил неумемный Тадрэн.

Туэол положил в тарелку немного картофельного пюре и добавил тушеных грибов.

Райси с улыбкой перевела взгляд на Тадрэна. Дракон обглядывает куриную ножку? Это выглядело комично не только в силу несоразмерности, но также и нелепости: сотни тысяч миров выделили из себя искорку сознания и укутали ее лоскутком материи для того, чтобы получившееся существо нуждалось в куриной ножке?

Тадрэн пристально посмотрел на нее и взял с блюда вторую ножку.

— Что тебе непонятно, Райси? — спросил он. — То, что, пребывая в плотном теле, я нуждаюсь в плотной пище?

— Знаешь, Тадрэн, у нас разработаны специальные упражнения, которые помогают организовывать энергию солнечную с помощью личной психической и направлять ее на преобразование элементов из одного первичного состояния в другое. Например, из азота в белок. Понимаешь?.. Эти упражнения дают возможность не принимать пищу на протяжении полутора месяцев, хотя и обессиливают в магическом плане. Как видишь, подобные способы «питания воздухом и солнцем» известны даже нам, людям; так неужели Драконы, которые несравненно выше людей в развитии, нуждаются в «плотной пище»?

— Ого, — пробормотал Тарин себе под нос. — Наконец-то и наш Адрэ нашел себе достойного собеседника. Не все же с детьми забавляться...

— Дитя, — насмешливо обратился к нему Тадрэн, — как тебе салат из кальмаров?

— Он изумителен, — улыбнулся ему в ответ Тарин. — Мне кажется, ты специально сделал его таким вкусным.

— Как тебе картошка? — обратился Тадрэн к Туэолу.

— Вкусно... — ответил Туэол и перевел взгляд на Райси. — Понимаешь, милая, Тадрэн пытается сказать, что Наши сознания достигли такого уровня развития, когда истинными атомами наших тел являются планеты и звездные системы. Сами по себе мы не испытываем нужды воплощаться здесь, в этом вот участке мироздания, в облике Драконов. Но мы все равно делаем это — производим частичные воплощения, — потому что приносим с собой Огненные Силы, которые очищают мироздание на этом,

земном, уровне плотности и, словно катализатор, ускоряют ваше развитие. Это и есть наша основная цель.

Пребывая в изолированных пещерах, мы не нуждаемся ни в пище, ни во сне, ни в дыхании даже. Мы словно становимся тоннелем из Высших Миров в этот, земной, по которому струятся живительные силы, так необходимые для вас, наших драгоценных наследников. Но в моменты непосредственного контакта с вами мы стараемся не оттолкнуть вас от мудрости, которую мы принесли, поэтому ведем себя наиболее понятным для вас образом — дышим, разговариваем, носим имена, принимаем человеческий облик и, конечно же, потребляем пищу.

Наш общий друг Тадрэн немного переборщил с юмором, потому что все Драконы — вегетарианцы и употребляют в пищу только те создания, сознанию которых смерть приносит наименьший урон. Принимая пищу, мы прерываем чей-то путь, не забывая об этом, поэтому переходное звено от растений к рыбам является рубежом для нас.

Тарин — Воин; с этим связаны кальмары, крабы, устрицы и прочая морская белковая пища на столе, хотя самому ему больше нравится морская капуста...

— Но все блюда здесь... магического происхождения, — отметила Райси, на что Туэол улыбнулся ей, словно маленькому ребенку.

— Мы приходим учить вас, Райси. Вы не умеете создавать пищу из магии, и поэтому вы сажаете пшеницу, овощи и фруктовые сады. Это радует нас. А вот скотобойни огорчают. Ведь очень редкие растения выше по развитию, чем те животные, которых вы едите... К тому же, мясной пищей вы жутко отравляете свои тела.

— Туэол! — вдруг одернул его Тадрэн.

Туэол посмотрел на него и грустно улыбнулся:

— Наш непоседа намекает, что я отклонился от темы... Ты ведь здесь не для прослушивания лекций...

Райси спокойно смотрела на него:

— Что ж ты не говоришь?

Туэол молчал. Тарин с болью в глазах смотрел на огонь свечей в люстрах. Тадрэн дожевывал куриную ножку. А потом отбросил ее в сторону и вытер салфеткой губы:

— Боже мой, какая гадость... Как вы это едите, Райси?.. Мне кажется, есть смысл вернуться к теме здорового питания.

Райси молча выдержала его взгляд.

— Ладно, ладно... — сдался Тадрэн. — Туэол как истинный философ, конечно, может сказать, что он подыскивает нужные слова, чтобы объяснить все лучшим образом, да только ложью это будет. Ответ в том, что мы все боимся начинать этот разговор.

— Почему? — спокойно спросила Райси, ничем не выдав своего волнения. — Ведь ты — Дракон, тебя хвалят на Советах за невиданное научно-техническое развитие твоих миров... Чего же тебе, такому продвинутому, бояться?

— Райси, — ответил Тадрэн. — Могущество Драконов намного больше могущества человека, но куда больше и их ответственность за то, как они этим могуществом распоряжаются.

Вот скажи мне, Райси, за кого боишься ты в своем простом человеческом сознании? Сначала — за себя, чуть позже — за ту же себя, просто другого пола, еще позже — снова за себя, уже новую, в которой вечным циклом продолжения рода объединилось все, что было в тебе предыдущих.

Я не боюсь за себя в твоём представлении. Конечно, мое тело, при всей его превосходности, тоже смертно, — хотя многие миллиарды лет пройдут, прежде чем я начну стариться, — однако страха перед гибелью того, что ты считаешь истинным мной, я не испытываю. Миллиарды лет... Это для тебя они *Миллиарды*. Для меня же это просто время, которого Господь создал предостаточно... пусть не для тебя и даже не для меня, но для того чистого, что из жизни в жизнь возрождается в нас.

Я боюсь не за себя, Райси, но за это светлое, что живет во мне, за то, что я должен холить и лелеять в моих гениях, за то единственное, ради чего они рождаются, живут и ради чего с легкостью обязаны жертвовать свои жизни.

Любая звезда, любая планета моего мира — это не более чем эритроцит, бегущий по моим венам. То добро, которое создают мои гении, — это гемоглобин, заключенный в эритроците, а зло — это лейкемия, капля за каплей заполняющая мои артерии.

Я не боюсь за себя в твоём представлении, потому что существуют доктора, существует химиотерапия, существует пересадка костного мозга... Да только попробуй объяснить это миллиардам тех маленьких частичек, которые я уже не сумел уберечь. Или миллиардам миллиардов тех, кто надеется на мою помощь в дальнейшем... И мне страшно теперь, Райси, страшно за то, что будет с этим Новым, которое я обязан холить и лелеять, если задуманное нами не получится...

— Вот так-то, Райси... — добавил он и чуть помолчал, а потом снова стер серьезность с лица — словно маску снял... или надел.

Пытливо посмотрел Тадрэн на Райси и усмехнулся весело.

— Ты ведь уже поела? — кивнул он на листик салата, который она все еще держала в руке. — Вот и ладно.

Он громко хлопнул в ладони — и блюда дружно принялись маршировать к краю стола и падать вниз, со вспышками света исчезая на полпути к полу. Листик же салата в Райсиной руке превратился вдруг в бабочку, которая посидела немного на ее пальце и улетела прочь.

— Ха-ха, — сказал Тарин, угрюмо откладывая в сторону единственную оставшуюся в живых вилку.

Вилка подергалась немного, потом, словно гусеница, подползла к краю стола и бросилась вниз.

— Да, — почесал затылок Тадрэн, поднимая с пола вилку и сминая ее пальцами, словно кусочек глины, — действительно, как-то глупо.

За столом повисла тишина. Тадрэн все косился на светильники, висящие в воздухе, Туэол периодически хмыкал себе под нос, а Тарин как-то странно смотрел в сторону Райси, вроде бы желая начать серьезный разговор, но никак не решаясь. Да, управлять мирами они были мастера, а как дело дошло до объяснения с простой сельской ведьмочкой, то превратились в простых сельских мальчишек.

Первым вздохнул, конечно же, Тарин:

— Никакая ты не ведьмочка, Райси, и тем более никак уж не простая.

Он снова вздохнул.

— И разговор у нас к тебе тоже очень непростой.

Райси это знала. Когда мужчины так часто вздыхают, то разговор действительно предстоит серьезный.

— Дело в том, — это был уже Туэол, — что мы собираемся присоединиться к вам во Втором Походе против ффинов. Мы придем на поле боя, чтобы поддержать вас. Мы собираемся стать с вами плечо к плечу, чтобы увидеть, быть ли миру на Пиллее. И если понадобится, собираемся отдать наши жизни за этот мир.

— Вы... — только и прошептала Райси, не верящая своим ушам.

— Мы, — без улыбки ответил ей Туэол. — И еще многие, кто не смог прийти сюда, не вызывая подозрения Совета.

— Мы-то и так известны как неразлучная троица, — опять влез Тадрэн и осекся, поняв свою бестактность.

— Вы, Драконы... вы выступите на стороне людей?..

— Мы выступим на стороне Света, дитя, и называй его, как хочешь. Но не думай, что победа будет легкой, Райси, нет... Огромное Зло идет к Вам со стороны ффинов, и мы не знаем, хватит ли даже нашей помощи, чтобы остановить его. И нам страшно, Райси, вовсе не из-за того, что многие из нас наверняка погибнут, — а ведь с Сотворения не своей смертью погибло очень мало Драконов, — но мы боимся не этого...

— Ладно, — опять перебил его Тадрэн, но на этот раз перепуганная Райси была благодарна ему, — хватит страшать девочку, ей и так не сладко.

А Райси было действительно страшно. Если Драконы говорили о своей смерти, как о вполне реальном событии, на что же тогда надеяться тысячам собравшихся в Поход людей? На что надеяться маленьким и беззащитным по сравнению с Драконами созданиям, собравшимся нести Справедливость на остриях мечей, своей храбростью искореняя Зло?..

Тарин внимательно смотрел на нее:

— При всем нашем могуществе у нас нет того, что есть у этих тысяч людей, Райси. У нас нет *одной-единственной жизни*, которая отдается за Великое Дело. Приближение смерти выступит в роли Трубного Гласа, который разбудит дремлющие в вас силы. И не имеет значения, что у вас много рождений впереди: вы *отдаете* Походу одну-единственную жизнь... Лишь ваша великая вера поможет вам выстоять, умирая друг за друга и за вашу святую цель. И когда Цель будет достигнута, Райси, Истина приоткроется для всех. Конечно, мы придем на поле боя, но закончить все должны именно вы. Ибо именно вы все начали.

— Что — начали?.. — не поняла Райси.

— Все, — прозвучал тихий ответ.

— Ну что ж, — громко зевнул Тадрэн, — раз все поели, то можно и поспать.

Но так как Тарин, Райси и Туэол были слишком заняты глубокомысленным молчанием, то выколдовывать кровати ему пришлось самому. Побив рекорды в альтруизме, он создал три просторных ложа, достойные королей.

Райси сначала следила за ним, а потом перевела взгляд на Туэола, который в задумчивости стоял у выхода из пещеры и смотрел на парящие в небе звезды. Редкую ночь засыпала она,

не думая о нем, и вот сейчас ее притягивало к нему нечто гораздо более могущественное, чем обычное влечение...

Она подошла к Дракону. Было свежо, и с плато несло морозным холодом.

— Тебе тяжело? — тихо спросила она.

Туэол чуть помолчал, а потом улыбнулся широко:

— Тебе тяжелее. Что бы наш легкомысленный Тадрэн ни говорил о различиях в наших чувствах, на самом деле ничего этого нет. И страдания матери, у которой ребенка затоптал взбесившийся конь, не менее трагичны, чем страдания Дракона, потерявшего в ядерном аду сверхновой любимую звездную систему. Когда доходит до боли, то нет уже ничего, кроме самой боли. Нет Людей или Драконов. Есть страдающие. Те, кто ищет спасения... Мы с вами.

— Мы найдем спасение, да? — Райси заглянула ему в глаза.

Дракон вздохнул:

— Ты найдешь его. И мы поможем тебе. Все, кто решил идти с тобой.

Теперь чуть помолчала Райси.

— Ты *это* увидел тогда, в своей пещере? — спросила она наконец. — Поэтому ты дал мне свой Меч?

Дракон все смотрел и смотрел на звезды.

— Он не ответит, — сказал подошедший Тадрэн. — И я, будь я на его месте, тоже не ответил бы. Ни за что.

— Адрэ тут прав, — сказал выходящий из света пещеры Тарин. — Будь я на месте Туэола, я бы не ответил тоже.

Долго-долго стояли они на ветру, и, казалось, забыт и сам вопрос, и причина, его породившая, но потом Туэол все же собрался с силами и ответил.

«Чтобы кто-то выжил, — сказал он тогда, — кто-то должен умереть. Многие навечно останутся в своем Великом Походе. Но тяжелее будет тем, кто выживет, потому что и Поход, и Сражение — это только начало. Начало Сражения еще большего и куда более драматичного. Так устроена жизнь, и никуда от этого не деться. Великими называют только мучеников».

— Для этого вы привели меня сюда? — прошептала Райси. — Для этого выкрали у воли Стража Сектора?

— Победа и поражение стоят всегда рядом, детка, — холодно ответил Тадрэн, и Райси, наконец, увидела его настоящее лицо. — Так близко, что победа иногда оборачивается поражением, а поражение — победой. Победите вы или нет, зависит, в первую очередь, от вас, от Избранных, от того, *чем* вы будете готовы по-

жертвовать ради своей победы, будете ли вы понимать, *какой* жертвы от вас может запросить ваша победа.

«Мы все умрем, — подумала Райси обреченно. — Мы все умрем и, что самое ужасное, даже не узнаем, что дала наша смерть тем, кто остался».

Испуганно она посмотрела на Драконов, но Драконы молчали, хотя как один слышали ее слова.

В эту ночь она почти не спала, а на следующее утро они вышли на плато, где целую вечность назад Райси стояла одна под ярко-синим небом и твердила себе, что никогда не будет второго Туэола.

Хотя Драконы молчали, Райси знала, что ей пора туда, куда отсылала ее воля неумолимой и жестокой Неизбежности. Знала и молчала сама.

— Будет тяжело, Райси, — как бы извиняясь, заговорил угрюмый Тадрэн.

— До встречи, ребята, — проигнорировала его слова Райси.

Что бы жизнь ни готовила ей, она знала, что пройдет через это, чтобы умереть позже, не зная даже, дарит ли она своей смертью жизнь другим, не зная, что смерть ее не напрасна, но так веря в это, — иначе был ли в происходящем хоть малейший смысл?

Магия телепорта загудела в ее голове, когда Драконы возвращали ее туда, откуда недавно забрали.

Медленно Райси открыла глаза и шагнула вперед — навстречу всему, принять что она была уже готова... по крайней мере, по своим, человеческим, меркам.

Ауэн

Жестко и немилосердно сражался он с некромансерами. Хоть его атаковали сразу трое, самому старшему из них было далеко даже до ученика Ауэна — Тринадана. Самоуверенность подвела их на этот раз. Они не ожидали такого сопротивления — впрочем, Ауэн и сам от себя такого не ожидал. Совсем недавно, перед походом в Грифф, он был вялым и уставшим, смутное чувство обреченности не покидало его; даже собирая Академиков в Поход, он не чувствовал вдохновения. Но позже он преобразился, как будто магия сняла пару столетий с его измученных плеч и начался новый этап его жизни. Когда он видел устремленность Суи, когда наблюдал за жесткой неумолимостью Райси, когда чувствовал чистую, по-детски наивную веру Златовласки, то понимал, что не имеет права оставаться все еще Ректором Академии, сыто и устало рассуждающим о политике невмешатель-

ства магов в дела простых смертных. Уже не было разделения на смертных и великих магов. Были «мы», стоящие рядом, и были «они», выстраивающиеся напротив. И должны были остаться только «мы».

Как свято верил в это Суи! Он весь мир готов был положить к ногам своей веры, которая вела его вперед и помогала рассеять Мечом шаровые молнии и потоки огня. Он *просто верил*, и вера его была слепа... но в этом была его сила.

Райси была более холодна и рассудительна, и то, что она делала, не было спонтанным всплеском эмоций, как у Суи. Если Суи жил лишь тем временем, когда надо будет врубиться в ряды ффинов, пропитывая землю *их* кровью — потому что так надо, — то Райси видела мир по-другому. В мыслях она тоже обращалась к будущему — и к великой Битве, от которой не уйти, и к пропитанной кровью земле, — но если Суи стремился как можно скорее приблизить грядущую битву, то Райси размышляла уже над тем, как в ней победить.

Для Третьей Избранной, которую как Ту Самую Ауэн узнал уже при первой встрече, Джеджи Златовласки, была характерна чистая наивность ребенка. Но так же, как любой ребенок, она была жестока. Она плакала над увядшим цветком, который посадила около лагеря в Гриффе, но даже на секунду не остановилась ни над одним из множества зарубленных ею ффинов. Ее миропонимание говорило ей, что цветок — это творение Господне и смерть его приносит Господу боль, а ффины — исчадия ада и боль Господу приносит уже само их существование. И если для достижения Благодати Господней ей пришлось бы зарубить всех ффинов на Пиллее, она поступила бы именно так, свято веря в то, что если все хорошие существа соберутся вместе и убьют всех плохих, то на Пиллее воцарится мир.

Они были различны — полный эйфории Суи, рассудительная Райси и нежная своей душой, но жестокая своей верой Злата, — однако все вместе они дали Ауэну новую цель, ради которой маг начал жить заново. Он понимал, что каждый из них легко умрет ради общего дела человечества, и понимал, что его задача непуста: научить их не смерти, но жертве.

Ауэн понял вдруг, что многие столетия преподавания в Академии были безвозвратно утерянным временем и за это время он сам до конца не разобрался в том, что есть настоящая жертва. Не впади он в тот проклятый анабиоз, многое могло бы сложиться по-другому и многие сражения могли бы изменить свой ход. Многие столетия он уходил из жизни в книги, вместо того чтобы

переносить книжные знания в жизнь; но лишь теперь он понял реальную угрозу ловушки непримененного Знания. И теперь, когда приближались дни тяжелых испытаний, Ауэн делал то единственное, что подсказывало сердце, — он стремился *защитить* Троиш. Именно поэтому он увел Тринадана в сторону, именно поэтому сам не пил воду, а создавал ее в мучениях для *них*, именно поэтому ринулся в бой против трех некромансеров — Маритомии и еще двух, рождения которых в Наэне он не застал.

Когда в небе возник Дракон, Ауэн на мгновение растерялся: ведь послушаться приказа Дракона равносильно смерти. Но когда он увидел полные ярости лица некромансеров и понял, что если он остановится, то не остановятся они, он не думал уже ни о чем. Он просто бил — без жалости и сожаления.

Когда земля перевернулась в небе над ним, он на мгновение подумал, что Дракон убил их всех, развеяв по Наэну единственным огненным вздохом. В тот момент острое сожаление захлестнуло Ауэна: как он ни старался, уберечь *их* до срока он не смог. Но в то же время великое облегчение пролилось на его душу: пусть он не справился, зато теперь многие условности физического мира утратят свою власть над ним. Спадет плотное помрачение, и в сияющих высотах Тонкого Мира он постигнет многое из того, что было не понято на земле. И чувство свободы настолько захлестнуло его, что он чуть было не закричал от радости. Ему было так хорошо и легко, как еще никогда в жизни, все горести исчезли, не осталось ничего, кроме великого чувства любви.

— Жаль тебя расстраивать, — раздался отчетливый голос рядом.

Ауэн замер, не решаясь открыть глаза. Голос продолжал:

— Жаль расстраивать тебя, Ауэн, но ты еще не мертв. Открой глаза, не бойся.

— Только, — предупредил его голос, — очень осторожно.

Сначала Ауэн не увидел ничего, кроме огненного сияния, лившегося со всех сторон. Оно переливалось всеми цветами радуги, иногда принимая образы языков божественного пламени, а иногда становясь девственно-белым, словно только что выпавший снег.

Постепенно Ауэн начал видеть призрачные очертания всего, что его окружало. Под ногами и вдаль до самого горизонта плыли пламенеющие облака — Ауэн как бы стоял на них. На секунду он перепугался, что упадет, и хотел применить магическое заклинание, но все тот же голос мягко оборвал его попытку.

— Не надо, Ауэн, — сказал он тихо. — Здесь не место для заклинаний. Здесь тебе дается шанс поверить. Но не бойся, даже если твоей веры не хватит, ты все равно не упадешь, потому что Я поддержу тебя.

Ауэн присмотрелся, и чувство благоговения заполнило его: перед ним, почти сливаясь с окружающим сиянием, парил *настоящий Ангел*, с сиятельным нимбом вокруг головы и лучами солнца, навеки запутавшимися в его крыльях, со слепящим сиянием, пульсирующим в сердце... С удивлением Ауэн отметил, что при нем не было огненного меча. Ангел лишь улыбнулся в ответ на эту мысль:

— То, что ты видишь, — лишь отображение моей сущности в твоём сознании. Ты видишь лишь ту часть Меня, которую можешь осознать, и в той форме, которая наиболее близка тебе. Будь ты японцем, то увидел бы священного Дракона. Что ж до меча...

В воздухе возле Ангела огненное свечение сгустилось и приняло форму пышущего пламенем меча. Ауэн немного подался назад, потому что почувствовал огненный жар на лице, словно от полыхающего камина. Рукоять меча легла в ладонь Ангела... Тот посмотрел на меч и плавно разжал пальцы. Словно река, вливающаяся в океан, влилось пламенное лезвие в окружающее сияние и исчезло.

— То, что ты ищешь, всегда рядом, — сказал Ангел. — Но ты можешь не замечать его, выискивая форму и забывая о содержании.

Некоторое время Ауэн смотрел на место, где только что горело огненное лезвие, а потом пробормотал про себя:

— И ты говоришь мне, что я не умер.

Взгляд Ангела был ласков:

— И я говорю тебе, что ты не умер.

Он помолчал и добавил:

— С ума ты тоже не сошел, но пришел сюда, повинувшись моему призыву.

— Сюда?.. — не понял его Ауэн. — Скажи мне, что это за место?

— Это не место, друг мой, но состояние сознания.

На мгновение магу показалось, что его сознание разделилось на три части, каждая из которых чувствовала и жила отдельно от другой, но в то же время очень близко, почти соприкасаясь. Первая часть дарила ему пристанище теперь, одаряя Благодатью и Покоем; вторая — была чуть более затемнена, но более действенна; и третья — почти не сохранила отблесков Небес, но стреми-

лась к Познанию через Действие в плотном мире. Наваждение было ярким и стремительным. Оно сотрясло Ауэна, словно удар молнии, после чего исчезло.

— Зачем я здесь? — тихо спросил маг.

Мелкая дрожь начала трясти его колени.

— Погостить, — усмехнулся Ангел.

Но все же добавил:

— Не нужно бояться, Ауэн. Ты ведь знаешь, что чистой душе нечего бояться, где бы она ни оказалась. Дух очищается силою устремлений. А ошибки — кто не совершал их, пребывая в земном теле?..

— Значит, мое время взойти Сюда еще не пришло? — едва слышно спросил Ауэн.

— Что ты, Ауэн... Нет... Неужели ты думаешь, что, даже получив отпущение от сует земных, ты сможешь миновать Лету?

Ангел ласково посмотрел на него.

— Лета — это ведь тоже состояние сознания. После смерти физического тела дух взлетает в наиболее родные для себя сферы, которые тесно связаны со сферой земной. Такой полет направляется не человеческим сознанием, но накопленными в душе стремлениями. В те сферы, где мы с тобой сейчас, возносятся лишь святые Подвижники, Ауэн...

Ауэн вздохнул:

— Зачем же ты призвал меня?..

Ангел вновь усмехнулся:

— Сначала пройдем в мое жилище, маг. Посидим, потолкуем, подождем других. Я пригласил не одного тебя, еще несколько гостей должны прийти ко мне сегодня. Когда все соберутся, тогда ты все узнаешь. Договорились?

Ауэн кивнул, понимая, что не ему, человеку, искать логику в Ангельских решениях. Когда придет время, тогда придет и понимание.

Самым трудным был первый шаг. Непросто стоять на облаках, но еще сложнее было по ним идти. Ауэн предпочел бы левитирующие заклинания, однако помнил предостережение Ангела. Если все было так, как говорил Ангел, то истинное место духа Ауэна было не здесь: он не мог чувствовать этот мир родным — сколько рыбу ни выбрасывай на берег, она не почувствует себя в родственной среде, ведь для этого нужен не рыбацкий сачок, но миллионы лет эволюции.

С огромным трудом, поддерживаемый силой Ангела, шел Ауэн по облакам.

Жилище Ангела было очень простым: с виду обычная хижина, разве что сияющая изнутри неземным светом; стрельчатая крыша; резьба на окнах...

— Ты, наверное, можешь придать своему жилищу любую форму? — спросил Ауэн осторожно.

— Наверное, — сказал Ангел, глядя куда-то вдаль. — Но все равно, самой разумной останется та форма, которая наиболее близка моему сердцу.

Ауэн посмотрел на дом и вспомнил величие Гаксторнских дворцов.

— Величие, Ауэн, бывает лишь внутри, — ответил его мыслям Ангел. — Все, что снаружи, — это уже гордыня. А гордыня, друг мой, — это заблуждение, которое влечет дух человеческий в весьма малоприятные сферы, известные вам под названием Ад.

Ауэн ничего не ответил Ангелу: без сомнения, тот был прав.

В доме Ангела было светло и уютно, и сами собой всплыли в памяти воспоминания о детстве — временах, когда была лишь тишина, покой и ласковые руки, которые утешали, кормили или же нежным баюканьем приближали тихий и одновременно чуткий сон. Что-то было в этом доме от ласковых снов младенца, не оставляющих никаких воспоминаний, кроме тепла и спокойствия. Было что-то в этом доме от небесной радуги после тугих струй майского дождя, которые хлещут по лицу, в то время как ты танцуешь под мерный, ритмичный шелест с друзьями и понимаешь, что это и есть никогда не заканчивающееся счастье. Было в нем что-то от утренней трели соловья, когда тепло спящей рядом девушки согревает тебя и ты вдруг осознаешь, что уже никогда не будешь таким, как до этой ночи; когда в первый раз просыпаешься, испугавшись, что все просто привиделось, и слепо шаришь рукой вокруг, пока рука не опускается лаской на теплое плечо, укрытое тонким полотном. Было в этом доме что-то такое... Ауэн лишь теперь понял, каким надо быть глупцом, чтобы пытаться сравнить с ним холодные груды камня и металла, которые толпа безумцев свалила в кучу и обозвала колдовским именем Гаксторн.

— Спасибо, — тепло улыбнулся ему Ангел. — *Так* о моем доме говорят не часто. Спасибо, что нашел в себе такие слова.

Он улыбнулся еще раз:

— И перестань звать меня просто Ангелом. Тебе давно известно мое имя.

Ауэн на минуту замялся:

— Я могу лишь догадываться...

— По-моему, — усмехнулся Ангел, — я только что развеял все сомнения. Меня действительно зовут Ра, и нашу общую знаковую я действительно знаю с рождения. И знаю роль, которую отвел ей Всемогущий Господь в Своей борьбе за Пиллею. И мы оба знаем роль твою.

Ауэн едва заметно кивнул. Он смотрел под ноги, не поднимая взгляда на Ангела по имени Ра, который знал так много.

— Не переживай, Ауэн, — сказал тот. — Мы оба знаем, что свою великую миссию ты выполнишь прекрасно.

— Но *как* ты знаешь? — с болью в голосе произнес Ауэн. — *Как* ты знаешь, что у меня получится? Я старый измученный маг, и мне так тяжело нести свой крест... Упустив столько времени в Академии, как теперь смогу я наверстать его?

Ра улыбнулся:

— Ты стар, Ауэн, да, но не старше, к примеру, меня. И мучаем ты только своей разумностью. Твоя беда в том, что ты не можешь обрести уверенность, пока не разложишь все по столбикам книжных понятий. Ты упустил много времени? Этот крик отчаяния знаком каждому, друг мой. Но время *уже* упущено, а Предназначение все так же непоколебимо. И приходится искать новые пути, чтобы не тратить время на бессмысленное отступление назад, к *когда-то* утраченному. Не нужно бояться, мой друг, нет причины для отчаяния. Все: и победа, и поражение — в твоих руках.

Ангел снова улыбнулся и добавил:

— Одновременно.

— Да как же мне не бояться? — устало покачал головой маг. — Иногда мне кажется, что тяжесть, возложенная на мои плечи, уже рвет сухожилия и ломает кости.

— А для кого эта ноша легка? — подался вперед Ангел. — Может, для Суи, беглого кнехта, которого в его параллели преследовали за то, что мечом он владел лучше своего барона; для того Суи, который в своих прежних мечтах не подымался выше торговца артефактным Оружием? Или для маленькой шестнадцатилетней девчушки, некогда искренне верившей, что ее племя — вот ее святая обитель и не может быть для нее счастья вне судьбы кочевницы; для девчушки, которая плачет над мертвым цветком, но безжалостно рубит ффинов? Или, может, Ноша легка для молодой жрицы, посвятившей себя служению Мне, для той, которая навечно и безнадежно влюблена в Дракона — Хранителя Пиллеи — ее истинного духовного отца?.. Скажи мне, Ауэн, кому

из них хотелось брать на свои плечи такой тяжкий крест, брать и тащить в гору, изнывая от пыток неопределенности, затем лишь, чтобы в конце пути Высшие Силы благодушно позволили им отойти в мир иной?.. Так же, как твоя пытка терзает тебя, Ауэн, так и пытка Избранных в том, что ни один не знает, что нужно сделать, чтобы завершить во Втором Походе то, что было начато в Первом... раньше, чем в Первом. Как ты думаешь, что знают они? Райси и Суи, конечно, догадываются, *что* ждет их в конце пути, но знают ли они это наверняка, так же, как знаешь свое предназначение ты? А что говорить о маленькой и незащищенной Златовласке? Что знает она, Ауэн? Что, кроме того, что Бог — это хорошо, а Сатана — это плохо. Она так и умрет, не поняв, что кроме Света и Тьмы есть еще и все мы: люди, ффины, Драконы, Ангелы — те, кто стоит посредине, все те, кто призван в этот мир Волей Единой, чтобы постигать, постигать и еще раз постигать Значение Жертвы.

— И вот, Мы здесь, — громогласно раздалось от двери.

Снова Ауэн

Голос застал Ауэна врасплох.

Маг обернулся и замер: перед ним во всем величии стоял великий и могущественный Архангел Михаил, а рядом с ним, опираясь на неизменное копьё, — Святой Георгий.

— Именно поэтому мы и собрались сегодня здесь, — раскатисто добавил Михаил, присаживаясь за стол.

Георгий поставил копьё у двери и сел рядом с Ауэном. Небожители не отличались особой массивностью или особым ростом, но, сидя рядом с ними, Ауэн чувствовал себя лилипутом.

— Пилигримом, — поправил его Георгий и похлопал по плечу. — Каждый из нас прошел через это... и это нормально *здесь*. Ведь не телесную разницу чувствуешь ты, но разницу в сознаниях.

— И привыкай, друг, — добавил он, — что тут все слышат твои помыслы так же явственно, как свои.

Ауэн почти без удивления принял это. Когда еще его помыслам быть услышанными, как не во время пребывания на Небесах.

— Итак, — заговорил Михаил. — Все основные заговорщики на месте, пора начинать.

— Может, подождем еще немного? — посмотрел на них Ра.

— В другой раз, — ответил Михаил тихо. — Сейчас мы не можем ждать. Наша временная кража, — он кивнул в сторону Ауэна, — останется временно незамеченной, только если мы временно поторопимся и временно перестанем обращать внимание на некоторые временные трудности. Столько надо уложить в этот короткий визит.

— Вы... называете друг друга заговорщиками?.. — не понял Ауэн.

Михаил внимательно посмотрел на мага.

— В шутку, — сказал он немного погодя.

И добавил:

— Хотя доля правды есть и в этом определении. Скажи, Ауэн, что известно тебе об Иерархиях Света и Тьмы?

Маг пожал плечами:

— Не так и много. Почти все Сведения, полученные некогда из областей истинного Буддхи-Знания, утеряны, а современные ученые обращаются больше к низшим ментальным и астральным областям исследований, так как это дает быстрые и легко применимые в жизни результаты. Управление Элементалами, например... Но если говорить о том, что дошло к нам от пращуров, то Информация исходит из двух основных источников. Первый — это древние Теософы, которые в силу сложившихся обстоятельств больше занимались накоплением знаний теоретического плана; а второй — это Йоги Пламени, которые применяли знания в жизни через переустройство сознания, а затем — тела. Оба эти Источника говорят об Иерархии Света и Иерархии Тьмы как о двух противодействующих силах, составляющих Жизнь. Эти Иерархии своей борьбой создают напряжение потенциалов, необходимое для возникновения между ними некоего Заряда, наличие Которого обуславливает течение Эволюции.

— Заешь, по какому принципу относятся существа к той или иной Иерархии?

Ауэн подумал немного...

— По тому, какие они поступки совершают? Светлые или Темные?

Архангел покачал головой:

— По тому, какое воздействие оказывают их поступки на Эволюцию Сообщества, к которому эти существа принадлежат. Иногда нужно знать все переплетение обстоятельств, чтобы увидеть гибельность действия, которое кажется благим, или, наоборот, отличить положительное влияние от кажущегося злом. Недостаточно совершать Светлые поступки, чтобы быть приня-

тым в Братство. Что толку, если во время нападения на родную страну отшельник уйдет в леса и будет там кормить зверушек плодами своего огорода? Не в строю ли на защите Родины место ему? Но, с другой стороны, солдат *убивает*, а отшельник лишь трудится и молится. Поэтому не всегда молитва — это от Света, а убийство — это от Тьмы... Каждое действие необходимо в свое время и в своих обстоятельствах. В умении прозреть все эти обстоятельства и состоит сила членов Братства.

— Но зачем ты рассказываешь это мне? — удивился Ауэн.

— Затем, чтобы ты понял, что, когда переплетение слишком многих факторов делает картину затуманенной, нам приходится пользоваться чувствознанием — доверять своему внутреннему чутью и принимать решение, не осознавая до конца всю цепь последствий.

Архангел спокойно смотрел на Ауэна. И магу самому стало спокойнее — словно лучики света, струящиеся от ангельских крыл, влили в его душу часть своей силы.

— Мы видим мир, — сказал Михаил, — но не видим в нем мира.

Ауэн посмотрел в глаза Архангела и словно начал проваливаться туда. Он увидел тысячи, десятки тысяч миров Пиллеи; увидел, как соприкасаются в границах миров измерения; увидел, как переплетаются нити человеческих судеб и потоки человеческих стремлений... и увидел черную тучу, накрывающую Пиллею. Маг видел, как она мрачным туманом проникала в миры Пиллеи, гнилью подтачивала бастионы сопротивления и, словно поток грязной воды, вливалась внутрь, заливая все горем и отчаянием...

Но нет, он снова сидел в гостиной у Ра, и спокойный взгляд Михаила отвечал его испугу.

— Великое противоборство человеков и ффинов подошло к своему пику, — сказал ему Архангел. — Огромная сила собирается не только у стен Гриффа, чтобы сокрушить твердыню ффинскую, но и в ффинских землях, чтобы сокрушить твердыню *людей*.

Ауэн опустил взгляд.

— Неужели зло на этот раз может быть настолько сильно? — наконец вымолвил он.

Он вспомнил десятки тысяч воинов, собравшихся у древних стен Гриффа; как с наступлением тьмы звезды сходили с небес на землю, разжигаясь тысячами костров; вспомнил рокот Армии вечерами, похожий на рев далекого водопада; вспомнил

великолепие рыцарских турниров, демонстрировавших невиданные мастерство и волю... вспомнил и ужаснулся от мысли, что подобную силу можно сокрушить.

— Можно, — Михаил устало прикрыл глаза. — Любую силу, мой друг, можно сокрушить силой еще большей, равно как камень можно разбить камнем более крепким. Но есть нечто превыше силы, и только *этим* сила сокрушается. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Ауэн вздохнул. Тем, о чем говорил Архангел, он не мог обладать.

— Я думаю, — ответил Ауэн, — сейчас здесь нет тех Троих, кто мог бы ответить тебе.

— Да? — усмехнулся Михаил. — И кто же они, по-твоему, эти *трое*? Неужели ты действительно думаешь, что достаточно иметь свое имя начертанным на одном из Клинков, чтобы овладеть Мудростью и Могуществом? Или достаточно выйти победителем из схваток с сильнейшим противником своего мира, чтобы понять свою миссию во Втором Походе? Или ты думаешь, что слеза, падающая на увядающий в пустыне цветок, сможет когда-нибудь оживить его? А может, думать вообще не надо и все, что должно произойти, произойдет само собой и именно так, как надлежит быть?.. О, вынужден буду разочаровать тебя, Ауэн. Для того чтобы овладеть большим, надо полностью отказаться от того меньшего, что уже близко сердцу. Чтобы оживить цветок, мало проронить над ним одинокую слезу. Мало даже день прорыдать над ним. Этого мало, потому что цветок необходимо выкопать осторожно, чтобы не повредить корней, — освободить растение от прошлого, — перенести цветок в тенистое место и день за днем поить его будущим. Мало умело махать Мечом, рассекая шаровые молнии, громить и крушить врагов, помня о былых победах и находя свою опору в них. Для того чтобы победить вновь, надо полностью отказаться от сражений прошлых и осознать, что обретенная сила не покинет тебя *лишь* потому, что она никогда тебе не принадлежала. Стремящийся к победе должен отказаться не только от победы, но и от самой жизни. Но, отказавшись, надо не умереть безропотно, а победить.

Архангел все смотрел Ауэну в глаза, а потом добавил тихо:

— Превыше силы — лишь Жертва. Превыше смерти — лишь Жертва. Превыше самой жизни — лишь Жертва. Прости, но ты не знаешь, *что* это такое, Ауэн.

Маг промолчал.

— Зло, — заговорил Георгий, — великое Зло подымает голову над ффинскими мирами. Зло, для которого не имеет значения цена, не имеет значения срок, не имеет значения будущее и единственная цель которого — разрушение Пиллеи.

— Ты говоришь о Сатане? — неповинующимся губами прошептал Ауэн.

Георгий устало покачал головой.

— У Зла так много имен и лиц... Ты можешь называть его как угодно, но не забывай, что каждый раз ты говоришь лишь об одной его ипостаси. В этот Поход Зло выступит в самом ужасном облике, и напротив вы увидите лишь самих себя.

— Зло как зеркало, — тихо сказал Ра. — Ты смотришь в него и словно видишь себя; это так похоже, что очень легко ошибиться. Но правда в том, что Свет и Тьма всегда противоположны. И когда ты поднимаешь правую руку, твой двойник в зеркале подымает левую, а когда ты творишь добро, твой двойник сотворяет зло. Сложно уничтожить этого двойника, потому что зеркало только выявляет его, но живет он не в стекле; и если разбить зеркало, то двойник вернется, когда отыщется зеркало новое. На этот раз ваше зеркало — ффины.

На секунду он замолчал, а потом посмотрел в сторону двери и ласково улыбнулся.

— Добрый день, ребята, — донеслось оттуда. — Вы, как всегда, не дождалась меня. Конечно, извините меня за опоздание.

Ауэн обернулся и застыл в немом изумлении.

Чистая улыбка была ему ответом:

— Судя по всему, ты даже не догадывался, что существуют женщины-Ангелы.

— Но... — только и смог вымолвить Ауэн, и снова повторил. — Но...

— Существуют. Просто без огненного меча мы на Ангелов не похожи.

Ауэн смотрел и смотрел на нее, не в силах оторвать взгляд: так была она прекрасна. Женщина-Ангел снова улыбнулась:

— Больше всего мне понравилось сравнение с матерью. Меня зовут Горлица, и многие мои птенцы разбросаны по Параллелям. Некоторые люди видят во время медитаций мои глаза, некоторые — сияющий полумесяц, некоторые слышат мой голос... но всех их объединяет стремление к милосердию и человеколюбию. Я тоже не раз вставала на защиту Родины, когда была человеком. Без меча, конечно, но ведь и сестер милосердия на поле боя не бывает много...

— Впрочем, — вздохнула она, — давайте вернемся к грядущим Свершениям. Мои друзья, наверное, уже сообщили тебе наше решение выступить на стороне людей во Втором Походе против ффинов.

Онемевший Ауэн не мигая смотрел на нее. Горлица улыбнулась:

— Конечно, я всегда была против такого вмешательства в дела людей, однако теперь обстоятельства ясно указывают на необходимость жертвы... многих Жертв.

— Милая Горлица, — мягко перебил ее Михаил, — наш гость не совсем осознает это понятие.

Горлица внимательно посмотрела на Ауэна.

— Все он осознает... просто не умеет пока слышать осознанное в себе. Да и какая разница, Михаил, неужели эта причина повлияет на принятое уже решение? Мы ведь сойдем в плоть не для того, чтобы поучать людей или спасти их, но чтобы дать им шанс победить все самое худшее в себе. Сейчас мы непричастны к плотному миру, потому что уже вырвались из оков плоти человеческой. Но никогда не разбить нам оков, одетых *на других*: каждый сам себе спаситель и чужая кровь не искупит греха.

Она вновь перевела взгляд на Ауэна:

— Кто даст тебе Спасение, если оно бьется лишь в твоём сердце?.. Птицей в клетке стучится оно там... Неужели, разрезав сердце, выпустишь птицу Духа на свободу? Разломав зерно, получишь ли колос? Не вас спасти идем, но противостоять огромному злу, которое выступает за ффинов теперь. Конечно же, это зло присоединилось к Армии ффинской *не* уничтожить людей, но помешать им зажечь чашу Великого Подвига, пламя которой могло бы рассеять сумрак Пиллеи. Сойдя вниз, мы отвлечем Зло на себя, позволив вам самим совершить Выбор, невероятно сложный Выбор между Пламенем жизни и Тьмою гибели.

— Но что это за Зло... — хрипло спросил Ауэн, — которое выступит в Походе на стороне ффинов?

Горлица ласково погладила его по щеке:

— Разве знать, кого именно Мы отвлечем на себя, так важно? Легионы адских демонов не так страшны для вас, как один-единственный росток зла, живущий в одном-единственном человеке. И количество пламенных мечей, воссиявших над вами, не так важно, как один-единственный Святой, собравший мощь Духа своего, чтобы отправиться в Ад для освобождения соратников. Демоны выступят против вас, и Ангелы выступят за вас, но это

произойдет независимо от вас, чего не скажешь о вызревании зла или росте добра в ваших душах. Даже близкие к человекам некромансеры будут угрожать вам намного меньше, чем вы сами, отразившиеся в ффинах.

Ауэн молчал, потупив свой взгляд. «Сколько времени безвозвратно утеряно», — пронеслось у него в голове.

— Герой не думает об утраченном, — сказал Михаил, улыбувшись. — Для героя нет прошлого, но лишь настоящее, которое он преобразует в будущее. И времени для него не много и не мало, но достаточно.

А после Небожители говорили о Великих Свершениях. Ауэн не понимал их речи: их слова были недоступны его сознанию — и он слышал лишь чарующую музыку, которая наполняла всю Вселенную Светом.

Почему-то Ауэну вспомнился его мудрый наставник Клэр Великий... Ауэн не понимал его тогда. Вдохновленный идеей Похода, он видел будущее лишь в полном уничтожении ффинов. Клэр часто поправлял его, говоря, что цель Похода — снять оккупацию с Гриффа и восстановить утраченное Пиллеей равновесие. Молодой Ауэн спрашивал Клэра, не было ли равновесие нарушено приходом ффинов, но его наставник лишь качал головой: если свеча горит под стеклянным колпаком, равновесие не нарушится, даже когда свеча погаснет и колпак наполнится дымом. Таким колпаком для человечества являются прежние ошибки. До тех пор, пока люди не исправят их и не изживут собственные порождения, колпак прошлого будет находиться над Пиллеей и пламя Духа человеческого будет гореть все менее ярко. Человеческие деяния призвали в этот мир ффинов, и лишь *искупление* может распусться пламенными цветами на ветвях Древа Мира.

«И не ффины угрожают людям, — говорил Клэр Великий, — но лишь атаки ффинов на людские миры. И если некая Сила остановит их продвижение, то ффинская угроза исчезнет навсегда. Тогда люди начнут бороться не против рогатых монстров с когтями на лапах, не против вооруженных отрядов, сжигающих поля и уничтожающих поселения, но против ффинских денег и товаров, которые будут подтачивать человеческую экономику. Но пока ффины и люди стремятся к единоличному властвованию над *всей* Пиллеей, ни у кого из них нет будущего в этих мирах».

Не уничтожение ффинов, но уничтожение угрозы, которую люди и ффины представляют друг для друга, поставил целью своей жизни Клэр Великий. То, что он нес людям, было миром,

но люди увидели в его руках только Семь Мечей. Они не сумели понять, что разгром ффинов в Гриффе вел их к победе, но преследование и уничтожение ффинов вело к поражению, потому что победой в том походе был мир, а поражением — продолжение войны. Война продолжилась, и прощению на ближайшие тысячелетия была предпочтена ненависть.

Ауэну тяжело было представить, что чувствовал Клэр Великий перед смертью: страшно жить ради чего-то долгие столетия, всего себя вложить в идею и в конце увидеть тупик, в который эта идея привела человечество. Умирая, Клэр мучался именно тем, что человечество так и не сумело обрести мир. В конце концов, они ведь были простыми людьми, теми, кто видел и слышал лишь то, что им было дано видеть и слышать. Они не бывали вместе с ним в Истинных Мирах, они не знали, чем раньше были великие Семь Мечей, не догадывались, чем эти Семь Мечей станут позже. Они просто шли вперед. Человеком же, который направлял их шаги, оставался он.

Даже Ауэн относился к его идеям настороженно, и учить людей забывать прегрешения ффинов он не мог. Слишком уж натерпелись от них люди. Сам он не сталкивался с ужасами пограничных войн и поэтому считал для себя лицемерием учить людей прощению. Однажды он сказал об этом Клэру. Тот внимательно выслушал его и призрачная бледность, подобно туману, покрыла его лицо. Он не сказал ничего, лишь кивнул отрывисто: мол, мыслишь правильно. Однако было в его глазах что-то, что заставило Ауэна больше никогда не возвращаться к этой теме.

И Клэр молчал, пристально глядя в огонь. И Ауэн сидел возле Клэра. И лагерь собирающихся в Поход шумел недалеко, подобно полному морскому прибою. И костры их были подобны звездам, сошедшим на землю...

Ангелы дружно провожали Ауэна, тепло и радостно благословляя. Но когда Михаил пожимал его руку, взгляд Архангела на мгновение дрогнул, когда он произносил простое слово «свидимся».

Ауэн знал, что понять Небеса ему невозможно, но при прощании — на одно мгновение, когда дрогнул взгляд Архангела, — ему показалось, что завеса приоткрылась. Много боли, много печали... и так много радости — вот что было в глазах Михаила.

Суи, Ауэн и Райси

Муть телепорта, словно пелена, медленно спадала с глаз. Тошнота напоминала Суи его единственное путешествие по морю, после которого он дал себе слово никогда не ступить на борт корабля: видимо, не для морских путешествий был он рожден. Впрочем, мало кто на Пиллее мог переносить корабельную качку; люди предпочитали сухопутные пути, даже если они занимали больше времени. Тогда, сойдя с корабля, Суи едва держался на ногах; теперь, после телепорта, было немногим лучше.

Когда тошнота немного успокоилась, он понял, что находится в орущей толпе. Со всех сторон его сжимали и толкали. Он был одет в темный балахон с капюшоном, практически полностью закрывающим лицо, а его руки покоились на груди. Он понял, что сжимает что-то в руках, а еще через мгновение осознал, что это рукоять двуручного меча. Опустив взгляд, он увидел, что Меч, плотно прижимаясь к его телу, крадетя вниз и упирается острием в плиты мостовой.

Толпа вокруг него вдруг заорала громче прежнего, и, подняв глаза, Суи увидел небрежно сколоченный помост, на который выходили двое, одетые в балахоны, подобные его, и выводили за собой ослепительно-белого единорога. Единорог был испуган и надрывно ржал. Один из тех, кто тянул животное на помост, повернул голову к толпе — и Суи невольно вздрогнул, увидев ффинскую морду. Суи огляделся по сторонам и похолодел: толпа, окружавшая его, была ффинской.

Единорог ржал все надрывнее. Ффины наконец привязали веревки, которыми он был стреножен, к специальным кольям и спустились вниз, в общую толпу. На помост поднялись трое других — в сияющих ратных доспехах, с кроваво-красными плащами за спинами и с мечами на боках. На груди у каждого красовалась перевернутая пятиугольная звезда в алом круге, а на наручах сияли перевернутые пятиугольники.

Как по команде, ффины повернулись к толпе — и толпа замерла, затаилась в ожидании. Некоторое время тишину прерывали лишь хлопки кровавых плащей, а потом стоящие на помосте ффины положили руки на рукояти мечей. Со свистящим скрежетом оружие покинуло ножны — и толпа вновь заорала... Это был надсадный рев морских чудищ, рык обезумевших Драконов, визг гарпий, теряющих добычу.

Суи на миг показалось, что он не выдержит и бросится бежать... но потом он увидел глаза единорога. «Помоги мне», — казалось, простонал единорог. — Помоги мне, человек...»

«Как?!.. — лихорадочно пронеслось в голове Суи. — Как, скажи мне, я могу помочь тебе?!» «Помоги...» «Я не могу, я не могу, я не могу», — вспышками мелькало у Суи в мозгу. «Ты можешь. Ты можешь. Ты можешь», — каждый раз поправлял его единорог. «О Господи! — почти простонал Суи. — О Господи!»

Трое окружили единорога. Тот уже не ржал; крупная дрожь била его тело, и он все смотрел и смотрел на Суи. «Героями не рождаются». Откуда эта мысль?!» Единорог смотрел на него. Руки Суи покоились на рукояти Меча... Зачем-то воля Стража направила его именно сюда... «Господи, Отче наш, — почти вслух простонал Суи, и руки его еще крепче сжались на рукояти. — Я так редко просил Тебя о чем-либо». Трое в это время направили мечи в сторону единорога. «Я так редко обращался к Тебе с молитвами, но сейчас я *молю* Тебя, Господи!» Трое начали медленно поднимать оружие. «Я молю Тебя — *будь* рядом со мною сейчас, ибо героями не рождаются, но крестятся Мечом Твоих испытаний. Я знаю, что Ты рядом. Просто... просто Будь...»

Непонятный звук вылетел из его груди вместе с воздухом, а потом пальцы его до боли сильно стиснули рукоять Меча. Ффины давили на него со всех сторон, но это было уже не важно. Невозможным разворотом он вывернул оружие по дуге вокруг себя, снизу и по спирали вверх; он вывернул меч силою своего Духа, силою Того, Кто Был, — и тела ффинов, сдавливающие его, начали разламываться под напором лезвия.

«Господи, — думал Суи, разворачивая меч для нового удара и, словно во сне, наблюдая, как разваливаются на части ффины, когда его меч медленно, словно тоже находясь в глубоком сне, скользит по ним... — Господи, Отче наш... Прости мне грешному все прегрешения мои; прости, что не Тебя я искал со дня рождения своего и что жизнь до последнего всполоха я отдаю не Тебе Одному; прости меня, Господи, и не покидай сейчас... направляй руку мою и пребудь в сердце моем, ибо я делаю то, во что верю, и сражаюсь за тех, кого люблю».

Вокруг Суи было уже просторно, а мостовая под ногами была залита ффинской кровью. И сон спал вдруг с его плеч, и Меч косил направо и налево... По крутой Х-образной дуге носился он вокруг Суи двуручной молнией, освобождая ему все больше и больше места для маневра, для подшага, для ухода назад и разворота меча уже всем его телом. И Меч несся быстрее мысли и убивал сильнее проклятия.

Ффины бросались в стороны, кричали от ужаса и умирали по двое-трое за один его замах. А Суи рубил и рубил, не ведая

уже ни страха, ни усталости. Ему было все равно, что ффины очнулись и сами доставали мечи, что они спешно перестраивались в боевой порядок, а его Меч ломал сталь их оружия, словно тонкие лучинки. Ему было все равно, что ффинские бельты раз за разом натыкались на грани его меча, который непостижимым образом перехватывал их в полете. Ему было все равно, что с другой стороны площади спирали огня били в стороны и фонтаны искр взлетали в небо, а с третьей — мелькал ятаган и сухой треск молний выгрызал в толпе обугленные туннели...

Суи даже не догадывался, что он здесь не один, что совсем недалеко Райси и Ауэн также расправляются с ффинами и тоже не догадываются о нем и им уже тоже все безразлично — кроме шага вправо и ухода от летящего навстречу лезвия, кроме удара и разворота, кроме новой атаки, которая вращает меч, подобно смерчу, которая разваливает тела ффинов надвое, натрое, на четверо, перерубает уже отрубленные руки и ноги до того, как те упадут на землю.

Троим, терзающим тело толпы, было безразлично все, кроме Отблеска Света, на защиту которого они поднялись. И когда ффины в ужасе начали пятиться от трех страшных демонов, непонятным образом проникших из их снов на площадь, стало ясно, что произошло невозможное и трое людей напором своей устремленной ярости действительно сломили, разорвали в клочья многотысячную толпу.

Но ни Суи, ни Райси, ни Ауэн не ведали этого и не заметили, что *трое ффинов*, собиравшиеся недавно убить единорога, ринулись было в бой, когда навстречу им вышел старый, как сам мир, чернокнижник и резким жестом остановил их.

— Неужели вы слепы? — спокойно спросил он, глядя, как островки свободного места в толпе становятся уже материками, а толпа в ужасе подается в стороны, стараясь уйти от разящих без жалости ударов.

— Неужели вы не видите, что сам Дух Святой снизошел на них? — спросил чернокнижник *троих*, все еще стоящих на помосте.

— Эх, дети-дети, — вздохнул он, — придет и ваше время убивать людей, но только не сегодня... Да и единорогов на Пиллее много.

И он увел их прочь, и ни один из них не осмелился перечить древнему, как мир, чернокнижнику.

Холодный ветер метался по опустевшей площади, и лишь теперь Райси, Суи и Ауэн увидели друг друга. Их одежда была

насквозь пропитана кровью, от балахонов мага и жрицы шел пар, а их волосы были обожжены близкими разрывами собственной магии. Трое людей безумно оглядывались по сторонам, и сердца их колотились, подобно боевым барабанам.

Трое людей, стоящие на ффинской площади, не могли поверить в случившееся. Это казалось нереальностью, сном — словно воин спит на поле боя и не может понять, закончился ли бой или все еще продолжается, а недавняя победа кажется такой призрачной, и он просыпается оттого, что рубит во сне мертвых уже противников.

Трое, стоящие среди ффинских трупов, разбросанных по всей площади, постепенно выходили из того состояния единства, которое подарил им прекрасный и одновременно ужасный сон про кровавую ффинскую площадь. Трое стояли рядом друг с другом, и возбуждение боя постепенно спадало с них: успокаивались сердца, приходили в покой мысли, и вот — они уже могли уловить дрожь в уставших от боя руках.

— Откуда это, Ауэн? — спросил мага Суи, указывая на сияющее Копье в его руках.

Ауэн улыбнулся, вспоминая о прощальном подарке Георгия, и сказал, что теперь пренебрегать резонаторами уже не будет.

— Господи... — прошептала Райси.

Проследив за ее взглядом, Суи увидел единорога, все еще стоящего на злополучном помосте. Животное смотрело на них умными глазами, и по шелковистой шерстке его щек катились слезы.

«Спасибо, — раздалось в голове Суи так отчетливо и громко, что на мгновение он испугался. — Спасибо вам, братья, что не бросили меня». Искорки тепла созвездиями теплились в глубине его глаз. Он словно улыбнулся Суи. «Спасибо. А то, что ты назвал меня животным... это ничего... это ты по неведению».

— Его надо развязать, — воскликнула Райси и побежала к помосту.

Суи поспешил за ней, и вскоре они были возле единорога. Аура тепла окружала его, и невозможно было находиться рядом с ним и не осознать, как же тебе не хватало этого тепла раньше. На некоторое время Суи и Райси замерли, не в силах ни пошевелиться, ни даже вздохнуть... А потом жрица бога Ра, который на самом деле был Ангелом Господним, осторожно перерезала веревки, крепко связывающие стройные ноги единорога.

«Спасибо», — вновь сказал тот и легко спрыгнул с помоста. Немного смущенно посмотрел он на Райси: «Это ничего, если

я постою в стороне от тебя?.. Ты же знаешь мои отношения с *женщинами*».

Невероятно, но краска буквально залила щеки Райси. Единорог негромко фыркнул, и его копыта зацокали по каменным плитам, когда он поскакал к Ауэну.

«Нам нужен портал, маг», — сказал он и посмотрел в ту сторону, где на площадь выходили три улицы. «Ффинов еще не видно, но они вот-вот опомнятся... Сможете ли вы повторить свой подвиг и снова призвать на помощь Сам Дух Господен?»

Ауэн проследил за его взглядом и некоторое время молчал, размышляя.

— Думаю — нет, — ответил он спокойно. — Мы едва стоим на ногах...

Все так же спокойно он оглядел ффинские трупы, раскиданные по площади:

— Нелегко даже на время вобрать в себя силу Высшую. Кувшин не предназначен для того, чтобы вмещать содержимое колдца...

— А открыть портал я не смогу, — добавил Ауэн, присаживаясь на каменные плиты, — ффины пришли в себя очень быстро. Я чувствую, как десятки их чернокнижников накрыли нас общим статическим полем. Магия не сможет проявиться здесь, пока это поле не разрушено.

— Попробуем вместе? — спросила подошедшая к ним Райси.

— Попробуем, — со вздохом ответил ей Ауэн, садясь в «лотос».

На некоторое время они замерли — лишь побелели лица и капельки пота выступили на висках. А потом плечи Райси бесильно поникли.

— Сколько же их?.. — тихо прошептала она.

— Много, — так же тихо ответил Ауэн. — Но это и не удивительно, милая моя девочка. Это ведь Т'Анна — центральная площадь Т'Хагарда... Воля Стража Сектора забросила капризных детей напрямик в ффинскую столицу.

Единорог вздохнул. Потом перевел взгляд на другую сторону площади, где медленно выстраивалась латная ффинская пехота, прикрываясь щитами и выставляя в их сторону острия тяжелых противокавалерийских копий. Ффины, стоящие в первых рядах, изумленно осматривали площадь, не веря очевидному, но уже понимая, что и сами могут пасть на залитые кровью камни.

— Они растерзают нас, — угрюмо прошептала Райси.

— Выше нос, сестричка, — подошел к ним Суи. — Хоть мы и попали в западню без выхода, но смею тебя уверить — неотомщенной наша гибель не останется. Знайте, братья, что мертвые воины Леты выступят в грядущем Походе на стороне людей. И отчаяние ффинских криков будет нам усыпальной песней.

Райси тепло улыбнулась ему и чуть взмахнула ятаганом, как бы взвешивая оружие:

— Так знай же, брат мой Суи, что не одна Лета выступает против ффинов. Людей поддержат Драконы, и жар их дыхания, испепеляющий ффинские легионы, будет нам погребальным костром.

— А боевая песнь Ангелов, идущих с Небес, будет лучшей молитвой за наш упокой, — встал рядом с ними Ауэн.

Ффины напротив медленно двинулись к ним, лязгая по мостовой стальными поножами.

— Почему они не уберут статическое поле и не применят магию? — тихо спросил Суи.

— Боятся, что Господь все еще с нами. Применяя магию против другого мага, невольно открываешься для него. Чернокнижники боятся, что Дух Божий испепелит их. Да и выпустить нас отсюда они не хотят: вдруг мы угадаем момент и ускользнем телепортом...

Ффины были уже в двадцати шагах. Латники прибавили ходу, все быстрее сокращая расстояние.

— Ну что ж, — вновь заговорил Суи, подымая свой клинок, — мы прожили хорошие жизни, друзья. Мы делали то, во что верили, не лицемерили перед другими и не лгали себе. Не нам стыдиться наших жизней. И не нам бояться наших смертей.

Цокнули копыта — и рядом с ними встал единорог. Его глаза были алыми от вскипевшей ярости, а рог на его лбу воссиял ярко-золотым. Его ржание уже ничем не напоминало жалобный стон, это был уже рев взбешенного океана, который совсем недавно был тихим и спокойным. Он больше не был похож на чистое небесное создание, обитающее у магических водоемов, бегущее в испуге прочь ото всех, кроме не успевших потерять свою чистоту девушек. Он был похож теперь на своего дикого пращура, о чьем существовании целую вечность назад упоминали только легенды и чье имя сохранилось лишь у эльфов — в доисторическом староанглийском языке. До сих пор звучало оно дико и неусмирено — Unicorn²⁹ — и полностью соответствова-

---

²⁹ Единорог, uni-horn — Единый Рог

ло внутреннему смыслу, который несло в своих буквах: ничего реального, одна лишь тайна и угроза. Кроме Ваниша, нигде больше не сохранилось звучание этого слова. Кроме Ваниша и языка Драконов, для которых время, пролетевшее с тех пор, не казалось таким уж величественным.

Уникорны были жестоки и справедливы. По преданиям, они сторонились праведников; грешных же перед Господом людей, которым не повезло забрести в их владения, уникорны настигали и бесцеречно убивали. Многие века понадобились этим праведным в своей ярости созданиям, для того чтобы осознать простую истину — направляя энергию вовне, Зло не искоренить, так как на смену убитому грешнику всегда приходит другой, а уменьшить общее количество Зла в мире можно, лишь уменьшая количество зла в себе.

И, поняв это, великие лесные мстители ушли в глубины неисследованных человеком владений, чтобы не мешать людям искать в себе то, что найти было так сложно. Наверное, наивно было полагать, что люди устремятся вдруг на поиски Добра, но оставаться рядом и угрожать расправой грешникам уникорны уже не могли.

«Судите себя сами», — сказали они людям перед уходом.

Таковыми были пращуры единорогов — жестокие и мудрые.

И теперь рядом с тремя стал именно он — тот, кто сумел пронзить вечность ради одного-единственного боя... И ярость его была такой, что несокрушимая ффинская пехота на миг остановилась, не в силах двинуться дальше. А когда ффины, плотно сомкнув щиты, снова пошли вперед, уникорн с яростным ржанием развернулся и ударил копытами задних ног в плиты мостовой.

Вспышка была молниеносной — как будто луч света сошел с полированного доспеха латника; а после вспышки раздался дикий вой ффинов: это острые осколки гранита, летящие из-под копыт единорога, врезались в лица пехотинцев.

Строй ффинов вновь пошатнулся, когда второй заряд картечи полетел вслед за первым, а за вторым — третий. Но замешательство длилось недолго, и вот отчетливая команда невидимого *центуриона* пронеслась над площадью... Ффины скрылись за щитами и практически вслепую продолжили свое продвижение вперед.

Вот они уже в пятнадцати шагах от троих людей, вот уже в десяти...

И в этот момент Суи понял, что еще никогда в жизни ему не было так спокойно, что еще никогда чувство подобного умиротворения не заполняло его — словно тихий натиск прилива заполняет каменные полости дна, еще недавно обнаженные перед ликом луны. Суи понял, что напрасно искал ответы о своем Предназначении, что Предназначение можно понять лишь тогда, когда Оно само постучится в двери сознания. И еще он понял, что не здесь суждено погибнуть им, и что долог еще Путь впереди, и что Сражение тоже впереди, и не будет им покоя и после Сражения...

Усталость стальными обручами сковывала его тело, но что-то было намного сильнее усталости — нечто не из этого мира, нечто, чему уступала даже неминуемая смерть. С легкой, но оттого еще более страшной, улыбкой пошел он навстречу ффинам, и те попятились, когда увидели его лицо, когда заглянули в его глаза и поняли, что это не демон из ада, потому что ни один демон не может иметь *таких* глаз и *такой* улыбки. И дрожь была их тела, когда направляли они копья в его сторону, когда невольно завидовали тем, кто *уже* лежал на окровавленных плитах мостовой. Тем, которые сражались против троих, против *ничтожных троих*, поэтому не успевшие даже испугаться — просто сердце сжималось в последний раз, и слабеющие пальцы выпускали меч, плиты мостовой летели им навстречу, и они пролетали сквозь них, вытолкнутые смертью из своих тел. Но ффины, которые шли в бой теперь, *уже* знали, что умрут, и не было для них более жуткого знания.

Ряды солдат пятились прочь, уже не прикрываясь щитами, а прячась за ними. Но за рядами пехотинцев вдруг возникли мантии чернокнижников.

— О Господи, — выдохнул Ауэн и, выставив копье наперевес, кинулся вперед. — Они же вызывают помощь.

— Боже, — Райси метнулась за ним.

Они были правы: ффины открывали портал. Статическое поле прогибалось под их натиском, и воздух густел над ними, подобно жерлу огромной черной воронки. Было страшно представить, кого вызывали в этот момент чернокнижники, и только когда материя портала начала принимать форму, стало ясно, что чернокнижники вызвали Черного Дракона — могущественного Хранителя одной из Черных Дыр космоса. Они вызвали того, чье сердце было немо к мольбам, чью жажду убийства, словно в тюрьме, заточили Золотые Драконы в глубинах звезды, погасшей миллионы лет назад. Они вызвали того, кто уже при-

ходил на Пиллею в эпоху, когда крепости Хранителей Оружия выжигали ффинские измерения.

Черные Драконы не рождались такими, но были избираемы Советом Драконов на основании известных только ему причин. Их предназначением была охрана Вселенной от того, что находилось с другой ее стороны — в пространствах, дверь в которые были Погасшие Солнца. Драконы жили в погасших светильниках, ожидая, пока закроется дверь и исчезнувшая угроза освободит их. Никто не знал, куда уходят Черные Драконы после того, как стягиваются рваные края Черных Дыр: никто не видел их после. Говорили, что Черные Хранители навсегда остаются по ту сторону реальности, избрав то, от чего охраняли Вселенную миллионы лет, взамен отвергнувшего их мира.

«Неужели это конец? — подумал Суи. — Неужели, даже сломив ряды ратников силою своего духа, мы погибнем здесь от огненного дыхания высшей силы, вызванной чародеями-сатанистами?.. Но нет, этого не может быть... Все, что так начиналось, не может закончиться вот так, как заканчивается теперь».

«Неужели это конец? — пронеслось в голове у Ауэна. — Неужели все, ради чего мы жили долгие годы, все это было напрасно?.. Как постигнуть Жертву в пламени Черного Дракона?..»

«Неужели, — сомкнула веки Райси, — неужели я так и не увижу тебя более... Туэол?.. Сопряженной назвали меня твои братья... Неужели я так никогда не узнаю, что же значит это слово “сопряже...”».

— Оно означает — «дочь», — перебил ее грохочущий глас рядом.

Райси открыла глаза и увидела громадного Дракона, куда большего, чем обычный Золотой. Кожа его была действительно черной и лоснилась мраком в свете дня. Он грозно возвышался над ними, возникнув в первых рядах копейщиков. Некоторые ффины не успели убежать, и свежая алая кровь сочилась из-под его громадных когтистых лап.

— Драконы называют сопряженными своих дочерей, тех, чей дух уже не одну жизнь шагает рядом с Духом Дракона. Твоей матерью была кочевница, но племя сожгло ее сразу после родов, потому что отнесли знамения, проявившиеся при твоём рождении, к ее демонической природе. Тебя оставили на краю каменистого плато, известного как Драконьи Лежища... А твой сопряженный издали наблюдал за происходящим.

Дракон наклонил к Райси свою огромную голову и гневно прищуренным глазом посмотрел на нее. Заглянув в его зрачок,

Райси почувствовала, как великое оцепенение стремится вытянуть ее душу из тела, чтобы поместить в непроглядный сумрак Черного мира, часть которого пребывала с Драконом вечно. Райси отшатнулась прочь. Даже намек на теплые искорки не было в этих глазах, один лишь мрак... то, чему не было названия в человеческом языке. Пока еще не было. Пока...

— Пока вы не заглянули за Дверь, — отодвинулся от нее Дракон.

Он усмехнулся, наслаждаясь ее испугом, понимая, что она в его власти и затянуть ее в свой мир он может так же легко, как и оставить здесь.

— А твой сопряженный... — продолжил он. — Знаешь, Райси, в самом детстве, еще до того, как моя кожа потемнела, мы дружили с Туэолом, по-настоящему дружили, так сильно и искренне, как только могут дружить дети. А его кожа с самого рождения была темнее, чем у одногодок, даже темнее, чем у меня. Мы думали, что именно он будет Черным Хранителем и его поместят в Дыру. Мы с ребятами звали его не иначе как Черным, с уважением и легким оттенком боязни, потому что знали — никто не остается прежним после миллионов лет, проведенных в глубинах иного пространства. Мы знали, что каждый рожденный лишь однажды получает свою будущую судьбу. И, как мы думали, никто не может быть более уверенным в своем предназначении, чем наш брат — для меня — родной, для остальных — названный, — наш темнокожий приятель по играм, тот, чье имя подобно золоту, горящему в тигле. Однако, Райси, все сложилось не так, как мы думали, и Хранителем Тьмы стал я. А он стал Хранителем Пиллеи, той земли, на которой без зазрения совести он позволил сжечь мать своей сопряженной, а саму сопряженную забыл до тех пор, пока судьба не свела его с ней снова.

Дракон внимательно посмотрел на нее.

— Когда он дохнул огнем в своей пещере, я подумал, что Туэол так и не узнает тебя в маленькой четырнадцатилетней девочке...

— Знаешь, — заговорил он вновь, — что далеко не каждому Дракону Судьбою дается сопряженная?.. Это очень большая ответственность. Я понимаю тебя, Райси, ты раньше не знала никого, кроме Туэола, но это не значит, что никого больше нет. Ты стоишь не на той стороне жизни, Райси. Ты стоишь не среди тех, кто сможет разделить с тобой победу. Ты стоишь среди тех, кто обречен на поражение и смерть. Кто обречен даже не на смерть, а

на *заввение*. И что отделяет тебя от того, что находится за дверью? Один лишь мой вздох.

Дракон чуть приоткрыл пасть, и жаркий огненный воздух мигом высушил холодный пот на лицах стоящих перед ним людей.

— Ты стоишь передо мною, Райси, маленькая и беспомощная, и Туэол в который раз предает тебя... Но ты могла бы стоять *рядом* со мной, и Туэол мог бы лежать у наших ног вместе со всей Пиллеей. Пойми же, что Туэол попросту не достоин такой сопряженной!!!

Дракон скрипнул зубами, жестко прищурив глаза.

— Пойми, что ни одно из тех испытаний, через которые ты уже прошла, тем более ни одно из тех, которые тебе предстоит пройти, не стоят того, что ты получишь в конце. Не верь вранью лживого предателя, из-за которого ты столько плакала по ночам...

— Почему?.. — тихо прошептала Райси, не замечая, что слеза течет по ее щеке. — Почему... ты...

— Почему я так ненавижу его?

Райси кивнула.

— Все, что он имеет, — холодно и властно сказал Дракон, — по праву должно принадлежать мне. Я его старший брат. И сама Пиллея, и ты как сопряженная — все это предназначалось именно мне. Тебе нечего делать среди побежденных... Иди ко мне, иди в мой мир — и ты узнаешь, как одно живое существо может заботиться о другом.

На мгновение весь мир заполнила тьма, люди зажмурились с криком боли, а когда глаза смогли видеть снова, то перед ними стоял уже не монстр-Дракон, но высокий красивый мужчина, очень похожий на человеческое воплощение Туэола, всем, кроме глаз. В глазах Туэола ничто не напоминало эту бесконечную пустыню пустоты.

Черный Хранитель протянул Райси руку:

— Ты достаточно долго бежала за призрачной и глупой мечтой, моя милая девочка, ты достаточно долго верила в призрачные идеалы... Но ты верила в них не потому, что была глупа, нет, ты верила потому, что не знала идеалов других, более высоких. Пойдем со мною, Райси, и я покажу тебе их. Покажу, из чего на самом деле состоит жизнь. Твоя новая жизнь.

Он стоял перед ней недвижимый, и его протянутая рука так же неподвижно висела в воздухе. Так прошла одна секунда, другая, третья — как чугунные обломки вечности срывались они в

колодец мироздания. И поднятая рука Райси... она ведь так и не коснулась *его* руки.

— Нет, — тихо выдохнула маленькая девочка, вновь стоящая перед входом в пещеру страшного Дракона.

— Нет, — тихо выдохнула юная послушница, плачущая ночи напролет о том, кого никогда не было рядом.

— Нет, — тихо ответила молодая женщина, стоящая посреди ффинской столицы.

— Нет, Дракон, я не пойду с тобой. Ты говорил, что у тебя было Предназначение... Мне очень жаль, что ты не смог убедить его. А мое предназначение все еще со мной. Я не знаю, что меня ждет в будущем, может, ты и прав: никто из нас не выживет и мы будем забыты, может, мы и погибнем через секунду, — но я готова принять все... Понимаешь, Дракон, брат Туэола? Понимаешь ли, что все, что есть в моей жизни, дано мне... моим Отцом?

Дракон долго смотрел на нее, а потом устало вздохнул:

— Не бойся, Райси, не бойся. Я не буду убивать тебя сейчас. От своей смерти ты все равно уже не убежишь...

Дракон усмехнулся:

— Ты так хочешь увидеть свое *предназначение*... Ты увидишь его, моя милая девочка. Ты увидишь его и удивишься тому, с какой легкостью шла ему навстречу.

— Нет, — снова повторил он, — я не буду убивать тебя сейчас: смерть мучеников к лицу лишь тем, кто ей предназначен. Ты же родилась не для того, чтобы своими страданиями искупать чьи-то грехи... Ты родилась для того, чтобы рубить своих врагов, чтобы испепелять их трескучим дыханием молний, чтобы побеждать и быть пьяной от победы... Иди же, дитя, иди туда, куда ведет тебя зов труса, куда ведет тебя *его* цель, куда ведет тебя *его* вера. Иди туда, попирая свое истинное предназначение, и постарайся не испугаться того, что ждет тебя в конце. Я отпускаю тебя сейчас лишь для того, чтобы призвать тебя в День, о котором ты так часто теперь думаешь.

— Иди! — сказал он, и невдалеке вспыхнул ярким светом круг портала; сквозь его тонкую ткань просвечивала пустыня, на краю которой горел самоцвет по имени Грифф.

— Я не уйду одна, — твердо сказала Райси.

— Я никуда не уйду без них, — кивнула она в сторону своих спутников.

— Ты не уйдешь одна?.. — поднял бровь Дракон. — Без кого? Разве, кроме тебя, тут есть еще кто-то?..

Он демонстративно огляделся по сторонам, а потом так же демонстративно изобразил изумление, будто впервые увидев Суи, Ауэна и единорога.

— Ты говоришь о *них*? — с легкой улыбкой повернулся он к Райси. — Господи, да *они-то* мне зачем? Пойми самое главное, малышка: Мечи можно раздать хоть целой армии, но Избранным все равно останется один. Двум Предназначениям не уместиться в одном времени.

Он в последний раз посмотрел на нее, а потом отвел взгляд:

— Уходи, Райси, уходи. Нам с тобой больше нечего сказать друг другу. По крайней мере, пока. Так что до встречи, Райси, до нашей *скорой* встречи.

Когда же закрылся портал, тот самый старик, который удержал троих ффинов от безрассудной атаки, подошел к Дракону.

— Зачем ты отпустил их, Повелитель?

— Не называй меня так, — сказал Дракон отрывисто. — Не забывайся, ибо не я тебе Повелитель, и ты сам знаешь это. А *их*... я не отпускал. Их судьбы призовет Поле брани, где ты еще не раз сможешь найти каждого по отдельности или всех вместе — как сам пожелаешь.

— Скажи мне, Хранитель, — низко склонился перед ним старик. — В твоём портале я увидел Грифф... Почему ты не сможешь нам и не откроешь такой же портал ночью, чтобы мы смогли достойно отомстить людям?..

— У тебя будет такой шанс, старик. У тебя и у твоих солдат. Поле брани отдалено от вас всего лишь временем и расстоянием, величинами, вполне преодолимыми. Прими же терпение в сердце свое. Осознай, что, создавая время, Господь создал его достаточно.

— Но мы могли бы...

— Не могли бы, — жестко перебил его Дракон, и старик осекся. — Ты сам не знаешь, *что* есть реальность, старик. Ты не знаешь законов мира, в котором прожил всю жизнь. Ты не понимаешь, что никакое решающее событие не происходит просто так, и случайность есть лишь Совершенная Закономерность. Свершение всегда подобно разогнавшемуся турнирному рыцарю: вставший у него на пути будет пронзен копьём и растоптан копытами. Единственное, что мы можем делать, так это разгонять *нашу* лошадь. Если бы я убил сейчас этих незадачливых пришельцев, через пару дней не осталось бы ни одного из тех трех, которых совсем недавно ты сам защищал. Я не знаю, что

это могло бы быть: несчастный случай, людские мести, посланники единорогов... это не важно. Важно то, что трое должны сойтись с тремя *на поле брани* и ни один из них с этого Поля не должен вернуться. И Две Армии полягут там, чтобы принести Жертву, достаточную для Воцарения нового Порядка.

Дракон на некоторое время замолчал, глядя вдаль, а потом вновь посмотрел старику в глаза.

— Кто надоумил тебя вызывать Демона?

Старик потупил взгляд:

— Пришедшие были слишком сильны...

— Нет, — усмехнулся Дракон. — Это вы были слишком слабы.

— А ты, — Дракон посмотрел на старика так, что тот невольно отшатнулся, — выставил себя полным профаном. Хорошо, что я успел сюда до того, как ваши вопли привлекли Демона; хорошо, что *пока* я успеваю исправлять ваши ошибки. Плохо то, что вы не хотите на них учиться.

— Прощай, старик, — вздохнул Дракон чуть позже.

И, залил на мгновение мир тьмой, Дракон исчез вместе с гаснущим светом кровавой вечерней зари.

Джеджи Златовласка

То, что после недели сборов два ее брата и сестра ушли не попрощавшись, ошеломило ее сильнее скользящего удара двуручника. Как можно говорить о каком-то духовном родстве и в то же время не принимать ее в расчет, планируя дальнейшие действия? Разве она была маленькой девочкой, которую взрослые выставляют из комнаты каждый раз, когда хотят о чем-то посоветоваться? Разве она уже не принимала участия в сражениях и не прошла испытания предсмертным отчаянием, которые далеко не каждому *взрослому* по плечу?..

В бессильных попытках *понять* она отправилась к краю каменистого плато, где еще так недавно Суи утешал ее. И слезы снова бежали по щекам, а дикий пустынный ветер трепал волосы из стороны в сторону... Только не было никого рядом.

— What's up, sweetheart?³⁰ — слова возникли будто бы из самого ветра.

Обернувшись, она увидела красавицу Аэоми, сидевшую на камнях с древней эльфийской книгой. Пузырь магии поблескивал вокруг нее, не допуская ветер к страницам.

³⁰ Что случилось, солнышко?

— Я не говорю на Ванише, — Златовласка постаралась незаметно вытереть слезы.

— What did You say?³¹ — подалась вперед Аэоми.

Златовласка пожалала плечами и, поняв вопрос, еще раз повторила:

— Я не говорю на Ванише, не говорю на твоём языке... Ни слова не понимаю...

— Funny stuff, — эльфийка изумленно смотрела на Джеджи. — I can understand what you're saying.³²

Злата все так же виновато прятала взгляд от Аэоми.

— Maybe, you are Psychic...³³ — эльфийка медленно закрыла книгу и почти незаметным движением руки убрала силовой пузырь вокруг себя, оставив его часть только на своих волосах.

Эльфийка поднялась с камней и подошла к Злате.

— A pure inborn Psychic...³⁴ — она со вздохом прикрыла глаза, и Злата вздрогнула, потому что в её голове, подобно ударам стучащего сердца, прозвучал далекий, словно приглушенный расстоянием голос: «Так что же у тебя стряслось, малышка?»

— Look at You! — Аэоми улыбнулась. — You really heard me³⁵...

Эльфийка задумчиво смотрела на Златовласку.

— Why then couldn't I hear You before? — медленно проговорила она, а потом скривилась вдруг, словно от резкой боли — The other Two... We never spoke with You alone, and when those Two were arround, all of You weren't just You... and all I heard was united buzz of Your unseparated thoughts. So...³⁶

Эльфийка вновь прикрыла глаза: «Ты ведь прекрасно слышишь мой голос, девочка, значит, твои способности даже сильнее, чем говорят в лагере...»

Златовласка изумленно посмотрела на нее, но эльфийка лишь улыбнулась в ответ.

«Интересно... — мысленно произнесла Златовласка. — И что же говорят обо мне в лагере?».

---

³¹ Что ты сказала?

³² Забавно. Я могу понимать то, что ты говоришь.

³³ Может быть, у тебя есть способности телепата...

³⁴ Чистые врожденные телепатические навыки...

³⁵ Надо же! Ты действительно услышала меня...

³⁶ Почему же я не могла услышать твой голос раньше? Другие Двое... Мы же никогда не разговаривали с тобой наедине, а когда Двое были возле нас, вы уже были словно не отдельные личности... и я слышала лишь объединенный гул ваших неразделимых мыслей. Итак...

Аэоми пожала плечами: «Говорят-то многое, да верить стоит малому».

Она вновь выдержала паузу: «К примеру, говорят, что твоему отцу ты не родная дочь, а приемная. Говорят, что твой истинный народ отказался от тебя, испугавшись заложенных в тебе возможностей. Говорят, что не одно столетие готовили Высшие силы этот мир для твоего прихода, поэтому, брошенная на верную гибель в жарком пекле пустыни, ты все равно выжила, а племя кочевых воинов наткнулось на тебя, лишь дополняя рисунок неизбежности. Говорят, что твое племя было обречено на смерть в страшных жерновах ффинской ловушки только потому, что настало время Второго Похода, и карма, накопленная поколениями кочевников, стала лишь указателем твоего пути в Грифф. Многие говорят, что, несмотря на силу фанатичной веры Суи, несмотря на Предназначение, идущее по пятам за Райси, именно тебе предстоит сделать решающий шаг во Втором Походе. И именно на твоих плечах покоится сейчас судьба всей Пиллеи».

Эльфийка посмотрела на нее и улыбнулась: «В общих чертах — говорят именно это».

Злата непонимающе смотрела на Аэоми, а потом спросила вслух, забыв, что эльфийка слышит ее мысли:

— И ты веришь этой ерунде?

Долго и переливчато звучал над старым каменным плато дивный перезвон хрустальных колокольчиков.

«Моя юная красавица, — заговорила наконец Аэоми. — Ты куда более прямолинейна, чем Суин двуручник».

Злата промолчала, и эльфийка закончила свою мысль: «Не все, что кажется абсурдным, есть абсурд. Не все, что кажется лживым, есть ложь. Не все, что кажется туманным, полно тумана».

Она серьезно посмотрела на Златовласку и добавила: «Не все пророчества правдивы, но далеко и не все судьбы предрешены. Никогда не знаешь, кто ты на самом деле и какая Миссия поместила твое сознание в это тело и в это время».

Ее голос стал подобен острию Суиного двуручника: «Не стоит недооценивать то, чего не понимаешь...»

Златовласка не выдержала ее взгляда:

— Но ты же сама говорила... говорила, что верить стоит малому...

Аэоми снова рассмеялась: «Так я и пересказала тебе лишь малое...»

— И ты веришь всему, что говорила... — Злата удивленно посмотрела на нее, — обо мне?..

«Я верю лишь тому, что находит отзыв во мне. Верю, что не прихоть лживых самообольщений привела меня к стенам древнего города и позволила мне узнать в Суи Одного из Тех, искать Которых мы отправились из наших миров. Я знаю, что не прихоть самообмана свела меня с Великой Райси. И я знаю, что далеко не случайно я вышла сегодня подышать свежим воздухом к горному плато. Все в мире есть энергия, девочка моя, и наши встречи и расставания, любовь и ненависть, предательство и братство — лишь результат взаимодействия тех ручейков Силы, которые наполняют нас. Мы управляем током этих ручейков, мы создаем дамбы и завалы, чтобы изменить направление тока Силы, или же, наоборот, углубляем прежнее русло, чтобы поток усилить; и соответственно этому токи ручейков меняются...»

Эльфийка улыбнулась: «Правда, очень часто не так, как нам бы хотелось. Чтобы целенаправленно менять ток Силы, нужно уметь видеть все переплетение обстоятельств, а в поисках быстрых решений большинство людей игнорирует даже очевидное.

И разве случайно пришли мы на это плато сегодня? Разве случайно при тебе самурайский катана, а при мне эльфийский килич? Разве случайно мы сейчас так далеко от всех, что наше исчезновение некоторое время останется незамеченным; но и не настолько далеко, чтобы послание, которое мы оставим перед уходом, не было найдено? Все эти “случайности” есть лишь внешнее проявление тока двух ручейков силы, которым на некоторое время суждено слиться в один ручей. Мы уйдем в наше будущее, и наконец-то ты поверишь мне, моя девочка...»

— Но куда ты зовешь меня, мудрая Аэоми?.. — тихо, как бы извиняясь, спросила Златовласка.

Эльфийка улыбнулась: «Неужели ты еще не поняла?.. Тебе как одной из Избранных не обойтись без знакомства со Стражем Пиллеи, чье руническое имя ты носишь. Тебе предстоит встреча с Золотым Драконом по имени Туэол».

«Конечно, — усмехнулась она, щурясь от жаркого ветра, — твое знакомство можно отложить до тех пор, пока Дракон сам не захочет увидеть тебя... Равно как и Сражение можно отложить до тех дней, когда ффины сами придут в человеческие миры. Но есть ли в этом смысл? Туэол может дать многие ответы, если за время пути ты найдешь в себе правильные вопросы».

Долго молчала дочь кочевника, которая на самом деле ему дочерью не была, а потом вздохнула едва слышно, смиряясь с неизбежным:

— Ты ведь пойдешь со мной, мудрая эльфийка?

«Туэол знает многие ответы, — улыбнулась Аэоми. — В том числе и на мои вопросы... Но я не только проведу тебя к Туэолу... я пойду с тобой даже дальше... до того места, где ты перестанешь нуждаться во мне».

— Что это за место?

«Это место зовут смертью, Джеджи. До него нам с тобой предначертано следовать вместе. Хотя, как знать, может, и по его проществу тоже...»

...

— Стой!!! — громкий окрик заставил их замереть на месте.

Аэоми почувствовала, как словно несколько хрустальных лучей коснулись ее ауры: в них целились из луков.

Густые папоротниковые заросли чуть пошевелились справа от них, и на тропинке возникла высокая стройная девушка, сжимающая в руках гномий ятаган весьма искусной работы. В других мирах за такие ятаганы продавали целые деревни.

Девушка неподвижно замерла, пристально рассматривая их. Ее одежда была защитного цвета, такие же оттенки преобладали и в цветах раскраски ее кожи. Она обладала некоторыми магическими способностями и пыталась прощупать внешние слои сознания гостей.

— Кто вы и что ищете в этом мире? — властно спросила она.

Голос ее дрожал, но не от гнева, как им показалось вначале, а от волнения: девушка заступила в караул, наверняка, не в первый раз, но, видимо, подобных встреч у нее еще не было.

И, конечно, в этом не было ничего странного, ведь Жрицкие миры меньше всего подходили для романтических прогулок: жрицы были известны своей силой, жестокостью и непримиримостью. Мало кому удавалось проникнуть в их миры незамеченными, и совсем немногим удавалось выбраться оттуда живыми. Чтобы войти в эти миры силой, нужна была, по крайней мере, когорта отборных воинов. И даже тогда глубина проникновения в мир была величиной относительной, так как двигаться можно было только до тех пор, пока лесные ведьмы не собирались над головой противника, на ходу формируя боевой порядок для ответного удара. Единственное, что могло принести нападающим существенный результат, это короткая атака с последующим

отходом в иные измерения... Да только кому нужны были эти бедные всем, кроме буйной растительности, ведьмины миры? И все живое, наделенное разумом, предусмотрительно держалось подальше от этого места, которое называли мирами, лежащими на Втором Векторе, отходящем от основной Спирали в районе двадцать восьмого измерения.

— Мы пришли с миром, — тихо ответила Златовласка.

— С миром и уходите, — молоденькая девушка в упор смотрела на них. — Никто не причинит вам вреда, если вы так поступите.

— Но послушай, — вновь заговорила Златовласка, — мы проделали нелегкий путь, мы с трудом нашли границы миров, и мы...

— And we came with peace³⁷, — закончила за нее Аэоми.

— What?.. — девушка, стоящая напротив них, изумилась древнеанглийскому языку, свободно звучащему в устах пришельцев. — How d'You know this language?³⁸

Аэоми долго смотрела ей в глаза, а потом ласково улыбнулась:

— Look at my ears, priestess. Am I the only elf, you've ever seen?³⁹

На секунду девушка смутилась, а потом преклонила голову:

— Sorry, the wisest.⁴⁰

— Don't be, the shiest. And don't call me like that. Summarizing all, I'm just an elf.⁴¹

— Sorry again, the wisest. I'll show You to the Elder.⁴²

— We'll appreciate it. How, did You say, was You name?⁴³

— Raonie. It's an honor to meet You, the wisest.⁴⁴

— Raonie, — вновь улыбнулась Аэоми. — Now You can try my name... I'm sure, You know it.⁴⁵

---

³⁷ И мы пришли с миром.

³⁸ Что?.. Откуда тебе известен этот язык?

³⁹ Посмотри на мои уши, жрица. Неужели я единственный эльф, которого ты видела?

⁴⁰ Прости, мудрейшая.

⁴¹ Не стоит извинений, скромнейшая. И не зови меня так больше. Суммируя все, я просто эльф.

⁴² Еще раз прошу прощения, мудрейшая. Я провожу тебя к Старейшей.

⁴³ Будем благодарны. Как, ты сказала, тебя зовут?

⁴⁴ Раони. Для меня честь встретиться с тобой, мудрейшая.

⁴⁵ Раони. Теперь ты уже можешь попробовать назвать мое имя... Я уверена, что оно тебе известно.

Жрица нерешительно пожала плечами:

— Dragons call wise people «Aeom». Has this anything to deal with Your name?⁴⁶

— Even more, than You could imagine, — подмигнула ей Аэоми.
— Just like «Raoenn» means «docile».⁴⁷

Раони на некоторое время растворилась в лесной чаще и, переговорив со старшей своего караула, повела визитеров в поселение. В дороге все молчали, пытаясь сделать незаметными полные любопытства взгляды, которыми они время от времени обменивались. Раони боялась своими вопросами показать расположение, которое уже успели завоевать чужаки; Златовласка, путешествовавшая больше всех, почему-то терялась в ощущениях нового для себя измерения; а Аэоми просто молчала, зная, что ценится лишь то слово, которое произнесено в нужное время.

Старейшая поселений не была юна, но еще не в том возрасте, который вынимает из рук меч. Годы прибавили ей седины в волосах и пронзительности во взгляде, рассудок же они очистили обретенным опытом.

— Вы пришли повидать Туэола? — спросила она, лишь только Аэоми со Златой присели напротив нее.

«Тебе интересно, как она догадалась?» — с полуулыбкой подмыслила Аэоми.

«Мне интересно, как ее зовут, — ответила ей Злата. — Райси говорила что-то про человека с титулом Коронодержащая, но я почти ничего не помню».

«Ее зовут...»

«Я сама еще в состоянии говорить за себя, — прервала эльфийку Старейшая. — А имя... Меня называют Раэлиэ... Это, чтоб не утруждать вас выговором моего

⁴⁶ Драконы называют мудрецов Аэом. Это имеет какое-нибудь отношение к твоему имени?

⁴⁷ Даже большее, чем ты можешь предположить. Так же, как и «Раоэнн», означает «облетающий».

сложного и слишком уж звонкого титула, о котором, должно быть, и говорила Райси».

Старейшая улыбнулась, а потом добавила, как бы извиняясь: «В конце концов, короны-то у меня и нет».

«Прости мою ошибку, Старейшая Раэлиэ, — Аэоми склонила голову в почтительном поклоне. — Когда с детства живешь среди эльфов, поневоле начинаешь недооценивать людей. Меня зовут Аэоми. Я тоже старейшая, в некотором, конечно, роде, своей расы. Я пришла в твой мир, чтобы представить блистательному Туэолу мою спутницу, Джедди Златовласку, владеющую ныне одним из Семи Мечей той же ковки, что и Меч твоей воспитанницы Райси».

«Вот как?» — удивилась Раэлиэ.

Она помолчала, словно собираясь с мыслями, а потом повернулась к Златовласке: «Ты можешь показать мне этот Клинок?.. Не то, чтобы я тебе не доверяла, но все же...»

— Конечно, — Златовласка достала оружие и протянула его Старейшей.

«Катана...» — Раэлиэ протянула руку, но пальцы замерли возле оружия, не коснувшись стали.

«Светлый катана, — тихо уточнила она. — Аура жжет так, что страшно дотронуться. Такой же ятаган и у Райси... Вы, наверное, знаете, что есть еще один катана и еще один ятаган, заколдованные некромансерами. И два прямых Меча, Светлый и Темный. И еще один... Единственный двуручник из всех Семи, выкованных в огненные годы Первого Великого Похода, тот, над которым трудился не только свет магии, но и тьма некрокинетики».

— Погодите, — не совсем поняла ее Злата, — если Райси, Суи и Ауэн направились в Темные Миры, чтобы достать недостающие нам *Темные Мечи*, то где тогда искать единственный оставшийся *Светлый*?

«Златовласка, — Раэлиэ смотрела на нее серьезно, — если твои друзья направились в Темные Миры, это не значит, что они точно знают цель своего путешествия. Очень часто мы понимаем, куда течет ручей, лишь пройдя долгий путь вдоль его берега... Не так давно Райси связалась со мной и в общем описала все происходящее. Это не было неожиданностью, потому что уже несколько месяцев после Райсиного исчезновения *странные сны* тревожат мои ночи. Слишком *странные сны* даже для Старейшей жрицких племен... Я говорила о своих снах с Туэолом, а вы, наверное, знаете, как мы почитаем нашего Дракона, чтобы попусту

тревожить его. Выслушав меня, он велел подождать до тех пор, пока сама жизнь не принесет мне более полный ответ».

И она снова замолчала, а Златовласка вдруг поняла, что пришло то самое время, которого они так долго ждали.

«Конечно же, ты права, — Жрица смотрела, казалось, не в глаза, а в душу Златы, — время пришло. Думаю, Дракон примет вас завтра».

— Ты предупредишь его? — тихо спросила Злата, но услышала в ответ легкий смех.

«Нет, маленькая Златовласка, нет. Завтра перед Драконом вы предстанете одни. И да поможет вам Господь».

— Вы так боитесь Дракона? — испуганно посмотрела на нее Злата.

«Дракона бояться стоит тем, у кого есть что скрывать от него. Знайте, что ваши души для него — открытая книга. Придя к нему со злом, с надеждой получить из его сокровищ что-либо, кроме Знания, люди рискуют не вернуться от него. Очень редких людей он воспринимает как отдельных личностей, которым можно что-то объяснить или с кем можно побеседовать. Остальные предстают перед ним лишь в облике своих идей и желаний. Дракон никого не зовет в свою пещеру. Люди приходят туда по своей воле, понимая, на какой риск они идут... и негодяи всегда оседают прахом на каменный пол пещеры. Может, потому Дракон и избрал местом обитания наши заброшенные миры, чтобы общаться лишь с теми, кому он действительно нужен».

Затем она сказала, что у них есть еще целая ночь, чтобы в последний раз обдумать, что им нужно. А потом она ушла — спокойная и уверенная.

Через несколько минут после ее ухода к ним заглянула Раони. На этот раз маска серьезности ушла с ее лица, и перед ними предстала просто милая девушка, знающая много лишь о своем мире. Любопытство пылало в ее глазах, и на ее незаданный вопрос ответила Аэоми.

«Я прекрасно понимаю твое любопытство, жрица, потому что сама долгие десятилетия жила только в своем мире. Эльфы — самые настоящие затворники, ты, наверное, слышала об этом. Лишь некоторым из нас Совет разрешает путешествовать из мира в мир, да и то потому, что эльфийские земли не в силах обеспечить нас всем необходимым.

Получая от нашей возлюбленной Матери дары садов и полей в пищу, мы так и не смогли заставить себя зарыться в ее недра. Руду мы покупаем у гномов в обмен на украшения — эти малень-

кие бестии всегда имели слабость к работам искусных эльфийских ювелиров, может, потому, что всегда хотели самого лучшего для своих женщин.

Гномы куда более интересный народ, чем может показаться с первого взгляда. Рожденные во Вселенной колдовства и магии, они гордо отказались как от одного, так и от другого. Они не захотели идти проторенным путем, потому что там их не ждало ничего нового.

Они презрительно называли магию шарлатанством, пользуясь лишь тем, что могла дать им собственная физическая сила, обогащенная мощью разума. Они не пошли в ученики к магам или чернокнижникам, не стали пользоваться даже простейшими заклинаниями, чтобы вызвать дождь в засуху или уберечь стадо от мора. Вместо этого они построили ирригационные каналы, которые превратили бесплодные пустыни в плодородные земли, создали собственные кристаллические смеси, съедая которые вместе с кормом, животные многократно повышают врожденный иммунитет. Гномы вырыли гигантские штольни, напоминающие скорее жилища драконов; они построили плавильни, где льются реками уже не природные воды, но расплавленные металлы; до сих пор они создают оружие и доспехи, превзойти которые могут лишь творения эльфийских оружейников... А когда приходят Темные времена, гномы, не хуже людей или эльфов, защищают все доброе и светлое, что живет в них...»

Азоми немного помолчала, взглядываясь в миры, отдаленные от этого места пространством и временем, — она с ностальгией вспоминала дни, прожитые среди гномов.

«Говорят, эльфы ненавидят гномов. Это сказал глупец, а услышал сплетник. Истинная суть эльфов состоит в том, что они вообще не умеют ненавидеть — ни гномов, ни кого другого. Когда приходит время, эльф безжалостно убивает, но ненавидеть эльфы разучились очень давно. Гномы не обладают телепатией и не понимают, что восприятие мира — это всего лишь проекция собственного сознания на окружающую материю. Когда становятся слышны мысли других существ, сначала приходит презрение: так много в них похоти, жажды денег и славы. Но со временем становится ясно, что все чужие мысли есть просто отражение твоего собственного мира. Если что-то радует тебя в других, значит, оно цветком растет и в тебе, а если что-то вызывает ярость или ненависть, оно же лежит в тебе навозной кучей. Если эльф победил свою жажду денег, то чужая алчность вызовет лишь сочувственную улыбку и пожелание победы над Маммоной».

Аэоми замолчала. Молчала Злата, и молчала Раони, и время кралось мимо, скользя по небу хрустальными осколками созвездий.

— А я никогда не задумывалась, для чего же родились люди, — заговорила Златовласка, — для чего пришли в этот мир эльфы, кто такие гномы и что они искали, почему остановили свой поиск именно на двухсотых мирах Пиллеи. Я никогда не думала, что рядом с нами могли бы жить не гномы, а, скажем, друиды, о существовании которых до недавнего времени я не знала... Я никогда не думала, что мироздание простирается далеко за те десятки миров, по которым кочевало мое племя... Я никогда не думала...

Она на секунду запнулась, но потом продолжила:

— Я никогда не думала, что покину своих... Тех, кто был моими... Тех... кто был...

«Не говори так, — отчетливая мысль Аэоми была как крепкое пожатие ладони. — Не говори так о тех, кто ушел... Запомни, милая, они ведь не умерли... Они просто перешли в другое место. В то место, перед которым суждено расстаться и нам, да и то всего лишь “может быть”».

Знай, милая, что перед теми, кто уже прошел врата смерти, мы имеем намного большие обязательства, чем перед теми, кто все еще стоит рядом. И, думая о них темными ночами, ты должна не задаваться вопросом, почему так произошло, а думать о том, что чувствуют они сейчас, тайком наблюдая за тобою издалека, что они хотели бы сказать тебе или что они говорят, да ты не слышишь...

Очень важно понимать, что они рядом, словно воздух, которым ты дышишь, — ведь его ты тоже видеть не можешь. И что врата Смерти *темны* только тогда, когда человек пожелает увидеть их такими.

Для многих Героев Смерть — это всего лишь смена состояния, в котором они совершают свои подвиги. Ведь за Вратами не только Отдых, но и Свершения. Забери у Подвижника шанс Трудиться — и он станет самым несчастным человеком во Вселенной.

Как знать, может, родные тебе люди получили шанс быть счастливыми. Вот о чем ты должна думать, моя милая и нежная девочка, вспоминая *ушедших*. Лишь об этом».

И снова они молчали и слушали уже не мысли друг друга, а то, что было там, далеко за мыслями, там, где мысли спят до момента, который облекает их в слова.

— А я, — несмело улыбнулась Раони, — до сих пор не знаю, ждет ли меня что-нибудь вообще.

Знаете, наверное, что всем жрицам при рождении эльфийские ювелиры гравировывают семь серебряных браслетов. Первородное серебро родители покупают у гномов, сами отливают браслеты и передают потом на обработку эльфам, чтобы принести затем Верховной Жрице. Та читает гравировку и провозглашает, что судьба младенца определена.

Иногда говорится о Предназначении, как это было у солнце-подобной Райси, но это бывает так редко, что во многих манускриптах называется «теоретически возможным».

Мои же браслеты до сих пор чисты. Ювелир не взял денег с родителей, сказав, что первый раз в жизни не смог придумать рисунка.

Раэлиэ, наша Верховная Жрица, изумленно покачала головой тогда и сказала, что в моем случае, по-видимому, речь идет о чем-то, что отличается от судьбы, не являясь в то же время Предназначением. Но ни один мудрец ни разу не упоминал о созданиях, рожденных в этот мир без Судьбы.

Раэлиэ одно время даже хотела отослать меня из мира прочь, якобы для учебы в Школах Магии иных миров, но мои родители сумели убедить ее, что и для меня, и для всех окружающих будет лучше, если меня оставят в этом мире и будут общаться со мной, как с обычным человеком.

С тех пор моя жизнь почти не отличалась от жизни моих сверстниц, хотя любая опасность обходила меня стороной, как, в общем-то, и любая радость. Во время тренировок, где каждая жрица ломает себе кости (благо магия срачивает быстро), я не получала даже сильных ушибов. И в то же время все хорошее, что есть в жизни моих подруг, так же мне неизвестно. Получается словно урезанная модель жизни человека, где отсекли все хорошее и плохое, оставив только то, что посередине.

Аэоми внимательно слушала ее, а потом едва заметно улыбнулась: «То, о чем ты говоришь, Раони, очень похоже на жертвенное воплощение, когда Дух приходит на Пиллею с определенной миссией, а его Соратники, оставшиеся в Тонком Мире, следят, чтобы ничто ему не помешало и не отвлекало... Телесная пелена — это страшная вещь. Во многих Книгах она называется телесным беспамятством».

Раони едва заметно улыбнулась:

— Знаешь, у нас на Пиллее только один Дракон и только одна жрица, пришедшая с Миссией, — Туэол и Райси.

Эльфийка задумчиво покачала головой, а потом вздохнула: «Наверное, ты права, смиренная в поисках мудрости Раони. И лишь Время укажет на возможные ошибки».

Они долго еще молчали — двое и одна, которые все более становились тремя, — и небо над ними так медленно светлело, словно не решалось отпустить красоту прошедшей ночи ради прихода красоты новой.

Туэол

Своды пещеры напоминали стрельчатые арки гигантского храма. Было тихо, лишь иногда капала со сводов вода, и звук ее падения разносился вокруг призрачным эхом.

Трое стояли в громадных покоях, не в силах перевести сбившееся дыхание. Присутствие чего-то неземного, чего-то, недоступного пониманию, чувствовалось здесь всей кожей.

Они стояли у подножия гигантских сталагмитов, в которых запечатлелись века, срываясь со сводов пещеры хрустальными каплями.

— Странно, — заговорила Раони шепотом. — Никогда не слышала, чтобы Дракон не встретил своих гостей.

«Если это странно для тебя, представь, что чувствую я, — даже построение мысли Аэоми было рассеянным. — Всю свою жизнь я провела в местах, где визиты Драконов не редкость. Две вещи соблюдаются Драконами неукоснительно: неприятие лжи и неприкосновенность своего жилища. Если Дракон не является перед пришедшими, ни о чем хорошем это не говорит».

«Он вообще жив?» — вдруг повернулась она к молодой жрице.

Та испуганно посмотрела эльфийке в глаза: мысль о том, что сиятельный Туэол может умереть, еще никогда не приходила ей в голову.

— Я... не знаю, — тихо пробормотала она. — Может, мне сходить за Раэлиэ?..

Эльфийка подумала чуть, а потом отрицательно покачала головой.

— Tueol!!! — громко позвала она, запрокинув голову к сводам пещеры. — Tueol, the Burning Gold, You have some guests. D'You hear me?..⁴⁸

Долго еще отголоски ее слов метались под стрельчатыми арками, но лишь молчание было ей ответом. Молчание да едва

⁴⁸ Туэол!!! Туэол, Плающее Злато, к тебе пришли гости. Ты меня слышишь?..

слышимые голоса капель, которые вторили вопросам намного более древним.

— Tueol!!! — снова прокричала она. — Wherever You are, hear my call!!!⁴⁹

Молчание... Плеск воды... Голоса вечности...

— Tueol!.. — и еще раз, потеряв уже всякую надежду. — Tueol...⁵⁰

И в этот момент яркая вспышка света озарила своды древней пещеры. Свет разлился по ней густым потоком, затем собрался в нечто почти материальное и в конце концов принял очертания призрачной винтовой лестницы, уводящей взгляд вверх.

Некоторое время все молчали в нерешительности, а потом Джедди Златовласка подошла к лестнице, осторожно поставила ногу на первую ступеньку и так же осторожно сделала первый шаг. Эльфийка и жрица нерешительно направились следом за ней.

Ступени лестницы отчасти походили на перламутр, отчасти — на белый мрамор. Являясь полупрозрачными, они в то же время оставались материальными. И страх подъема вскоре уступил место восхищению высотой и мягким сиянием, мерцающим под ногами.

Долгий подъем привел путников в прекрасную пещеру, которая располагалась над первой, подобно маленькому пузырьку воздуха, всплывающему над своим старшим братом.

Пещера была немного похожа на ту, которую они оставили позади, но если в первой присутствие чего-то неземного ощущалось очень остро, то здесь это неземное буквально наваливалось со всех сторон, хотя ни одно из пяти чувств распознать его было не в силах. Это необъяснимое нечто парило во второй пещере, подобно вечернему туману в глухих лесах. И в сознание оно проникало именно так — как вечерний туман проникает в приоткрытую дверь.

— Вы искали меня? — раздалось справа от них.

Они могли поклясться, что когда зашли в пещеру, в ней не было ни шахматного столика, ни стула с изящной резной спинкой, ни высокого молодого человека, за этим столиком сидящего.

Спокойно и уверенно смотрел он на них, ожидание ответа было в его взгляде.

— Tueol⁵¹, — тихо сказала Аэоми.

⁴⁹ Туэол!!! Где бы ты ни был — услышь мой призыв!!!

⁵⁰ Туэол!.. Туэол...

⁵¹ Туэол.

— Аеоміе⁵², — так же тихо ответил ей Дракон.

— Туэол? — удивилась Златовласка. — Разве Драконы могут принимать человеческий облик?..

«Могут, — кивнула ей эльфийка. — Драконы могут...»

— Да, — мягко перебил ее Туэол. — Драконы могут принимать практически любой облик. Если захотят того.

«Почему ты не встретил нас? — все еще настороженно спросила Аэоми. — Ведь раньше ты встречал любого, кто входил в твою обитель».

Дракон молчал, глядя куда-то сквозь них, а потом усмехнулся:

— Традиции становятся предрассудками, когда ни к чему привести уже не могут. Я уже нашел то, что искал.

«О чем ты говоришь?» — не поняла эльфийка.

Дракон смотрел на нее, эльфийка смотрела на Дракона, глаза обоих были холодны. Златовласка перевела взгляд с одного на другого и опустила его к земле: она поняла, о чем говорил Дракон и о чем думала эльфийка.

— Присаживайтесь, — повел рукой в их сторону Дракон.

За ними бесшумно возникли мягкие кресла бордового бархата, и гости опустились в них.

— Я догадываюсь, для чего вы пришли ко мне, — обратился он к Златовласке. — Мне не надо даже смотреть в глубину твоих глаз, чтобы понять, что ты одна из Избранных, что, как и Райси, ты владеешь древним эльфийским клинком и меч твой не менее чист и силен, чем тот, который я дал четырнадцатилетней девочке на пороге своего жилища.

— Я понимаю, что ты, — посмотрел он на эльфийку, — *та самая* прекрасная Аэоми, мудрая и отважная царица эльфов. Я знаю, что некий Дракон по имени Тарин нередко посещал Хауэну — вашу эльфийскую столицу, которая словно соткана Зодчим из воздуха и невесомых солнечных лучей. Знаю, что в Хауэне он познакомился с тобой, Аэоми, и что мудрость твоя привлекала его в Хауэну снова и снова. Тарин даже хотел стать твоим Учителем, но, прекрасно понимая несвоевременность такого ответственного шага, решил обождать до конца Похода. Я понимаю, зачем ты пришла ко мне и почему с таким нетерпением ожидаешь Сражения: ведь оно вернет тебе Тарина...

— И тебя я тоже понимаю, — перевел он взгляд на Раони, — одна из жриц великого солнцеподобного Ра. Понимаю, чего ради решилась ты идти в пещеру, вход в которую так часто опла-

⁵² Аэоми.

чивается смертью. Ведь именно сегодня утром одна маленькая девочка, играя, нашла в твоём ларце семь серебряных браслетов и удивилась, увидев, что на них нет гравировки. А потом малышка взяла со стола иглу для вышивания и смело провела первую линию. И когда ты пришла, все семь браслетов были покрыты ее незатейливыми рисунками. И теперь я отвечу тебе: «Да, твоя судьба действительно нашла тебя». Я не знаю, Раони, радоваться тебе или горевать, ибо не знаешь ты, что значат эти простые и непонятные рисунки твоей племянницы.

Дракон немного помолчал, а потом сказал задумчиво:

— Вы все творите свое будущее, и каждый следующий шаг зависит только от шага предыдущего. Кто сделает его вместо вас — ваша гордыня, ваша добродетель или же ваша озлобленность, — мне знать не дано.

— А может, его сделаете именно вы?.. — усмехнулся он.

— А может, Господь? — раздался громкий голос, и, резко обернувшись, они увидели незнакомца в черном, который стоял у самой стены пещеры, казалось, только что из нее появившись.

Гости перевели удивленные взгляды на Туэола. Глаза того были холодны, как лед, веки сузились, превращая глаза в две серебряные щелочки, — казалось, зима смотрела оттуда. Конечно же, зима, но не такая лютая, которая волнами холода расходилась от пришедшего.

— Танэол, — произнес хозяин пещеры едва различимо, на грани человеческого слуха.

Вошедший кивнул отрывисто и чуть насмешливо и сказал так же тихо:

— Да, это я... Тот, кого называют Погасшим Златом. Здравствуй, Хранитель Пиллеи!

— Что надо тебе *здесь*? — резко спросил его Дракон.

Вошедший едва заметно щелкнул пальцами — и за ним возникло высокое, почти тронное кресло: слоновая кость, обитая черной кожей буйвола. Присев, он внимательно посмотрел на Туэола:

— Я знал, что не стоило приходить сюда, потому что ты не оценишь то, что я собираюсь для тебя сделать. Знал, но все равно пришел.

Некоторое время он молчал, исподлобья глядя на Туэола, а потом усмехнулся:

— Что, как всегда слеп?

Туэол даже не подал вида, что удивлен:

— Я не понимаю, о чем ты.

— О Райси, конечно же... О твоей сопряженной.

Туэол долго буравил его взглядом, а потом произнес, медленно растягивая слова:

— Я понимаю, что ты знаешь обо мне многое, а я совсем не знаю, каким ты стал...

— Ты имеешь в виду, — перебил его гость, — каким *меня* сделали?

— Никто не становится Темным насильно...

— Никто не становится Темным добровольно... Разве ты не слышал об *изгнании*, преследующем непокорных?

— Ты совершил свой выбор, Танэол, и этот выбор лишь твой. Не знаю, что выбрал бы я... Всегда остается шанс вернуться. Даже раны Черных Дыр заживают.

Танэол хрипло рассмеялся, затем громче и еще громче, а потом резко взмахнул рукой — казалось, не рука совершила это движение, но черное нетопыриное крыло. В комнате на мгновение сгустилась тьма, и оскалы, еще более темные, чем тьма, выглянули оттуда.

— Да что ты знаешь о Хаосе, братец, и о том, чему равен день, проведенный в сдерживании его натиска собственным телом?! Как бы я хотел впустить его в этот мир, как бы я хотел, чтобы вся Пиллея была залита им! Я проклиная мудрость Совета, которая не оставила мне даже шанса умереть. Тебе бы не помешало на недельку навестить своего братца, чтобы посмотреть, что такое *живая стена*, Галактический Разум, который запихнули в одну-единственную *погасшую звезду*.

Танэол в гневе смотрел на хозяина пещеры, а тот смотрел на него... Они казались такими похожими, будто одно сознание жило в них и одни мысли обитали в их головах... Но потом иллюзия разрушалась. Братья были не более схожи, чем схожи между собою Свет и Тьма; и в то время как один из них искал в людях зло, чтобы обрести власть над ними, второй искал все, кроме зла, чтобы дать людям освобождение. И тогда можно было легко различить их — Золото горящее и Золото, давно погасшее.

Первым отвел глаза Танэол.

— Ты прав, — сказал он спокойно, — я сделал свой выбор, о котором никогда не пожалею. Я не знаю, кем бы я стал, если б остался в мире Драконов... но этим кем-то — он усмехнулся, — *теперь* становится мне бы не хотелось.

Туэол молча смотрел на него.

— Каждый из нас занял место, избранное его сознанием, — сказал он наконец и добавил. — Ты говорил что-то о Райси...

Танэол прищурился:

— Надо же, ты не пропустил мои слова мимо ушей.

— Что-то меняется в тебе, знаешь ли, — добавил он с сарказмом.

Затем вздохнул:

— Да, говорил я о той, которая связана с одним из нас невидимыми путами нашего общего предназначения. Я говорил о той, кого ты ценишь много больше любого другого создания в твоей Вселенной, но кому еще ни разу не помог в минуты скорби и печали. Я говорю о той, кому суждено принести в этот мир все то, мой друг... мой *враг*, что будет вложено в ее руки одним из нас. Я говорю о той, которую пока называют простым именем Райси, не прибавляя к нему никаких пышных титулов. Я говорю о твоей дочери по Духу, Туэол, о моей духовной племяннице, предназначенной тому из нас, кто этого будет достоин.

— Ты все еще веришь, что сможешь отобрать у меня Райси? — подался вперед Туэол.

— Нет, — усмехнулся Танэол. — Нет, что ты. Я верю в то, что Райси *сама* сможет оставить тебя, оценив глупость твоих бесцельных идей. Я верю, что она вспомнит, для чего родилась в этот мир, верю, что она оценит мощь и красоту настоящей реальности, поймет, к чему на самом деле стремится ее сердце. Я верю, что она выбросит роль, написанную для нее тобой, и станет по правую руку от *тех*, кто знает не книжные истины, но истины, выстраданные в сердце...

Танэол усмехнулся и поправился:

— В остатках почти выгоревшего сердца. Верю, что она в конце концов поймет безумность вашего плана, потому что отвратительная постройка не станет вдруг прекрасной и логичной, если прилепить на нее что-то новое. Старое надо сносить!!!

Вся пещера содрогнулась, когда его кулак врезался в подлокотник кресла.

— И строить новое надо лишь на фундаменте вырванных с кровью пережитков!

Дракон с ненавистью смотрел на брата и цедил одно слово за другим:

— Я верю, что мы с Райси рука об руку войдем в новый мир, который сами создадим на бранном поле неведомого измерения, там, где только предстоит встретиться двум Великим Армиям. Ты знаешь, что миру предстоит измениться, но всячески противишься этому, наивно убеждая себя, что раз Первый Поход был просто походом, то и Второй будет таким же. Глупо верить

в величие мелких целей, когда совсем рядом находятся ценности, по-настоящему великие...

— Убийства? — прервал его Туэол. — Насилие? Разрушение? Скажи мне, *брат*, что же называешь ты такими звонкими словами?

— Право сильного избирать свою судьбу!!! Право не брести по дороге, якобы проложенной для тебя Великими мира сего. Право брать свое, зная, что это не какая-нибудь подачка, а завоевание твоей Воли. Право жить, а не играть роли, написанные бесталанным драматургом.

Долго Туэол смотрел на своего брата, смотрел и молчал. А потом усмехнулся:

— Так вот что зовешь ты Великим... Странно, *брат*, что я не понял этого раньше, что видел совсем другое, когда представлял себе, что постигает Дракон, запертый в темных глубинах Черной Дыры... Странно, что сила, которую ты постиг, лежит *настолько* близко к поверхности.

И тут нечто ужасное заполнило комнату. Волна тьмы хлынула от вскочившего Танэола, и все, кого она коснулась, замерли в немом ужасе, не в силах ни говорить, ни даже дышать.

— Ну что же ты, *брат*? — проговорил Танэол с наугой. — Ну где же твоя сила, где же твоя вера? Почему то, над чем ты насмеяешься, сильнее тебя? Почему же, *брат*? Почему?..

Он вздохнул — и тьма, поколебавшись в комнате еще немного, исчезла.

— Но я пришел сюда не для этого. Выяснить, кто останется, мы будем на Поле, где сойдутся судьбы всего белого света.

— А сейчас... — он вздохнул и исподлобья посмотрел Туэолу в глаза. — Знаешь, ведь Райси в беде.

Побледневший Туэол спокойно смотрел на него.

— Так ты знаешь??? — округлил глаза Танэол. — Так ты знаешь, что твоя сопряженная в беде?..

Он шумно выдохнул.

— Ну ты, братец, и мразь... На что ж ты надеешься, на что ты все-таки надеешься?! Неужели ты думаешь, что твой Господь защитит ее? Неужели думаешь, что у нее, еще двух оборванцев да покалеченного единорога хватит сил противостоять когорте ффинов?.. Неужели надеешься, что ффины сами пойдут на перемирие? Да проснись ты... **брат**. Твоему Господу наплевать, сколько будет крови в заваренной Им каше и, уж тем более, чья эта кровь будет. Сил твоих подопечных после знакомства со Стражем Сектора хватит разве на одного ффинского пехотинца,

да и то самого хилого. А ффины никогда не захотят заключить с людьми что-либо, даже отдаленно напоминающее мир. Ты ведь еще не забыл, что такое настоящая ненависть?

Последовала пауза, и вдруг свет слепящими лучами ударил во все стороны от Туэола. Это был свет, яркий свет, но это не был свет милосердия и прощения. Это было сияние бескомпромиссности, сполох атаки и яростного боя за правое дело. Это были не благодать и прощение, а ярость и отрешенность, возмездие грешникам за их грехи, огненный меч Михаила.

— Помню, — тихо сказал Туэол, и свет так же тихо угас. — Я прекрасно помню все, что стремился забыть очень долгое время.

— Ты слаб, Туэол, — прохрипел Танэол.

Драконы в упор смотрели друг на друга.

— Ты прожил уже столько Эонов, но никак не поймешь простой истины... — Танэол медленно откинул голову на спинку кресла. — Слабость, брат, это не состояние души и не проклятие. Это часть жизни. Слабостью не больны лишь мертвые, не больны ею так же, как и силой. Ведь слабы все, кроме разве что самого Непознаваемого. Ты не можешь понять, что свою слабость в силу может перековать лишь тот, кто распознал, *что* именно является его слабым местом. Кто проследовал за слабостью и увидел, куда она может его привести. Кто предал, убил, уничтожил. Кто позволил предать, убить, уничтожить что-то, для себя очень ценное. Кто сделал то, что вызывает у него боль при воспоминании о прожитых днях. Кто увидел, *что* является результатом потакания вещам, действиям, мыслям, которые делают его уязвимым и слабым. Кто смог увидеть причины своих неудач не в окружающих обстоятельствах, но в том, что находится внутри него. Лишь такой подвижник сумеет сделать правильные выводы и сразиться с тем, чего боится больше всего на свете, чтобы потом, оглядываясь назад, не говорить себе, что все могло бы быть по-другому...

Танэол внимательно посмотрел на брата, а потом продолжил:

— Я слаб, Туэол. Я слаб, потому что знаю, *что* является моей слабостью, знаю это, но у меня нет сил сражаться. Я напоминаю себе человека, плывущего на лодке с пробитым днищем, который знает, что лодка не протянет долго, но не делает ничего, чтобы эту лодку починить. Я знаю, что навлекаю на свою голову великие возмездия, ибо незнающему и неделающему будет прощено, но знающий и неделающий прощения уже не получит. Я знаю,

что сполна заплачу за потакание своим слабостям... Но ты, брат, ты ведь не просто тонешь в дырявой лодке, ты еще и пассажиров набираешь, убеждая каждого, что сможешь доставить его по назначению. Ты говоришь себе, что на самом деле ты силен, как в прежние времена, и ничто не изменилось с приходом в этот мир твоей сопряженной. Твоей слабостью является то, что на самом деле должно быть твоею силой, Туэол, то, что наверняка *могло бы* стать твоей силой. Это любовь, Туэол. Чистая и прекрасная любовь твоей сопряженной к тебе.

Танэол усмехнулся:

— Но только посмотри на себя, брат, и скажи мне, кем является для тебя Райси на самом деле... Дорога ли она тебе?.. Для нее ли ты держал все это время место около себя?.. Кто она? Девочка, которая с чистой совестью умрет в недалеком будущем ради идей, вбитых тобой в ее наивную головку?.. Кто она для тебя?.. Молчишь... Правильно делаешь, что молчишь, потому что Райси для тебя — никто.

— Не смей говорить так! — закричал Туэол, но его брат все так же смотрел на него, и презрение было в его взгляде.

Вздохнув, Танэол сделал неопределенный жест рукой — и перед ними прямо в воздухе возник хрустальный шар матового цвета. Он пробормотал что-то — и внутренность шара озарилась искристым белым светом. Проворные искорки одна за другой утащили матовость в глубину, разделили ее на тени и образы.

Появилось смутное изображение площади неизвестного города, залитой лучами закатного солнца. Видимо, недавно прошел дождь, потому что то тут, то там на площади были видны лужи и лучи солнца отражались в них. Повсюду в беспорядке валялись кучи мусора...

Шар медленно поворачивался вокруг своей оси, показывая площадь. Но наконец он замер: на краю площади тугим строем стояли ффины, их щиты были плотно сомкнуты и вперед были выставлены острия тяжелых копий; ффины стояли не двигаясь, но в их глазах загнанным животным бился страх.

— Ответь мне, — заговорил Танэол, — ты ведь знаешь, на кого наставлены копыя?

Туэол молча кивнул.

— Твоя подопечная сумела-таки нагнать в Т'Хагарде страху на целый легион ффинов, и теперь даже тяжелые копеещники боятся соваться к ней. Однако посмотри!

Площадь немного отодвинулась в глубь шара и быстро понеслась под ними. И вот виден ее край, где шеренги чернокнижников

в один голос выкрикивают финальные фразы какого-то сложного заклинания.

Танэол перевел взгляд на брата и жестко усмехнулся:

— Да, ффины нарушили все правила. Да, они вызывают Демона. И скажи мне теперь, *милый брат*, где же твой Бог, где Он и где твоя *вера* в Него? Почему же ты все еще сидишь на месте, почему ты не спешишь на помощь той, кто в эту секунду жертвует ради тебя своей единственной жизнью? Почему?!!

Туэол смотрел в хрустальный шар, а по его щеке медленно бежала одинокая слеза.

— Ты подонок, Туэол, — спокойно сказал его темный брат, подымаясь с кресла.

Он взглянул на Туэола еще раз, щелкнул пальцами — и все, принесенное им в эту обитель, исчезло. Резкий взмах руки — и портал уже искажает пространство пещеры. В глубине портала виднелись плиты мостовой ффинской столицы.

На одну секунду Танэол обернулся и, глядя на них — на троих и одного, — сказал, прищурился:

— В Т'Хагарде почти месяц не было дождя.

Криво ухмыльнулся и быстро исчез в портале.

Джеджи нахмурилась, пытаясь понять услышанное, а потом вспышкой молнии в голове пронеслось видение разлитой по камням крови. А еще ей подумалось, что она никогда не слышала, чтоб Драконы плакали.

Прая

Атмосфера в Коллегии была близка к взрывоопасной. Творцы судеб человеческих в который уже раз собрались под одной крышей, чтобы в очередной раз поругаться на тему спасения мира.

После возвращения Суи, Ауэна и Райси, после того как из Драконьего портала появились Златовласка и Аэоми, а очередной поход принес очередные победы, стало ясно, что не за горами то самое время, ради которого собрались здесь представители таких различных рас, — время второй Великой Сечи; время вихря смертей и ужаса, но и время новых героев и новых легенд; эпохальное время переосмысления настоящего и создания будущего; время, в котором хотели бы жить все, кто когда-нибудь прочтет о нем... все, кроме тех, кто в нем уже жил.

Суи, вернувшийся из Наэна еще более жестким и решительным, призывал всех членов Коллегии к немедленному началу Похода, говоря, что недели, которые пройдут в ожидании Мечей из

Темных Миров, ффины могут использовать для создания армии, против которой даже могучее Древнее Оружие будет бессильно. «Кроме того, — говорил он, — за это время ффины сами могут отыскать в Темных Мирах оставшиеся Мечи».

Ауэн обвинял его в горячности и пояснял, что Мечи — это не просто оружие, которое достаточно взять в руки, чтобы овладеть им, что во всем есть предопределенность и необходимо подождать еще, так как никто не знает, сколько времени надо Господу для осуществления замыслов Своих. «Иначе, для чего вообще было затевать все?» — спрашивал он и в который уже раз усаживался на свой стул.

Крайс и Тристан кричали, что не сталь важна, а рука, которая эту сталь держит, поэтому Мечи сами по себе никак не могут быть Избранным оружием, а Избранными являются те, кто принимает это оружие во владение. А раз таковых давно уже не прибывает, то пора сниматься с места и наступать, пока ффины не очухались. «А к тому же, — перебивали они друг друга, замечая Суины взгляды, — как это Избранный может быть Избранным вне места, где проявляется его Избранность? Если есть еще четыре нечеловеческих по силе и реакции создания, предназначение которых — крушить ффинов, то никуда они не денутся и как-нибудь судьба сведет их с воинством, идущим к победе». «Поэтому, — настаивали они, — необходимо завтра же начинать наступление, завтра, завтра и только завтра, потому что послезавтра будет поздно!»

«Горячность, горячность и ничего, кроме горячности! — снова вскакивал с кресла Ауэн. — Ведь это же *неразумно* — разбазаривать дары самого Господа, которые Он так милостиво готов дать людям».

«Какие дары?! — кричал Гиннад. — У вас есть один-единственный дар — это орава рубак-гномов, и именно этот дар вы должны ценить».

«Не знаю, — поворачивался он к военачальникам, — что вам повбивали в головы эти шарлатаны в шутовских колпаках, да только нет у них никаких даров, кроме хокусов, чтоб детишек на ярмарках веселить. Хокусов да покусов!»

«Нет уж! — вновь кричал Ауэн. — Врожденная невосприимчивость твоего народа к магии не дает тебе права...»

«Что там бормочет этот старый звездочет на своем звезданутом языке?» — бурчал Гиннад.

«Да что же это такое?...» — не унимался Ауэн.

«Стойте, стойте, стойте! — кричал Клэр. — Не путайте Божий Дар с яичницей! Нам действительно нельзя сниматься с места, но вовсе не потому...»

«Еще один звезданутый», — ухмылялся в бороду Гиннад.

«Не потому, — продолжал Клэр, — что мы ждем каких-то Знаков, но потому, что Грифф полон мистическими Артефактами, которые мы можем пробудить к жизни. И когда по равнинам вновь поползут крепости, именуемые Тяжелым Оружием, уже никто не сможет противостоять нам, чьей бы поддержкой ни заручились ффины... Только тогда наступит час Великих Свершений. Вы это понимаете?..»

«Мы понимаем, что с чердаком у тебя, дружок, не все в порядке! — кричал Крайс, вскакивая с места и стуча себя по лбу. — С чего это ты решил, что сможешь призвать призраков прошлого в механизмы, мертвые уже не одно тысячелетие?.. С чего это ты решил, что духи крепостей захотят подчиниться тебе?»

«Да потому, — орал Клэр в ответ, — что это и не духи вовсе! Вы не понимаете, что эти крепости ничем не отличаются от ваших повозок — просто вместо лошадей туда впряжена ядерная сила!»

Крайс и Тристан переглянулись, а Гиннад с тупым выражением лица покрутил пальцем у своего виска.

«Ядерная сила», — повторил Клэр еще раз и устало опустил-ся на свой стул.

Гиннад еще раз повторил свой жест, а Крайс с Тристаном еще раз переглянулись.

Снова вскочил Суи и закричал, что они просто теряют время в попытках понять великое предназначение и что если хочется понять, что такое быть Избранным, надо просто стать им, а коль не получается, то надо хотя бы внимательно слушать тех, кому это дано от рождения. «Поэтому пора выступать».

«Тебя водой окатить пора», — смеясь, проговорил Крайс.

«Э!!! — вскочил с места Гиннад. — Это кто там такой грозный?! Кто это на тот свет захотел раньше отпущенного? А то ведь меня два раза просить не надо... Вот возьму щас топор и положу тут рядышком всех страждущих». «Так ведь, Суи?» — повернулся он к нему.

«Ого-о, еще как! — орал Суи. — Братья мы с тобой или нет?...»

«Братья, черт дери!» — рычал Гиннад и в который уже раз плевал в кулак, направляясь к двери за сложенным возле нее оружием.

«Опомнитесь!!! — в который раз во все горло орал Ауэн. — Опомнитесь, безумцы!!! Вы что, ффинам что ли служите? Никак решили не ждать Часа, а порубить тут друг друга в ошметки? Да вы что?! ДА ВЫ ЧТО?!!! ДА ВЫ ЧТО?!!!!!!!!!!!!!!!...»

Райси сидела в углу комнаты и время от времени переглядывалась с Раэлиэ, которая к тому времени уже вошла в состав Коллегии. Раэлиэ все происходящее веселило; периодически она едва сдерживала смех, но Райси понимала, что этот смех граничит со слезами. Саму ее сковывал сильный страх. Она поняла вдруг, что нет более Коллегии — сплоченной группы, единой в своей цели, где все готовы пожертвовать жизнью друг за друга. Она поняла, что также нет больше цели и нет больше родства, что остались лишь чужие люди с мелочными претензиями и что их Поход не станет Великим — он даже не станет просто Походом. Она поняла, что Поход умрет в самом начале и что лишь чудо не позволит ему стать одной из миллиарда безымянных попыток изменить мир к лучшему. «Когда хотите изменить мир к лучшему, забудьте про себя...» — вот что хотела сказать всем Райси. «Когда стремитесь помочь соратнику, делайте то, что лучше для него...» — вот что хотела она добавить. «И если сегодня вам по пути с другими, то не отступитесь от Пути завтра».

Коллегия... Кто теперь думал про *Общее?*.. У каждого возникли свои цели, и то, что раньше сплачивало, нынче разъединяло. Они были избраны Высшими Силами, но позабыли об этом, забыли о Зернах Света, которые были даны им, — и зерна Тьмы уже прорастали в их душах. Райси не могла понять, когда ушла Цель и откуда появились *интересы*, но, глядя на членов Коллегии теперь, она не могла увидеть будущего: зерна прекрасных Идеалов были затеряны в бесплодных пустынях прошлого.

И почему-то именно в этот момент она заметила в дверях Холла маленькую девчущку, отрешенно рассматривающую кричащих военнопольников. Ее ноги были сбиты дальней дорогой, глаза — серы от пережитого ужаса и отчаяния, руки потрескались от слепящего сияния солнц сотен миров, через которые лежал ее путь; но вместе с тем она походила на одиноко сияющий лучик света, который проник вдруг в темный подвал, освещая покрытые пылью предметы, — и предметы недоуменно переглядываются, только теперь осознав, какие же они старые.

У места, где стояли маленькие ножки девочки, сквозь кубики мозаики пробивались на свет маленькие травинки — странно, раньше Райси не замечала, чтобы в Холле росла трава. У потрепавшихся от чужих солнц рук девочки порхала пестрая бабочка,

то и дело задевая крылышками лучики света, льющиеся сквозь витраж на окне. А около глаз девочки, устало смотрящих на глухих взрослых, лучилась мерцающая паутинка мудрых морщинок.

Девочка почувствовала взгляд Райси и посмотрела ей в глаза совсем не детским взглядом. Райси осторожно опустилась на пол рядом со стулом и жестом поманила девочку к себе. Та медленно подошла, не отводя своих мягких, нежных, но в то же время таких проникновенных глаз. И Райси растерялась, глядя в глаза этому ребенку...

— Привет, — тихо, словно боясь спугнуть наваждение, заговорила Райси.

Помимо воли ее взгляд проникал все глубже и глубже в глаза девочки, не встречая никакого сопротивления, — как будто она была приглашена туда, в душу этого маленького и нежного цветочка.

— Привет, милая... Я — Райси, а тебя как зовут?..

— Прая, — так же тихо ответила ей маленькая девочка, которая совсем не боялась того, что эта взрослая женщина сможет увидеть в ней.

— У тебя очень красивое имя, — мягко улыбнулась жрица. — Ты знаешь, что оно обозначает на одном Древнем языке?

— Да... — ответила ей улыбкой девочка. — Мама говорила, что на староанглийском оно означает «молитва».

— Твоя мама знает староанглийский? — удивилась Райси.

— Знает... и я его знаю... И староанглийский, — старательно принялась перечислять девочка, — и старофранцузский, и старогерманский, и...

Она запнулась, виновато глядя на Райси:

— Мама говорила, что хвастаться — плохо.

От удивления Райси не знала, что сказать.

— Кто же твоя мама? — спросила она.

— Моя мама — миссионер.

Райси нахмурилась. Она знала, что миссионеры были святыми безумцами, блаженными этого мира. Следуя своей вере, шли они на окраины Параллелей с единственной целью — нести людям Слово Божье. Иногда миссионеры жили рядом с людьми многие годы; и лишь когда люди начинали понимать их, миссионеры уходили, чтобы указать Путь другим, блуждающим во тьме. Их не страшила смерть, на каждом шагу поджидающая неосторожных во Внешних мирах; их не страшила близость ффинов, опустошающих набегами пограничные миры; их не

страшило ничто, ибо они знали, что Слово Божье — за ними, а они — проводники *Его* к людям. Они знали, что несут великую ответственность за тех, кто живет, за тех, кто уже отжил свое, и тех, кому лишь предстоит родиться, ибо все нуждаются в поводе, способном указать путь сквозь мрак заблуждений к свету, который обязательно наступит после. Миссионеры не принадлежали себе, и их семьи — тоже. Сколько было их могил по Параллелям — безымянных участков земли, где трава росла чуть гуще, чем в стороне... Райси сочувствовала им, но не понимала их. Не осуждала, конечно же, но и не понимала.

— Твоя мама пришла сюда, чтобы увидеть Поход? — спросила Райси осторожно.

Девочка вздохнула и покачала головой.

— Моя мама уже на Небесах, — едва слышно произнесла она. — Ффины убили ее полгода назад.

— О Господи, — поперхнулась Райси и крепко обняла девочку, инстинктивно пытаясь заглушить боль и отчаяние, которые вызвали невольно нахлынувшие воспоминания. — Прости, малышка, я не знала...

— Ничего, — спокойно ответила Прая и через некоторое время мягко высвободилась из ее объятий. — На все Воля Божья. Плакать — значит не соглашаться с Ним.

Райси медленно отстранилась и внимательно посмотрела на девочку.

— Ты говоришь очень мудро, — сказала она немного удивленно.

— Я говорю лишь так, — улыбнулась ей Прая, — как Он научил меня.

— Ты говоришь о своем Боге? — спросила ее Райси.

— Нет Бога «моего», как нет Его «твоего» или их, — усмехнулась она в сторону спорящих. — Есть просто Бог. Тот Бог, служению которому мы посвящаем свои жизни, догадываемся мы об этом или нет. Тот Бог, который является всем, что есть в этом мире. Мы лишь по-разному называем Его.

Райси спросила удивленно:

— Что же ты делаешь в Гриффе, Прая?.. Что твоя чистота ищет здесь?

Прая улыбнулась снова и тихо ответила:

— Чист лишь Господь, тетя Райси. Все остальные грешны. Я пришла в Грифф не наставлять вас на путь истинный. Я пришла, потому что с рождения это было моей судьбой. Мои сны вели меня, и, мучаясь от жажды в пустынях, я видела не водопады

сверкающей воды, а видела Грифф... Я пришла сюда потому же, почему и ты, светоносная тетя Райси. Мы все просто родились для этого...

— Ты веришь в судьбу?

— Конечно, — удивилась девочка. — У каждого человека есть судьба, которую он сам себе создает. Она подобна турнирной лошади, которую человек разгоняет к победе или поражению Духа своего. А когда лошадь разгонится до большой скорости, то она уже *сама несет* человека и человек лишь направляет ее бег. Многие десятки жизней стремились мы в Грифф — сквозь ложь и суету, сквозь сомнения и насмешки... Мы шли, спотыкаясь и оскальзываясь, падая и поднимаясь снова... И все это время Грифф был для нас путеводной звездой... Неужели мы могли *не устремиться*, увидав ее свет вновь?

Райси немного помолчала, а потом улыбнулась:

— Но ведь только Суи спешил на этот свет, а я и Злата... мы оказались в Гриффе случайно...

— Настоятель нашей церкви говорил, что случайность есть *совершенная* закономерность и что магнетизм событий всегда отвечает магниту духа: дух притягивает только те события, которые нужны человеку.

— Нужны? — не поняла Райси.

— Нужны, для того чтобы осуществить миссию, с которой он пришел на Пиллею.

— Прая, ты думаешь, что каждый человек приходит с определенной миссией?..

Прая улыбнулась:

— Не я так думаю, тетя Райси, так устроен мир. Мы все учимся в одной и той же школе жизни, но у каждого свои домашние задания. У каждого человека имеется неповторимый опыт, накопленный за прошлые жизни, бесценный опыт, который и сложил человеческое сознание. Это ли не чудо, тетя Райси, — понимать, что каждое сознание есть величайшее Произведение искусства и что шанс улучшить свое Творение человек имеет всегда? Это и есть миссия каждого — прийти на Пиллею и сделать себя лучше. Просто одним людям для этого надо научиться быть прекрасными отцами, а другим — возглавить Армию в Сражении за будущее человечества.

Райси долго-долго смотрела в глаза девочки, и та не отводила взгляда. Казалось, какая-то сила замерла между ними, так, что почти проявилась в пространстве.

— Ты поведешь нас? — спросила наконец охрипшая Райси.

— Ну что ты, тетя Райси! — рассмеялась Прая. — У вас уже есть Предводитель, тот, кто, сам этого не зная, *уже* сплотил вас своей устремленностью. У вас *уже* есть тот, за кого вы с радостью умрете, когда придет время ваше, и кто с радостью умрет за вас, когда придет время его. У вас *уже* есть Суи, и ни я и никто другой не сможет занять его место: его крест по силам только ему.

— Для чего же ты пришла?..

— Чтобы рассказать вам про оставшиеся Мечи.

Райси изумилась еще больше, хотя минуту назад это казалось невозможным.

— Не спрашивай меня ни о чем, — предупредила ее вопросы Прая, мягко улыбнувшись. — Ты ведь уже догадываешься об ответах.

И вдруг Райси пристально взгляделась в девочку: малышка была словно не одна. Райси разглядела, что поле девочки переплеталось с другой аурой, — девочка была под защитой неизвестного мага, причем настолько сильного, что смотреть на нити его полей, вплетающиеся в серенькие, еще не оформившиеся структуры поля девочки, было больно для глаз.

Райси попыталась проследить поле мага, удивляясь, почему он прислал девочку как парламентаря, а не пришел сам. К ее удивлению маг даже и не думал таиться, как бы говоря: читайте обо мне, я открытая книга. И, слыша его Зов, Райси неуверенно перевернула первую страницу. А потом, мгновение спустя, она с расширенными глазами отшатнулась от девочки; но не страх был в ее взгляде, а благоговение.

Прая смотрела на нее и тепло улыбалась. Затем просто обвила ее шею своими маленькими ручонками и прошептала:

— Я люблю тебя, тетя Райси, я люблю тебя... и Он — тоже...

Райси крепко обняла девочку в ответ, потому что знала, о Ком та говорит, а потом встала во весь рост и, смахнув с глаз слезы, бросила в комнату заклинание. Шаровая молния сорвалась с кончиков пальцев и с грохотом разорвалась над головами спорщиков...

Райси удовлетворенно осмотрела онемевших военначальников, затем бережно подняла Праю и поставила ее прямо на стол Совета.

— Говори, милая, — отчетливо прозвучал ее тихий голос в непривычной для Зала Совета тишине.

Прая улыбнулась ей и начала:

— Здравствуйте, уважаемые члены Коллегии. Меня зовут Прая, и я пришла к вам, чтобы рассказать о том, из-за чего вы

не спите ночами уже вторую неделю. Я пришла рассказать вам про...

— Что это значит? — громогласно перебил ее пришедший в себя Крайс. — Что это за мелюзга, и по какому праву...

Райси сделала быстрый жест — и Крайс замолчал, поперхнувшись собственными словами; он лишь бессильно шевелил губами в тщетных попытках заговорить вновь.

— Утихомирься, великий полководец, — сказала Райси, не опуская руку и холодно на него глядя.

Каждое ее слово было подобно сосульке, заточенной жестким морозом...

— Утихомирься и слушай, что говорит тебе Дитя... Слушай и молчи, ибо если ты заговоришь еще раз, то к своему жесту я добавлю пару слов, и тогда на долгие недели ты разделишь с прочими немymi их скорбь. Дело, о котором тебе собираются повествовать, слишком важно, и не следует перебивать говорящего бессмысленными вопросами. Я надеюсь, Крайс, мы с тобой поняли друг друга?..

Райси подождала, пока тот кивнул ей, и плавно опустила руку. Крайс тяжело захрипел, пытаясь откашляться, а потом так же тяжело откинулся на спинку своего кресла, сжимая рукою горло.

— Говори, милая, — шепнула Райси малышке, и мартовское солнце заиграло вдруг в сосульках, и сосульки заплакали в его лучах от радости.

Прая благодарно улыбнулась ей в ответ и перевела дыхание, стараясь справиться с волнением.

Райси уловила полный изумления взгляд Раэлиэ и глазами указала ей на Праю. Раэлиэ пристально осмотрела малышку — в ее взгляде Райси без труда уловила Силу Оpoznания... и тотчас мощная аура ее наставницы вспыхнула, подобно алмазу под ярким лучом солнца. Раэлиэ смиренно преклонила голову — и улыбка Праи, чистая и радостная, была ей наградой.

Райси перевела взгляд на Ауэна и улыбнулась сама: архимагистру людской Академии не нужны были ни заклинания, ни *особые* взгляды. Старый маг безропотно склонил голову перед маленькой девочкой и шептал что-то, украдкой утирая слезы. Заинтересованная Райси заглянула в его мысли и услышала слова чистой благодарности, которые голубыми вылетали из его магической души. Райси улыбнулась еще раз и попыталась незаметно обратиться из его мыслей. Тактичный Ауэн сделал вид, что ничего не заметил.

— Итак, — несмело заговорила Прая, пальчиками теребя прядь сияющих волос. — Я знаю, что вас интересует больше всего, я помню, я не раз видела это в своих снах. Вам интересно, почему не приходят остальные четыре Меча. Одни из вас говорят, что Мечи еще придут. Но нет, уважаемый дедушка Ауэн, Мечей больше не будет. Другие считают, что Мечи утеряны... Нет, дядя Крайс, Мечи не утеряны. Прав был дядя Суи. Мечи уже у ффинов.

Коллегия онемела, словно Райси осуществила свою угрозу по отношению не только к Крайсу.

— Вот так, — сказала девочка и шмыгнула носиком, — вот так...

Она вздохнула и направилась к краю стола:

— Можете ругаться дальше.

— Стой!

Райси не поверила своим ушам, ибо кричал не кто иной, как Крайс.

— Но *почему?*..

Прая замерла и нерешительно обернулась. Печально оглядела она тех, кто когда-то был Коллегией; тех, кто, объединяясь единым горем, вновь становился Коллегией; тех, чьей судьбой было именно это — быть Коллегией вовеки.

— Вы действительно хотите это знать? — спросила девочка тихо.

— Расскажи им, — тихо попросил Ауэн и, улыбнувшись, поправился. — Расскажи *нам*.

Маленькая девочка задумалась — как рассказать о том, что произошло на Небесах почти тысячелетие назад? А потом начала говорить, справедливо решив, что раз Дух Святой сопровождал ее в долгом пути к Грифффу, то и теперь не оставит.

— И было все так. Подойдя к трону Господа нашего, Сатана сказал ему: «Не кажется ли Тебе, что стоит разгореться вражде между ффинами и людьми, как Твоя Сила вступает за последних? Ведь дав людям Мечи, Ты заранее предопределил судьбу любого противоборства с ффинами... Однако уже тысячелетие прошло с тех пор, как Семь Их стояло на одной стороне. И Трое Хранителей уже перешли к ффинам — человеческим одеждам они предпочли ффинские тела, — но Мечи Их все так же принадлежат людям. Однако Меч и Хранитель — Одно, зачем же Делить Их? Позволь осуществиться реченному, и пусть Мечи воссоединятся со своими Хранителями. Отдай *ффинам* Темные Клинки, и я клянусь, что если люди одержат победу, они получат Пиллею

навсегда». Ответ Господа был таков: «Да будет так. Пусть *отошедшие духи* заберут свои останки». И решил Он, что по три Меча будет у сражающихся, а последний будет вознесен на Небеса соратником Его Мудрости Гавриилом.

Ошеломленные вздохи были ответом. А потом разноголосые вздохи переросли в один-единый вздох, когда яркий свет водопадом пролился сверху и мягкий, но сотрясающий все в округе Голос заговорил с ними:

— И было все так. Даю вам дитя Мое возлюбленное в доказательство сего. В доказательство Моей любви к вам. В доказательство вашей любви ко Мне. В доказательство вашего общего Предназначения.

Свет пульсировал все сильнее, колонной вливаясь в помещение сквозь потолок. Прая улыбнулась, подставляя лицо его мерцающим струям, а потом плавным движением подняла руки над головой, протянув их к искрящимся лучам; и те прильнули к ладоням девочки, образовав некое подобие сияющего купола над ее головой, и купол накрыл Праю, подобно куполу церкви, только со Шпилем вместо Креста.

— Обнажитесь, Мечи, — одними губами произнесла Прая. — Идите каждый к своему хозяину.

И поплыли по воздуху Мечи из Оружейного угла, поплыли каждый по своему пути, поплыли туда, где ждала их общая судьба.

Райси с поклоном приняла из воздуха свой ятаган. На секунду она вздрогнула, потому что ей показалось, будто не только она тянет руку к оружию, но и Меч тянется к ней; будто для Меча сбывается что-то сокровенное, о чем он мечтал многие столетия, чем жил все это время, чего ждал, лежа среди сокровищ в пещере солнцеподобного Туэола.

Джедди легонько коснулась рукояти катана — и та сама легла ей в ладонь, плотно сомкнула ее пальцы вокруг себя, наполнила огнем ее глаза и наполнила их слезами, которые погасили этот огонь... *пригасили* его до времени.

Суи осторожно обнял рукоять своего двуручника, удивляясь, впрочем, отчего недоверие живет в его сердце, и радуясь тому, что недолго осталось жить этому чувству, ибо было ясно, что окончилось нестерпимое ожидание, а там, где нет ожидания, там нет места и недоверию, там есть место только действию.

— Возложите Оружие на Купол, — по губам девочки прочли Избранные. — Возложите и поймите, наконец, *кто вы...*

Первой Купола коснулась Райси. Это было похоже на удар электрического тока в лаборатории ее наставницы, только этот ток не сковывал тело судорогами боли, а наполнял его свободой определенности, пронсясь Решимостью по каждому ее нерву.

Вторым возложил на купол свой огромный двуручник Суи, и Меч рванулся в его руках, будто *уже* врезаясь в тела противников.

Третьей легла на полотно сияющих лучей сталь Оружия Златовласки.

И в тот самый момент в колонне Света мелькнули три молнии, которые обвили лезвия Мечей, переплелись между собой и острым шпилем вознеслись к потолку.

От удара, сотрясшего здание, казалось, никто не сможет устоять на ногах... но трое устояли, ставши *единым*. Трое крепко стояли на дрожащей земле, и Мечи их соприкасались, а сила, знания, мечты, все это улетало из их душ и, обогащенное, возвращалось назад.

В считанные мгновения Соприкосновения Суи, Райси и Злата узнали друг о друге в сотни, тысячи раз больше, чем могли бы узнать до конца своих жизней. Умения, навыки, опыт... Они больше не были кочевницей, магичкой и воином, они были уже Одним, зная все, что знал каждый из них, живя тем, что было Единым для всех.

И когда Мечи в их руках раскалились добела, а молнии обвили их руки, когда Свет рекой полился в их души, наполняя Собою каждый нерв и каждую артерию тел видимых и невидимых, все поняли, что одно из самых великих событий в их жизни только что произошло...

Погас Свет; исчезла слепящая колонна, являя миру обожженную Райсиной молнией штукатурку на потолке; тяжело опустились к полу великие Клинки. Трое молчали, глядя друг на друга, а остальные, кто совсем недавно сидел с ними за одним столом, стояли теперь в стороне и ошеломленно смотрели на них, будто увидели их впервые...

Стоял в стороне Гиннад и смотрел на *изменившегося* Суи, на того Суи, которого он уже никогда запросто не назовет братом, рядом с которым он теперь и пошутить не решится... Гиннад понял, что не ошибался, утверждая, что Избранный всегда будет только один, а другие... надо же кому-то нести оставшиеся Мечи.

Вмиг постаревшая Раэлиэ вспомнила, как нашла беззащитного ребенка на краю угрюмых Драконьих Лежбищ, как девочка

тихо лежала на каменной плите и смотрела на садящееся солнце — какие спокойные были у нее глаза! — и алый свет заката сиял в ее ресничках. Раэлиэ вспомнила и в который уж раз повторила себе, что *одно* время не сможет вместить в себя больше одного Избранного.

Молча смотрела на Златовласку из сумрака своего излюбленного угла Аэоми, смотрела на ту Единственную, которой предстояло так много свершить за такую короткую жизнь. Эльфийка долго не могла до конца поверить в Избранность Суи... но ее сомнения рассеялись, когда она впервые в жизни увидела настоящее чудо — две половины одного и того же, — увидела, как Злата посмотрела на катана, принесенный из Клэрова мира...

Погас свет, исчезла слепящая колонна, и трое, оставшиеся за ее пределами, поняли, что стали единым целым и что весь мир, который оказался *вне* их, не делится больше на близких и далеких...

— Хочу сказать, тетя Райси, — сказала Прая чуть позже, когда они уже были на улице и любовались алым светом пустынного заката, — что я пришла на Пиллею не одна. Ффины также получили помощника от сил Тьмы. Мы с моим названным братом не будем вмешиваться в ход войны, но ты должна понимать, как осторожно вам теперь нужно вести себя...

— По отношению к чему, милая? — спросила Райси.

Долго глядела куда-то вдаль маленькая девочка, а потом вздохнула:

— По отношению к себе, тетя Райси... Ведь себя можно узнать не только в свете, который льется сверху, но и в тени, которую этот свет обрисовывает на земле. Очень важно не ошибиться, потому что тяжело найти свет, но легко заблудиться во тьме. Допустивший слабость на одно мгновение иногда не сможет стать сильным и через тысячелетия.

Райси вздохнула и ласково обняла девочку. Та прильнула к ней и прошептала:

— Так тяжело быть сильной, правда?..

Райси кивнула головой и еще крепче обняла ее:

— Иногда тяжело просто быть.

Две фигуры стояли на фоне алого горизонта, уже скрывшего от глаз людских солнце, и никто не решался беспокоить их. А потом звезды проступили сквозь темнеющий небосвод, и одна из них прочертила в вышине свой огненный след.

— Это хороший знак? — устало спросила Райси.

— Это не знак, — так же устало ответила ей Прая. — Это метеор догорает в воздушной пелене Гриффа. Хорошим знаком может быть только вера в ваших сердцах... Все остальное — просто события, которые происходят в мире.

Райси взяла девочку за руку:

— Пошли спать, Прая... Завтрашний день будет тяжким.

— Как и все последующие, — сжала ей ладонь Прая. — Как и все дни, которые он приведет за собой.

Последний день Предтеч

Пустыня в лучах восходящего солнца напоминала творение великого Художника. Краски льнули одна к другой, словно живые, переходы цветов и оттенков напоминали стремительный полет мысли, когда не осознаешь, о чем именно думаешь, а просто отдаешься великолепию полета. Тени, полутени, подчеркивание образов — это было непревзойденным полотном Господней работы, непревзойденным и бесценным, как, впрочем, и каждый миг, Им созданный.

На краю пустыни стояли двое. За спиной одного виднелся огромный двуручник, второй был мал ростом, но крепок сложением; ветер то и дело трепал его бороду.

— Последний день здесь, — заговорил человек.

— Последний день, — повторил гном. — Боишься?..

Суи усмехнулся:

— Немного... Не каждый день пытаешься удержать на плечах целый мир.

Гиннад ткнул Суи локтем в бок:

— Сколько песен сложат об этом Походе... Нас прославят в тысячелетиях, Суи...

— Конечно, Гин... да только ты сам знаешь, что перед хвалебными песнями должны отзвучать песни отпевальные... Ты этого не боишься?

— Ха! — усмехнулся гном. — Я боюсь только одного — боюсь подвести тебя. А жизнь... Я с ней уже столько раз прощался, что она на это и внимание перестала обращать. В смерти ведь нет ничего постыдного, и иногда последний выдох становится более уместным, чем новый вдох. Это простой круговорот двух Законов, и бояться смерти так же глупо, как бояться жизни. Умрут все, но одни уйдут в страхе, а другие отправятся Наверх с достоинством. Смерть не властна над *воином*.

Гиннад усмехнулся и добавил:

— Если воин успевает пройти свой Путь, то смерть становится его менестрелем... А мы с тобой, думаю, многое успеем сделать. Или, по крайней мере, попытаемся.

Суи вздохнул и положил руку ему на плечо:

— Одной попытки на этот раз может не хватить, Гиннад. Иногда ее достаточно — когда события стоят на краю свершения, — но, к сожалению, теперь время совсем другое. Столько лет, столько *жизней* спешили мы в Грифф, а когда пришли, оказались совсем не готовы творить то, ради чего спешили. Чуть не подняли мечи друг на друга... до сих пор не по себе от этого. Как мы принесем мир Пиллее, если его нет даже в наших сердцах?

Суи сощурился от жаркого ветра и немного помолчал.

— Иногда мне кажется, — продолжил он, — что я снова сижу на Гриффовом плато, а рядом со мной стоят скауты магов, и я снова не могу ничего понять в своей судьбе. *Как могу я творить мир, лучший мир из когда-либо существовавших?*

— У тебя есть Меч, — усмехнулся гном. — Отсеки все, что мешает миру быть лучше.

— Но мир — это не только я и мой Меч, Гиннад. Мир — это *миллиарды* людей. Что отсесть от них?.. Как отсесть от них?.. Мир изменится только тогда, когда изменится каждый...

— Зачем тогда Поход?

— Может, для того чтобы *помочь* нам всем измениться, чтобы подсказать, как это *необходимо* — измениться...

— Неужели ты думаешь, что встреча с ффинами в Сражении поможет тебе измениться?

— Я думаю, что встреча с *самим собой* поможет мне измениться.

— Ах, сколько вопросов... — печально улыбнулся Суи. — Сколько вопросов именно теперь, когда Лета недосягаема и некому ответить. Как верно говорили Ангелы Ауэну — в зеркале мы увидим лишь самих себя...

— Суи, ты о чем? — нахмурился гном.

— Я о том, Гиннад, что все *истинные* враги всегда внутри, снаружи — лишь их блеклое отображение. Что будет, если мы вырежем *всех* ффинов на Пиллее? Наступит мир?

— Нет, — горько продолжил он, — мы продолжим воевать друг с другом. С соседним князем, с соседней деревней, да просто с соседом. Думаешь, повода не найдется? Война — она ведь внутри, а все внешнее — это результат *магнетизма*, то, что мы сами привлекаем к себе.

— Зачем тогда Поход? — снова спросил гном, а Суи надолго задумался.

— Не знаю, — сник он в конце концов.

— Так послушай меня, друг мой Суи, — гном скрестил руки на груди. — Сам знаешь, я не слишком понимаю в этих всех магнетизмах и прочих штучках... Зато я знаю, что мир лучше делают только простые люди. Да, ты прав — и что война внутри, и что мы, как воевали с ффинами, так и будем воевать после них, — да только скажи, друг, что делать нам *сейчас*? Допустим, ты изменил всех людей и они перестали воевать. Что будет? Да нас просто вырежут ффины! Когда зараза проникла в кровь и ты болен, все твоё тело восстает на защиту. Хороший ты человек или плохой, каждый твой орган, каждая твой кровинка борется за то, чтоб ты жил дальше. Как поймешь, какой ты на самом деле, если сляжешь вдруг от горячки? Как научишься быть лучше, если возьмешь — да и помрешь?

Гном хрипло рассмеялся:

— Когда человек при смерти, не говорят, что он был мерзавцем, но делают так, чтобы *он жил*. А при смерти сейчас вся Пиллея... Ты не можешь разобраться, кто в этом мире зараза — мы или ффины? Болезнь всегда приходит снаружи, Суи, так же пришли и ффины. Да, у нас много недостатков, но чтобы победить эти недостатки, нам сначала нужно суметь победить ффинов.

Суи кивнул другу и хлопнул его по огромному плечу:

— Конечно, ты прав, Гин!

— Поход... — сказал он, словно сам себе. — Он все расставит по местам. Для того он и нужен нам, чтобы все понять... И незаданные вопросы прозвучат на Поле боя.

— Ты задашь их ффинам? — полуспросил Гиннад.

— Нет, Гин, — Суи прикрыл глаза, — нет. Я задам их себе... Ффины просто услышат ответ.

Теперь молчал гном. А потом он усмехнулся:

— Тогда пошли собираться в Поход, повелитель мой Суи, ибо секира моя сегодня не точена и латы мои не чищены. Не годится искать мудрости в таком виде.

— Да, Гин, — улыбнулся Суи, — пойдём... Сейчас пойдём... Дай только немного ещё полюбоваться на этот рассвет... Все-таки это последний рассвет старого мира...

Симфония, исполняемая ветром на зубьях крепостной стены, была великим произведением гениального Композитора. Плавное течение анданте и следующий за ним стремительный

рывок к аллегро, переход к умиротворяющему адажио и вознесение к ритмичному и тут же сбивающемуся с ритма престо... Эта музыка была настолько прекрасна, что не было сомнений в том, что человек не может создать ничего подобного... по крайней мере, пока человеческие ограничения сковывают порывы его Духа.

На верхней площадке крепостной стены стояли две женщины, и ветер развевал черные локоны одной из них и седые пряди другой. Они молча слушали импровизации ветра, не решаясь прервать прекрасное звучание, и полы их одеяний резкими хлопками аплодировали его искусству...

Острый краешек солнца показался над горизонтом, и яркая черта, радостно отделяющая день от ночи, поползла по крепостной стене вниз.

— Вот он и настал, — заговорила наконец Райси, — последний день, который мы проживаем как предтечи Второго Великого Похода. Последний день, когда наши жизни все еще принадлежат нам; когда мы еще можем смотреться в зеркало и расчесывать волосы, жалея о том, что любимый гребень с ручкой в форме бабочки остался в далеком жрицком измерении; когда мы еще можем думать о том, какое иллюзорное украшение выколдовать себе к завтраку, чтобы произвести впечатление на наших военных аристократов за столом; когда мы — это еще мы...

— Ты, должно быть, боишься этого Похода, девочка?

Раэлиэ взяла Райси за руку.

— Боишься того, что тебе предстоит совершить?

— Все мы боимся этого, Наставница... А к тому же, — потушила взгляд Райси, — я часто вспоминаю Танэола, брата нашего солцеподобного Дракона. От чего он пытался меня предостеречь? Ведь Драконы не лгут, это невозможно для них: одна мысль об этом — несмыаемый позор до конца их долгих дней. Он звал меня с собой, но не моя сила нужна ему, Наставница, — да я и сама не знаю, существует ли она во мне, — ему нужно нечто другое, чем я владею, но ценности чего еще не понимаю... Я даже не догадываюсь, что это может быть. А предостережение...

Раэлиэ молчала, глядя на диск солнца, выходящий из-за горизонта.

— Предостережение... — повторила она тихо. — Да, Райси, Драконы не умеют лгать, а это значит, что Танэол действительно предостерегал тебя. Но подумай, девочка, от чего он мог искренне тебя предостерегать? Только от того, что *сам* считает ошибкой. Танэол — темный Дракон, Райси, и он искренне считает

ошибкой служение Свету. Не скорби о его словах, но радуйся: ничто так не подтверждает верность твоего пути, как темные предостережения.

— Что же до того, что ему было нужно... — добавила она, — так это твое Предназначение, дитя; сверкающий импульс твоего Стремления, который ты накапливала многие жертвенные воплощения; огромная сила, которую он хочет направить по своему руслу. Если ты усомнишься, это добавит Тьме еще один Меч и сделает победу людей еще более призрачной.

— Ты не веришь в победу людей? — спросила Райси.

— В победу над кем? — усмехнулась Раэлиэ.

Долго смотрела она на свою воспитанницу, а потом погладила ее по волосам:

— Чтобы найти своего самого страшного врага, не нужно идти далеко...

Ветер метнулся над крепостной стеной, словно испугавшись, и последние слова Раэлиэ улетели прочь. Райси хотела переспросить наставницу, но не смогла. Стояла и думала о незадаанных вопросах... Она понимала, что пройдет не так уж много времени, и вопросы все-таки будут заданы, а ответы будут услышаны всей Пиллеей...

Лучи рассветного солнца ласкали кожу, подобно струям магического водопада, о котором эльфийка, стоящая сейчас рядом с кочевницей, вспоминала так часто в последнее время...

Когда Наставница впервые привела ее к Водопаду Единорогов, она была очарована этим магическим местом. Ей нравилось его спокойствие и умиротворенность, нравилось, что неразрешимые проблемы обретали здесь иллюзорную призрачность, нравились легенды, корнями вросшие в летопись Пиллеи.

Когда она подросла и стала девушкой, не знавшей мужчины, единороги начали приходить к ней; и долгое время она хотела стать Вечной Хранительницей — женщиной, посвятившей свою жизнь познанию *Мудрости*.

Будучи призванной к трону, она не смогла забыть этих сказочных созданий, несмотря на то, что по крови она — Аэоми Сиятельная — являлась *королевой эльфов*. В то далекое время именно она повела своих братьев в Первый Великий Поход, и по воле Всевышнего именно за ней шли эльфы во Второй Поход теперь.

— Scared?⁵³ — тихо спросила она у Златовласки.

И добавила уже про себя, но так, чтобы та услышала:

---

⁵³ Боишься?

— Хотя, зачем я спрашиваю?.. Ведь боимся мы все.

Златовласка нервно кивнула:

— Боюсь, Аэоми... конечно же, боюсь. Мне кажется, что сейчас даже Суи и Райси нелегко... Что говорить обо мне!..

Эльфийка возразила:

— Почему ты отделяешь себя от них?.. Скажи мне, Джедди, чем они другие? Неужели у них кровь другого цвета? Или, может, страх они чувствуют по-другому? Или любовь? Не надо отделяться от них, Злата, — перед лицом Господа вы Едины... как и перед лицом испытаний.

Эльфийка чуть помолчала, глядя на алеющий горизонт, а потом продолжила:

— Не думай, что ты слабее и поэтому они лучше тебя знают, что делать. Не думай, что твоя молодость может подвести тебя сильнее, чем их — зрелость прожитых лет. Не молодость или зрелость играют с людьми жестокие шутки, но неизжитые слабости...

Мне было всего сорок, когда Старейшины забрали меня из Роци Водопадов, заявив, что пробил Час Испытаний. Это было словно гром среди ясного неба: ведь сорок для эльфа — это ранняя юность. Я была *так юна*, совсем как ты сейчас, Джедди, а выбор был очень нелегким. Моя сила еще не проснулась во мне тогда, зато проснулись любовь и чувство прекрасного.

Как хотелось мне остаться с единорогами, а о войне даже думать было противно. Совершая выбор, я словно разрывалась на две части — между чувством долга, с одной стороны, и стремлением служить красоте, с другой. Уходя из Роци, я рыдала, и сердце мое останавливалось от горя...

Мне все еще было сорок, когда один старый единорог встретил меня на пути к Хауэне. Он рассказал о жесткости и жестокости, о предательстве и потакании предательству, объяснил, чем ополумевший фанатик отличается от патриота. Он рассказал о любви и ненависти, о прощении и мести. Он долго говорил, а я долго слушала его — молоденькая эльфийка, которой лишь предстояло выстрадать в сердце своем каждое перечисленное понятие.

А еще единорог сказал, что Жертва — это когда отказываешься от того, что *хочешь*, чтобы сделать то, что *необходимо*. Он сказал, что Жертвой слагается история и многие, кто хотел бы стать поэтом, становились воинами. Они отказывались от бумаги и грез ради меча и страданий, но этим несли счастье другим...

На следующий день после этого разговора я повела Армию эльфов на помощь людям. Перед уходом я еще раз пришла к Водопаду Единорогов, и тот самый единорог ждал меня, чтобы попрощаться. Он не сказал мне ни слова. Он просто молчал, будто думая о ком-то, умершем вчера. И он был прав: Аэоми Сиятельная не вернулась из того Похода. Неизвестно, какое именно измерение стало ее могилой. Известно, что ее место на эльфийском троне заняла Аэоми Алая — та, которой я стала на полях брани, которой являюсь и сейчас...

Уже в Походе я поняла, почему единорог тем далеким утром молчал. Проливая на землю кровь тех, кто мне и врагом-то не был, я умирала сама, впервые осознавая, что не бывает легких Жертв. Один за другим гибли люди, с которыми еще вчера на привале мы делили похлебку; одна за другой разбивались о неприступные стены Гриффа волны атакующих; резало мир на части ослепительное сияние Божьего Пламени — а я все яснее понимала, что Свет Будущего куется лишь во мраке настоящего и что мучениками становятся не только умирающие, но очень часто и живущие...

Эльфы в легендах восславили Аэоми Алую, и новые поколения бардов любили петь баллады о тех временах. Грустная ирония — слушать лживые сказания о времени, в котором сама жила когда-то...

Долгое время меня терзала мысль о желанности смерти, но что-то помогало мне жить. И теперь я знаю, что это было твое будущее рождение. Я не стала спешить со смертью тогда, и, уж конечно, не время умирать теперь... уж точно, не теперь. Второй Поход должен закончить то, что было начато, все следствия должны притянуться к своим причинам, и зеркало должно родить отражение. Великий Урей вонзает зубы в свой хвост, и Спасители снова предстают перед Голгофой...

— Ты боишься смерти? — спросила Аэоми, немного помолчав.

Златовласка покачала головой:

— Теперь уже нет. От Райси мне пришло знание, что мы живем далеко не одну жизнь и что умереть — это все равно что заснуть ненадолго... Иногда я словно вижу видения будущего. Они мелькают, подобно вспышкам, и исчезают, но чувство родства с увиденным еще долго живет тут.

Злата коснулась солнечного сплетения и усмехнулась:

— Спокойных дней не бывает среди видений. Я всегда искала любви и спокойствия, но Судьба призвала меня к действию и сражениям.

— Ты веришь в Судьбу? — изогнула бровь эльфийка.

— Конечно. У каждого человека есть Судьба, которую он сам себе создает. Я избрала Судьбу освободительницы и не жалею об этом.

— Ты могла бы давно уйти отсюда, если бы избрала другой путь, — вздохнула Аэоми.

— Как и ты, — ответила Злата. — Наше сознание хочет дорасти до других уровней, но в то же время есть люди, которые ждут нашей помощи. Выбор тяжел, но неизбежен. Великий Урей всегда вонзает зубы в свой хвост, чтобы Спасители снова предстали перед Голгофой...

Долго еще подымалось солнце над одним из судьбоносных измерений Пиллеи, и так же долго стояли перед ним три пары живых существ, уже ощущая в себе силы окончательно распрощаться с прошлым. И не важно, что всего их было шесть — на краю пустыни, на крепостной стене и там, где лучи рассветного солнца ласкали кожу, подобно струям водопада. Маленькая девочка молилась в это время в Гриффовом Храме, восстановленном магами, и ее присутствие превращало шестерку совсем в другую цифру, дополняя и освящая ее. Девочка эта была Светом, Духом и Мольбой; она была Той, чью жизнь превратят в миф задолго до того, как легендой станет сам Второй Поход против ффинов.

Часть II. Наследники

*Ничто не говорит о жизни человека
так, как его смерть.*

Человеческая мудрость.

Предисловие

Небеса были холодны и безлунны, и полночь правила миром. Хрустальный купол мироздания пронзали жесткие иголочки звезд. Резкими взмахами чертили траектории летящие метеоры — словно магниты притягивали они к себе взгляды. И зачарованные влюбленные, глядя на них, шептали незамысловатые слова сокровенных желаний. Небо слышало их, но молчало, в своей безграничной любви позволяя людям самим позаботиться о достижении своих мечтаний.

Небеса были темны и молчаливы, и ночь укутывала миры. И путь к свету утра лежал через несвершенные еще подвиги и непознанные еще откровения, кажущуюся простоту которых еще надо было научиться ценить. Люди и ффины равнодушно проходили мимо таких откровений, не в силах увидеть драгоценную истину под налетом обыденной грязи. И сколько испытаний, сколько новых страданий необходимо было еще пережить, чтобы научиться видеть мир, а не видимость мира, искаженную злобой и ненавистью, жестокостью и немилосердием, желанием найти врага, а не друга.

По Великим равнинам Пиллеи шли сто тысяч воинов. Из мира в мир; из измерения в измерение; из жизни одних людей в жизнь людей других; из света пурпурных солнц в свет солнц бирюзовых; из миров без луны в миры с хороводами лун. И волны звенящей стали заливали равнины миров, когда по ним шагала

Армия, — так она была многочисленна. А крестьяне с надеждой смотрели вслед солдатам, шедшим защищать человечество.

Сто тысяч маршировали по мирам — люди, эльфы, гномы, лекари-друиды, — Вторая Великая Армия, собравшаяся во Второй Великий Поход против ффинов. Они маршировали сквозь неизвестность навстречу еще большей неизвестности, сквозь опасности навстречу еще большим опасностям, сквозь смерть навстречу еще большей смерти. Они маршировали, веря в святость и предрешенность своего Похода, призванные своим прошлым для служения общему будущему. Они шли вперед, чтобы познать то, что другие не познают и за сто тысячелетий.

И побитые латы солдат сияли, как новые, в свете славы, уже озарявшей их; и зазубренные мечи разбрасывали вокруг сотни бликов, кровожадно выглядывая из ножен; и глаза идущих были пьяны тем, что уже свершалось, и тем, что свершится в притаившемся недалёко будущем. И люди радостно маршировали навстречу уже занесенной косе смерти.

Влажные джунгли одних миров, иссушенные солнцем пустыни миров других, распаханное поле третьих... Армия переходила из мира в мир, из измерения в измерение. Угрюмость людей, изо дня в день набивавших на ногах новые мозоли, на самом деле была их решимостью, а жесткие морщины на лицах — свидетельством их мудрости. Ведь истинная мудрость живет не в заученных наизусть писаниях, но в бесстрашии на Пути, который указала Звезда на Небосклоне. И Армия шла к месту, давно уже отмеченному на Истинной Карте Параллелей.

Начало

На сборы Армии в Гриффе потребовался всего один день. Трое объявили о своем решении утром, а вечером тысячи людей уже были в пути — колонна за колонной, легион за легионом.

Бряцанье лат, гортанный гомон и тяжелая поступь, сотрясающая землю на многие километры в округе, наполнили вечерний воздух. Одна за другой когорты исчезали в открытом магам портале, который вел в соседнее с Гриффом измерение, лежащее на один мир ближе к мирам ффинов.

Маги — как человеческие, так и эльфийские, — сразу же предупредили военачальников, чтобы те не слишком рассчитывали на их магические способности, так как ни один магический портал не пропустит сто тысяч воинов дальше, чем на один мир. Есть, конечно, исключения — это границы миров, или надстационарные порталы. Туннели их путей пронизывают

десятки и сотни миров и доступны как для одного человека, так и для могущественной армии; гужевой транспорт также проходит сквозь них. Но при всей своей мощи они пропускают людей со снаряжением весом не более двухсот двадцати килограммов и не пропускают могущественное Тяжелое Оружие. Так что, если бы люди и оживили ползающие крепости, пользоваться ими можно было только в измерении Гриффа, при этом старательно объезжая границы миров, — если, конечно, экипаж не хотел внезапно оказаться в неизвестном мире и без механизма. Поэтому во Втором Походе люди могли рассчитывать только на себя. На себя, на три Меча, ведущих Армию, и немного — на когорту особистов Суи, готовых при необходимости поддержать их огнем лазеров и пороховых М-3000.

Перед началом похода из подземелий Гриффа выбежал довольный Клэр и потащил Суи во вторую Оружейную, найденную им на глубинных уровнях города, чтобы показать ему дивные кабинеты и просторные залы, находящиеся за Оружейной. Но Суи все это мало интересовало по сравнению со все новым и новым Оружием, которым он снаряжал пехотинцев. Ему были безразличны *компьютеры*, о которых взахлеб рассказывал Клэр; *синтезирующие камеры* и *гидропонные оранжереи* тоже мало интересовали Суи... Он был слишком практичен, чтобы задумываться о потенциальных возможностях будущего в сравнении с могучими реалиями настоящего.

Но пока Суи снаряжал пехотинцев Древним Оружием, Клэр преподнес ему еще один сюрприз. Он принес великолепнейшую кольчугу, сказав, что это то небольшое, что он сумел создать в *синтезирующей камере*, что эта кольчуга в сотни и сотни раз крепче гномьих, потому что гномы куят свои кольчуги из простой стали, а эта сталь легирована *бором*. Также он принес крепкие мечи, на которых никогда не появятся зазубрины и которые никогда не надо будет точить, потому что они созданы из *твердого сплава*. Клэр сказал, что если Суи со своими людьми подождет еще хоть неделю, то он активирует программу производства боеприпасов, а может, и самого Древнего Оружия.

«Неделя, Суи, всего неделя, — просил он, — и у тебя будет самая могущественная из когда-либо существовавших Армий...» «Не волнуйся, Книгарь, — утешал его Суи, — у меня и так самая могущественная Армия. И сотня лазеров не даст ей силы больше, чем отнимет неделя ожидания. Нам пора, Книгарь. Наша звезда в Небесах зовет нас в путь...» «Неделя», — просил Клэр. «Мы уходим сегодня», — отвечал ему Суи.

Они дошли почти до горизонта, когда могучий грохот наполнил Грифф и его окрестности — это Клэр попрощался с ними, сумев активировать Тяжелое Оружие под кодовым названием «Mamonth tank». Он вывел его из Ангара и отсалютовал уходящей Армии артиллерийским огнем.

Много ли сделал этот книжный червь для ста тысяч уходящих людей, большую часть которых увидеть ему было уже не суждено? Много ли дал он им?.. Не каждый, кто покидал Грифф, знал имя Клэра. Хотя долговязая фигура в затертой одежде и примелькалась в лагере, но большая часть воинов принимала его за бродягу... Что дал он им?.. Не одно сердце еще восславит руки неизвестного мастера, соткавшего крепчайшие из всех виденных кольчуг; не одна рука уверенно вознесет сияющий клинок над поверженным врагом; не один пехотинец ахнет, когда кираса выдержит удар финского копейщика... Кто узнает, что это — творения Клэра? Никто... Но так, наверное, и должно быть, и многие поколения потомков будут помнить в веках не имя его, но деяния.

Драконьи Копи

Солнце садилось, украшая скалы черным и красным. Нагретый воздух играл над камнями, спекшимися в дневных лучах, и его потоки кружили над землей, подобно магическим феям, залетевшим в этот мир восхитить людей мастерством своего полета. Облака в небе алым туманом разметались в вышине и застыли сотнями лебединых перьев. Гудел ветер в ветвях низкорослых кустарников, проносясь куда-то в спешке. Трещали угли костра, которые ветер подзадоривал резкими дуновениями. Сотни огней у подножия горы, уже погрузившейся во мрак ночи, напоминали светлячков в темном сумраке пещеры, которые ничего не освещают, но лишь напоминают о существовании света...

Трое людей на краю крутого каменистого обрыва задумчиво глядели на море огней, раскинувшееся далеко внизу. Один из них был низкоросл и кряжист, второй — высок и крепок, а третий... третий был маленькой девочкой, едва ли десяти лет от роду, закутанной от пронзительных порывов ветра в теплый плащ. Они то и дело поглядывали направо, где на фоне выступивших звезд чернел контур высокой горы, а в ней — сотканное из еще более густой тени отверстие входа в пещеру.

— Это они и есть? — тихо спросил высокий, в очередной раз посмотрев туда.

— Это они и есть... — так же тихо ответил ему кряжистый.

— Они, — прошептала маленькая девочка.

— Это они, — добавила она чуть погромче. — Вчера ночью я видела их во сне. Это они... Драконьи Копи...

Никто не решался сделать первый шаг к раскрытой пасти пещеры, которую гномы, а за ними и все остальные, живущие в мирах Пиллеи, называли Драконьими Копями. Откуда появилось это название, не знал уже никто, разве что у гномов могли быть легенды об этом; но гномы, если и знали их, то отмалчивались. На самом деле это была не одна, но целая система пещер, которая тянулась в глубь гор гномьего измерения на многие десятки километров и опускалась ниже уровня моря...

Земли гномов, по которым Вторая Великая Армия маршировала уже третий день, не отличались приветливостью. Вряд ли кто-нибудь, кроме гномов, был рад оказаться в этих прокопченных угольным дымом мирах с повышенной гравитацией. Идти по ним было невероятно тяжело — будто на плечах оказывался еще один собственный вес. Люди не выдерживали, и гномы помогали им: несли часть их поклажи или же поддерживали их самих.

Медленно и устало подбиралась Армия к «гномьим вратам» — ближайшей границе миров, пронзающей пространства между двести пятьдесят третьим миром и двумя пустынными мирами на пороге к эльфийским измерениям. Хотя прямой дороги от тех миров до эльфийских не было, маги обещали перенести Армию к эльфам с помощью магических порталов.

Во время прохождения Армии по гномьим мирам глава ГОА, названный брат Суи гном Гиннад постоянно топтался возле Праи. Они часто переговаривались и искоса поглядывали на Суи. Суи, отличавшийся прямым нравом, с трудом подождал несколько дней, а затем решительно направился к притихшим сразу Гиннаду и Прае.

— Как дела, Гин? — спросил он.

Гном пожал плечами:

— Да как обычно, Суи. Хорошо вернуться домой.

— Угу... — кивнул головой Суи. — А ты как, Прая?

Девочка тоже пожалала плечами и ответила:

— Божьей помощью, дядя Суи, Его Силой.

Суи некоторое время молчал, а потом выпалил:

— И о чем же вы тут шушукаетесь, на меня поглядывая?

Гиннад покраснел, а Прая отвела в сторону свой взгляд.

Некоторое время Суи ждал, а потом развел руками:

— Может, мне отойти, чтобы вы обговорили тут, что можно рассказывать, а что — нет?

Гиннад вздохнул:

— Да нет, Суи, не стоит... К тому же, мы все равно этим вечером хотели и тебя с собой взять.

— Взять с собой?.. — удивился Суи. — Куда?..

Опять повисло неловкое молчание, а потом Прая спросила:

— Что ты знаешь о Драконьих Копях?

Суи равнодушно пожал плечами:

— Кажется, это мифический Храм гномьего народа, искать который идут все желающие стать ремесленниками или воинами... что-то вроде людского Грааля. Так ведь, Гин?

Гном усмехнулся:

— Тому, что говорят, Суи, нужно верить лишь наполовину, потому что вторая половина всегда окажется ложью. Драконьи Копи...

— Ладно уж, — усмехнулся гном, — вечером ты все увидишь, Суи. Это пещеры, в которых давным-давно Драконы плавил своим дыханием металл для гномьих мечей. Это пещеры, из которых Драконы ушли, оставив там свое величайшее творение.

— Погоди, — подался вперед Суи, — так Копи... они что — реально существуют?

— Да, — улыбнулась Прая и взяла Суи за руку. — А еще, мы разбили свой лагерь напротив одного из Входов. И этой ночью, когда лагерь заснет, мы пойдем туда.

Девочка вздохнула:

— Там есть *нечто*, дядя Суи, что тебе обязательно нужно увидеть... то, что создали Драконы и куда нам обязательно нужно тебя провести.

— Погоди-погоди, — еще сильнее подался вперед Суи. — Прая, Гиннад, неужели вы говорите о... Хаммерсорде?

Гиннад и Прая опустили глаза. Долго-долго они молчали, а потом гном вздохнул и едва слышно произнес:

— Вечером, Суи. Ты все увидишь этим вечером.

— А остальные? — нахмурился Суи. — А Райси со Златой?..

Гиннад отвел взгляд:

— Далеко не всем дано увидеть то, что будет открыто этой ночью тебе. Не спрашивай меня — почему. Я видел Хаммерсورد, а ты нет. Когда ты увидишь его, то узнаешь ответ на свой вопрос. И на многие другие...

Когда Суи ушел, Гиннад устало посмотрел в глаза девочке:

— Ты думаешь, он поймет то, что увидит?

Прая смотрела на вершину ближайшей горы.

— Я думаю, он поймет, что увидеть *это* ему было необходимо...

Вышедшая из-за горизонта луна озарила три фигуры призрачным светом.

— Сколько еще ждать? — спросил Суи тихо.

— Ты поймешь, — ответил ему Гиннад.

И в этот момент ожидания, растянувшегося до полуночи, свет луны полился в мрак пещеры, а оттуда, ему навстречу, поднялось ответное сияние. Казалось, пещера вспыхнула своим собственным светом, радостно сверкающим от встречи с лунным собратом.

— Вот теперь — время, — шагнул к пещере Гиннад, на ходу поджигая просмоленный факел.

— Мы могли бы зайти и раньше, — говорил он идущим рядом Суи и Прае, — да только проход из этой пещеры в Драконьи Копи открывается лишь в свете луны. Пойди мы туда прежде времени, ничего бы не нашли, а может, и, наоборот, потеряли бы.

— Нетерпеливых всегда ждет только разочарование, — улыбнулась Прая. — Им вовек суждено проходить рядом с желанным и не замечать его: ведь спешка всегда уводит взгляд далеко вперед, не давая ему задержаться на том, что рядом.

Они осторожно зашли внутрь. Гиннад неторопливо водил из стороны в сторону горящим факелом, и неясные тени метались по каменным стенам со множеством боковых коридоров, которые на разной высоте прорезали пещеру.

Суи не представлял, как можно найти в этой путанице нужный ход. Свет факела ненадолго рассеивал призрачное лунное свечение пещеры, которое сразу же смыкалось за спинами пришельцев. Но, пройдя немного, путники увидели, что они почти у цели: в отличие от всех остальных, чернеющих в стенах неясными очертаниями, этот проход ярко светился. Именно из него проникал в пещеру мерцающий туман, который сначала всплывал к сводам пещеры, а потом медленно опускался вниз.

— Имеющий глаза да увидит, — сказал Гиннад едва слышно.

Прая удивленно посмотрела на него, а потом незаметно улыбнулась.

Осторожно, один за другим они протискивались в узкое отверстие переходного туннеля и один за другим замирали в изумлении. Нечто подобное видел только Суи во время своего визита в Лету, воспоминание о котором хранил глубоко в сердце.

Огромная пещера открылась перед ними. Прекрасный свет, озарявший все вокруг, парил в воздухе, словно полосы тумана. Пещера была больше похожа на чудесный сон, чем на реальность; она напоминала мечты, которые навсегда останутся недостижимыми, но оттого — еще более чистыми и манящими; она походила на картину, которую не понимает ни один из живущих, но которая дарит всем красоту и тепло. Два сталагмита невероятных размеров стояли по сторонам от входа; туманный свет крался по ним до самой вершины, спиралями обвивал гладкие поверхности и колыхался, словно живой. Все было так мирно, красиво и спокойно...

— Не обольщайся, Суи, — прервал его размышления Гиннад. — «Входи в Место Света с чистым сердцем и кристальными помыслами», написано в наших летописях, «ибо лжецы и лицемеры отыщут только вход».

— Это значит, брат мой Суи, — пояснил гном, — что с камнем за пазухой заходить туда не рекомендуется. И я хочу сказать, что сейчас у тебя есть последняя возможность вернуться назад, если ты засомневался вдруг в своих намерениях. Позже этой возможности уже не будет.

Суи вздохнул и попытался улыбнуться:

— Я знаю, что вы вытащите меня оттуда, если что.

— Нет, дядя Суи, — погладила его по руке Прая. — Ты идешь один. Мы с Гиннадом можем лишь ожидать тебя здесь, у врат Места. Только *ты* можешь идти к Хаммерсорду — великому клинку гномьих сказаний. Нам с Гином там не место, ибо лишь готовящиеся стать не ремесленниками, но *мастерами* шли к Хаммерсорду за благословением. Только для них был у этого меча ответ. Для остальных же... Ты, дядя Суи, и сам знаешь, как сильные мира сего карают людей за *праздное* любопытство.

— Иди, дядя Суи, — плавно повела она рукой в глубину пещеры, — *иди и возвращайся*. Просто помни о нас... и еще о ста тысячах, которые так верят в тебя.

Суи медленно повернулся и несмело сделал первый шаг.

— Суи! — позвал его гном. — Ты же знаешь, что не всему, что видишь, можно доверять?

Суи подумал немного и кивнул. Гном долго смотрел в его глаза, а потом улыбнулся ласково:

— Тогда иди. Иди и обязательно возвращайся...

Светящийся туман оказался намного гуще, чем показалось вначале. Делая первый шаг, Суи таил смутную надежду, что Гиннада и Праю будет видно из любого места и если он что-то на-

путает, то его спутники помогут ему хотя бы советом. Теперь же, сделав всего десяток шагов, он понял, что помощи от спутников не будет: туман скрыл их и заглушил все звуки.

Суи медленно шел вперед. Это Место Света почему-то угнетало его, словно он незваным вторгся в храм, религию которого был не в силах понять. Шаг за шагом уходил он в глубь пещеры, и ему казалось, что все более тяжелый вес ложится ему на плечи. Казалось, сотни глаз наблюдают за ним и сотни рук все ближе подбираются к нему, чтобы схватить, потянуть вниз и глубоко под каменным дном пещеры растерзать на сотни кусков.

Суи остановился и попытался успокоиться. Его дыхание сбилось в хрипенье порванных кузнечных мехов, руки его дрожали, мысли в голове путались — будто неведомый купол закрыл его от окружающего мира. Напрягая всю силу воли, Суи едва удерживался от паники. Но вес, опускавшийся на его плечи, становился все тяжелее и тяжелее...

Тошнота подступила вдруг к горлу, ноги перестали слушаться и подкосились — Суи бессильно рухнул на колени, а потом растянулся на холодных камнях. Гул в голове стал непереносимым, будто сотни тысяч пчел втиснулись в его череп. Сознание стремилось вырваться из тела, словно человек — из смертельно затягивающей трясины.

Постепенно из низкого гула в голове начали выбиваться отдельные звуки, льнущие один к другому, как сталь к магниту, и эта какофония звуков сложилась в едва различимые голоса. Таких голосов Суи еще не слышал — они были жестки, отточены и тяжелы, словно лезвие боевого топора, но вместе с тем изменчивы, словно вода, которую переливают из одного кувшина в другой.

«Что забыл ты здесь? — спрашивали они его. — Зачем стремишься задать вопрос, ответа на который тебе все равно не понять?... Зачем тревожишь *его* сон, зачем хочешь снова разбудить *его*?.. Уходи, человек, твое сердце достаточно чисто, для того чтобы Стражи выпустили тебя...»

С трудом Суи повернул голову, и сквозь свечение тумана вдруг проступили очертания не двух сталагмитов у Входа, но двух Стражников, высотой в трехэтажное гаксторнское здание. Глаза Стражей пылали белым лунным огнем, языки пламени крались по надбровьям и уносились вверх, срываясь в бесконечность. Латы их были тяжелы и могучи, а мечи в руках — остры и сияющи.

Будто почувствовав взгляд Суи, один из Стражей медленно повернул голову в его сторону. И Суи понял, что Страж одинаково бесстрастно выполнит любое действие — выпустит человека из Пещеры или же взмахом громадного меча рассечет его пополам, исполняя веление Древней Мудрости.

Суи отвел взгляд. У других выходов из Драконьих Копей также стояли Стражи — два Сталагмита на каждый туннель, два *Стража* на каждый *Вход*.

«Уходи! — вновь раздалось в голове сквозь гул и рев. — Уходи, пока ты — это еще ты! Не буди *его*! Не буди...»

— Хаммерсорд? — едва слышно прошептал Суи непослушными губами.

Во рту было солоно от крови.

«НЕТ!!! — завизжали голоса в его сознании. — Не произноси *его* имени!..»

— Почему... не произносить?..

«Он спит с давнего времени. С *того самого* времени. Не буди его, потому что тогда тебе придется предстать перед ним... А представ перед *ним*, ты будешь вынужден сражаться за свою жизнь с самим собой, познавая себя, познавая свою силу и слабость. И если познанное не уместится в тебе, *он* лишит тебя рассудка... он поступит с тобой так же, как поступил с каждым из нас». «А у тебя — Меч», — выбился из путаницы звуков один голос. И еще один закончил мысль: «Ты же не хочешь стать Избранным-Без-Рассудка, обреченным вечно расплачиваться за неосторожное любопытство?..»

— Я хочу... знать ответы, — все слабея, прошептал Суи.

«Но почему ты решил, что *он* поможет тебе?»

— Я знаю...

— **Что ты знаешь?** — загрохотало вдруг под сводами пещеры.

«Боже, будь милосерден», — как один проговорили голоса и исчезли.

— **Тихо, вы... Здесь человек что-то знает**, — слышался продолжительный зевок, и Голос продолжил. — **Ты хотел ответить на мой вопрос, человек.**

Суи с трудом приподнялся на одно колено, но вновь без сил повалился на камни.

— **Можешь не вставать**, — усмехнулся Голос, — **я слышу тебя из любого твоего положения.**

— Я сам... пришел за ответами, — тихо пробормотал Суи, чувствуя, как густая кровь вытекает из уголка рта.

— **Знаю**, — сказал Голос. — **Но ни одного ответа ты не получишь, пока я не услышу ответы на вопросы свои. Тебе кажется, что это нечестно... Но это честно, Суи. Так что же ты знаешь, человек Суи?**

— Я знаю...

«Нет!!!» — закричали вновь явившиеся голоса, но Суи не стал слушать их.

— Я знаю, что я человек Суи, воин Суи, Избранный Суи...

Он попытался сплунуть кровь и приподняться на одно колено.

— Я знаю, что пришел в эту землю, — дрожащей рукой он вновь уперся в камень, — по пути в земли ффинов, в которые мне, одному из Трех, дано принести Возмездие Человеческое.

Гортанно зарывчав, Суи встал на ноги... Мир поплыл вокруг него, словно втягиваемый водоворотом, но Суи все же устоял.

— Я знаю, что за мной — сотни тысяч погибших людей, чей прах никогда не узнает погребения, чьи души кричат об отмщении и чьи дети встанут на Поле вместе со мной!

— Я знаю, — кровь струйкой побежала по подбородку, и Суи непослушной рукой утер ее, — что за спиной моей — *Меч... мой Меч*, созданный Судьбою для меня одного, и что имя мое последнее, выточенное древней магией на его лезвии, а моя рука последняя из всех, направлявших его. Я знаю, что у Меча есть душа и что она едина с моей. Знаю, что однажды достигнутое не разрушается. Это то, что я знаю. А что знаешь ты, Хаммерсорд?!! Что знает Тот, кто по легендам мудр, как само время, а на самом деле похож на медведя в спячке; кто наслаждается мучениями своих гостей и даже не помнит о последних визитах, нанесенных ему одним из моих провожатых...

На некоторое время в пещере воцарилась тишина, а потом Голос усмехнулся:

— **Ты, должно быть, говоришь о Гиннаде... Гномы более долговечны, чем ты можешь представить себе, человек Суи, и не одна сотня лет прошла с тех пор, как твой названный брат приходил ко мне. Он приходил по древнему обычаю, посвящаясь в берсеркеры перед часом испытаний, два тысячелетия назад, когда собирался вести свой народ на помощь людям; в то время, когда Грифф еще не был руинами. Ты был груб со мной, человек, но поверь, здесь за это не убивают. Ты говоришь, что знаешь свое Предназначение... Так обернись же по сторонам, Суи, и скажи мне, что оно есть — твое *Предназначение*, скажи, что на самом деле видишь ты вокруг?..**

Сквозь туман, застилающий дно пещеры, медленно проступили неясные контуры. Они проявлялись все отчетливее до тех пор, пока Суи, не раз бывавший на Полях сражений, не узнал то, что видел перед собой. Это были трупы. Хаммерсорд показывал ему сотни, тысячи трупов, лежащих у его ног. Оторванная рука, все еще крепко сжимающая меч; две кости, словно лучинки, торчащие из почерневшей плоти; пробитые копьями доспехи; разрубленные пополам шлемы; отрубленные ноги. Сотни умерших лежали вповалку, цеплялись один за другого в последнем, сотрясающем душу желании забрать с собой еще одного, самого последнего из своих врагов. Они лежали — люди и ффины, разваленные могучими ударами двуручных мечей; пронзенные прямыми ударами мечей полуторных; со смятыми под ударами булавы шлемами; с топорами, застрявшими в кирасах, — и земля, была напоена кровью безымянных героев на века вперед.

— Я вижу Поле, — тихо сказал Суи.

Его голос дрожал, но ярость и решимость переполняли его.

— Я вижу сотни, тысячи моих братьев, лежащих рука об руку, и сотни, тысячи врагов, которых они повергли в безывестность, восславив имена своих легионов вовеки. Я вижу застывшую в вечности силу духа человеческого, силу духа тех, кто сумел расстаться с жизнью, чтобы сохранить тысячи других жизней. Ради света лучины, горящей зимним вечером в одиноком окне; ради метелей, тепло укутывающих поля, на которых зреют озимые; ради солнечных рассветов, которые нежно будят влюбленных, уснувших в стогу свежескошенного сена. Я вижу воинов, которые принесли на ффинские земли крики душ сотен тысяч погибших людей. Я вижу воинов, которые помнили, как хрипит на руках умирающий брат, как сползает по дверному косяку мать, потерявшая сына. Я вижу людей, которые не забыли, *чьи* руки вышивали им... платок для меча. Я вижу, Хаммерсорд, поверь мне, я вижу *все*.

Молчание было ответом. Потом Хаммерсорд вновь заговорил:

— Ты ведь пойдешь на это, Суи... Пойдешь даже дальше.

— Я пойду до самого конца. Так далеко, как только необходимо будет пойти. Когда болезнь проникает в тело человека, ни одна его клеточка не думает о собственном спасении, потому что отдельно от Целого она не существует. Чтобы жили люди, должно выжить человечество. Чего же мне бояться, если смерть — это всего лишь сон перед другой жизнью?..

— Ты не боишься смерти?.. — усмехнулся Голос. — Я не могу поверить тебе.

Суи прислушался к тишине в своем сознании, а потом ответил хрипло:

— Смерть рано или поздно прервет мое пребывание в этом мире. Но я не позволю ей прервать мою миссию. Боюсь ли я ее? Не более чем ядовитую гадину, которую я буду откидывать прочь до тех пор, пока яд не обернется благодатью.

Некоторое время его слова отдавались эхом под сводами пещеры, а потом Хаммерсорд сказал тихо:

— Смотри перед собой, Суи. И смотри внимательно.

Воздух в центре пещеры начал густеть, а потом на одно мгновение — словно вспышка молнии, словно взмах оружия — увидел Суи гигантский меч, *висящий в воздухе* вертикально, от самого дна пещеры, где острие почти касалось камня, и до самых сводов, где громадная рукоять едва находила себе место среди сталактитов.

— Ты знаешь так мало, Суи, но ты веришь так сильно. Пусть это видение будет с тобой в самые тяжелые минуты твоего Пути. Вспоминай того, **кто** благословил тебя в твой Поход; вспоминай, **чья защита** отныне пребудет с тобой; вспоминай, какой из **Мечей** отныне живет в Мече твоём. Вспоминай и рази без жалости тех, кто этого заслуживает. Гром вечного Меча отныне с тобой, **берсеркер Суи**.

На мгновение Хаммерсорд замолчал, а потом еще раз появился в воздухе и сказал тихо:

— Уходи, Суи, уходи... Медведю пора в берлогу.

— Постой, — закричал Суи. — У меня ведь так много вопросов, а ты еще не ответил ни на один из них.

— Конечно, нет, — раздался демонстративный зевок. — Ты и сам неплохо справился.

— Еще одно видение ожидает тебя перед выходом, — голос слабел и растворялся в белесом сияющем тумане, — последняя картина твоего predetermined будущего... Так что не трать своего времени даром, Суи, иди.

Они стояли на том же месте — маленькая девочка и крепкий гном, — с побелевшими лицами наблюдая, как, едва передвигая ноги, брел к ним Суи. Проходя мимо двух громадных сталагмитов у входа, он споткнулся и упал на колени, но, отдышавшись немного, поднялся вновь и медленно вышел к ждущим.

В последний раз обернулся Суи на Копи Драконов, и в последний раз образ Хаммерсорта возник в его сознании. О да, он действительно понял, почему Гиннад привел его сюда одного, оставив в лагере Райси и Злату: Хаммерсорт был точной копией его двуручного Меча...

Повиснув на плече гнома, Суи брел по направлению к лагерю.

— Двое брели по дороге... — бормотал он. — Старик и маленькая девочка. В моем видении... они шли по дороге в пустыне, а люди давали им милостыню... Мое будущее. Последнее из всего, что предопределено для меня.

— Двое шли по дороге... — он устало улыбнулся. — Значит, во второй Битве... мне умереть... не суждено...

Прая ласково взяла его за руку, и они пошли рядом — маленькая девочка и старец, даже не подозревающий, насколько же он стар.

Поднимающееся солнце все ярче освещало крутые горные склоны гномьего измерения, и три силуэта медленно растворились в его кровавом свечении.

Закат Солнца: двести пятьдесят шестой мир

Солнце садилось, наряжая горы в цвета жженого пурпура и оплавленного золота, в цвета платины и сияющей меди, в цвета плавилена и кузнечных цехов. Металлические оттенки пропитывали весь двести пятьдесят шестой мир — исконно родовое измерение гномов. Горы и скалы, клубящийся дым и ночью дым бесчисленных шахт и заводов, плавилена и кузниц — все напоминало мамины сказки об умельцах-маленьких-человечках, которые выходят из гор, чтобы обменять найденные там самоцветы.

...Пятеро задумчиво наблюдали, как медленно, но неизбежно опускается к горизонту солнце. Не сговариваясь, они вместе пришли сюда, в надежде отдохнуть от Второго Похода, от всего того, что он возложил на их плечи. Им было так одиноко... С тех пор как они потерялись в своем предназначении, они забыли, что значит быть собой. Нести ответственность за судьбу Пиллеи оказалось чрезвычайно тяжелым трудом.

Пятеро молчали: трое Избранных, маленькая, не по годам серьезная девочка и гном, глаза которого выдавали его настоящий возраст, лишь когда он смотрел на солнце. Они молчали, но думали об одном и том же.

«Мы все умрем, правда?..» Кто из них подумал это?..

«Умереть суждено всему, что создано Господом...» Кто из них это ответил?..

«В этом и заключен смысл жизни — прийти в мир, чтобы жить, а умирая, забрать с собой лишь *немногое*, все то, чему была отдана жизнь; положить это к ногам Господа и сказать: “Смотри, Господь мой, перед Тобою я; то, ради чего я жил; то, что жило ради меня; то, чем я был. Смотри, Господи, и решай, какую жизнь я прожил и что заслужил получить теперь, когда все уже позади. Решай, Господи, а я приму любое Твое решение и буду смиренен, ибо сам я в ответе за то, что будет решено Тобой”...» Кто сказал это?.. Кто об этом подумал?.. Кто из пяти?..

Они отрешенно смотрели, как горизонт медленно принимал в свои глубины устало горящий диск солнца. Тени крались между камнями; как прибывающая вода темного прилива, поглощали они мир. И мир терпеливо принимал их, потому что знал: ничто не бывает вечным — ни свет, ни тень — и когда приходит время, они сменяют друг друга, дополняют друг друга... *чтобы сотворить новый день.*

Колодец Солнца и Луны

Диск луны в небесах завораживал, подобно маятнику, застывшему в руке гипнотизера. Фосфорическое сияние делило мир на контуры, выхваченные из небытия вспышками пролетающих секунд. Казалось, свет заливал не только поднебесный мир, но и души тех, чьи глаза были сейчас устремлены ввысь.

«Глаза — колодцы души, — говорили эльфы. — Иногда, глядя в них, другие люди могут увидеть себя... Глаза говорят о человеке больше, чем все возможные слова».

Свет лунным дождем струился по листве деревьев, переплетался со струями воды, мерно журчащими в миниатюрном водопаде, успокаивал, одарял покоем и помогал забыть о соломенном свечении костров, гасящем лунные блики за недалекой окраиной рощи, о непривычном гомоне голосов в тихой эльфийской стране, о бряцании лат и довольном попискивании мечей, которые все чаще вынимали воины на свет Божий, чтобы в который раз отполировать и без того безупречно отточенную сталь. Водопад был действительно миниатюрен — ростом с человека, — и вода грациозно танцевала на камнях, изгибаясь в лунных лучах прекрасным пластичным телом.

Три фигуры смутно вырисовывались в туманных лунных отблесках, льющихся сквозь густые кроны деревьев. Две — изящ-

ные женские и одна — детская, укутанная в длинный эльфийский плащ старшей спутницы.

— Сколько мы уже здесь? — спросила одна из женщин.

«Немного, — как будто из тумана донесся голос второй, стоящей рядом со скрещенными на груди руками. — Совсем немного по сравнению со временем, которое когда-то приходилось проводить здесь мне...»

— Будучи эльфийкой, — с улыбкой заговорила маленькая девочка, — ты должна понимать, что дело вовсе не во времени, а в том, что бездействие греху подобно для кочевницы Златовласки. По ее глубокому убеждению, привитому годами жизни и воспитания в кочевом племени, жизнь есть лишь непрерываемое движение и действие. Когда делать нечего, надо спать... Так ведь, тетя Джедди?

Джедди усмехнулась и погладила маленькую девочку по волосам.

Невольно Злате вспомнилось, что стоило Армии войти в земли эльфов, как девочка все чаще стала проводить время вместе с Аэоми и обе о чем-то настороженно переговаривались, поглядывая на нее. Несколько раз она улыбалась им, но Прая и Аэоми лишь отводили глаза в сторону. Когда партизанские игры надоели Злате, она решительно подошла к ним.

— Как дела, Прая? — спросила она с мягкой улыбкой, всем сердцем ощущая внезапное волнение.

— Божьей помощью, тетя Злата... Божьей помощью.

Златовласка кивнула и перевела взгляд на Аэоми:

— А ты как, сестричка?..

«Наверное, твоими молитвами и держимся...»

— Не говори ерунды.

«А ты не впадай в серьезность, а то приобретешь форму мыслителя — вечность назад не выкарабкаешься».

— Форму мыслителя?

— Камень, — тихо сказала Прая. — Эльфы считают камень идеальной формой для того, кто решил посвятить свою жизнь метафизике. Многие эльфийские маги навеки оставались среди степей, по которым так любили путешествовать. Слиянием с природой пытались они познать ее. Некоторые даже вселялись в каменные облики, оставляя свое человеческое тело ученикам на попечение.

— Ты веришь в это? — недоверчиво усмехнулась Златовласка.

Прая взяла ее за руку:

— Я верю в это. И в то, что сегодня ночью ты пойдешь со мной и тетей Аэоми к Водопаду Единорогов. Я верю, что сегодня ты встретишься с Великим Белогривом, а когда мы с Аэоми отойдем в сторону, он доверит тебе великие тайны, ибо ты, Златовласка, еще не утратила природной чистоты. Он поведет тебя по тайным тропам к прекрасному святилищу эльфийского народа, к самому могущественному из Десяти Лунных Колодцев — Колодцу Солнца и Луны, — и, глядя в его мерцающие глубины, ты обязательно найдешь себя в переплетении играющих в его глубинах лунных вод.

Пряя на секунду притихла и задумчиво посмотрела на Златовласку:

— Верю ли я в это?.. Верю. Конечно же, верю.

Злата нахмурилась и долго смотрела в ее широко открытые, но совсем не по-детски смотрящие глаза.

— Ты серьезно говоришь о Лунных Колодцах? О *тех самых* Лунных Колодцах, о которых сложено столько легенд?.. Господи правый, я вообще-то думала, что это лишь предания и на самом деле нет никаких Колодцев, а есть лишь мечты, которые воображение эльфов запечатлело на пергаменте...

«Ну что ты, сестричка... — донеслась до нее мысль Аэоми. — Могла бы у меня спросить, я бы тебе все рассказала: я ведь настоящая эльфийка... Зачем теряться в догадках, если я рядом?»

Лунные Колодцы действительно существуют, и внешне они ничем не отличаются от колодцев обычных. Их особенность состоит не в способе постройки, а в способе расположения. Каждый из Колодцев построен так, что раз в году, в полнолуние, диск Луны оказывается точно над его каменным жерлом. Лунные лучи льются в его воды и наполняют их космической лунной силой, энергией, мудростью.

Если в этот момент заглянуть в Лунный Колодец, можно онеметь от красоты изумительных рисунков, сплетаемых лунным светом в мерцающих водах колодца. Если воду осторожно зачерпнуть, свет может остаться и в этой воде. А если отпить глоток, лунный свет наполнит тело человека, — оно станет легким и невесомым, а сознание, расширяясь, заполнит весь мир.

В такие моменты человек, при определенных навыках конечно, может заглянуть в свое прошлое и будущее. Глубина его проникновения зависит как от его магических навыков, так и от степени его родства с сияющей среди звезд Луной, от того, насколько близко от Колодца была Луна в момент рождения человека. Са-

мые большие возможности получит человек, родившийся в тот момент, когда лунное сияние лилось в воды Колодца, наполняя их силой и могуществом. Таких людей эльфы зовут Жрецами Луны.

Колодцы различаются как по времени, когда Луна оказывается над ними, так и по мощи своего воздействия на людей, пьющих их воды. Так называемые слабые Колодцы Рождения — это те, в которые Луна смотрится три ночи полнолуния весенних месяцев. Слабые Колодцы Смерти — над которыми она проходит в три полнолуния осени. Остальные, кроме одного, — это Лунные Колодцы Жизни. А этот один, Колодец Солнца и Луны, — единственный из всех, к которому не только Луна имеет доступ. Это тот колодец, в который Луна смотрит в день полнолуния накануне осеннего равноденствия, а солнце — в полдень весеннего равноденствия. Это единственный из известных Колодцев, чья сила настолько велика, что всем, за исключением Наивысших Жрецов, дорога к нему закрыта древними заклетами и не менее древними стражами.

Когда-то три грабителя, не понимающих, что сокровища древних сказаний могут быть не только материальными, в разное время поодиночке пробрались к Колодцу Солнца и Луны с помощью обмана, дарованного злыми колдунами Отшельничьих земель. Ответ, полученный ими от Высших сил, был ужасен. Грабители приходили к Колодцу с интервалом в сорок-пятьдесят лет (что подтверждает предположение о вмешательстве могущественного некромансера), приходили, черпали воду (которую, видимо, и хотел получить заказчик), не могли удержаться от соблазна и пили. Все они сошли с ума.

Самое слабое наказание понес первый из них: он прожил после этого всего год под наблюдением эльфийских лекарей — мне, наверное, не стоит говорить, до какой степени жестокими бывают эльфы. Второй был удостоен такой же судьбы, но уже на десять лет. Третий живет до сих пор — лунное сияние даровало ему бесконечную пытку, лишив разума и, вместе с тем, сделав бессмертным. Жизнь его напоминает ад: безумец, препарированный миллионы раз, вновь и вновь обретает свое регенерировавшееся тело. Мне было бы жалко его, если б я не знала, к чему мог привести его поступок. Сила Луны принадлежит лишь Луне и тем, кому она ее дарует по праву рождения».

Аэоми улыбнулась Златовласке:

«Напрасно ты не спросила меня об этом раньше: у нас было бы намного больше времени для разговора, без смешения в кучу событий и тысячелетий...»

— И вы хотите сводить меня к этому Лунному Колодцу?..
— изумленно спросила Златовласка.

Прая улыбнулась:

— Ты являешься еще и Жрицей Луны, ибо родилась в тот момент, когда диск Луны сиял в чистых и безоблачных небесах Пиллеи, а свет его насыщал воду самого могущественного из всех Колодцев. Ты знаешь, что ты не родная дочь своего отца. Его племя нашло тебя точно через полгода после твоего рождения, именно в то мгновение, когда жаркие лучи равноденственного Солнца залили каменное жерло Колодца, под священной сенью которого ты родилась.

Злата в немом изумлении смотрела то на Аэоми, то на Праю.

— Неужели это все правда?

«Злата, — вздохнула Аэоми, — девочка моя... а ты сама разве не догадывалась об этом... о том, что мощь простых смертных заключается лишь в их численности, а Избранный — всегда один?.. И от него зависит в десятки раз больше, чем от многотысячной армии, которую он ведет за собой... разве ты не догадывалась, что Меч к тебе в руки попал не случайно и именно тебе предстоит пронести его через все, что вам предначертано?.. Момент твоего рождения, как и вся жизнь, никогда не принадлежал ни твоему отцу, ни кому другому из твоего племени, ни той тебе, которой ты себя привыкла считать. Ты родилась именно тогда, когда великий Господь призвал тебя к Служению... *Он* вел тебя через прошлые жизни, он ведет тебя и через эту жизнь. Он создал тебя такой, какая ты есть теперь, — Избранной. Той, которой ты и умрешь, — Джедди Златовлаской».

— Аэоми, — приложила руки к груди Злата, — но посмотри на меня. С тем, что Меч предназначался именно мне, я еще могу согласиться. Но то, что ты сейчас наговорила... Получается, что я просто какая-то Единственная, Избранная всеми Высшими силами, какие только есть, на все Подвиги, которые только можно придумать. Да ты посмотри мне в глаза, Аэоми!

И, встретившись с ней взглядом, Злата продолжила:

— Пусть я немного необычна, но то, что ты говоришь...

«Все, что я говорю, — перебила ее эльфийка, — ты увидишь сегодня ночью».

— Будь готова, — вздохнула Прая. — Сегодня ведь полнолуние перед днем осеннего равноденствия. Ночь твоего истинного рождения.

Злата задумалась, потом спросила:

— Суи, Райси... они знают что-то?..

«Они знают только то, что им положено знать, — взгляд Аэоми был холоден. — Этой ночью к Колодцу идем ты, я и Прая. Не спрашивай меня, почему — ответ узнаешь лишь ночью, ведь я в Колодец смотрела, а ты пока нет. Понимание каждой вещи приходит только через познание».

Двое молча смотрели вслед уходящей третьей.

«Думаешь, она поймет?..» — тихо спросила Аэоми.

«Поймет... — ответила Прая так же тихо. — Господь не мог ошибиться. Если она здесь, значит, готова понять».

Секунды лунного света по-прежнему лились с небес, разделяя мир на контуры предметов и их тени на земле. И три фигуры все так же неясно вырисовывались в туманных лунных отблесках, которые лились сквозь густые кроны деревьев: две — изящные женские и одна — детская, укутанная в теплый эльфийский плащ.

— Вы уверены, что это будет сегодня?.. — полушепотом спросила одна из них. — Вы уверены, что ваш единорог еще жив и что...

«Единороги бессмертны», — мужской голос в ее сознании прозвучал настолько громко, что она вздрогнула от неожиданности. Злата никогда раньше не видела единорогов — в ней жила лишь Память Суи и Райси о Т'Анна и белой молнии, разящей ффинов.

Внешне единорог походил на крупного белого коня с сияющим витым рогом во лбу, но на этом сходство заканчивалось: ни одна из виденных Златой лошадой никогда не светилась таким призрачным магическим светом, который завораживал, лишал слов и мыслей. Этот свет походил на тугий ореол, сотканный из всех лунных лучей, когда-нибудь пролившихся на землю. Призрачные звезды сияли в глазах единорога, капельки ночной росы алмазами блестели на шелковых боках, струи пара, летящие из ноздрей, походили на потоки кипящего огня северных гейзеров. Своим видом он внушал и любовь, и опасение.

Единорог стоял на другой стороне поляны перед Водопадом, и его звездные глаза внимательно рассматривали пришельцев.

«Прости меня, Аэоми, но ты знаешь, что я не могу приблизиться к тебе. Стоять даже на таком расстоянии от тебя мне тяжело. Я буду признателен, если ты останешься на месте, а обе девушки подойдут ко мне».

— Прости, Белогрив, — тихо сказала Прая, — Злата пойдет к тебе одна. Я лишь должна быть рядом с ней после ее возвращения.

«Прости *меня*, — опустился на колено единорог. Его голова склонилась к земле, и золотистый рог почти коснулся травы. — Старость притупила взор моих глаз и ясность моего разума. Не узнать тебя было преступно».

— Подымись, Белогрив, я прощаю тебя, — улыбнулась Прая. — Если бы преступления всего мира были подобны твоему, ад был бы пуст.

«Благодарю тебя, — поднялся на ноги единорог. — Ты так же великодушна, как и мудра».

Прая взяла Злату за руку и заглянула в ее глаза:

— Будет тяжело, тетя Джедди. Но ты пройдешь все, потому что мы ждем тебя здесь. Мы, и еще сто тысяч человек — мы все с тобой.

Девочка стиснула ее руку:

— Мы все с тобой... а ты — с нами... до самого конца.

Прая разжала свои маленькие пальчики:

— Иди, тетя Джедди. Иди, и да будет Господь милостив к тебе в месте, куда Он призывает тебя.

Злата постояла в нерешительности, а потом сделала осторожный шаг к единорогу. Тот был неподвижен, только пар время от времени вырывался из ноздрей. Злата не отрываясь смотрела в его глаза, потому что вдруг поняла, что ничего прекраснее в своей жизни еще не видела. Чистота была в них, чистота, которая обжигала и смотреть на которую было больно: она напоминала стену пламени, еще не запертого по каминам и печам.

Шагая все смелее, Златовласка понимала, что каждое слово, сказанное единорогом, будет истинным и каждый его поступок будет идти от самого сердца. Она подошла к нему настолько близко, что различала уже каждую ресницу его звездных глаз. Злата заметила, что, несмотря на щедрую росу, его копыта были сухи и чисты, будто он передвигался не по земле, а парил над ней, лишь делая вид, что подвластен силе земного тяготения.

Она замерла в нерешительности в двух шагах от единорога, не зная, что в таких случаях надо говорить.

— Ты... звал меня... — тихо пробормотала Злата. — Я пришла...

«Я вижу... — звучный голос единорога возник в ее сознании снова. — Но ведь и ты звала меня. И я тоже пришел».

— Я...

«В своем сердце я слышал твой зов с того дня, как ты родилась. Поэтому мне так интересно, кто ты... какой ты выросла».

— Разве... — зарделась Златовласка, вспомнив, как нравились ей мамины сказки про кочевых единорогов, как часто, засыпая, она мысленно звала их к себе и как потом, во сне, стояла рядом с ними, не в силах ни пошевелиться, ни заговорить. — Разве это было так... слышно?..

Единорог мягко улыбнулся уголками глаз, его голос был так тих, что по коже Златовласки побежали неведомые ей до сего дня мурашки:

«Иной голос не услышишь, даже если он будет кричать, другой же — услышишь, даже если он шепнет лишь слово... Сердцем можно услышать только тех, кого ты искренне ждешь».

— Ты... ждал меня?.. — неожиданная хрипотца понизила ее голос.

«Да, — единорог тряхнул гривой. — Я ждал *одну* лишь тебя».

Дыхание Златы замерло... ей показалось вдруг, что дышать ей совсем и ни к чему.

— Ты тоже думаешь, что я — это я?.. Что я — *та самая*, которой суждено сделать так много?

«Златовласка! — голос был полон изумления. — Почему **ты** спрашиваешь об этом **меня**? Или тебе кажется, что со стороны виднее? Неужели ты действительно думаешь, что твоя судьба изменится только от того, *что* расскажут тебе посторонние?.. Пойми, Злата, что хоть у Господа есть безусловные планы относительно тебя, только ты можешь воплотить их в жизнь или отвергнуть. Господне право спросить потом с тебя за твой выбор, но лишь твое право — этот выбор совершить. Это называется свободной волей, девочка... Именно свободная воля пролагает русло эволюции, в ходе которой появилось человеческое сознание. Бесконечность возможностей помогает принять наиболее близкие решения, что приводит к следствиям, которые наиболее необходимы. На связи принятых решений и полученных следствий строится эволюция. Исходя из всего, что я сказал, как можешь ты вопрошать других о том, что предстоит избрать только тебе самой?»

Злата долго молчала, понимая, что все сказанное было истинным хотя бы потому, что единороги, как и Драконы, не умеют лгать. Логика единорога была безупречна. Злата помнила, как объединение сознаний принесло ей от Райси понимание кармы — воздаяния за свершенное. Единорог дополнил это знание по-

нятием свободной воли. Каждый, даже самый пропащий злодей, всегда имеет выбор: можно предать и убить, а можно остаться верным и умереть; можно лгать и жить богато, а можно остаться честным с собой и жить бедно. Конечно, существует инерция: сознание набирает скорость и многие действия происходят словно сами собой. Преступники-убийцы говорят, что тяжелее всего убивать в первый раз, во второй — легче, в десятый — уже *обыденно*.

«Ты хочешь дотронуться до меня?» — спросил Белогрив.

Злата едва заметно кивнула головой.

«Так подойди и положи руку мне на шею, Джедди, и пусть это прикосновение будет чисто, словно соприкосновение рук у аналоя».

Медленно преодолела Злата последние шаги, которые разделяли их. На мгновение ее рука замерла возле шерстки единорога: ей показалось, что крошечные молнии мечутся между тоненькими волосками, а сияние Белогрива буквально жжет ладонь — и это было *так больно и так прекрасно*... Злата едва удержалась от стога. А потом, закусив губу, она прикоснулась к единорогу. Словно молния пронзила ее руку. Каждый ее нерв наполнился сияющей энергией; узлом вздулось солнечное сплетение, переливая пламя разряда дальше; сияние наполнило грудь; вспылала гортань; пустотой наполнился живот; и... Злата закричала в тот момент, когда накал энергии в ней достиг своего апогея. Невольно она отшатнулась от единорога и упала на колени... Из ее глаз бежали слезы.

«Первоэнергия выражается в вас как страсть, — сказал Белогрив тихо. — Те, кого вы привыкли называть единорогами, являются лишь ее проводниками. Мы словно нейроны великого Тела Вселенной. Сквозь нас несутся волны пламени, чтобы вдохновить другие клетки Тела на свершения».

— Ангелы... — прошептала Злата. — Вы — Ангелы Господни...

«Как различаются нейроны в твоём теле, Джедди, так отличаемся и мы — проводники Божьей Воли. Не обязательно называть нас одним именем, чтобы с благодарностью принимать то, что мы вам приносим. Вы захотели видеть нас *такими* — и мы приняли знакомую вам *форму*. Одним вы дали крылья, другим — витой рог и копыта, третьим — кольца и раздвоенный язык. Но добрыми вы нас изображаете или злыми, мы лишь проводники Воли Господней. Воплощение Веления всегда остается за людьми. Не мы, но вы сами решаете, что есть Воля для вас. Даже в луче света

можно найти пылинки, и самый светлый Призыв можно извратить, чтобы подчинить велению своей самости. Вы придумали не только Ангелов, чтобы пробуждать в себе Свет, вы придумали и Сатану, чтобы оправдывать свои слабости; и не в *нем* причина ваших падений, но в вас самих».

— Но Сатана действительно существует... Райси не раз приближалась в Тонком Мире к его прислужникам...

Белогрив лишь покачал головой и вздохнул:

«Падший Ангел, как и порожденная им Иерархия, действительно существует, но он не является тем Мировым Злом, какое вы влили в образ Сатаны. Все легионы Адских демонов не могут сравниться с одним-единственным ростком Зла, живущим в конкретном человеке. Зло, как и Добро, является лишь отражением моментов Бытия в несовершенном человеческом сознании. Совершенство отражается в несовершенстве, словно в грязном, затаянном паутиной зеркале, и порождает страдания. Свободная воля является тем инструментом, с помощью которого уменьшается или увеличивается несовершенство человеческое. Человек может обвинить в своих страданиях окружающий мир, возненавидеть его — и он займет свое место в Иерархии тьмы. Веками будет он стремиться изменить мир вокруг себя, оставаясь все тем же грязным зеркалом. Но другой человек может понять, что страдания его порождены лишь им самим, и он попытается убраться со своего сознания налет вековой грязи. Такое сознание засверкает, отражая совершенство Вселенной, — и человек займет надлежащее ему место в Иерархии Света».

— Но в мире столько боли... страданий, как он может быть совершенным?

«Милая Златовласка, чем боль отличается от наслаждения? Одни и те же нейроны передают одни и те же импульсы, но в одном случае вы испытываете страдания, а в другом — наслаждаетесь. Что приносит вам наслаждение?

Конечно, в большинстве своем вы стремитесь лишь к блаженству тела, которое каждый воспринимает по-своему. Например, *что* есть *блаженство* для Клэра Книгаря? Это знания, книги. А теперь подумай, *чем* являются книги, скажем, для барона? Лишь пыткой. Или возьми пример Суи. Для него блаженство — вести Армию в Поход, и ему безразлично телесное наслаждение, равно как наслаждение интеллектуальное. Забери у Суи Поход — и он станет самым несчастным человеком на Пиллее: ведь ничто не сможет утолить его жажду свершения.

Люди страдают, потому что не понимают иллюзорности своих вожделений, вкладывая стремление своей жизни в иллюзии и становясь их рабами.

Разве это мир причиняет человеку боль? Если ленивый гончар сделает не амфору, но треснутую плошку, не обвинишь же в этом глину? Мир — это всего лишь берег реки, где вы учитесь создавать прекрасный сосуд вашего сознания. Мир может дать все, что вам понадобится в этом труде: глину, воду, порыв ветра, сухие ветви, огонь... Все это есть в мире, и *в этом* его совершенство».

— Клэр понял иллюзорность желаний плоти... — произнесла Злата в задумчивости. — Суи понял иллюзорность желаний разума. Значит, кто-то поймет иллюзорность нашего Похода?..

«Да, — ответил Белогрив. — Это будете вы».

— Зачем же мы идем в Поход?

«Гончар делает кувшин. Кувшин не получается. Гончар разбивает его, размачивает осколки и делает новый кувшин. Сколько раз придется ему разбивать кувшин, чтобы создать творение, которое останется целым? Опыт и умение обретаются только в неустанном труде.

Делай же свой выбор, девочка, всего несколько минут осталось до того, как Луна заглянет в Колодец. Делай выбор и решай, будешь ли ты смотреть туда вместе с ней...»

Златовласка молчала.

— Что будет, если я откажусь?

Единорог посмотрел ей в глаза:

«Ничего особенного. Просто твой мир погибнет».

— А если я соглашусь? — Злата отвела глаза в сторону.

«Тогда погибнешь ты».

— А мир?..

«Это будет зависеть уже от тебя».

Лунный свет все мягче струился вниз, невесомым кружевом укутывая землю, лепестками лилий ложась на ночные травы, туманом расстилаясь по рекам.

— Веди меня к Колодцу, — сказала Златовласка тихо. — И пусть все будет так, как тому суждено.

«Тебе не нужно никуда идти, моя маленькая девочка, — глазами улыбнулся единорог. — Колодец Солнца и Луны перед тобою, Джедди Златовласка. Колодец Солнца и Луны — это я...»

— Ты?...

«Я... А теперь молчи. Молчи и смотри в мои глаза. Ищи себя там. Ищи то, что ты есть. Ищи то, чем ты была. Ищи то, чем ты только будешь. И да будет Господь милостив к тебе...»

Злата хотела переспросить его, но вдруг поняла, что говорить не может, что не может двигаться и даже дышать, поняла, что уже не сможет отвести взгляд от глаз Белогрива, по крайней мере, пока свыше ей не будет позволено это. Дальние созвездия в его глазах тянулись к ней, окружали ее; их лучи пронизывали ее насквозь, словно взгляд мага, которому не были преградами ни камни, ни деревья, ни плоть человеческая; они читали, читали, читали в ней; они читали, и их шепот сотрясал ее тело.

«Скажи кто...»

«Даже не представляю...»

«Пришла сама?..»

«Сама не смогла. Пришла с Проводником...»

«А она и сама пыталась?»

«Тянулась к своему... Куратору».

«Знает про Него?»

«В глубине души...»

Молчание... Слово прикосновение вечности к огненно стучащему сердцу... А потом, как стрела пронзает воина, Сиятельный Луч пронзил ее всего на мгновение — чтобы не причинить ненужной боли.

«Кто ты?» — раздался в ней Пламенный Глас.

Касание Луча отзвучало в ней в тысячу раз сильнее прикосновения единорога.

Лишь теперь Златовласка поняла, почему умирали низкие духом люди, которых судьба сводила с единорогами. Единороги вовсе не мстили, но их сияющий свет воспламенял грешника, словно сухой мох. Кто, сунув руку в огонь, обвинит *огонь* в ожогах?

«Кто она... кто?»

Она не чувствовала тела, она едва могла ощущать свой разум, она была словно паутинка, совсем незаметная на фоне Солнца.

— Здесь я — никто.

Снова молчание, словно вечность, сжимающая тисками. Когда же ответ?

«Но будучи никем, что можешь найти Здесь?»

Тишина... раздумья... отблески мыслей в ее сознании. Отблески ее самых светлых мыслей.

— Не знаю... но ищу я себя.

Тишина, давящая на уши сильнее крика, заполнила пространства во всех Вселенных. За это время вполне могли зажечься и сгореть дотла несколько огромных звезд.

«Ты понимаешь, о чем говоришь, дитя? Неужели кто-то забрал тебя у тебя самой?..»

— Многие жизни я готовилась исполнить свой долг перед человечеством, но когда пришло время, я не могу понять, готовили я... Сколько силы и стремления было вложено в этот Поход, но мое место словно чужое для меня теперь. В моем мире на меня возложили ношу, которую я была не готова принять. Если я буду нести ее лишь потому, что другие ожидают этого от меня, мой мир, каким я его знаю и люблю, погибнет. Если я не сумею понять, что именно должно сделать, то отдам своим друзьям и близким страдания, которые не сумела выстрадать сама. Я убью тех, кто верит в меня, убью их самым худшим убийством — разрушив их мечты.

Молчание... молчание... слова:

«Ты говоришь о Походе... о том месте, которое принадлежит тебе. Однако ты ведь не помнишь прошлого... Твое сознание не настолько развито, чтобы уметь читать скрижали времени... Почему же ты решила, что это место *твое* и многие жизни ты посвятила именно Походу?»

Златовласка не могла издать ни звука.

«Как же так?.. — пронеслось у нее в голове. — Это ведь говорили и Ауэн, и Аэоми... они много мудрее — разве могут они ошибиться? Но... — догадка вдруг озарила ее, — люди... Самые мудрые из них все же остаются людьми. А людям свойственно ошибаться. Неужели... они все-таки ошиблись?.. Но катана...»

— Но катана... признал меня своей хозяйкой...

«Это не гарантия твоей Избранности... Ты, наверное, не знаешь, что, несмотря на внешнюю суровость и отрешенность, самурайское оружие всегда тянется к чистым душам и наивным помыслам... Ты чиста внутри, и поэтому Клинок мог избрать тебя, пройдя мимо своего истинного предназначения».

Злата молчала. «Разве может быть все вот так... просто? Разве можно вот так: прийти в это Место, получить ответ и уйти... Раз и навсегда. Отправиться искать тот уголок мира, где у нее будет любовь, дом, семья... Сказать Суи и Райси: “Простите, но вы ошибались во мне. Та, кто нужна вам, настоящая Избранная, — это не я”. Взять и забыть про Поход. Забыть про все Великие Свершения. Никогда больше не сомневаться. Разве может быть все вот так... просто?»

А они?.. Они будут идти дальше... будут дальше искать. Кого? Как найдется другая Избранная, если... Избранная — она.

Очевидность не есть действительность. Катана мог обмануться. Ауэн мог обмануться. Аэоми могла обмануться. Но не могло обмануться ее сердце. Сердце не умеет лгать. Ее место занято именно ей.

Она не помнит прошлых жизней, нет... но она чувствует, как бьют землю копыта лошади под ней. Этого достаточно — чувствовать. Выпустить из рук копьё в момент перед ударом? Нет!!! Кто не умеет верить, тот никогда не поверит, сколько доказательств ему ни предоставь. Потому что вера не требует доказательств. Сначала в огненном аду кармических наказаний сгорает дерево низших страстей; затем в глубинах сознания перегорают образовавшийся антрацит в графит устремления; и лишь потом в самых сокровенных глубинах Сердца пламенем жертв обращается графит в алмаз Веры.

Какой путь пройден!!! Стоит ли пытаться раздробить прекрасный алмаз, чтобы поверить — он и есть Она. Истинная Она. Истинная Джедди».

Тишина... Молчание... Крупинки космической пыли, проносящиеся мимо.

«Ты нашла ответ на свой вопрос?» — прозвучало в ней.

— Да, — сказала Златовласка твердо.

«Не боишься ошибиться?»

— Ошибается тот, кто боится.

«Довольно, ребята, довольно! — четкая и отчетливая мысль.

— Хватит испытывать мою девочку. Как прекрасно она держится, как стойко переносит искушения... Довольно!»

Многоголосый шепот затих где-то на границе восприятия, но Златовласка чувствовала, что она здесь не одна, что никогда не была одна, что никогда уже не будет одна. Нечто прекрасное появилось перед ней. Оно напоминало сферу ало-голубого пламени, размытого по краям, которое пульсировало в такт с ее сердцем.

— Кто ты?.. — тихо спросила Злата.

«Я — это ты, Джедди. А ты — это Я».

— Мы — это Одно?..

«Мы — это Джедди Златовласка... Как лучик света улетает от Солнца, чтобы осветить темную землю, так и лучик Меня каждый раз сходит в поднебесный мир, чтобы стать человеком. Затем этот лучик возвращается и дает Мне новые мечты, новые

устремления, новые подвиги... Я — это все лучшее в тебе, самое Лучшее во всех тех людях, кем ты когда-то была».

— Ты мое... Высшее «Я»?

Улыбка... Златовласка почувствовала улыбку, чистота и ласка которой заполнили ее.

«Я твой самый верный Советчик».

— Но я еще никогда не слышала твоих советов...

Новая улыбка.

«Как же ты смогла найти путь ко Мне?..»

— Я... наверное...

«Просто что-то вело тебя... Кто-то Вел тебя... Ты не слышишь Мой голос, потому что он звучит в тебе. Ты не разделяешь Меня и себя и просто следуешь тому пути, который указывает тебе *Сердце*».

Злата молчала. Алое Пламя не торопило ее.

— Прости, что сомневалась в тебе, — сказала Златовласка.

«Сомнения — обочина пути к Истине. Как без обочины не существует пути, так и без сомнений не найти Истину. Сомнения побеждаются Истиной, и призраки уходят с восходом Солнца».

— Ты говоришь так категорично...

«Как и ты... Как мы обе».

— Мне, наверное, пора... — Златовласка вдруг поняла, что не знает, сколько времени провела здесь. — Спасибо за такой прекрасный урок...

«Не благодари нас, Джедди, ты ведь не знаешь, чему именно мы научили тебя... не знаешь, какие распутья ожидают тебя впереди».

— Знаю. Меня ожидает то, что ожидает только меня. И даже если это безызвестная гибель, это будет *моя судьба*.

Сфера пламени сияла перед Златовлаской, и ее лучики пронизывали каждую клеточку тела, даря своими прикосновениями неземное чувство покоя.

«Горжусь тобой...»

— Я горжусь тобой...

«Тебе действительно пора, милая Джедди... Но перед уходом я покажу тебе нечто... то, что будет ждать тебя всю оставшуюся жизнь».

— Ты уверена, что мне можно это видеть?..

«Я уверена, что *хочу* показать это. Смотри. Смотри. Смотри...»

И видение волною накрыло Златовласку... Оно напоминало сон, только куда более отчетливый.

Джедди казалось, что она полулежит на земле с закрытыми глазами и своей рукой обнимает *его, того самого*, о встрече с которым давно мечтала. Того, кому она будет прекрасной женой, кому родит прекрасных детей, чей дом, где бы он ни был, будет ей самым родным во всем мире, потому что это будет и *ее* дом тоже, ибо их дом будет там, где будут биться их сердца. Джедди было хорошо, как еще никогда не бывало в жизни. Хотя мороз и пробирал ее до костей, это было неважно, это ничего не значило: ведь именно *он* был рядом...

— Что, что, тетя Джедди? — протянула к ней ладони Прая.

«Что, Злата? — подхватила ее Аэоми. — Что?..»

— Я видела... — едва сумела произнести Златовласка. — Я видела, чем все закончится... Я видела... видела... видела...

«И это было так прекрасно», — пронеслось в ее голове.

Аэоми резко взглянула на нее, но ничего не сказала, а еще крепче обняла Злату.

Путники медленно брели к лагерю. Двое из них вели под руки третью — девушку, которая едва передвигала ноги. Они возвращались, оставляя позади Лунный Колодец, Колодец Солнца и Луны, воды которого совсем недавно испила одна из них. Позади остался сияющий призрак единорога, явившийся ей в бреду лунного сияния, но ее видение навсегда было с ней.

Трое медленно брели в пепельном свете разгорающегося дня, и алое солнце медленно подымалось им навстречу.

Восход солнца: Хауэна

Пятеро стояли на вершине невысокой пологой горы, склоны которой уже тысячелетия были покрыты густыми непроходимыми лесами. Утренний туман серыми полосами тянулся от подножия горы к виднеющемуся вдали городу — древней и неприступной столице эльфов; месту щедрому и гостеприимному только для *званных* гостей; к Хауэне, горящей в сиянии рассвета сотнями рубинов на башенных шпилях.

Пятеро не искали встречи. Они ушли ночью из лагеря — от довольного поскрипывания кожаных доспехов, от металлического насвистывания доспехов стальных, от кровавых бликов отточенных мечей.

Когда они спали в последний раз?.. Когда ждали новый день без того, чтобы собрать в кулак всю свою волю?..

Прошлое было оставлено за спиной: за эльфийскими, гномьими и человеческими мирами. Это прошлое было теплое и ласковое, словно мамыны руки, и его так не хотелось покидать... Но

ребенок растет, и каждая мать предоставляет ему все большую свободу, чтоб он учился жить независимо от нее. И однажды ребенок покидает отчий дом, и дорога уводит его все дальше, чтобы дать испытания его самостоятельности. Как пройдет он их?.. Не раз вспомнит он мамины руки и ласковые теплые слова. Но прошлое навсегда останется в прошлом, и утешение человек найдет лишь в созидании будущего.

Пятеро смотрели на восход солнца и думали о будущем. Эльфийка, обнявшая маленькую девочку, закутанную в теплый плащ, и трое тех, кто был Теми.

Медленно разгоралась заря, которая неумолимо гасила звезды, напоминая им, что пришло время покинуть небосвод и уступить место великому и могущественному солнцу. Совсем скоро мрак будет повержен светом, лучи солнца развеют прах ночных иллюзий и все в мире воссияет. Будут сверкать хрустальные вершины гор, будут распускаться навстречу Пламени цветы, птицы будут петь прекрасные гимны Свету — их радость будет чиста и полна вдохновения: ведь у них есть новый день, полный Огня!..

И только когда диск Солнца подкатится к закату, крадущаяся к миру ночь вдохновит на песнопения жаб.

Сколько живых существ воспевают день? Сколько — приветствует ночь? Все они — прекрасные певцы своих Владык.

День дарит счастье и вдохновение. Ночь учит напрягать силы, накопленные внутри. Свет, словно материнские руки, согревает и утешает. Но дорога сквозь ночь темна, и лишь испытания ждут тех, кто готов бросить вызов холодным ветрам. Ночь вынуждена быть жестокой, чтобы закалить в своих объятьях героев. Неужели она ненавидит их? Нет, она дает им не меньше, чем день: она учит их проявлять свет и нести во тьму частичку Солнца. И герои не сетуют, что темно, но зажигают свечи и идут с ними через Ночь, утешая жаждущих Света. И собираются вокруг них люди, и зажигают люди свои свечи от их Огней, и идут по их стопам, учась дарить Тепло и Утешение.

А претерпевшие до конца поют гимны на восходе Солнца.

Драконы Лежбица

День выдался пасмурный. Серый, словно уставший пробиваться сквозь тучи, свет безразлично заливал округу. Свинцовые тучи неслись над землей, задевая вершины гор, которые нависали над одиноким каменистым плато. Ветер вихрями носился над камнями, завывая на острых уступах, точно от невыносимой боли. Казалось, он плачет о чем-то давно утерянном, о том,

что когда-то было рядом, но что превратило в прах безжалостное время.

Три фигуры стояли на камнях: две — взрослых и одна — маленькой девочки, которая куталась в плащ.

Двое имели оружие — клинки, выкованные древними мудрецами Пиллеи. А маленькая, ежащаяся на холодном ветру, — сама была оружием.

— Солнце уже садится, — сказала та, из-за плеча которой выглядывала рукоять ятагана.

Вторая женщина тихо ответила ей:

— Это же Лежбища... Порталы открываются здесь не каждый день.

— Значит, мы можем проторчать здесь всю ночь...

— И весь следующий день, Райси. Мы не уйдем до тех пор, пока ты не увидишь *его*.

Райси кивнула: конечно, она понимала, что от *этого* ни ей, ни ее провожатым никуда не уйти.

Когда Армия вошла в Жрицкие миры, теплая печаль наполнила ее сердце: она не была здесь так долго, с того самого дня, как арбалетная стрела рывком замерла в руке, так и не вонзившись ей в грудь. Здесь даже дышалось легче и хотелось танцевать под простые мелодии менестреля-ветра.

Ее восторг и приподнятое настроение с радостью и удивлением воспринимались окружающими: люди помнили ее суровость и отрешенность. Суи часто подшучивал над ней, говоря, что истина — настолько простая вещь, что найти ее в книгах невозможно.

С тех пор как Армия вошла в Жрицкие миры, Райси заметила, что Раэлиэ старается не выпускать ее из поля зрения, словно она снова стала маленькой девочкой. Куда бы Райси ни направлялась, везде она замечала свою наставницу... и маленькую Праю рядом с ней. И однажды она решительно подошла к ним.

— Привет, — обратилась она к Прае.

— Привет, — тихо ответила девочка.

— Как дела? — улыбнулась Райси.

— Божьей помощью, тетя Райси, — ответила ей улыбка Праи.

Райси взглянула на Раэлиэ:

— Как ты?..

— Все в порядке, детка... все в порядке.

— Что замышляем?.. — не сменила тона Райси, и две пары глаз уставились в землю.

Наставница спросила, помолчав:

— Ты о чем?..

— Ну я же не слепая — ответила Райси. — Не вижу что ли, как вы все время шепчетесь, на меня поглядывая? Думаете, мне не интересно, что вы задумали?.. Интересно, конечно, вот я и спрашиваю.

Раэлиэ посмотрела на Праю. Прая едва заметно кивнула в ответ. Верховная Жрица глубоко вздохнула.

— Что ты знаешь о Всадниках Драконов?.. — спросила она.

Райси пожала плечами:

— Есть книга такая... очень древняя, ты сама знаешь, мы ее у эльфов выменяли... Летопись затерянного измерения. В ней описано, как Драконы пришли на помощь людям в борьбе против тварей, которые пробрались из соседнего измерения...

— Райси, — прервала ее Верховная Жрица, — я говорю о нынешнем времени и о нашем измерении. Что ты знаешь о *настоящих* Всадниках?..

Райси смутилась:

— Раэлиэ... Всадники Драконов — это просто легенда. Легенда куда более древняя, чем сказания о Хранителях...

Она запнулась вдруг и медленно подняла взгляд на Раэлиэ. Наставница улыбнулась:

— Да, детка, куда более древняя... и не менее правдивая. В истинные знания о Всадниках Драконов посвящаются только Верховные Жрицы за несколько дней до Коронации... чтобы успеть прийти в себя от услышанного. Всадники действительно существуют. Всадники — это те, кто является учениками и сотрудниками Драконов на протяжении многих и многих жизней. Их сознания настолько объединяются с Сознанием Дракона, что пребывают с ним в постоянной и неразрушимой связи. Они могут мысленно общаться, могут получать Знания, которые недоступны ни магам, ни некрмансерам... могут даже видеть глазами Драконов.

Именно Всадники Драконов являются истинными правителями жрицких племен. Верховная Жрица по сравнению с ними — простая марионетка. Никто не знает, где пребывает Всадник, однако в один прекрасный день тот может прийти во дворец, дать Жрице Знак и начать говорить ее устами. Когда творятся судьбы миров, именно Всадники несут людям Веления Драконов.

Бывали времена, когда около сотни Драконов жили в этом измерении и столько же людей учились Их Великой Мудрости. Конечно, девочка, мне не стоит говорить, что среди ста Драконов

были как частичные воплощения Одной и Той Же Сущности, так и «Драконы-гости». Не все из этих «гостей» были Золотыми, и не каждый раз Всадники принимали сторону Света. Словно стальной клин, время от времени вонзалась в Пиллею страшная воля Черных Драконов... и находила Черных сопряженных. Немало усилий приходилось прикладывать Совету Драконов, чтобы вернуть щупальца незваных гостей в беззвездные просторы потухших солнц.

А потом времена изменились, изменилось человечество, изменились и Жрицы. Всадники Драконов появлялись на Пиллее все реже. Бывали даже случаи, когда Верховная Жрица отказывалась доверять Велениям Всадников и прогоняла их.

— И что же случилось тогда?.. — подалась вперед Райси.

— Ничего не случилось, — рассмеялась Раэлиэ. — В том-то и дело, милая, что ничего не случилось, и прекраснейшие Дары, которые нес человечеству Золотой Всадник, оставались неприкрытыми.

Раэлиэ печально осмотрела тугие обручи туч, которые стягивали небосвод.

— Летописи Жриц говорят, что двое последних Всадников приходили в этот мир два тысячелетия назад, во время Первого Великого Похода против ффинов. Дракона первого Всадника звали Туэол. Дракона второго — Танэол. Клэр Великий был Золотым Всадником, ффин Т'Хариар был Темным Всадником. Оба с рождения слышали в себе Зов Драконьих голосов, оба пришли на это плато, чтобы пройти ритуал Посвящения, оба зашли в Дверь, которую открыл им Танэол. Но ффин стремился упасть в объятия своего хозяина, а Клэр стремился пройти *испытание*.

— Странная вещь, — задумчиво произнесла Раэлиэ, — каждый Светлый обязан пройти испытание Тьмою, однако ни один темный не проходит испытание Светом... Догадываешься о причине, девочка моя?.. Тьма слишком слаба. Тьма не может погасить Свет, пока Свет сражается, потому что, сражаясь, *Свет зажигает Тьму*.

Ветер гудел и стонал вокруг... Раэлиэ молчала; молчала и Райси.

— Этой ночью, — заговорила Прая, — мы поведем тебя к Двери, тетя Райси, и ты поймешь, кем ты на самом деле являешься. Сегодня ночью, когда тьма за Дверью будет пытливо искать тьму, которая в тебе...

Пролетали минуты, все выше восходила едва различимая за тучами луна, и крутые вершины пронзали ее блеклый свет. Пе-

чально выл ветер, и полы одеяний отрешенно хлопали, как когда-то на далекой крепостной стене Гриффа.

— Наставница, я боюсь,— нервно улыбнулась Райси.

— Не надо, девочка моя... — ласково погладила ее руку Раэлиэ. — Страх — плохой советчик. Как бы страшно ни было, мы обязаны находить в себе искры мужества. Ведь именно искра зажигает костер свершений. Твой Великий Наставник всегда рядом, он готов поддержать тебя и помочь, но для этого нельзя бояться. Убери страх. Вспомни, как сильно ты любишь Его. Ведь только в любви великой — спасение Всадницы.

Райси прикрыла глаза. Кровь в ее ушах гудела сильнее ветра. Вспомнился высокий горный утес и трое юношей... Она любила... как же она любила Туэола.

— Ты еще помнишь тот весенний день, Наставница, когда мы пошли к Нему? Сколько было мне?.. Четырнадцать... всего четырнадцать. Я чувствовала себя такой беспомощной... Помнишь, ты ведь забрала мой меч?.. Я не хотела отдавать его, говоря, что жрица всегда должна иметь возможность защитить себя.

Райси взглянула вверх, стараясь скрыть слезы.

— Как дрожали мои коленки... Я совсем не спала накануне... Я лежала в густой траве и смотрела в звездное небо... Я так ждала падающих звезд, не понимая, что одна из них уже горит в моем сердце... В ту ночь мне вспомнился наш первый поход к Драконьим Лежбищам, когда я сказала, что боюсь того, что ты оставишь меня, как мои родители, а ты грозно спрашивала, кто посмел рассказать мне об этом. А потом я посмотрела на скалы и спросила тебя, почему они зовутся так, а ты...

Райси не могла говорить больше: слезы забрали ее голос.

Раэлиэ улыбнулась:

— А я сказала, что Лежбища зовутся так, потому что было время, когда Драконы не жили здесь в лучах восходящего солнца, возлегая прямо в воздухе на взметающихся вверх потоках тепла — казалось, они танцуют в небесах, как когда-то у своего Дальнего Берега, который описала жрица Ле Гуин.

Ты помнишь, как ты восхищалась гигантскими уступами и величественными вершинами этого плато, как сильно тебе вскружила голову мечта о встрече с Драконами, как уже тогда ты сказала, что обязательно найдешь Их и увидишь, как Они парят в небесах?.. А потом ты добавила, что прекраснее Драконов могут быть только Драконы.

Знания всегда давались тебе тяжело... все, кроме знаний о Драконах... Иногда мне казалось, что на самом деле ты знаешь

о Них все и ждешь лишь толчка, который бы тебе все напомнил. Будучи Верховной Жрицей, я знала древние легенды о сопряженности, но я знала легенды, а ты была реальностью.

Да, тебе было четырнадцать, когда, отчаявшись найти для тебя меч у гномов и получив отказ эльфов, мы пошли за советом к Туэолу. Тебе было всего четырнадцать, но, направляясь к Дракону, ты спросила, красив ли он... Я боялась, что он убьет тебя... а ты боялась, что не понравишься ему. Уже тогда, Райси, ты знала, кому ты предназначена и для чего рождена на свет...

Мы нашли тебя на краю Драконьих Лежбиц — ребенок едва ли двух недель от роду. Ты смотрела на солнце и была так спокойна... Еще тогда я должна была понять все: ведь дети двух недель от роду не могут лежать спокойно, пребывая в одиночестве.

Раэлиэ ласково погладила Райси по щеке.

— Девочки двух недель от роду быстро умирают в пригорных плато от обезвоживания... Девочки двух недель от роду не оборачиваются назад, когда их несут к жилью прочь от губительных пустошей...

Райси тихо плакала.

— Мы здесь... — выговорила она наконец. — Мы здесь для того, чтобы я сумела... пройти... сквозь Тьму. Туэол не проверяет меня, Его любви не нужны доказательства. Однажды взяв меня в ученицы, Он никогда не отступится от меня...

— Даже когда Всадник в забвении своего сердца переходит на сторону Темных, — сказала Раэлиэ, — Золотой Дракон продолжает верить, что он вернется. И когда сознание отступника проясняется, Дракон принимает его назад, под свое крыло. Есть Сказание Библии Света про Отца и Блудного Сына. Дракон радостно открывает объятия тем Блудным Сынам, которые были мертвы, но *воскресли*.

Райси всхлипывала, спрятав лицо в ладонях.

— Сколько раз предавала Его я... — прошептала она тихо.

Наставница погладила ее по голове:

— Это ненужное знание. Достаточно знать, что ты не предашь Его ни разу больше...

Небеса все больше проступали сквозь тающие облака, озаряя поднебесный мир мерцающей от ветра звездной пылью.

— Что ж, Райси, — произнесла Раэлиэ, — настало и твое время пройти через Дверь.

Прая прикоснулась к руке Райси:

— У тебя получится, тетя Райси. Получится, потому что мы верим в тебя. Мы, и еще сто тысяч человек, которые отда-

ли свои судьбы Походу и за которых ты теперь в ответе. Когда будет очень тяжело, вспомни: как сомнения могут разрушить веру, так и вера может вознести над сомнениями, — все зависит от того, что сумеешь ты отыскать в сердце своем. Победа над собой словно прекрасная жемчужина: она не достанется тебе, если не отдашь за нее все, что имеешь.

Райси дрожала все сильнее и никак не могла унять эту сумасшедшую дрожь.

— Это...

Раэлиэ проследила за ее взглядом — на фоне камней чернела прямоугольником еще более густая темнота.

— Это — Дверь, — сказала Прая.

Райси почувствовала, что ее ноги подкашиваются. Но в то же мгновение маленькая детская рука больно стиснула ее ладонь:

— Все будет хорошо, слышишь, тетя Райси, все будет хорошо!!! Не для того ты дошла в своем Пути сюда, чтобы быть поверженной этим Путем. Не для того мы идем по дороге, чтобы сказать однажды, что мы устали от нее. У вступившего на Путь есть лишь одна судьба — пройти его до конца. Тот, кто несет сквозь ночь свою свечу, хорошо знает, что свет привлекает ночных хищников. Из жизни в жизнь вокруг тебя собирались люди, спешившие к твоему огоньку. Они зажигали свечи своей веры от веры твоей. И вот вас уже сто тысяч, но фокус огненных лучей все так же сходится на тебе. Ты — в центре сияния, и поэтому самые страшные демоны устремляются к тебе.

Если упадешь, свет рассеется, вера исчезнет в людях и они окажутся в темноте — без света и без провожатой. Нельзя падать на колени, даже если тяжело сделать новый шаг, когда ступни все еще пронзает боль от шага предыдущего; когда кажется, что не дыхание внутри, но шелест опавшей листвы, а вместо биения сердца раздается стук ста тысяч молотков; когда ты молишь своего Учителя о помощи, но Его нет рядом, потому что этот участок Пути ты должна пройти *сама*.

Прая долго и пристально смотрела в глаза Райси, и та поняла вдруг, что не может отвести взгляд.

— Мы должны идти дальше. Идти и знать, что мы обязаны поступить так ради Него, ибо в сердце своем мы знаем, что и Он поступает так ради нас. Он взял ответственность за наши судьбы в тот момент, когда мы сами были не в силах за себя ответить.

Райси все смотрела ей в глаза, ощущая ее недетское пожатие на своей ладони, ощущая, как дрожь покидает тело.

Шаг, еще один, хотя боль от предыдущего еще не стихла. Все ближе и ближе к Двери. Больно... так больно... но правильно, как все правильно. Чтобы одни люди могли быть счастливы, кто-то должен выстрадать это счастье для них. Учителя вдохновляют воинов сражаться за дело Света. Тьму не сразить мечом, ее не сжечь на костре, но зажженная свеча Духа человеческого рассеивает Ночь. Мир пребывает в равновесии, и каждое действие дает миру добра и зла поровну. Мученики отдают людям свет, оставляя тьму себе...

Тьма... Сплошная тьма, способная поглотить всю Вселенную, но лишь сжимаемая своей алчностью во все большую и большую ненависть... Тьма, которая зовется Черной дырой... которая находится где-то там, за Дверью... Райси была лишь еще одним лучиком света, затянутым в ее ненасытные недра.

«Тебе не вырваться наружу, — говорило здесь все. — Тебе не увидеть больше света. Тьма, отчаяние и тишина — вот твой удел».

Мрак... мрак вокруг...

Райси хотелось кричать от ужаса, но она не могла издать ни звука. Она не чувствовала тела, она не чувствовала даже своего разума... Мысли казались хаотическим переплетением ее самых низших желаний.

— Ты пришла... — прозвучало в спину.

Горячей волной окатил ее знакомый голос, который она уже слышала на площади Т'Анна. Тьма окутала ее еще плотнее, крепко сжала в объятьях... Если бы она могла, то потеряла бы сознание.

— Что ты, девочка, — Танэол рассмеялся страшным, бесчувственным смехом, — здесь незачем терять сознание. Это место — мой Дом, а мой дом — твой дом.

На мгновение бордовое зарево вспыхнуло в каждой клеточке Тьмы, осветив страшные картины окружающего. Переплетения оплавленных проходов образовывали непостижимый лабиринт какой-то живой, шевелящейся массы. Оттуда выглядывали человеческие руки, лица, туловища... и они, эти люди, все еще были живыми.

— Как видишь, я умею заботиться о своих гостях, — снова рассмеялся Танэол, — даже если они были незваными. Но что ты? Боишься? Не стоит... я же приглашал тебя. Итак...

Тьма обошла Райси и встала перед ней. Образ Танэола нельзя было увидеть, но он ощущался каким-то запредельным чутьем — силуэт человека, где тьма была гуще, чем вокруг. И

глаза... глаза Дракона горели незримым, но опаляющим пламенем. Их взгляд напоминал раскаленный добела прут металла, которым палач с упоением водит вблизи тела жертвы.

— Итак, девочка... ты пришла. Мне не нужно концентрироваться на чтении твоего рассудка: ты для меня книжка с одними лишь картинками. Я бы даже сказал, что ты книжка-раскраска, так как образы грядущего, запечатленные в тебе, все еще не имеют цвета. Я вижу, что ты пришла, чтобы пройти ритуал Посвящения в Золотые Всадницы...

Дракон некоторое время молчал, а потом громко рассмеялся:

— Какой гротеск! Темная отступница стремится оседлать Золотого Дракона, а Золотой Дракон помогает ей, намереваясь вернуть заблудшую овцу Пастырю. Ты ведь Темная, Райси, неужели ты еще не поняла это? Но напряжение нервов всегда пробуждает воспоминания, и, ожидая открытия Двери, ты шептала о том, сколько раз предавала ты Туэола. Да, предавала. Ну и что? Это всего лишь проявление твоей свободной воли, девочка. Просто однажды ты возжелала быть свободной от своего Попечителя, но была не в силах просто повернуться и уйти. Мораль, чувство долга, детское стремление быть все-таки Светлой — все это оградой стояло вокруг загона твоего сознания. Но нет оград, которые могли бы сдерживать *тебя*. Ты возжелала свободы от Туэола — и ты получила ее.

— С помощью предательства? — с горечью в голосе спросила Райси.

— Ой, да прекрати ты, — усмехнулся Танэол. — Твои представления о морали настолько убоги, что ни одно твое рассуждение о допустимом и недопустимом не является истинным. Оставь мораль, выброси совесть, отрекись от веры — и тогда ты познаешь истину: ты заковала себя в оковы, которые называешь крыльями. Ты хотела летать, но так боишься расстаться с землей, что предпочла картонные крылья самообмана. Ты сумела убедить себя, что этот Поход нужен людям, *человечеству*. Но на самом деле он нужен лишь троим: тебе, Злате и Суи. Вы готовы погубить сотни тысяч жизней во имя своего заблуждения, а потом, рыдая на могилах, вы будете грозить Небу кулаками и истерично кричать: «За что?!!».

Лицемеры! Уже сейчас вы догадываетесь, что из Похода не получится ничего хорошего, но менять ничего не хотите. Даже в мыслях не хотите вы расстаться с масками «народных спасителей», натянутыми на ваши перепуганные мордашки. Но все это — лишь иллюзии, которые вы трое принимаете за реальность...

Твой Поход сломает жизни сотням тысяч людей, может, даже миллионам... Ты ведь не видишь будущего, не видишь, чем это закончится. И тем не менее ты становишься в позу, когда речь касается одного-единственного Дракона и твоего... так сказать, *предательства*? Вот уж действительно смешная логика у вас, человек.

— Я не предаю Туэола.

— Ты слышала хоть слово из всего, что я тебе сказал?

— Ты лжешь мне!!! Ты лжешь страшно и отвратительно! Ты... ты...

— Я Дракон, — закончил за нее Танэол. — А Драконы, моя девочка, не умеют лгать. И прекращай изливать время в пустоту. Ты Темная... И ничего страшного в этом нет. Ты забыла, что мир создан Двумя Началами, — лишь уголь оставляет след на холсте. Поэтому прекрати свои бесплодные попытки изменить мир к лучшему и помоги мне творить грядущее.

— Разрушать... убивать... сжигать... — прошептала Райси.

— Но это же твое Предназначение, милая девочка... Неужели ты не понимаешь, что для того, чтобы выстроить новый дом, необходимо снести с лица земли дом старый? Да, придется разрушать, придется сжигать и убивать. Но этот мир — Пиллея — *отжил свое*. Гончар должен разбить неудавшееся творение и размочить глину, чтобы создать творение новое.

— Но в мире столько глины... Почему не поставить творения... рядом...

— Потому что Огонь уйдет из этих форм. Стремление усовершенствовать себя, даже путем страданий, заложено во всем живом. Убери это стремление — и формы заостенуют и придут к неизбежному разрушению, словно мертвые големы на пути в Наэн. Несовершенство всегда побеждается совершенством, но чтобы победить, новая форма вынуждена разрушить старую.

— Я... нет... я не могу... Туэол рядом... Он — во мне...

— Где?... Кто?... Да о чем ты говоришь, девочка?!! Где Туэол? Где?!! Чахнет над несуществующим златом своих пещер, отправив тебя сюда одну. Нить, которая связывает вас, разорвана уже *столько раз*, многочисленные узелки расплетаются сами, а вы все связываете и связываете их заново. Туэол не любит тебя!

— Не говори так!!! — закричала Райси. — Не смей говорить так!!!

— Тебе так тяжело, а его нет рядом. Иди ко мне, девочка, — и я покажу тебе, как одно живое существо может заботиться о другом... Иди ко мне — и ты познаешь истинную преданность,

истинное Предназначение, истинное наслаждение. Карой Небесной ворвемся мы в миры Пиллеи, молотами раздробим закопченные гномьи холмы, пламенем магическим превратим Хауэну в озеро шлака, ударами крыл разрушим дворцы Гаксторна. Мы удобрим землю и очистим ее от скверны — и новая жизнь будет зреть на бескрайних полях Мироздания. Неужели ты не хочешь, чтобы Драконы снова приходили на Пиллею; неужели не хочешь, чтобы снова нежились они в восходящих потоках теплого воздуха?.. Неужели бесславная и бессмысленная смерть — это все, что тебя привлекает? Ты хочешь быть с Туэолом, но его нет здесь. Ты хочешь спасти мир от ффинов, но тебе это не под силу... Признай же, наконец, призрачность своих детских мечтаний и прими руку, которую ты отвергла на Т'Анне.

Райси бессильно молчала...

— А как же любовь?.. — спросила она тихо. — Я так сильно люблю Туэола...

— Твоя любовь прикрывает лишь твой эгоизм. Не ты нужна Дракону, но, наоборот, это он нужен тебе. *Ты* хочешь быть рядом с ним. *Ты* хочешь причаститься к Чаше его Знаний. *Ты* хочешь остаться Избранной навсегда. Ты даже не понимаешь, что Дракон не способен любить человека. Он сочувствует вашей немощности и стремится отогреть хоть немного — вот и вся его любовь. И имя любви этой — сострадание.

Райси молчала. Ей было очень холодно, хотя вокруг кипело невидимое пламя. Она все так же не чувствовала своего тела, но теперь ей казалось, что оно покрыто коркой льда. Лишь внутри она ощущала стук сердца.

— Мне хватит и сострадания, — сказала она едва слышно. — Неужели ты действительно считаешь, что любить надо только тех, кто любит тебя? Неужели именно так видишь ты мир — словно две чаши весов: чем больше положено на одну, тем больше должно положить на вторую? И если Туэол ни разу не вспомнит обо мне в грядущем, неужели и я должна забыть Его сейчас?..

— В чем же твоя правда, Дракон? — закричала она. — Неужели в том, чтобы отмерять крупицы любви, подобно аптекарю, отмеряющему лекарство?!! Крупица за крупицу, все точно и выверено... Но если ты так великолепно понимаешь мир, почему же так холодно у тебя? Почему звезда, которая приняла твой дух в свое тело, почему она вообще не светит?.. Ты не сумел зажечь ее собой и теперь стремишься погасить всю Вселенную... Мне холодно, больно и страшно, но я преодолею боль, холод и страх. Мне не нужно знать роль, которую отвел мне Туэол... Мне доста-

точно понимать, что я люблю Его. Ты говоришь, что я люблю Его ради себя, — Райси устало усмехнулась, — но это не так. Я просто люблю Его. Мне не нужно понимать Его идеалы, чтобы следовать им... потому что Он никогда не призывал меня. Мы шли вместе не потому, что Он посадил меня на поводок и указывал хлыстом, куда идти, но потому, что направлял меня ласково и незаметно, так, что я даже не догадывалась об этом.

— Направлял куда?! — рявкнул Танэол.

Рык его сотряс всю звезду, но Райси даже не почувствовала этого.

— Ты говоришь, Его нет рядом со мной. Но Кто тогда живет в моем сердце? Почему, когда я вспоминаю Его, у меня теплеет внутри... и даже в холоде царства твоего мне тепло от одной мысли о Нем. Если это не Он, то Кто? Моя любовь к Нему? Но Он — это и есть моя любовь. Все, что вне этой любви, — это уже не Он. Все, что вне моей любви, — это иллюзии, это лишь несовершенство моего восприятия. В мире лжи одна лишь любовь истинна.

Теперь молчал Танэол.

— Ты не боишься меня?

— А я тебя и не боялась, — ласково улыбнулась ему Райси. — Я боялась лишь саму себя. Но это — в прошлом. Теперь — в прошлом.

— А если я оставлю тебя здесь?

— Ты не сможешь. Ты щедро украсил свой дом, но безделушки так и остаются безделушками. Многие лекари кладут на стол череп, но это не значит, что человек, которому череп принадлежал, страдает. Я прошла Тьму, Танэол, и до возвращения в мир света остаются мгновения. Я чувствую, как растет в моем сердце Цветок Связи с Ним. Я чувствую, как Знания льются в меня... Твои призраки — это всего лишь астральные тела тех, кто не справился. Безмозглые чучела, которые ты выставил у себя на огороде. Ты не властен надо мной. Не бывает бесславных смертей. Не бывает предназначения, которое обманывает. Драконы никогда не возносились в небо струями воздуха, ибо восходящей струи такой силы не создать горным хребтам. Они возлегли на воздухе, уносимые вверх чистотою своих помыслов, величием своего Духа... Так будет однажды и со мной, и какая жертва ни ждала бы меня, это будет моя жертва, к которой приведет меня любовь. И приму я эту жертву с легкостью, потому что принесу ее во Имя Его.

Долго молчал Дракон, глядя, казалось, в самую ее душу.

— Восходящая струя... — наконец усмехнулся он. — А я и не додумался. Давно я не слышал подобных слов. Что ж, Райси, иди к тому, что тебе предначертано. Я преклоняюсь перед твоей верой в свет, перед твоей верностью тем, кого ты любишь, преклоняюсь и боюсь за тебя. Я знаю, что тебя ждет. Ты сделаешь все, во что веришь, и горе будет тому, кто встанет у тебя на пути. Жаль, что мы будем по разные стороны, но разве могло случиться иначе?.. Ты ведь чтить свет, независимо от того, сколько раз он предал тебя, сколько раз ты обманулась в своих надеждах и сколько безответных молитв слезами иссушили твои глаза. Ты чтить свет уже потому, что он светел, а все остальное называешь несовершенством своего восприятия. И это прекрасно... Прекрасно, как и все, что я потерял когда-то и что никогда уже не вернуть.

— Прощай, Райси, — вздохнул он, — ты все-таки побывала за Дверью, и Дверь не раздавила тебя. Ты *была* Темной... сумеешь ли ты быть Светлой?.. Время покажет. Но и я не изверг... Я дам тебе подарок... покажу то, что ожидает тебя в конце пути... И знаешь, я завидую тебе, сопряженная Дракона Туэола. Всадница Дракона Туэола. Дочь Дракона Туэола.

Вспышка под веками... Вспышка такая яркая, что она почти ослепла. Вспышка, и видение... пришедшее *за нею*...

Она стоит совсем одна на поле, где совсем недавно бушевала лютая битва. Она едва держится на ногах, и от ее балахона, висящего клочьями, идет пар. Ее ятаган ал от крови. Над ней — темнеющее вечернее небо, сотни облаков застыли в нем белыми барашками. А потом она плавно проводит рукой вдоль лезвия ятагана, и кровь, покрывающая его, на мгновение вспыхивает и исчезает...

Сильные руки наставницы подхватили ее, когда она вывалилась наружу из черного прямоугольника Двери, из кошмара и безверия недр звезды, чей свет все еще бежит космическими дорогами, хотя звезда давно погасла.

— Я видела... — прошептала Райси. — Я видела, чем все закончится... Я стояла на поле боя и убирала с Меча покрывшую его кровь... я видела... видела... видела...

Резкий взгляд наставницы... Прая, согревающая ее бессильную ладонь в своих... Предназначение, почти осязаемое разрывающее ее грудь пульсирующим огнем своего дыхания...

Трое медленно брели к лагерю, едва различимому на фоне светлеющего неба. Они понимали, что завтра, когда маги прожгут заклинаниями портал в первый из нейтральных миров, за-

кончится *Поход* Великой Армии и начнется *Война*. Трое возвращались, и последняя ночь, проведенная в этом мире, медленно возносилась вверх, дымами перегоревших костров растворяясь в бархате предрассветного неба.

Сражение

Во *Втором Походе* против ффинов состоялось одно-единственное сражение, в котором встретились Армии противоположающихся сторон. Конечно, подобного развития событий не ожидал ни один из военначальников, которые вели Армию в *Поход*. Обе стороны готовились к медленному проникновению в миря неприятеля, к партизанским войнам, к перебоям с поставками провианта, к вспышкам заболеваний среди измученных солдат. И, учитывая мощь собранных Армий, никто не мог предположить, что Противоборство ограничится лишь одним столкновением.

Сражение произошло в продолговатой ложбине между двумя невысокими холмами. За одним из них виднелись руины полуразрушенного замка, неизвестно кем и когда построенного, а недалеко от руин находилась граница миров, соединяющая этот мир с третьим по счету нейтральным пограничным миром, пройденным человеческой Армией на пути от Жрицких миров. За другим холмом, примерно в часе ходьбы от него, также искажал пространство надстационарный портал, ведущий к третьему

после тринадцатого измерения нейтральному миру: тринадцатый мир был последним, захваченным ффинами; оттуда и пришла ффинская Армия.

Солнце медленно поднималось над горизонтом, и над сочными травами ложбины клубился густой утренний туман.

Со стороны замка показались люди. Только что они мерно маршировали мимо величественных руин, и вот они уже перестраивались в боевой порядок, а прибывшая разведка докладывала Тристану и Крайсу, что всего полчаса разделяет их и движущихся навстречу ффинов... Звон лат, скрип кожаных рем-

ней, быстрые косые взгляды друг на друга и на вершину холма, откуда Армии предстояло сорваться в атаку... Неопределенность и неизбежность...

Но люди уже идут — четко, слаженно, когорта за когортой, легион за легионом, все как один и один как все; идут, чтобы победить или умереть ради победы. И святые знамена развеваются над ними, резкими хлопками аплодируя их последнему маршу...

Армия поднялась на холм, и когорты замерли: перед ними, отделенные лишь широкой ложбиной, стояли их извечные враги, те, чей долг еще не был оплачен.

Так к своему Сражению пришли люди.

Ффины пришли с другой стороны. Также слаженные, также информированные разведкой о близости Армии людей, также понимающие, что именно этого дня они ждали два тысячелетия. Как и люди, они собирались предъявить свой счет, были готовы идти вперед до конца, готовы умереть ради того, что видели долгие месяцы похода лишь в багровых языках пламени. Они маршировали, втапывая в землю прошлое, и знамена с перевернутой пятиконечной звездой резко аплодировали им...

Вторая Ффинская Армия медленно поднялась на холм и замерла. Они стояли друг против друга — кредиторы, пришедшие за долгами, — и их счета длинными лентами тянулись от одного горизонта и до другого.

Армии были недвижимы, лишь знамена металась на подымавшемся вдруг ветру, который еще не разогнал утренний туман в ложбине. Армии смотрели друг на друга, оценивая мощь и правильность построений. А потом раздался гул рога. И команда, отданная ффинской пехоте, превратилась в общую команду наступления, которая, словно импульс, толкнула Армии навстречу их общему *предназначению*.

Пехотинцы сорвались с места, как срывается в небо истомленный в клетке сокол, как устремляется на свободу замурченный в неволе волк, как бежит к оазису одурманенный миражами путник. И ложбина между двумя холмами затерянного безымянного мира стала долгожданным оазисом всей Пиллеи, где пришедшие из разных миров воины могли утолить жажду, иссушающую душу, — жажду мести Пиллеи.

И Армии летели навстречу друг другу.

Когда между ними оставалось расстояние примерно в километр, яркие вспышки огня заматались между еще ровными рядами: Древнее Оружие, на которое так рассчитывал Суи, было

найдено не только людьми... Вспышки, гарь, летящие в стороны обугленные части тел, стиснутые зубы, кровь на лицах, кровь тех, кто еще секунду назад бежал рядом, кровь, которой не чувствуешь... И толчки... толчки... толчки, когда бегущие ноги бьют по проносащейся мимо земле.

На расстоянии в несколько сот метров к лазерным НЛ подключились более легкие М-3000. Тридцатиграммовые пули серпами косили нападающих...

Когда между армиями оставалось не более полусотни метров, Оружие полетело на землю -- с пустыми обоймами автоматов и севшими блоками питания лазеров...

Тридцать метров... Кто-то закричал, кто-то подхватил этот крик — не крик, а рев... чей-то голос сорвался на фальцет...

Двадцать метров... Побелевшие пальцы на рукоятях мечей сжались до немоты в суставах, сжались так, что стальные кольца латных перчаток врезались в ладони...

Десять метров... Искаженные яростью ффинские морды, дергающиеся от бега, уже совсем рядом...

Пять метров... три метра... один метр...

УДАР!!!

Грохот, сотрясший землю, был слышен за десятки километров от ложбины.

Вопли... крики ярости... крики ужаса... врезающийся в Небо звон оружия... новые крики...

Бежавшие в первых рядах умерли в считанные секунды — в момент столкновения Армии потеряли боевой порядок передовых рядов.

Люди и ффины рубили друг друга в спину, рубили в незащищенные бока, по открытым ногам, и через мгновение, выворачивая меч для нового удара, сами были сражены таким же ударом — в спину, в бок, по незащищенным ногам. Кое-кто успевал получить по два-три удара с разных сторон, прежде чем судьба милосердно позволяла ему упасть на землю.

Некоторые из особистов Суи не успели расстрелять обойму и теперь, оказавшись в самом аду, поливали все вокруг огнем штурмовых винтовок, без разбору убивая все и вся.

На левом фланге кавалерия людей с оглушающим грохотом врезалась в ффинские когорты. Трехметровые копья сразу вырвались у конников из рук, пронзая по три-четыре тела каждое, и всадники с криками доставали мечи, но в это время ффинская конница налетела на них с тыла.

Люди... ффины... гномы, разрубающие топорами противников почти пополам с одного удара... эльфы, непонятым образом попавшие с передовыми отрядами в самое пекло, но не растерявшие друг друга в хаосе удара, — эльфы, сплотившиеся спина к спине и выпускающие по стреле-две за секунду, несущие страшные потери под яростным натиском ффинских латников, но невозмутимо посылающие во врага новые стрелы... — все они затерялись в Аду того дня, багряными крыльями укутавшего землю.

Долгие жизни приближались они к этому моменту — люди... ффины... — чтобы отомстить за отца, за мать, за погубленную сестру, за убитого брата. И теперь мечи в руках рвались из стороны в сторону, увязая на секунду в чужой плоти и едва успевая вырваться, чтобы перехватить новый удар. И тетива звенела, не переставая, а стрелы не успевали искривить линию полета, опрокидывая бегущих навстречу, тех, кто уже не помнил, что в руке есть щит, и получал стрелу в забрало или в стык латных пластин. И топор тяжело проносился по дуге, едва вздрагивая, когда перерубал кости, и чужая кровь шлейфом срывалась с него, когда глянцевое лезвие выходило на новую дугу смертоносного удара...

Вот они, вот!!! Вот!!! *ВОТ!!!*

И удар... жестокий удар, от которого теряешь равновесие, который сбивает с ритма и, словно магическая анестезия, делает бок нечувствительным к боли, — люди, гномы, эльфы, ффины... каждый из них лишь кривился от досады из-за пропущенного удара. И шаги, путающиеся в попытке найти былой ритм; и меч, который еще сжимает рука; и рывок в попытке достать того, чей удар пропустил; и новая гримаса досады; все более слабеющие ноги; меч, выскальзывающийся из пальцев; летящая навстречу земля; и новый удар, которого почти не чувствуешь; и глаза... глаза с совсем другими зрачками, глядящими в душу, глаза последнего из тех, кого успел достать лежащим рядом мечом.

И, глядя друг другу в глаза и чувствуя, как вылетает из перерубленных артерий кровь, люди и ффины отпускали из своих затихающих сердец бурлящие там злобу и ненависть, презрение и жажду крови... отпускали, объединяемые чем-то более могущественным, чем злоба, ненависть или даже вера... объединяемые *Смертью* навеки, возносимые *ею* навстречу ярко сияющему Млечному Пути.

...

А в небе, всего сотней метров выше, тоже кипел бой, и сила магии состязалась там с силою чернокнижия. Разливались реки огня, и шипели извилистые молнии, лилась вниз кипящая кровь, и летели следом обрывки сторевших мантий: маги сражались и умирали в небесах так же, как и пехотинцы на земле.

Никто не заметил, когда пришли Драконы, но они появились в небе, еще выше магов, почти одновременно — Золотые и Черные — и так же одновременно устремились к земле. Раскинув в стороны огромные кожистые крылья, Драконы пронеслись над людьми, над ффинами — и солнце исчезало, стертое с небосвода дымом огненного дыхания, а реки магического пламени срывались вниз из распахнутых пастей. Они пронеслись над легионами — и выжженные канавы полосами ложились среди сплетения людской и ффинской вражды.

Но вот Драконы заметили друг друга... Несколько взмахов огромных крыльев — и Черное перемешалось с Золотым. Оглушающий рев, реки огня, льющиеся во все стороны, магия, равной которой не знал ни один маг... Отдельные заклинания долетали до земли — и тогда невиданные взрывы разбрасывали сражающихся на сотни метров вокруг. Иногда громадная тень падала вниз, проносясь сквозь строй магов и чернокнижников, и с грохотом рушилась на пехотинцев, погребая под собой всех подряд... Кровь Драконьих ран, ядовитая и беспощадная, дождем хлестала на головы солдат, когда раненый Дракон пронесился над ними, — и вопли боли и ужаса летели ему вслед.

А потом пришли мертвецы. Воины Леты вынырнули из пространства между мирами одновременно с нелюдьми, воскрешенными некромансерами. Воины Леты бросались в бой с именем своей королевы на устах — и великая сила коконами окутывала их так явно, что ффины в ужасе спасались бегством, и заклинания, едва доступные человеческому восприятию, летели ффинам вслед. Словно привидения, воины призрачного города носились среди вражеских центурий, и мечи их разили без разбору и жалости.

Атака воинов Леты поначалу помогла людям, но лишь до тех пор, пока на краю сражения некромансеры не призвали монотонным речитативом магию нечисти. И темные сгустки энергии извивающимися гадами поползли из их рук по земле. Они ползли к трупам людским и ффинским, заползали в них, словно в норы, — и трупы оживали от темной силы. Рычанье мертвых глоток... спазматически сжатое в руках оружие... Рывками они поднима-

лись на ноги — *те*, кого только что убили, *те*, кто был вновь жив и вновь готов был *убивать*. Иногда некромансеры не рассчитывали посланной энергии — и тела разрывало на части, а с земли поднимались лишь скелеты в лохмотьях плоти. Нежить, призванная в этот мир, была неповоротлива, но количество мертвецов компенсировало этот недостаток...

Когда воины Леты и некромансеры почувствовали друг друга?.. Когда они бросили терзаемые жертвы, чтобы скрестить мечи друг с другом?.. И ффинам уже не противостояли герои, умершие многие века назад, а сила в шагающих к людям мертвецах вдрут иссякла.

И снова люди и ффины — один на один, заклятые своей ненавистью... И меч снова ползет вверх... и снова сталь сталкивается со сталью... и снова все возвращается на круги своя.

Кровь... Боль... Скелет Дракона, взмывший вверх на краю сражения и случайно оказавшийся между Черным и Золотым... Души погибших, безуспешно атакующие солдат Леты... Некромансерская магия, не уступающая по силе магии леттян... Звон оружия... Крики... Чужой кошмар, ставший явью... Чужая явь, ставшая кошмаром... Ад, имя которому — Второе Сражение за Пиллею...

Появление Ангелов было подобно сиянию молний. Они сошлись с Небес, словно падающие звезды. Сияющими полосами проносились они над ффинами — и изувеченные тела разлетались в стороны, рассеченные на части быстрыми, как мысль, взмахами огненных мечей. Финские вопли ужаса... Людские вопли ярости... Давящая человеческая масса, все более смещающая сражение на финскую сторону... Крики... Звон оружия... Новые вопли...

Демоны... Они ворвались в этот мир из своего подземного царства, и удары их боевых кос укладывали людей наземь стогами. Людские вопли ужаса... Финские вопли ярости... Бесконечный звон оружия...

Ангелам и Демонам понадобились секунды, чтобы увидеть друг друга, замереть на мгновение и с ревом, истязающим мироздание, броситься навстречу, сметая все на своем пути.

Свет и Тьма сошлись на этом поле, весь **Свет** и вся **Тьма** Пиллеи... Но кто из них был Светом, а кто Тьмою?.. Исчезло все, что сражающиеся несли когда-то в мир, то, чем они когда-то были. Осталось лишь одно стремление уничтожения. Был ли цвет их чувств Белым или Черным?.. Вряд ли эти чувства имели только определенный цвет. Смерть стоит за всеми цветами, скрываясь

в каждом из них. Она всегда ютится там, где рано или поздно будет востребована... В тот безымянный день, который вполне мог бы быть одним из многих, озаривших щедрыми лучами солнца туманную ложбину далекого мира, смерти не было на что жаловаться. Урожай был собран невиданно щедрый...

Бой грохотал с первых лучей утреннего солнца до полуночи, осыпавшей небосвод звездным бисером. Уже нельзя было разглядеть, кого рубит меч — друга или врага, и оружие выскальзывало из рук от разжимающей пальцы усталости. И латы, так сильно давящие на плечи, подкашивали дрожащие ноги. И уставшее от ужаса сознание уже не могло контролировать истерзанное тело.

Люди и ффины расходились в разные стороны: кто — на негнущихся ногах, кто — ползком, повизгивая от ужаса, когда натыкался в темноте на такие же тени, ползущие в другую сторону. Некоторые бессильно лежали на том самом месте, куда повалила их усталость, и зачарованно смотрели в небо на миллиарды звезд, высыпавших на небосвод, на идущий через мироздание Млечный Путь... И тишина воцарилась над полем, где не было больше Света и Тьмы, Людей и Ффинов, Ангелов и Демонов, Золотых и Черных, Леттян и Некромансеров, но где было *то*, что они после себя оставили.

На холмах, откуда Армии устремились в бой, горели костры, указывавшие путь к спасению тем немногим, кому повезло выжить. И те немногие, кому повезло, шли. В одиночку, по два, по три, многие даже без оружия, они стремились к свету, отталкивающему страх и ужас вместе с ночным мраком; они стремились к тому, что не умели ценить достаточно, что не сумели защитить достаточно; они медленно брели, спотыкались, падали, подымались и отправлялись в путь снова, не замечая ночных теней, шарахающихся от них, теней, которые еще так недавно были их *врагами*. Шли люди... и шли ффины. Шли на свет зовущих огней.

У костров было тихо. Живые, раненые, умирающие — все жались к кострам.

Люди тянулись к огню, вглядывались в него, осушая жаром бегущие по щекам слезы... и молчали. Изредка кто-то пытался что-нибудь сказать, но вместо слов из его горла вылетало лишь нечленораздельное мычание... Человек умолкал, а остальные делали вид, что ничего не слышали. Сидящим у людских костров было понятно — сегодняшняя победа осталась за ффинами. Было ясно, что все мечтания сторели в гудящем пламени реальности,

перегорели на утлые угли, уносящиеся теперь к небесам сияющими искрами. Малой и беспомощной оказалась их вера, недостаточными убеждения и тщетными старания... Было понятно, что они не смогли донести до конца то, что было возложено на их плечи. И теперь их ждет позорное отступление, быстрые дневные и ночные марш-броски, бег из одного измерения в другое, чтобы оттянуть ффинскую Армию на себя и не допустить ее туда, где осталось все, что они шли защищать. И людям понадобятся не два и не три месяца, чтобы собрать новую армию и вновь выступить в Поход против ффинов. Это было так ясно... По крайней мере, как им тогда казалось.

А в это время оставшиеся в живых ффины тоже сидели у костров и, глядя на уносящиеся вверх искры, тоже оплакивали в своих душах потерянное на поле брани Предназначение... Они также готовились к завтрашнему отступлению и быстрому маневрированию, чтобы не допустить армии людей во внутренние ффинские миры. Они готовились собирать новую армию и идти в новый бой. Готовились... По крайней мере, как им тогда казалось.

И горели костры в темноте. И печалились сидящие возле них о несбывшихся мечтаниях прошлого, которые промелькнули мимо, словно первый весенний день, словно первая весенняя ночь, и которые измучили душу, словно первое весеннее утро.

От стотысячной армии людей осталось в живых пять тысяч пехотинцев и около четырехсот магов.

От стотысячной армии ффинов осталось в живых шесть тысяч пехотинцев и около двухсот чернокнижников.

Таковы были итоги. Второе Сражение за Пиллею состоялось, и обе стороны проиграли в нем.

Второй Великий Поход Друг-против-Друга был закончен.

Райси

Сражение грохотало.

С холма, где находился резерв магов и жриц, поле боя было видно настолько хорошо, что Райси раз за разом закусывала губы и заламывала пальцы в бессильных попытках отвести взгляд. Она видела все происходящее, и боль пронзала ее сердце, когда сотнями гибли пехотинцы, смешавшись в инерции атаки с передовыми отрядами ффинов; когда ффинские латники беспощадно вырезали отряд эльфийских лучников; когда падали на землю гномы, втаптываемые в зелень трав копытами ффинской конни-

цы; когда люди, гномы и эльфы сражались и гибли там, где сражаться и гибнуть было суждено только ей.

Никогда еще она не испытывала ярости и обиды от несправедливости больших, чем на последнем Собрании, когда на рассмотрение Армии был вынесен вопрос о непринятии Избранными участия в Сражении. Кто предложил эту глупость, она не помнила, но когда дело дошло до голосования, все сто тысяч воинов были едины: рядом с собой в бою они хотели видеть лишь Тристана, Крайса, Гиннада, Аэоми, Раэлиэ и Ауэна. Ни Злата, ни Райси, ни Суи по их беспрекословному решению участие в битве принимать не могли, не имели права, учитывая их значение для всего человечества.

— Другую Армию собрать можно, — сказал один из магов, взлетевший над толпой, подобно неясному дыму от костра, — других же Избранных не найти и в тысячелетиях.

— Никто из них не должен пострадать, — говорил он, — иначе, глядя на грядущий мир с Небес, мы до скончания веков не сможем простить себе, что не уберегли тех единственных, кто мог бы исправить наши ошибки.

— Маг прав!

Люди в толпе удивленно перешептывались, не веря, что это сказал тот, кто сказал.

— А если мы проиграем?! — продолжил крепыш-гном, мощными руками расчищая место вокруг себя. — Вы думали, что будет, если мы все-таки проиграем?.. Я не верю ни в какие гадания, но вчера ночью я видел сон, и во сне своем я видел ффинов (одобрительный гул пронесся по рядам людей, и двое солдат подняли гнома над толпой на огромном осадном щите). Я видел их Армию — такую же сильную, как и наша. Я видел, что они, как и мы, идут в бой, чтобы победить. Видел, что они злы на нас ничуть не меньше нашего и так же яростно желают свести свои счета с нами. Я видел это и во сне сказал себе, что если уж мне и суждено погибнуть на Поле, то так тому и быть, ибо смерть всегда была привилегией воина. Но что будет, если мы погибнем все?.. Что будет тогда с моими горами, кто убережет моих детишек и жену мою, кто поможет тем, кто еще будет жив?.. (Снова гул одобрения в толпе). И тогда я подумал о Них. Я подумал о Тех, кто был рожден защитниками человечества, кому на роду суждено идти впереди и смотреть вдаль, чтобы убереечь тех, кто следует за ними. Мы шли за ними к Грифффу, шли по моим родным мирам, по мирам эльфов, по пограничным ведьминым мирам. И они все время были впереди и следили, чтобы наш путь был истинным. И

вот что я думаю, братцы мои! Думаю я, что пришло и наше время пойти впереди них. Время разведать дорогу *для них*. Пришло время и для нас, чтобы отплатить *им* за все то великое, что они дали нам... Кто были бы мы без *них*? Стадо без пастухов. Ффины могли опустошить наши земли одну за другой, и никто, кроме *них*, не смог бы объединить нас. Они дали нам Свет, дали нам Надежду. Мы так долго шли *за ними!!!* Пойдем же теперь впереди!!!

Долго молчала толпа. А потом Армия в едином порыве решила — ни один Избранный участия в Сражении не примет. Армия решила, что идти вперед и умирать в тот день будут другие, те, кто называл себя «простыми смертными».

Напрасно Суи орал, что никогда не подчинится этому бесовственному приказу, что так нельзя поступать с ними, потому что именно с них все началось, с них — *таких же простых людей, как и все...*

— Если порезать мне руку, — кричал он, — пойдет кровь. Если пронзить мечом мое сердце, я умру, как любой другой. А если убить дорогих мне людей, я буду рыдать над их могилами. Вы были рады, когда я шел рядом с вами в Походе, почему же теперь не хотите видеть меня рядом в Сражении?.. Вы хотите сделать из меня не воина, но *дезертира* — в чем вина моя?.. Почему не хотите, чтобы я принял ту же чашу, что суждена и вам?.. Почему?!! Почему?!!

Люди смущенно отворачивались, когда он искал их взгляда, и эльфы опускали глаза... гномы, и те не могли смотреть на него. Все, кроме одного...

— Ты мне брат, Суи... — сказал ему Гиннад. — Роднее родного, ближе единокровного. Если понадобится, я с радостью умру за тебя, и я знаю, что ты тоже готов умереть за меня. Знаю, что всю дорогу ты точил на ффинов свой громадный Клинок, стремясь отдать *все* освобождению человечества. Знаю, что после ВСЕГО, что произошло с тобой, ты стал настолько милосерден, что в сражении не станешь искать отмщения.

Поверь, видал я уже такие тряпицы, как у тебя, и взгляды видал, какой у тебя бывает, когда ты на нее смотришь. И я преклоняюсь перед тем, что ты сумел перестать ненавидеть убийц той невинной души. Знаю, что в сражение ты устремляешься не ради успокоения своего прошлого, но ради создания человеческого будущего.

Однако теперь ты должен найти в себе силы оглянуться назад. Ты должен увидеть легионы воинов, которые стоят за твоей спиной, и понять, что у каждого из них есть такие же платочки,

как у тебя. У кого-то платочки эти нитками вышиты, у кого-то каплями крови, но каждый из воинов здесь свой обет выполняет. Каждый из воинов пришел сюда, чтобы своей жизнью оплатить право жить другим людям, тем, кто вышивал ему платок.

Тебе это кажется страшным и несправедливым, но если не ты, если не Райси, если не Злата, то кто доведет до конца все, *что* мы вместе начали, все, во *что* верили, ради *чего* несем свои жизни на алтарь будущей битвы... Если не вы это сделаете, то *кто?*..

Погибнув здесь, вы никогда не сможете уберечь от смерти тех, чьи жизни *уже* вверены вам. Пав на поле боя, вы никогда не сможете поднять против ффинов новую армию. Я знаю, как тебе тяжело, Суи, знаю, ибо тяжело и мне... Ведь от Драконьих Копей я мечтал, как мы станем бок о бок на поле брани и как ффины будут сотнями ложиться нам под ноги, кровью своей смывая прошлые зверства. И бой будет кипеть вокруг, и новая цепь, выкованная в новом пламени, сплотит нас, ибо нет крепче уз берсеркеров, сражавшихся вместе, и легко мне будет сражаться с тобой рядом, и смерть моя будет легкой, если я буду знать, что она принесет жизнь тебе.

И теперь, Суи, я словно брошенный ребенок, ибо моего брата-берсеркера не будет рядом, когда секира моя скрестится с ффинским мечом. Как это несправедливо, Суи... Но, кроме наших желаний, есть еще нечто, как есть нечто еще, кроме наших жизней. И если мы хотим, Суи, идти именно тем путем, на который ступили когда-то, мы должны смириться, как смирились со всем остальным, чего не понимали. И завтра я стану на поле боя, а ты станешь за его чертой.

И Суи молчал, понимая, что уже *не Гиннад* говорит с ним... И Суи принимал приговор, вынесенный ему чем-то *высшим*, тем, чего он до конца не понимал. Он уже знал, что во время Битвы будет находиться среди летописцев, которые шли вместе с Армией, — якобы защищая их вместе с группой дряхлых ветеранов от возможной тыловой атаки ффинов. Суи понимал, что смирение ждет и Злату, которая во время Битвы будет рядом с врачевателями-друидами, якобы набираясь опыта врачевания. Он знал, что Райси будет стоять в неприкосновенном резерве магичек и жриц, самой старшей из которых была шестнадцатилетняя Раони — маленькая жрица без судьбы. Они сделают это, ибо смирение — единственное, что они могут избрать, *не сходя с Пути*...

Когда Армия проходила мимо руин неизвестного замка, Райси вдруг задумалась: а не являются ли они лишь Наследниками

какой-то непонятной им идеи, Наследниками, *но не исполнителями*? Что если судьбою им отведена лишь роль спускового крючка некоего Арбалета Сверхений? Что если сто тысяч человек просто вложены в механизм Второго Похода, а спусковому крючку лишь предстоит отправить бельт в смертоносный полет?

Раньше Райси свято верила, что может быть одна, только одна встреча с ффинами, только один щелчок тетивы... Но теперь страшная мысль бередила ей душу — неужели Высшие Силы допускают, что люди могут проиграть Сражение? Неужели в случае неудачи Они готовятся вложить в Арбалет новый бельт? Райси не знала ответа. Ей было очень страшно.

Наверное, оттого она избегала подымать глаза, когда Армия подходила к старому замку, и лишь сильнее сжимала руку на рукояти ятагана, когда проходила мимо руин, оставленных неизвестными героями в незапамятные времена...

Сражение грохотало. Вспышки молний ослепляли землю, расходясь в воздухе волнами жара... Сами маги выглядели с такого расстояния лишь черточками в высоте.

— Господи, Райси... — простионала Раони, дрожащей рукой показывая вдаль, — Господи, Райси...

Райси и сама все понимала: чернокнижники теснили магов, бросая в бой все новые резервы.

— Райси, мы должны сделать что-то, ты только посмотри...

Райси видела: маги все более перестраивались в оборонительный порядок, а молнии чернокнижников били не переставая. Нервная дрожь колотила ее тело, но она понимала, что если ее поставили сюда нянькой, то нянькой здесь она и останется. Ей хотелось в бой, хотелось выхватить свой ятаган и посылать сквозь него заклинания, лететь навстречу чернокнижникам и, уворачиваясь от их магии, все сокращать и сокращать дистанцию. Ей хотелось сойтись с ффинами на расстояние вытянутой руки и рубить, рубить с отмашкой, так, чтоб по ятагану пробегала лишь слабая дрожь, когда он наискось перерубает дуги вражьих ребер. Ей хотелось рубить и бить, рубить и бить за все и за всех, за все и за всех...

— Райси...

— Я вижу... — сжала она ладонь Раони. — Вижу, но мы не можем помочь. Даже без вас я не пошла бы в бой. Ты сама знаешь решение Армии — Коллегия воюет без нас... без Суи, Златы и без меня.

— Но Златовласка...

— Хватит, — оборвала ее Райси.

Она сама знала, что Злата не послушалась решения и, как только разведчики донесли весть о сближении Армий, исчезла, зная, что на магический поиск времени уже не хватит. Райси понимала ее, но предавать общие интересы ради интересов собственных?.. Хотя... Райси не знала, как сама поступила бы на ее месте: накануне Торби был найден убитым вместе с напарником в ночном карауле. Скорее всего, это был ффинский разведотряд, который наткнулся на них во время вылазки. Райси понимала, что Злата исчезла затем, чтобы найти этот разведотряд на Поле. Райси не винила ее... просто не хотела бы оказаться на ее месте...

Прошло немного времени. Маги все отступали и едва успевали маневрировать, вырываясь из кольца чернокнижников. Райси успела сгрызть свои ногти к тому моменту, когда наконец-то выхватила из ментального уровня материи посыл Ауэна к резервам боевых магов. Она заворожено вглядывалась в его обгоревшую мантию и иссушенное заклинаниями лицо, когда он кричал в пустоту, вызывая подкрепление... Изображение дергалось и качалось, когда Ауэн раз за разом уходил от летящих в него зарядов. Погас призыв — и стаями птиц взмыли в воздух резервы. Никогда Райси не видела такой стремительности полета, такой скорости, с которой маги мчались на помощь.

Резерв сыграл роль адреналина в артериях гибнущих когорт, и мощной атакой ффины были отброшены далеко назад. Теперь уже их позиции были оборонительными, а удары людских магов ломали их ряды. Перевес в воздушной битве был настолько смещен на ффинскую территорию, что часть магов отделилась от общего строя и направилась лечить раненых, тех, кто вложил последние силы в неровный, дерганный спуск к земле.

А еще через некоторое время голограмма Ауэна возникла прямо перед Райси. Он стоял на коленях возле молодого адепта, и свет его ладоней лился к лицу, сожженному почти до костей.

— Привет, Райси, — устало улыбнулся Ауэн. — Здесь так много раненых... Райси, они умирают прямо на руках... Мы не успеваем, мы так не успеваем, Райси... Ты не могла бы прийти сюда с девочками... Вы бы нам очень помогли.

— Конечно, Ауэн! — выкрикнула Райси, а потом улыбнулась: — Конечно... Но сражение...

Ауэн поймал ее улыбку и ответил улыбкой такой же — полной чистоты и мира, который погасил в его глазах еще тлеющие угли боя, ибо сила смерти, так недавно бывшая из его рук, наконец-то уступила место силе жизни.

— Да, детка, похоже, что мы все-таки утерли нос чернокнижникам.

Улыбка ее. Улыбка его. Багровая кожа на лице молодого мага, напоминающая уже просто ожог кипятком. Земля, уходящая из-под ног еще по-школьному четкого строя жриц. Упругий воздух, давящий на грудь и воющий в ушах. На глазах растущие черточки в небе, растущие черточки на земле; все ближе и ближе... еще немного... И вдруг слепящее копьё света, бьющее в школьный, по-детски правильный строй... Три горящих факела, летящие вниз; чей-то жуткий крик; чужой голос, орущий школьные команды ее глоткой; по-детски правильно выполненный разворот; еще два факела, сорвавшиеся вниз; новые команды, новые развороты; ффинский резерв чернокнижников, пробравшийся в тыл людям и взмывающий им навстречу. Удар! Удар! Удар! Блок на себя, блок на маленькую девочку рядом, не успевающую, ах, как не успевающую... Еще один факел... два... три... Блок, удар! Удар!! Удар!!! Кровь, молотами бьющая в виски... Вираз, еще один, еще... Перегрузки на грани возможного... Блок! Блок не на себя, а на маленькую девочку внизу, так *страшно* не успевающую... Блок!!! БЛОК!!! **He-e-e-er!!!!!!** Крик, вырывающий горло прочь, разрывающий на части легкие... Крик и безумная атака... Застилающая глаза ярость, когда просто летишь и убиваешь... Крик, еще один, еще... Новые и новые факелы, летящие к земле... Она, мечущаяся между оставшимися и не успевающая всех укрыть от так умело выпущенной магии... Новый факел... новый крик... Земля, промелькнувшая мимо... земля, крутящаяся в фигурах высшего пилотажа, от которых хрустят кости и трещат сухожилия... Раони... Маленькая жрица, всего год назад прошедшая Посвящение... огромная рана, вырвавшая плечо вместе с правой рукой... толчками вылетающая оттуда кровь... взгляд девочки, ничего не успевшей понять... ее чистые глаза, так быстро стекленеющие... булькающее дыхание... замершее дыхание...

Невольно вспомнилось, как на одном из привалов Раони призналась, что еще никогда не была с мужчиной, и как Райси весело смеялась и говорила, что вот это уж точно не беда. Вспомнилось, как она показывала девочке приемы атаки, ею придуманные, как было приятно видеть восхищение в глазах той, которая так недавно обрела свою истинную судьбу.

Судьба... неимоверно страшная судьба, лежащая теперь у Райси на руках... Немой вопрос, навеки застывший в глазах тысячами полуденных облаков... Неужели это и есть Судьба, которую принесла Раони Златовласка?.. Чернокнижники совсем рядом

— они великодушно позволили Райси проститься с последней из девочек, ушедших во Второй Великий Поход против ффинов, чтобы помочь великим взрослым... Косые взгляды чернокнижников, знающих намного больше, чем убитые ими дети, знающих больше о практике, а не о теории боя... Ее прямой и жестокий взгляд... Ненависть в ее зрачках... Это и есть Судьба?.. Ятаган, медленно поднимающийся навстречу ффинам... Это — Судьба?.. Ах, какие же они опытные и жестокие, но перепуганные, уже перепуганные...

Косая и страшная ухмылка появилась на ее лице: «Рано перепугались, рано...»

А потом все снова было резким и молниеносным, яростным, видимым лишь урывками, как бывает в яркий солнечный день, когда глаза открываются лишь на миг...

Райси помнила, как рвущийся из рук ятаган стал горячим от несущихся через него заклинаний, как один за другим бросались в атаку ффины и один за другим уходили на новый вираж, освобождая место для других, которые выныривали из-за их спин... Райси помнила, как, блокировав серию заклинаний, она оказалась лицом к лицу с опытным чернокнижником, как, широко открыв рот, вся вложилась в звуковой удар и кровь окатила ее лицо, когда ффина разорвало на части. Как, жестко насилуя ресурсы своего тела, она подлетала к ффинам вплотную и в ответ на немую мольбу вертикальных зрачков рубила, нанося один и тот же удар — сверху и наискось, — удар, отрубающий ффинам плечо и руку...

Чей-то блок со стороны, прикрывший ее очередную жертву... Несколько чернокнижников, прилетевших на помощь... Немного... совсем немного... уже меньше, еще меньше... Три, два, последний... два последних, пытающихся бить спаренно... Враги?.. Нет — всего лишь два взмаха ее ятагана... Земля, несущаяся навстречу, земля, жестко бьющая по пяткам... Хрустящие колени... Пустота... оупение... кровь, так медленно замедляющая свой яростный бег по взбухшим на руках венам...

Она стояла одна среди людских и ффинских трупов, и кровь, все такая же терпкая и соленая, струилась из носа; и уши были словно забиты чем-то вязким, и из них тоже текла кровь. Никого живого не было рядом. Где были все остальные — она не знала.

Позже она нашла мертвого Ауэна, чья грудь была пронзена кавалерийским копьём, нашла тело Раэлиэ, а затем — ее голову, лежащую в стороне. Раненые маги были добиты: ффинская кавалерия вынырнула сюда в мощном маневре и остатки чернокниж-

ников поддержали ее атаку. Они перебили всех, кто мог быть излечен и снова встать в строй... Они поступили тактически правильно.

Райси снесла их всех вместе — Ауэна, Раэлиэ, Раони, девочек, — разожгла в руке ритуальный огонь, произнесла холодные ритуальные фразы: «Восставший из пепла...» Развела по ветру пепел, теплый от все еще живущих в нем душ. Осмотрела себя, немного поморщилась при виде мокрого от крови балахона, от которого все еще шел пар. Осмотрела ятаган, также покрытый кровью. Плавно повела рукой вдоль его лезвия, с прищуром наблюдая, как кровь горит в силе заклинания и исчезает с поверхности меча.

Райси вздрогнула от внезапного *déjà vu*⁵⁴, а потом направилась в сторону грохочущего невдалеке сражения.

И небо синело над ней от уже заходящего солнца. И воспоминания всплывали перед глазами... Как ни странно, это не были воспоминания о ее Предназначении, о ее Брате и Сестре, и даже не воспоминания о солцеподобном Туэоле. Она видела другое — полный изумления взгляд Ауэна, когда тот смотрел на несущегося гровера, на копье, вонзающееся в его грудь... Видела последнюю гримасу досады, застывшую на лице Раэлиэ... Видела умирающие глаза Раони с перевернутым небом, которое отражалось в слепых уже зрачках...

Эти картины стояли перед ней так же ясно, как и приближающиеся ряды ратников. И она шла, чтобы стереть эти ряды, стереть так же, как и воспоминания, стереть их вместе с памятью. И она начала делать то, ради чего шла, шлепая сандалиями в диком месиве земли, истоптанной травы и пролитой крови, — она убивала.

Она убивала, с каждым ударом все более и более теряя что-то, что было раньше *в ней*, а теперь ушло куда-то; что было таким важным, а теперь затерялось где-то так далеко... среди облаков... Она была одна среди тысяч полуденных облаков, которые она убивала...

Десять ффинов она убила за Ауэна, пятнадцать — за Раэлиэ, и двадцать... тридцать... пятьдесят... за Раони... И еще одного, пронзившего ее мечом, она убила за себя...

Она лежала рядом с ним, и для нее не имело значения, что убитый был, как и она, магом, что его меч был, как и ее меч, ята-

⁵⁴ Уже видел (фр.)

ганом и что, умирая, он долго вглядывался в нее, в то время как она глядела в небо...

И великий Млечный Путь проступал сквозь еще плотный ультрамарин... он сиял так призывно, что Райси вдруг стало понятно — им всем предстояло пройти по нему рука об руку: людям и ффинам, магам и чернокнижникам, эльфам и некромансерам.

А потом, когда последние остатки жизни покинули Райси, ее голова бессильно повернулась набок, навстречу вопросу вертикальных зрачков, навеки остановившихся на ней.

«Зачем мы пришли сюда?» — спрашивали глаза ффина.

«Мы воевали... мы воевали за Пиллею», — отвечали глаза ее.

«Мы ненавидели друг друга», — вспомнили ффинские глаза.

«Мы ненавидели друг друга...» — вторили глаза ее.

Имело ли для нее значение, что он был ффином, а она — человеком? Что час назад она была готова убивать, убивать и убивать, чтобы только стереть из памяти перевернутые барашки облаков в стекленеющих глазах?.. Имело ли значение, что всю свою жизнь она посвятила тому, чтобы прийти на Поле и совершить то Нечто, о Котором теперь даже не помнила?.. Ведь было же Предназначение... Была Дорога, которую предстояло пройти... Была Цель, которой предстояло достичь...

Нет. Нет. Нет... Ничего уже не было. Все непоправимо потерялось среди сотен облаков, вплавленных в смертельно остекленевшее небо. Теперь ничто уже не имело значения для Райси. Даже то, что Туэол так и не пришел ей на помощь.

Последние лучи солнца покидали небосвод, а она все быстрее неслась вверх, вспоминая тот странный сон, в котором она уже видела все это, вспоминая, но ни капли не жалея, что все сложилось именно так.

Последние лучи солнца покидали небосвод, а десятки тысяч тел все так же лежали там, где все еще кипело Сражение. Первое и последнее Сражение Вторых Великих Армий. Первое и последнее их Сражение за Пиллею.

Джедди Златовласка

Она нервно кусала губы, замерев в пятом ряду когорты Орла.

Солдаты уже перестраивались в боевой порядок, спешно проверяя ремешки лат и подтягивая перевязи оружия. Весть о том, что людская Армия подошла к Армии ффинов вызвала лишь

некоторое оживление на общем фоне жесткого эмоционального настроения: слишком долгий путь прошли люди до этой лощины, чтобы теперь пугаться последних шагов.

Стоя среди них, Злата пыталась настроиться на общее звучание их мыслей и забыть, что в любую секунду может появиться Суи, или, еще хуже, Райси, схватить ее за ухо и потащить назад к друидам. Она искренне надеялась, что ни Суи, ни Райси, ни Ауэну не хватит времени на магический сканнинг. Они, возможно, и обнаружили уже пропажу, но дел у них, кроме нее, должно быть невпроворот.

Друиды радостно встретили ее вчера, но оттенки их взглядов рассказали ей — они понимают, что она у них в гостях.

— Ты уже точно решила? — спросил старый однорукий друид, когда она с тоской смотрела, как солнечные блики срыбаются в бесконечность с начищенных лат проходящей мимо Армии.

— Что решила?.. — повернулась она к друиду.

Друид улыбнулся и потрепал ее по плечу:

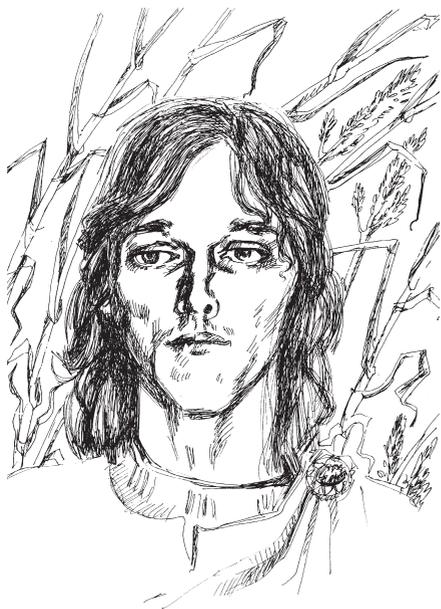
— Когда все начнется, у них не будет времени на сканнинг.

Она еще долго смотрела ему вслед, еще долго Армия маршировала мимо, и долго еще в ее душе было смятение от услышанных слов. Понимал ли он ее?.. Она не знала, как можно понять человека, пробыв рядом с ним всего пару минут и пару раз столкнувшись взглядами. Но, не зная этого, она поняла, что произнесенные слова были единственным, в чем она нуждалась.

«И вообще, это было невиданным свинством, — в который раз подумалось ей, — отгораживать ее, Райси и Суи от Сражения, от того, к чему они все так долго стремились, ради чего столько перенесли».

Впереди, среди плотно сомкнутых рядов пехотинцев, мелькнул багровый плащ, и алый плюмаж метнулся над шлемами. «Он...» Сердце пропустило пару ударов и рванулось так сильно, словно испугалось само: «Орл...»

Вспомнилось, как несколько дней назад, как раз во время великого голосования Армии, они сбегали с Орлом ото всех. Вспомнилось, как они бежали — рука в руке — и как земля летела под их ногами; как затихал гомон тысяч людей, говорящих одновременно и поэтому не слышащих никого; как остались лишь они и сотни облаков, плывущих в синем, немного уже разбавленном осенью небе. И как лежали они на все еще полных лета травах и она прижималась щекой к его плечу, и как он обнимал ее, и как

счастливо улыбался, так же, как и она, глядя вверх, в синюю бездну неба.

— Ты знаешь, — наконец сказал он, — может, Армия и права... Вы трое ведь не обычные новобранцы, которых в бою ставят в первые шеренги, чтобы атаковать из-за их *мертвых* спин. Для достижения цели, конечно, можно многим пожертвовать, но когда приходит время, лишь глупец жертвует самым ценным. Вы ведь далеко не то, что мы... вы другие... совсем другие...

— Глупости какие, — сонно пробормотала она. — Ты говоришь такие глупости...

Она вздохнула и погладила его по руке.

— Никакие мы не особенные. Мы такие же, как и вы. Любой мог бы встать на наше место, потому что единственное, что отличает нас *троих* — это время. Маленький промежуток времени, когда мы были уже вместе, а вы еще только собирались. Все мы увидели свет и пошли к нему... Просто трое вышли в путь на несколько жизней раньше, и потому, глядя вперед, вы видели уже не только *свет*, но и наши фигуры, которые он озарял. И вы благоговели перед нами, наделяя нас несуществующей избранностью и не понимая, что это вовсе не мы светимся, но Цель, к которой мы все идем. Свет звезды, зовущий за горизонт... Мы не были Избранными, мы просто были Первыми. Теми, кто показал вам, что свет так же достижим, как и все, что он освещает...

— Хотя, — рассмеялась Злата, — может, в этом Избранность и есть? В том, чтобы уметь сделать первый шаг, уметь показать, что путь к Свету можно сложить *человеческими руками*... Наверное, в этом и была наша роль — дать вам силы *поверить*... в самих себя.

Она помолчала.

— Если бы все было так просто...

Улыбка. Веселая улыбка на ее устах.

— Почему-то мир видится человеку поразительно сложным. Но когда приходит момент прозрения, человек понимает, что не мир он видел, но безобразные стены, которыми сокрыл от себя мир. Мышление людей выстраивает вокруг них неприступные бастионы иллюзий, и мир видится серым и унылым через покрытые копотью окна. Распахни окно — и ты увидишь часть Божественного великолепия. Посади Древо Веры и Любви посреди Бастионов Страха и Эгоизма — и ростки прекрасного прорастут сквозь темные слои. А когда твое Древо окрепнет достаточно, стены рухнут и Свобода вознесет тебя в Небесную лазурь.

Златовласка ласково погладила Орла по щеке:

— Все это время мы шли рядом по одной и той же дороге. Мы дышали одним и тем же воздухом, ели одну и ту же похлебку. Мы вместе точили на привалах наши клинки. Что же отличает нас друг от друга?.. Только ваше желание видеть нас другими. Желание следовать за Ведущими в Страну Веры.

Его спокойное дыхание не могло обмануть ее.

— А что там, ты не знаешь?..

На секунду она прижалась к нему чуть крепче.

— А там будем мы с тобой. И никого больше. Будет окончание Похода и маленький домик в одном из пограничных миров, которые больше не будут опасными.

Она улыбнулась.

— Я знаю этот мир, где два солнца садятся и восходят одно за другим — одно маленькое и слепяще-голубое, а второе красное, огромное, раза в три большее, чем обычные желтые... Голубое, хоть и поменьше, греет сильнее, чем красное, и когда одно выкачивается из-за небосвода, а второе скрывается за ним, то с одной стороны горизонт становится ало-пурпурным, а с другой — накаляется добела, сгорая облаками в индиго поднебесья. А там, где краски эти сходятся, от горизонта до горизонта горит пурпурная радуга... Наше племя несколько раз бывало в этом мире. Урожай там обильные, а дети растут светловолосыми и сильными. Мы могли бы жить там, этот мир мне так нравился...

Ее тихий вздох. Его рука, легонько перебирающая пряди ее огненно-рыжих волос.

— Знаешь, — пытаюсь совладать с голосом, сказал он, — наверное, все-таки Армия права, не разрешая вам ввязываться в Сражение. Если с тобой что-то случится, я никогда себе этого не прощу.

— Милый, — Злата приподнялась на локте и долго смотрела в его глаза. — Милый мой Орл... я ведь тоже никогда не прощу

себе, если что-то случится с тобой... Просто любовь — это не только право на опеку... это еще и обязанность смирения с выбором любимого. Наверное, именно поэтому мы и пойдём в Бой вместе. Пойдём туда связанные вечной клятвой, которой вчера еще не было, пойдём, как и подобает мужу и жене, вместе. Пока смерть не разлучит нас.

— Не говори так. Твои слова, как вороны...

— Нет никаких воронов, Орл. Есть мы с тобой, наша любовь и ничего больше.

Долго она смотрела на него, а потом плавно опустила голову ему на грудь.

— Я люблю тебя, Орл... Я люблю тебя, и уберегу тебя тоже я... Обязательно уберегу тем, что люблю тебя так сильно. А ты убережешь меня.

Слеза покатила по ее щеке.

— Все будет хорошо, Орл... Все будет... хорошо. Неужели за все это время мы не выстрадали себе хоть немножечко счастья?..

Его рука крепко обняла ее.

— Я люблю тебя, Злата... И всегда буду любить тебя, что бы нас ни ждало.

И то, как сильно, почти по-мужски сильно она обняла его, и то, как он зарылся руками в локоны ее прекрасных волос, и то, как дернулось небо над ними, — все это было для них, *только* для них... для их любви.

А потом они медленно возвращались в лагерь. И гомон Армии становился все громче. И звезды в небе гасли, перекочевывая на землю тысячами костров, которые согревали холодную ночь... предпоследнюю во Втором Походе против ффинов.

А на следующий день ее отец был найден убитым...

Она стояла в пятом ряду когорты Орла... И он был рядом, нежно глядя на нее... *Он был рядом...*

И вот она уже шагала вперед, на ходу проводя рукой по ножнам катана, в последний раз проверяя безупречную подгонку.

Медленно они проходили мимо руин безымянного замка, разрушенного безымянными героями столетия назад, и руины угрюмо и величаво нависали над ними.

Разбивая оцепенение, кто-то во все горло затянул лихую молодецкую песню о том, как здорово гоняться за девушками весной, и Злата почему-то первой подхватила ее. И руины, нависшие над Армией, будто отшатнулись от задора и удали людей, идущих на последнюю битву: если человеческая жизнь — это самое

ценное в мире, то какой же должна быть ценность *высшая*, ради которой люди с такой легкостью шли умирать?..

Она вновь стояла в пятом ряду когорты Орла, и ветер, воющий над холмом, успокаивал ее разгоряченное лицо. Из-за спины товарищей она видела зелень ложбины, видела туман, почему-то все еще лежащий в долине, видела далекие лучи солнца, медленно испаряющие туман, и... вдаль, на другой стороне ложбины, она видела ффинов. Они напоминали далекий лес, зубчатым частоколом впившийся в небо. Они были похожи на самую великую мерзость, забыть которую нельзя и которую нужно *уничтожить*.

«Пиллея слишком тесна для людей и ффинов», — подумалось ей в тот момент...

А потом звук далекого рога донесся до нее, и колыхнулся лес, обманчиво медленно сползая по склону холма. На мгновение страх и нерешимость сплелись внутри нее... А потом за спиной раздался яростный крик, и она подхватила его, как песню, подхватила его первая. И земля понеслась назад, да так быстро, что Злата едва успевала подставлять ноги под бьющие удары. Ложбина дергалась вокруг нее, пронеслась мимо неровными ветками уже затоптанного кустарника, металась все более приближающимся строем ффинов, который мелькал среди бегущих перед ней ратников. Ближе... Ближе... Ближе... Так обманчиво медленно.

А потом что-то, словно яркая магическая стрела, сорвалось издалека и врезалось в тех, кто бежал впереди. Вспышка света была такой сильной, что Злата невольно отшатнулась в сторону, а гарь, ударившая ей в лицо, напомнила ту ночь, когда огненные дуги горящих стрел обрывали жизни воинов ее племени...

И она вновь бежала вперед, перепрыгивая через тела товарищей, которые уже не бегут, но катятся по земле в безумной попытке остановиться. Она перепрыгивала через тела тех, кого она успела узнать за время знакомства с Орлом. Перепрыгивала через то, что *от них осталось*. Изувеченные огнем лазерных НЛ, разорванные на части, они напоминали не людей, но разделанные туши животных. Она все бежала и бежала... В четвертом ряду когорты, в третьем, во втором.

Еще не вступив в бой, когорта потеряла мертвыми и изувеченными около двух сотен воинов.

Теперь, когда ффины были ближе, стало заметно, что особисты Суи наносят не меньшие потери в их рядах... Было видно, как ффины разлетаются в стороны от слепящих вспышек; как валяются под ноги бегущих мертвые и умирающие, изувеченные и

обоженные; как умирают те, кто шел сквозь сотни миров, чтобы бежать теперь вперед.

Словно слепящие молоты, метались между Армиями разряды лазеров, и только магические навыки, полученные от Райси, помогали Злате избегать губительной встречи с ними.

Впереди, немногим дальше ее, бежал Орл в обугленном плаще, с тремя верными товарищами, которые даже сейчас не теряли боевого порядка и прикрывали фланги своего командира.

И ффины... они были *все ближе*... Они уже не напоминали далекий лес, размытый туманом, нет... Это была уже орда чудовищ, орущая сатанинские призывы, размахивающая на бегу сатанинскими флагами...

Она уже видела несущегося на нее ффина, он орал что-то нечленораздельное, вперившись в нее остекленевшим взглядом, он так же, как и она, изо всех сил лупил ногами по ускользающей земле...

Онемевшие от ужаса, ярости и рвущего тело адреналина, были ли они людьми, были ли они ффинами?.. Были ли они хоть кем-нибудь, кроме заклятых врагов?.. Наверное, они не помнили ничего в тот момент, а то, что знали когда-то, забыли, утеряли, сожгли яростью.

И удар, от которого меч рванулся, выворачивая руки. Удар, кромсающий неопределенность, удар, от которого становится удивительно легко. Резкий разворот прямо на бегу — и второй удар: сверху вниз, задевающий спину ффина, который так пристально смотрел ей в глаза недавно... Рваная алая черта поперек колец его кольчуги... Уход от другого ффина, летящего на нее; новый рывок меча... новые рывки меча; столкновения с ффинами тело к телу; толпа, стиснувшая их так, что было тяжело даже вдохнуть... Неловкие, неуклюжие удары ее катана; чей-то меч, слепо соскальзывающий по ее наручу; полный боли крик над ухом; что-то горячее и тягучее, стекающее по рукам; оседающий на землю ффин... Толчки с разных сторон; рычащая прямо перед ней ффинская рожа; ее наруч, бьющий по ней так, что ффин захлебывается воздухом нового рыка... и катана, которому стало уже свободнее.

Хаос царил вокруг, она не могла уже разобрать, где ффины, где свои. Она просто била мечом раз за разом, била, как простой палкой, била... била...

Рывки меча, когда он встречался с чужой сталью; давящая тяжесть, когда он входил в чужое тело; свистящий скрежет, когда он соскальзывал по пластинам доспехов...

Злата хорошо чувствовала Меч, и Меч хорошо чувствовал ее. Постепенно ее движения становились все более точными, резкими и жесткими, и пока удар очередного ффина, задевший ее кирасу, по инерции заворачивал его тело, Злата успевала ударить сама. И Меч скользяще проходил ффину через бедро и живот наискось и взлетал навстречу новому мечу, который уже несся сверху. Почти нежно, единым прикосновением катана уводил ффинское оружие в сторону и сверху по плавной полукруглой дуге нырял за ффинскую спину, вниз, а потом в сторону, попадая точно в подколенную ямку, резким движением разрубал ногу почти до наколенника и, следуя за рисунком движения Златы, вылетал на новый разворот ее тела.

Постепенно Злата почувствовала, что не боится ни того, что может умереть, ни того, что может подвести их общую на Тройх судьбу... Вокруг нее становилось все свободнее и свободнее, и эта свобода пьянила ее. Она была уже пьяна ффинской кровью, пьяна ффинской неудачей, пьяна тем, что один за другим враги умирали под жестокими ударами ее Меча. Она кружилась, словно дикая кошка, попавшая в ловушку, и те, кто пришел забрать ее, понимали вдруг, что эта ловушка была приготовлена для них, что это была *та самая*, которая не пришла на Т'Анну, чтобы раньше времени не показать свою силу...

Все происходило очень быстро: неуклюжие удары врагов; исчезающий из поля зрения катана; холод, вонзающийся в ффинские внутренности. Злата рубила с отмашкой, рассекая поперек грудь врага; рубила прямо и жестко — сверху и наискось, острием меча разрубая чей-то шлем и отвратную морду под ним; делала прямые выпады, врываясь в узор чужой атаки единственным ударом. Она была одновременно везде, и убитые ею ффины не успевали еще умереть, как она убивала уже других. Безумной пляской своих ног она рвалась из стороны в сторону, сбивая противников с ритма, резко сокращала дистанцию, чтобы в следующую секунду разорвать контакт и атаковать других, наивно раскрывшихся для удара. Хриплое, прерывистое дыхание огнем обжигало горло. И свистел ее Меч и рвался из рук, встречаясь с вражеской сталью... Злата не знала, как далеко завела ее Суина ярость, вдруг проснувшаяся в ней. Она потеряла ощущение времени и пространства...

Когда перед ней возник ее драгоценный, самый любимый ее человек, когда рядом оказался Орл, уже потерявший своих друзей, когда течение битвы вдруг вынесло их друг к другу, она

радостно закричала. Она бы бросилась к нему, но ффины все еще окружали их...

Сначала он даже не узнал ее, но потом взгляд его прояснился, и он даже сумел улыбнуться ей, одновременно отбиваясь от атакующих ффинов.

— Откуда?!! — крикнул он ей между ударами. — Откуда ты здесь?!!

— Я же говорила... — не переставая орудовать мечом, отвечала ему Злата, — что никуда... не отпущу... тебя одного...

— Невероятно как получилось... — закричал он и вдруг осекся на полуслове.

— О Господи, — ошеломленно выдохнул Орл, помимо воли опуская к земле свой меч.

С трудом Злата отбила направленный ему в грудь удар, а потом подняла глаза туда, куда смотрел он. Обомлеть было от чего. Небо было почти скрыто за огромными крыльями Дракона, стремительно несущегося на них. Пылала золотая чешуя, и струи дыма полосами срывались назад из оскаленной пасти...

Подлетая к ним, он резко выдохнул, и огонь, перемешанный с чудовищным рыком, сорвался вниз. Злата едва успела прикрыть себя и Орла магией, когда рокочущее пламя врезалось в ффинские ряды. Словно тягучая вода, соскользнуло пламя по куполу защиты, и боль остроконечной иглой пронзила руки Златы до самых локтей. Сквозь радужную поверхность купола было видно, как Драконье пламя врезается в ффинов, срывает плоть с костей, сметает кости прочь и, волоча по земле, испаряет их. Те, кого лишь задело пламенем, с дикими воплями корчились на земле, а те, с кем пламя пролетело рядом, в панике тушили свою одежду. Ффины горели белым сияющим огнем так быстро, что разум отказывался верить увиденному.

Дракон пронесся над их головами — и черная полоса сгоревшей земли протянулась за ним, разделив ффинские ряды, словно приказ Моисея.

— Господи, — снова пробормотал Орл, и Злата увидела второго Дракона, летящего вслед за первым, летящего и жгущего новые ряды ффинов и добивающего тех, кто выжил после первой атаки.

Защита едва удержала Драконье пламя в этот раз, а Злата закричала от боли, едва устояв на ногах от усилия. Магия Райсиных рефлексов была еще жива в ней, но ее тело, непривычное к таким перегрузкам, начинало сдавать.

Когда над ними пронесся третий Дракон, Злата не устояла на ногах и повалилась на землю, не в силах даже сбросить тлеющие боевые перчатки. Некоторое время мир плавал в ее глазах, а в уши звуки проникали, лишь пройдя через глину непослушного сознания, которое стремилось ускользнуть из тела.

Восприятие мира возвращалось очень медленно. Уши были словно забиты чем-то, из носа текла кровь, привкус железа был и на языке. Звон стали прорывался сквозь гул, мир плавал перед глазами... плавала из стороны в сторону фигура Орла, который сражался с рослым ффином. Ффин мощно атаковал, поочередно нанося удары мечом в одной руке и боевым топором в другой. Злата с трудом поднялась на ноги, и именно в этот момент Орл пропустил отчаянный удар ффина: неожиданно взлетел ффинский меч на прямой колющий удар и вошел между нагрудными пластинами напротив сердца.

На мгновение Злата онемела, но за онемением пришел дикий вопль, когтями разорвавший горло... Едва сохраняя равновесие, она бросилась к ффину... Удар топора прорубил ее кирасу слева, бросил наземь, сбил дыхание напрочь...

Ффин не спешил добивать ее... Молча стоял рядом и наблюдал, как она приходит в себя: хоть удар топора и прорубил кирасу, но совладать с Клэровой кольчугой он не смог. Едва находя в себе силы, Злата резкими движениями сбросила прочь изувеченную броню и медленно поднялась на ноги. Ее грудная клетка онемела от боли сломанных ребер... С трудом отсалютовала она мастерскому удару ффина и замерла, не в силах отвести взгляда от его меча. Меч был самурайским, меч был катана, меч был *темный*.

— Да, — ответил ее взгляду ффин.

— Да, — вновь повторил он усмехнувшись. — Как видишь, ты не единственная Избранная на этом поле. Не знаю, зачем судьба света нас, но...

— Но уйти отсюда сможет только один, — закончила Злата, сглатывая кровь.

Ффин отсалютовал ей в ответ и резко бросился вперед. Два удара его меча, следовавшие один за другим, легонько соскользнули по ее катана. Но маскирующийся за ними удар топора... Злата чуть было не пропустила его. Чудом успела она сбросить его по своему наручу.

Инерция атаки занесла ффина вперед так, что они оказались лицом к лицу. Не было времени ни для раздумий, ни для ожиданий, и Злата ударила ффина попятой поверхностью наруча пря-

мо в рожу. Ффин захлебнулся воздухом и отшатнулся, невольно приподняв для защиты обе руки. Короткий взмах ее катана — и рука с топором отделилась от тела и упала наземь. С воплем Злата кинулась вперед, чтобы добить ффина, но сильный удар по внутренней стороне бедра отшвырнул ее в сторону. Нога подкосилась, и Злата оказалась на земле...

Ффин, ковыляя, подошел к ней и занес меч для последнего удара. Ее рука сама потянулась вперед... Свет заклинания лишил ффина равновесия и потянул вниз, уронив его прямо на острие катана.

Некоторое время Злата лежала под мертвым телом, а потом с трудом столкнула его прочь. Понож на ее ноге был разрублен, и кровь толчками вылетала из рассеченной артерии. Сначала она подумала про жгут, но потом высоко в небе она увидела Драконов. Черных Драконов там было больше, чем Золотых, и Золотые один за другим рушились вниз, сминая тех, кто сражался на земле.

Двое Драконов — Черный и Золотой — сцепились в этот момент прямо над ней... Они падали вниз, вонзив зубы друг другу в горло. Земля содрогнулась от удара их тел... Они лежали совсем рядом, и земля шипела и пузырилась там, где пролилась Драконья кровь.

Злата узнала Золотого Дракона, хотя никогда не видела его в таком облике. Она узнала Туэола, потому что не узнать не смогла бы уже никогда.

Медленно, теряя силы с каждым ударом сердца, она подползла к Орлу, лежащему невдалеке. Одинокая слеза побежала по ее щеке, и Злата отчаянно обняла своего мертвого мужа, прижавшись щекой к его груди. Кровь уже не била из ее раны, она вытекала все медленнее и медленнее, в такт останавливающемуся сердцу. И ей было холодно... ей было так холодно в этой проклятой Богом ложбине, словно созданной для того, чтобы губить чужие мечты. Ее слабеющая рука соскользнула с лица Орла на землю... Угасающее сознание девушки поразило то, что земля была намного теплее ее руки... и земля была бордовой. Все было бордовым в этой проклятой Богом ложбине, так умело губящей чуждые ей мечты.

...

А не так далеко от места, где умирала Златовласка, Райси размышляла, как же ей наказать непослушную девчонку. Взвесив все «за» и «против», жрица решила, что откровенного разговора должно хватить... Она нервно прикусила губу: чернокнижники

неумолимо теснили магов в воздухе совсем недалеко от месторасположения их резерва.

Суи

Еще не видимое солнце плавно подбиралось к далекому горизонту, раскрашивая мир мягкими цветами утренней акварели.

Армия медленно шагала вперед, и земля гудела под ее тяжелой поступью. Людям казалось, что это было обычное утро самого обычного дня, которых так много уже было позади. Людям казалось, что все было почти как всегда в этой жизни, которой давно стал для них Поход. Людям казалось, что этот день в тихом мире, полном пьянящего запаха сонных трав, обязательно прольет каплю спокойствия на их разгоряченные сердца — таким мирным казался нынешний рассвет, короной возносящийся над горизонтом.

Невдалеке маршировала Армия.

Суи стоял на невысоком холме, и рокот людских голосов перемешивался с металлическим бряцаньем мечей и доспехов.

Он был одним из тех, кто собирал Армию, кто уже шел вперед в то время, когда остальные еще не задумывались, что им нужно будет куда-то идти. Он посвятил Походу намного больше, чем просто свою жизнь... И вот он был сейчас в стороне от Похода, а Поход завершался в стороне от него...

Когда все только начиналось, Златовласка была еще простой кочевницей, Райси не спеша прыгала по измерениям, занимая свое сознание лишь вопросами об устройстве Параллелей. Кем она видела себя в те далекие дни? Может, первой жрицей, которая войдет в состав Гаксторнской Академии с собственной теорией о природе Параллелей?.. Ни она, ни Злата тогда не знали, что в измерениях затерян призрачный город Грифф, что однажды он будет отстроен и что они придут туда первыми из тех, кто его отстроит. В то время они были простыми людьми, живущими внутри своих маленьких миров, и не предполагали даже, что их маленькие миры скоро расширятся до размеров всей Пиллеи.

А он уже шел в то время... Он шел к Гриффу, ведомый древними тайнами, которые открылись ему однажды и манящий зов которых не покинет его уже никогда. Словно очарованный песнями сирен, стремился он к ним — сквозь боль и страдания, сквозь смерти тысяч людей и войны целых миров... Он был словно одержим Гриффом... И он достиг Гриффа...

Конечно же, сирены убили его. Но его стремление к свершениям, полыхающее в сердце, дало ему новую жизнь... которая маршировала теперь в стороне. Как это было несправедливо!

— Что, сынок, — старческий голос почти осязаемо коснулся затылка, — хочешь к ним?..

Суи не повернул головы.

— Знаю, что ты мечтал об этом всю жизнь, — продолжил старик без руки, один из летописцев, променявший спокойную старость на возможность увидеть Поход своими глазами и оставить летописи грядущим поколениям.

— Знаю, потому что и сам всю жизнь мечтал о том же... Знаю, как тебе больно: я был на том собрании, где решали ваши судьбы. И я не скажу тебе, Суи, что мне понравилось все произошедшее там... Люди зывали к высоким чувствам твоей души, но в то же время не желали и никогда не пожелают даже попробовать применить эти призывы к себе. Они не останутся вне боя, Суи... Они призывали тебя защитить их семьи в случае поражения. Они пытаются переложить ответственность за создаваемое нынче будущее на чужие плечи, не сбрасывая вместе с тем с плеч своих триумфа возможной победы. Они не хотят терять победы, но вместе с тем не хотят принимать горечи возможного поражения. Что скажешь, Суи, согласен ли ты со мной?

Суи смотрел вперед. Молчание в его глазах было цвета печали.

— Вижу, что согласен, Суи, да и сам понимаю, как это несправедливо... Я уже, конечно, стар, но помню еще деньки, когда двуручник был перышком в моих руках. Помню еще время, когда разить врагов было так легко и просто... И моя рука, потерянная в бою, я уверен, тоже это помнит. И, глядя на тебя нынче, я жалею лишь о том, что нет у меня твоих лет, что нет у меня твоей руки и нет твоей Судьбы. Будь я на твоём месте, не печаль туманила бы мой взгляд, но решимость. Я смотрел бы на проходящие мимо когорты и знал, что не видать им Боя без меня. И когда придет время, я не позволил бы своему двуручнику томиться в путях тесной перевязи. К тому же, когда все начнется, ни у кого уже не хватит времени на магический сканнинг, и нужно просто дождаться этого момента и идти навстречу своей Судьбе.

— Может, ты и прав, старик, — сказал Суи. — Может, я действительно думаю об этом. Может, меня действительно волнует, что поражение возможно... Но Жизнь и Смерть передо мной, и я должен стать на сторону Жизни. Все мое прошлое говорит, что жизнь — в моем Клинке, который возносится, чтобы разить

Смерть. Все мое прошлое говорит, что мое место — среди соратников, которые плечом к плечу встретят Смерть, не допуская ее в людские миры. Все мое прошлое говорит, что Будущее будет слагаться на Поле. Это ведь так очевидно. Но очевидность зачастую не есть действительность, старик. И вот теперь, стоя перед этой очевидностью, я понимаю, что *не может* будущее слагаться на Поле, если Высшие Силы не допускают нас Трех к нему. Словно разбитый витраж был перед нами, и мы собрали его не полностью. Мы складывали осколки и увидели вдруг Воина с Мечом... Спешно отправились мы в Поход, так и не узнав, что было изображено на остальных осколках. И вот теперь я думаю, что на этих осколках было изображено наше истинное Предназначение. Воин с Мечом олицетворял всего лишь Поход, но над Походом были мы — Трое. Мы узнали, что суждено людям, но не потрудились посмотреть, что суждено нам. Теперь мне так жаль, что мы были легкомысленны и торопливы, но прошлого не вернуть, и Предназначение нам придется искать уже без осколков древней Мудрости.

— Твое Предназначение, Суи, — это Предназначение Воина. Предназначение Ратника. Предназначение Мстителя. Тебе было суждено прийти на это Поле первым.

Суи усмехнулся:

— Нет, старик... Что бы ни говорили другие, мы трое долго не понимали, для чего на самом деле родились. Может, мы и родились Воинами, но не Мстителями... Мы родились пастырями. Что есть пастырь, старик? Вот и я не знаю... но это точно не Мститель.

— Не понимаю тебя, — ответил старик. — Ты не допускаешь, что Армию могло ввести в заблуждение колдовство чернокнижников? Что если они только и ищут возможности отлучить вас Трех от Сражения, чтобы разгромить обезглавленное войско? Не слушай голоса своего страха, Суи, знай, что вперед идет лишь тот, у кого хватает мужества не только сделать первый шаг, но и не остановиться на середине дороги. Вы сделали так много, Суи, и единственное, что осталось вам, — это Битва. Оставаясь вне ее, ты подрываешь дух своих воинов. Когда ты с ними, они будут сражаться за тебя. А за кого они будут сражаться, если тебя не будет рядом, если они не будут видеть твоей ярости, если ты не будешь зажигать их своим огнем?..

Долго молчал Суи. Долго молчал, прежде чем ответить:

— Не знаю... Не знаю, за кого они будут сражаться. Может, за свою веру... Не знаю. Чернокнижники не могли ввести нас в за-

блуждение, старик... Ведь если Господь допустил это, значит, Он отвернулся от нас...

— А если Он всего лишь проверяет вас? Если Он *позволил* чернокнижникам обмануть войско, чтобы увидеть, насколько сильны ваша вера и стремление... чтобы увидеть, сможете ли вы идти в бой, даже если ваши братья против...

Суи нахмурился:

— Ты хочешь сказать, что Он заставил людей поверить, что нас на Поле быть не должно только для того, чтобы затем мы пришли на это Поле? А как же люди? Увидев нас на Поле боя, не возведут ли они глаза к небу в немом отчаянии, пропуская в этот момент смертоносный удар? И не думай, что я боюсь, старик! Я не боюсь сражений и знаю, что во время Битвы мне тоже придется сражаться, и сражаться я буду за них, за тех, кто будет сражаться за меня! И сражаться буду с самым мерзким своим врагом — с самим собой. Со всем тем, о чем ты говоришь сейчас, что еще так живо во мне... Я буду сражаться, и я искренне молю Господа, чтобы Он помог мне победить.

Суи устало прикрыл глаза — и все предстали перед ним: все, ради кого он жил, все, ради кого он живет, и все, ради кого он заставит себя жить дальше. Иногда так сложно нести свой крест *дальше*, нести его к следующей Голгофе, не получив отпущения на Голгофе предыдущей.

Прохладный ветерок овеял лицо, но Суи почти не заметил этого, стараясь найти в себе остатки сил, чтобы не сломаться, чтобы все-таки идти не сворачивая.

Когда он очнулся, старика уже не было рядом... Суи не мог припомнить, чтобы видал его раньше... наверное, прибился к Армии совсем недавно.

Старик со своей точки зрения был прав. Тот, кто всю жизнь отдал войне, не должен помнить, что есть еще и мир. Но не понимал старик, проживший уже так много, что очень легко отдавать свою жизнь, когда вера просит об этом. Тяжело, когда вера просит тебя жить и *видеть*, как умирают другие, те, кого ты знал и кого будешь помнить всегда. Когда они умирают за то, за что умереть должен был один лишь ты.

И Суи стоял на холме, и Армия маршировала мимо, и злой утренний ветер, все еще не усмирленный восходящим солнцем, гудел рядом, завывая среди руин древнего замка.

Многие с интересом рассматривали замок и не замечали Суи, стоящего в тени его стен, не замечали стариков-летописцев, присевших отдохнуть рядом с ним.

На мгновение Суи показалось, что среди идущих мимо мелькнуло лицо Златовласки, но видение исчезло так же быстро, как и появилось. Суи вздохнул, потому что ему действительно захотелось увидеть ее... Где она?.. Пригвождена решением Армии к друидам?.. Надо... так надо, Джедди...

«Неужели сегодня? — подумалось Суи. — Ведь все мы чувствуем меч, занесенный над нами, и лишь инстинкты самосохранения помогают нам списывать это на ауру замковых руин. Неужели все-таки... сегодня...»

Солдаты, казалось, чувствовали то же напряжение: так суровы были окаменевшие лица и сосредоточенные взгляды. Но вот песня, веселая, удалая, взмыла над стройными рядами проходящей мимо когорты, и соседние когорты подхватили ее, а за ними — так, словно люди давно ждали одного лишь сигнала, — и вся Армия. И не осталось больше наваждения... Не осталось угрюмости, не осталось обреченности. Армия храбро шла вперед — навстречу своей долгожданной судьбе...

Солнце почти уже взошло, когда движение Армии замедлилось, а немногим позже прекратилось вовсе. По рядам людей, все ближе и ближе подходивших к длинному холму, поползли слухи, что ффины совсем рядом и что ложбина за холмом проляжет между людскими и ффинскими судьбами, словно лист металла между молотом и наковальней. Пехотинцы спешно подтягивали перевязи оружия из походного в боевое положение, еще раз проверяли крепления доспехов. Особисты Суи снимали Оружие с предохранителей. Людские голоса стихли, уступив место говору металла.

Медленно, очень медленно Армия начала продвигаться вперед, взбираясь на холм, длинным полумесяцем протянувшийся от одного горизонта и до другого. На холме движение Армии прекратилось: командирами было решено дать бой здесь. Со своего места Суи хорошо видел, как строгими рядами замерла Армия, как метались над ней узкие полотнища крестоносных стягов и как напротив, на другом холме, так же растянувшись от одного горизонта и до другого, медленно выстраивалась Армия ффинов. Наверное, это была их общая судьба — встретить друг друга именно здесь, выстроившись на холмах, которые полумесяцами обняли горизонт.

— Все не можешь понять, что тебе делать?..

Снова однорукий старик-летописец рядом. Снова тяжелое сомнение в душе. Снова стиснутые от досады зубы. Снова молчание. Старик бормочет что-то неясное... А перед ним стоит *его*

Армия. Нет, уже не стоит: звук далекого горна коснулся когорт и когорты устремились вперед, одна за другой переваливая через гребень холма и исчезая за ним.

«Что бормочет этот старик?..»

Вспышки...

Туман, поднявшийся из ложбины, судорожно мигал, подсвечиваемый неистовым шипением боевых лазеров... Грохот разрывов заполнил утро рождающегося дня.

«Почему сияние такое густое?..» У его людей не было столько лазеров...

Суи похолодел: «*Неужели и у ффинов есть Оружие?..*»

«Да что же бормочет этот старик рядом?!»

Страшный грохот столкнувшихся Армий... Звон стали, сменивший голос Оружия... Погасшее марево над холмами...

«Нет, не погасло... Почему не погасло?.. Почему еще мигает справа... чуть-чуть в середине?.. Если Армии перемешались, то особисты жгут и своих... Если выстрелить в ффина, то взрыв покалечит всех, кто рядом... Да что же это *такое?*.. Почему не гаснут вспышки?.. Погасли... погасли... сначала справа, потом и в середине. Но что это? Это же не только звон стали...»

Глухой говор М-3000 заглушал сталь, доносясь сразу с нескольких сторон.

«Как же так... почему они не прекращают огонь?.. Они же видят, что среди ффинов уже и свои, а пуле ведь все равно — друг или враг... Почему они стреляют?.. *Почему они стреляют?*.. Затихли. Там затихли, тут нет. Теперь и тут затихли. Ох, начали снова... Неужели они *сменили обоймы?*.. Снова... Снова...

ДА ЗАТКНИСЬ ТЫ, старик!!!

Затихли... затихли... Две запасные обоймы... Обе выстреляли... Что же там такое?.. Две обоймы — пятьдесят четыре патрона... Это тридцать трупов. Своих погибла половина. Сколько стреляло? Пять особистов... десять... Не знаю... не знаю... так страшно считать...»

Лязг металла... Крики умирающих... Насмешливый взгляд старика-летописца...

«Почему он не понимает... почему он даже не пытается понять?..»

Насмешливый взгляд старика...

«Если он не перестанет так смотреть, то свою летопись он точно не напишет...»

Лязг металла... Крики...

«Какие громкие крики... Почему они такие громкие, ведь Сражение далеко... почему же они такие громкие?..»

Шаги... Вправо пять, до громадного камня разрушенной стены. Поворот. Влево пять, до места, с которого начал, и еще три, до начала спуска с холма, туда, где совсем недавно маршировала Армия, где трава все еще лежала на земле измочаленными стеблями. Поворот.

Насмешливый взгляд старика... Фронт магов, словно парус, изогнувшийся дугой, готовой с минуты на минуту лопнуть... Чернокнижники, своими заклинаниями пробивающие магов насквозь...

«Почему Ауэн медлит с резервом... у него же в резерве почти три сотни магов?.. Почему не посылает приказ об атаке хотя бы половиной резерва?.. Что же это... что же это такое?..»

Шаги... Вправо пять, до камня разрушенной стены...

«Может... — замерли шаги, — может, Ауэна и нет уже... Может...»

Ярко вспыхнула перед глазами картина — лежащий на земле маг, грудь разорвана, словно от удара кавалерийского копья, а рядом с магом — великое Копье Георгия...

«Нет, нет, не может быть... Георгий сам говорил, что пока Копье в руках мага, ничто тому не навредит, так что... жив Ауэн, жив... а сигнала не дает, потому что выжидает чего-то...»

Новые шаги... до валуна и до спуска с холма. Новые и новые метания... Стремительно взмывающий резерв магов...

«Наконец-то, Ауэн... Три крыла... Все три сотни... Фланговая атака резерва... Ай да Ауэн! Заманивал ффинов для атаки резерва... Ай да маг... Ай да **стратег!**»

Фронт, резкой дугой вогнувшийся в сторону ффинов, неотвратимо стягивающийся по краям... Остатки магов, уничтожающие еще более малочисленные остатки чернокнижников... Часть магов, планирующая в сторону земли... Еще один резерв, подымающийся в воздух...

«Странно, вроде бы у магов был только один резерв... три сотни... три крыла...»

Шаги... новые шаги...

«Что это за резерв?... Ауэн, как всегда, полон сюрпризов...»

Небольшая стайка чернокнижников, взмывающая навстречу этому второму резерву...

«Откуда они только взялись?.. Ну ничего, сейчас вам покажут...»

Вспышка... другая... еще... Замершие шаги... замершее сердце...

«Да что же это?.. Почему маги перестраиваются так медленно?.. Что же ЭТО?..»

Один факел полетел вниз... другой... еще три одновременно... Магов все меньше... Их падения словно звездный дождь. Еще немного, и их станет столько же, сколько и ффинов. Новые вспышки... Сонные, неуверенные атаки магов... Новые и новые клубки огня, падающие вниз. Какая-то тень, мечущаяся между оставшимися в живых... но не успевающая, так не успевающая... все ближе к земле... Тень скрылась за холмом, опустившись где-то в ложбине прямо среди сражения...

Нет... нет... не видно... Что же это... что же это было?.. Иллюзии?.. Тактическая уловка Ауэна?..

Сама по себе возникла Райси — сначала снимающая заклинанием кровь с меча и сразу после этого лежащая на земле... умирающая на земле...

«Что за бред?!!! Райси прикомандировали к отделению школьниц, а школьницы стоят где-то вдалеке от боя. Может, это и были школьницы?..»

Липкий пот медленно покатился по ледяной коже Суи.

«Нет!»

Суи знал Райси. Никогда и ни за что не повела бы она детей в бой с чернокнижниками. Должно, обязано быть какое-то другое объяснение...

Тень... Снова взмывшая из-за холмов вверх, взмывшая так быстро, что слилась в серую полосу... Мгновенно взлетевшие за ней чернокнижники, летящие быстро, но не успевающие за этой тенью... Их атаки — какими медленными по сравнению с ее атаками казались они... Заряды их заклинаний, пронзающие *хвост* серой полосы, скручивающейся вокруг ффинов в невероятные петли... Все ближе и ближе к врагам... Словно кнут, задела их своим прикосновением — и три точки понеслись к земле... Немного замедлилась... совсем немного... Новая петля вокруг ффинов... Яркая вспышка ее заклинания... Два ффина, разлетевшихся на части... О нет, это уже не петли... это уже серые параболы, огибающие ффинов то с одной, то с другой стороны... Магией бьют только ффины... Почему серая тень почти не применяет заклинаний?.. Словно обожженная, мечется она около ффинов, все чаще и чаще проносясь вплотную к ним и роняя вниз остатки ффинских тел. Вот уже не больше десятка точек окружает ее... Меньше... еще меньше... пять... четыре... три... Пытаются бить

одновременно... Две... и сразу после этого, как два взмаха меча, одна точка... и пустота. Последний ффин несется к земле, и серая тень также обессиленно падает вниз.

Да кто же была эта тень, в одиночку вырезавшая ффинский магический резерв?.. И кто были маги, летевшие с ней?.. Все-таки иллюзии? Но нет... Нет более серой полосы в небе... нет более сражения между магами и чернокнижниками... Кто победил в нем?.. Кто проиграл?..

Глаза старика... Нет, не насмешливо они уже глядят... не насмешливо, а сочувственно...

«Чему он сочувствует... чему же он *так* сочувствует?..»

«Господи... — вновь замер на месте Суи. — Это же Драконы...»

Громадные, могущественные, поражающие размахом своих крыльев даже отсюда, они возникли прямо над полем битвы и сразу же устремились к земле. Их было так много, что небо казалось пламенеющей чешуей огромной Рыбы...

Все Драконы были Золотые. Вспышки огня, вырывающиеся из пастей, слепили глаза, а рев пронзал все тело. Один за другим они возносились в небо и один за другим рушились вниз, выбрасывая к земле извивающиеся потоки огня... А снизу неслись полные дикого ужаса вопли, в которых не осталось уже надежды, лишь боль и отчаяние.

А потом другие Драконы примкнули к сражению... Черные Драконы. Суи видел, что они также возникли над полем боя, словно ниоткуда, и сорвались к земле. Они также взмывали вверх и также рушились вниз, выпуская струи адского огня из своих пастей и сжигая ими все.

Но вот Драконы заметили друг друга — и волны огня укутали их, а от страшного рева голосов закладывало уши даже здесь.

Два Дракона рухнули вниз совсем недалеко от холма, Черный и Золотой... Оба, обожженные дыханием друг друга, оба, издравшие друг друга когтями, оба, вгрызшиеся друг другу в глотки... Земля содрогнулась от звука их падения.

— Никогда не было оружия более могущественного, чем Огонь Дракона, — печально сказал вновь подошедший старик и усмехнулся. — Только не называй меня стариком более, и летописцем более не зови, ибо я не тот и не другой.

Как бы ненароком коснулся он глаз Суи, и тот зажмурился от рези — словно прикосновением старик насыпал ему песок в глаза. И вспышка... Вспышка тьмы, которая ослепила даже сквозь

плотно стиснутые веки. Что-то вновь коснулось его глаз — и боль в них исчезла так же резко, как и появилась.

Перед Суи стоял огромный Черный Дракон, которого Суи уже видел на пустынной площади далекого ффинского города.

— Ты думаешь, ты сделал свой выбор, человек Суи?.. — прогрохотал Дракон. — Ты знаешь, *что* ты выбрал?..

— Ох!.. — отшатнулся от него Суи, ибо от прикосновения его крыла новая картина вспыхнула перед глазами — молодая девушка, лежащая на земле, девушка, склонившая голову на грудь воина, лежащего рядом...

Девушка была бледна, как мел; юноша, лежащий рядом с ней, казался живым, хотя несомненно был мертв. Оба были в латах... Возле рук, разжатых неумолимой смертью, покоились их мечи. Оба были знакомы ему — Орл, предводитель одной из лучших когорт, и Злата, Избранная, та, кто была ему роднее сестры...

— Ты думаешь спокойно жить дальше, зная, *что* выбрал?.. — вновь спросил его Дракон. — Думаешь, ты герой? Неужели ты все еще... *думаешь*???! Ну так взгляни и на это...

Новое видение перед его глазами. Молодая женщина лежит на земле, и меч вошел в нее почти по рукоять. Совсем рядом с ней — разрубленный ее ятаганом ффин. Они лежат так близко друг от друга... И так ярко сияют семь серебряных браслетов на тонкой руке. Суи сразу узнал ее, пришедшую из далеких Жрицких миров, третью из Трех, Райси Некоронованную, наследницу Раэлиэ Коронодержащей.

Новая вспышка под веками — Ауэн с кавалерийским копьем, застрявшим в его груди.

Новая картина — Тристан в рассеченном пополам шлеме... с рассеченным пополам лицом.

Еще одна — Крайс с разорванной ногой и вонзившимся в спину палашом.

Новая картина — обезглавленная Раэлиэ...

Новая картина... новая...

— Ты думаешь, — говорил Дракон, — в том, что ты стоишь вне сражения, есть какой-то высший смысл?.. Что своими мучениями ты несешь пользу кому-то?.. Где же твоя польза, человек? Я увидел только горы трупов... Когда надо идти вперед, даже я иду вперед и не сворачиваю в ущелья малодушия.

Дракон понизил голос:

— Тот Черный Дракон, который недавно рухнул рядом с нами... Я знаю, как его зовут. И он ни секунды не сожалел о том,

что делал. И все, сделанное им в жизни, проходит сейчас перед моими глазами... перед моей смертью.

Портал, который он открыл резким взмахом крыла, имел отчетливо выраженные оттенки временного смещения.

Некоторое время Суи не двигался, слыша лишь, как стонут за его спиной ослепшие летописцы. Стоял и думал о Злате, думал о Райси, думал о себе. А затем подошел к дереву, возле которого покоился его двуручник.

«Ты понимаешь, что делаешь?..» — казалось, спросил его Меч.

«А разве это имеет значение?..» — казалось, ответил ему Суи.

«Не знаю, — казалось, вздохнул Меч, протягивая ему свою рукоять, — теперь уже не знаю».

Суи остановился возле двух огромных Драконов, лежащих на склоне соседнего холма. Некоторое время он задумчиво смотрел на переплетения изувеченных тел, пытаясь не думать о том, что сказал ему один из них, а потом пошел дальше...

С вершины холма, откуда совсем недавно величайшие Армии Пиллеи рассматривали друг друга, открывался вид на всю ложбину. Ничего не осталось в ней от заполненной утренним туманом неопределенности, когда бег адреналина в венах кружил голову мечтой о скорой победе... Перед Суи открылась картина не мечты, но жестоко отрезвляющей реальности.

Сегодня утром это был зеленый луг, уютно примостившийся в сонной ложбине... Зелень все еще оставалась на склонах холмов, но была, словно плешью, побита черными пятнами разрывов после огненного дождя НЛ...

Еще дальше, в месте, где встретились Армии, сплошной покров тел — людских и ффинских — скрывал землю. Это было так ужасно, что у Суи едва хватало мужества смотреть на это.

Дальнейшие маневры Армий были, словно на карте, отмечены большим или меньшим количеством лежащих на земле тел.

Места, где с небес атаковали Драконы, были пусты: даже верхний слой земли сторел в адовом Драконьем дыхании... Неглубокие овраги черного шлака тянулись на десятки метров, и ветер до сих пор закручивал там спирали черного дыма.

А чуть дальше все еще шло сражение, и все еще живые люди пытались умертвить все еще живых ффинов. Дальше, совсем немного дальше, тысячи живых существ все еще пытались вырвать у судьбы несуществующую победу.

«Как это ужасно, — думал Суи, направляясь туда. — Как это все ужасно и нелепо... Сто тысяч человек шли за ним, сто тысяч человек погибли за него, а он только сейчас направился к ним разделить те мучения, которые изначально принадлежали лишь ему. Черный Дракон, и тот знал цену своего Предназначения, а он, человек, он...»

Суи медленно спускался с холма, и его ноги двигались, словно во сне... Ему хотелось, чтобы это все оказалось вдруг сном: и этот Поход, и все эти идеи, и все эти люди, умершие за эти идеи... Как бы ему хотелось снова стоять перед торговцем в трактире и разглядывать карту в своей руке... Смотреть и понимать, что несмотря на все сокровища, ожидающие его впереди, он послушает совета торговца и сожжет карту... Как бы ему хотелось этого сейчас... Один клочок бумаги в его прошлом — тысячи трупов в его настоящем.

А потом ноги его зашагали быстрее и тверже, и все крепче сжимались пальцы на рукояти меча.

«Предназначение... Не было его. Никогда не было. Никогда».

Бой Драконов почти закончился, выживших после него оставалось очень мало... Вся долина была устлана телами, и Армии, которые совсем недавно шли друг на друга сплошной стеной, теперь были лишь горстками воинов, все еще рубящихся на мечах, все еще вырывающих друг у друга победу, все еще ничего не понимающих.

«Победа... не было ее. Как и Предназначения — не было».

Суи все шагал и шагал вперед...

«Сон... сон... сон», — шептало его подсознание.

«Явь! Явь! Явь!» — отвечало сознание.

«Правой! Правой! Раз, два, три!» — чеканило в ответ обоим его тело.

И его Меч взлетел вдруг вверх, отражая уже такую усталую атаку ффина. По дуге вниз, рассекая кольчужный понож, инерцией удара немного вверх и молнией вниз, пригвождая упавшего ффина к земле. Разворот, атака, рывки Меча в ладонях... Уставшие ффины, уставшие люди. Люди, которые даже не узнавали его... Покалеченные ффины, падающие в стороны под его ударами...

Грохот с небес, блеск ярко-белой полосы, вспоровшей небо, второй полосы, третьей... Замедление полета белых болидов, мягкие хлопки крыльев, от которых дрожала вся ложбина... Огненные мечи, пышущие жаром на сотни метров вокруг...

Ффинские вопли ужаса... Огненные языки, взметнувшиеся над почерневшей землей... Огненные тени, вылезающие из-под нее... Черные косы, одним взмахом перерубающие десяток людей пополам... Крики боли покалеченных, крики ужаса еще живых...

Ффин, возникший напротив; тот ффин и тот Меч в его руке, который был темен, как сама ночь... И его взгляд... И то, что ффин был, как и он, последним... это должно было сказать Суи что-то... должно было, но не говорило.

Шаг в сторону ффина... Дикий вопль, который он слышал как бы со стороны... Его вопль... Ффинский вопль... Глухие удары сердца в висках... Летящая мимо земля... Рывками приближающийся ффин... Столкновение двух Мечей... Искры, брызнувшие в стороны... Чужой голос, орущий над ухом... Новые, новые удары... сумасшедшая скорость ударов, сумасшедший ритм — словно барабанный бой летящей на таран галеры — раз! раз! раз!..

Рухнувший невдалеке Ангел; его шипящая кровь, толчками бьющая в землю... Трясущийся в конвульсиях Демон... Удары, словно дрожь тамтама... Резкий толчок в плечо; злость на себя; уход и мимолетный взгляд — на месте ли рука... «На месте, родимая...» Ффин, припадающий на ногу... «Неужели Клинок все-таки достал его?..» Алая полоса, проступающая на его бедре... Новая серия барабанных ударов... И вот-вот, почти близко, почти достал, ну же, еще...

Ффинский Меч, пляшущий у его груди, — неважно, такая мелочь этот ффинский меч, ведь еще пара ударов, и двуручник развалит ффина до пояса... Ближе, ближе, ближе... Каждый удар, словно рывок грузила на веревке, словно удар по натянутым нервам... Удивление, когда какая-то сила оторвала его от земли, когда что-то обручем стиснуло его грудь, когда грозный голос заорал в ухо... Ффин... Как же ффин?... Ффин, убегающий прочь, ффин, который пытается высвободиться из объятий Демона, защищающего его своим телом от белых полос, рушащихся сверху. «Как же прочь... куда же прочь?... Ведь он, Суи, почти достал его, почему же так несправедливо, почему же все так несправедливо?..» А он, Суи, что же с ним?... Оглушающие хлопки крыльев, голос, кричащий над ухом... Голос, который он уже слышал где-то... Голос, звуки которого только-только начали складываться в слова, прерываемые оглушающими хлопками:

— ДА ЧТО Ж ТЫ ЗА НЕДОРΟΣ... ДА ЧТО Ж ТЫ ЗА ТАКО... ВЕЛИКИЙ... КТО ТОЛЬКО НАЗВАЛ ТЕБЯ ТАК... ТЫ ЖЕ ПОСЛЕДНИЙ... ТЫ ЖЕ САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ!..

Летящая навстречу земля... Удар, выбивший из легких весь воздух... Две ноги в белоснежных доспехах рядом с ним... Сумасшедший рывок за плечи... Земля, снова бьющая по пяткам... Михаил, орущий так, что дребезжат барабанные перепонки... Ускользающий смысл... Пощечина, чуть не сломавшая ему шею... Взмах крыльев, мягким толчком отбросивший его назад... Архангел, рывками уносящийся прочь... Сияние огненного меча в его руке... Архангел, сорвавшийся вниз и скрывшийся за кромкой все того же проклятого холма... Стонущие рядом летописцы, совсем недавно ослепшие... Подкосившиеся ноги... Земля, бьющая по седалищу... Закатывающееся солнце... «Когда же оно успело сесть, ведь совсем недавно оно только восходило над горизонтом?..» Гул в голове... Какой сумасшедший гул в голове... По-прежнему стонущие летописцы рядом... Крики, все еще доносящиеся из ложбины между холмами... Меч, намертво стиснутый рукой... «Надо встать...» Сумерки, окутавшие землю... «Надо встать, скоро темнота, а там все еще дерутся... Надо идти к ним... Надо идти к ним...»

Медленно, как медленно идут ноги... Огненные слезы, капающие из глаз... Шаг, другой... шаг, другой... Меч, волочащийся за ним по земле... Пальцы, которые не разжать даже клещами... Шаг, другой... шаг, другой... Два громадных тела, переплетенные изгибами длинных шей... Зубы, вцепившиеся в глотки, обугленная кожа — по преданиям, ее использовали для самых крепких в мире щитов... Новый шаг... новый... новый. Все ближе холм... так медленно приближающийся... так медленно приближающийся. Тьма, поглощающая мир...

«Надо развести костры... Им ведь нужен был пастырь, чтобы вести через их собственную ночь. Неужели только для этого его и оставили... неужели для того, чтобы он развел им костры... неужели?.. Господи... как же это все несправедливо — собирать их, вести их и всех потерять... потерять в осколках несложного витража...»

Ветки... новые ветки... в кучу. «Как же это несправедливо, почему это так несправедливо... почему ему не дали умереть в неведении... почему ему не дали умереть вместе с ними... вместе с ними всеми?»

Новые ветви, новые ветви для костра... Прошлогодний кустарник, высушенный снегом и солнцем... Язычок Райсиного огня, танцующий на кончиках пальцев... Легко занявшиеся ветви... «Восставший из пепла...» Откуда эти слова?..»

Новые, новые ветви, новый костер... Путающиеся в шагах ноги... Огненные слезы, бегущие по щекам... Новые, новые шаги... Новые ветви... Сухой кашель от дыма, камнем стоящий в горле... Первые люди, несмело выглядывающие из ночи... «Откуда они взялись?.. Ему нужно жечь костры... много костров, нужно превратить эту ночь в день...»

Новые и новые люди, неуверенными шагами идущие рядом с ним... «Кто они?..» Новые и новые ветви, которые поднимают с земли их уставшие руки... Новые и новые костры, горящие на вершине одного из холмов, которые жерновами перетерли в пыль двести тысяч жизней...

Новые костры... Новые искорки на холме напротив... «Что за искорки... что это за искорки?.. Ничего, просто звезды, поднимающиеся над горизонтом...»

Чи-то сильные руки, мягко обнимающие его за плечи, отводящие в сторону... Покрытое засохшей кровью лицо, слипшаяся борода... «Кого же он напоминает?.. Ветки... надо собирать ветки, а то люди не найдут дороги... Они хотели пастыря... Они хотели пастыря... Он должен быть пастырем... Надо собирать ветки...»

Руки, мягко трясущие его за плечи... Его голова, мотающаяся из стороны в сторону. «Что за руки?..» Покрытое засохшей кровью лицо. «Кого же он все-таки напоминает?..»

Голос, едва доносящийся к нему из необозримой дали, голос что-то повторяющий... Какое-то слово, которое он повторяет: «Гиннад... Гиннад... Гиннад...» «Какое знакомое имя... Какое красивое имя... Имя мертвого человека... Они погибли... Они все погибли... Как мог выжить Гиннад?..»

Руки, уже не трясущие его... Руки, укладывающие его на землю... Звезды, горящие над ним... Звезды, медленно гаснущие над ним... Звезды, сложившиеся вдруг в ярко сияющий Млечный Путь.

Полночь. Поле Брани

Призрачный свет луны струился вниз, переливаясь через край нескончаемого небесного Грааля. Спокойствие и умиротворение укутывали землю после дневных невзгод, и мир с новой надеждой ожидал прихода нового дня.

Серый ночной туман полз по ложбине между холмами, которые двумя огромными полумесяцами тянулись за горизонт. Серый ночной туман пытался тугим покрывалом укутать землю и скрыть от неба то, что осталось от сгоревшего на закате дня.

Туман знал, *что* это было, и хотел, чтобы *оно* навсегда осталось с ним... Он ни с кем не хотел делиться *этим*, и уж тем более с небом.

Но небу незачем заглядывать вниз... Небо знало, что вверху — тишина и покой, а внизу — истязавшие душу метания; знало, что ни одного человека невозможно поднять вверх, если сам он так одержимо тянется вниз — меч в его руке... ненависть в его груди... тело врага, лежащее рядом с его телом. Спасен будет лишь тот, кто сам ищет спасения, кто идет сквозь тернии собственных обид, глупости и амбиций, оставляя на них лоскутья самости ради того, чтобы пролить на свои раны величие Единого Света. И небо не смотрело вниз, чтобы не терять остатки веры в тех, кто еще был жив...

...Когда туман выполз этой ночью из дневных нор, перед ним предстало огромное поле, щедро засеянное его любимыми посевами — сгоревшим пеплом чужих мечтаний. Он понял, что не напрасно ждал два долгих тысячелетия, ждал, чтобы повторилось то, что так пленило его одной далекой ночью.

И снова пришли живые существа на поле своей глупости и снова положили все самое светлое на алтарь своей гордыни. И алтарь снова утонул в крови, и люди с ужасом осознали вдруг, что не только кровь их жертв покрывает алтарь, но и их собственная. И они снова начали глупо барахтаться, пытаясь выжить, и, как всегда, пошли ко дну, ибо барахтанья никогда не спасали людей от камня, который они сами привязали к ногам.

Туман ненавидел свет и любил тьму. Он прижимался к прорубленным кирасам и смятым шлемам, он с готовностью принимал в свои влажные объятия тысячи трупов. Он обнимал их нежно, словно мать любимых детей, которые ушли однажды из дому в поисках счастья, а теперь вернулись, потому что поняли, что не будет им счастья иного. И туман укутывал вернувшихся к нему, развеиваемый только искорками костров, горящих на холмах.

Кто-то тянулся к свету костров, кто-то пытался сжечь в их пламени ужас и отчаяние прошедшего дня, кто-то... — просто глупцы, которые никогда не поймут, что нет в мире ничего вечного, кроме него, сырого ночного тумана, так сильно ненавидящего день, — кто-то, кто все еще искал свет, даже если это был всего лишь свет костров. Кто это был: люди... ффины?.. Нет. Это вчера, до начала битвы, они были людьми, они были ффинами. Кем стали они теперь, потеряв все в адовом огне испепеленного сражением дня?..

Люди никогда не забудут, как горящими звездами падали с небес умирающие Ангелы, как пылали их крылья, ослепляя округу; как кричали от боли Золотые Драконы — символы извечной силы и правды, — свергнутые вниз своими Черными собратьями.

А ффины не смогут забыть, как страшно умирали Демоны, покалеченные смертоносными ударами Ангельских мечей... Не смогут забыть, как кипящая кровь Демонов взрывалась на воздухе драконьим пламенем; как непобедимые Черные Драконы падали на землю, окровавленные, изодранные зубами Драконов Золотых — тех, кому когда-то они были братьями.

Что стало с теми, кто пришел помогать людям; с теми, кто пришел помогать ффинам?.. Что стало с верой тех, кто был несравнимо выше людей; несравнимо ниже ффинов?.. Что случилось с их верованиями, с их мечтаниями? Где потеряли они свою великую судьбу: Горлица, рыдавшая над убитым Ангелом, когда черная демоническая коса вонзилась ей в спину... Георгий, поверженный тремя Черными Драконами... Ра, последней в своей жизни вспышкой света сжегший двух убивших его Демонов?..

Они все пришли издалека, чтобы защитить людей. Леттяне защитили их от некромансеров, Золотые Драконы — от Черных, Ангелы — от Демонов. Слово материя и антиматерия, притянулись Октавы Света и Тьмы друг к другу, чтобы исчезнуть в одной всепоглощающей вспышке. Все они знали, что идут на смерть только ради того, чтобы дать шанс людям посмотреть в глаза ффинов... и чтобы ффины могли посмотреть в глаза людей.

Что могли они увидеть в глазах друг друга? Чем могло стать Сражение? Во что могла превратиться Смерть?..

Но Смерть так и осталась Смертью, отгорел костер Сражения, и остались от него лишь слабые огоньки на далеких холмах.

Меч

Меч лежал под высоким звездным небом. Казалось, он смотрел на звезды, раскинув в стороны руки своей крестовидной гарды. Ночные тени крались вдоль его лезвия, уставшего и отчаявшегося... Казалось, нет более силы, которая могла бы заставить пальцы чьей-то руки вновь сжаться на его рукояти.

«Эх вы... — рыдал Меч всем своим стальным сознанием. — Эх вы...»

Светлые...

Темные...

Одинаково обезумевшие в погоне за несбыточной мечтой... Одинаково обозленные на нее за ее недостижимость... С одинаковой силой ненавидящие друг друга за то, что были вместе и стали порознь... С одинаковой силой ненавидящие самих себя... Куски металла, не нашедшие в своих душах ничего, кроме ярости; использовавшие все, что у них было, только ради убийства; верящие, что, убив своего врага, можно изменить свой собственный мир.

«Безумцы... Бедные безумцы... Четыре бедных, диких безумца...»

Два самурайских катана — Светлый и Темный, Джеддин и Т'Лимов. Рвущиеся друг к другу так сильно, нашедшие друг друга так радостно, погибшие друг от друга так глупо.

Чей-то яростный шаг, бой, идущий над мертвецами, — Т'Лимов катана, переломленный пополам, лежащий возле трупа хозяина...

Всего одну минуту прожил катана Джедди после ее смерти... всего одну. Что чувствовал он тогда, воя от ее боли, холодея холодом ее пальцев, когда лезвие его становилось заиндевевшим и хрупким, когда еще сохранившееся тепло ффинского тела, подобно огненному языку, вонзалось в сталь паутиной трещин?..

Два кривых ухмыляющихся ятагана — Светлый и Темный, Райсин и Т'Хаин. Мечтавшие о встрече с той самой минуты, когда стали по разные стороны своей безумной борьбы, и желающие лишь раскаяния того, кто напротив. Мечтающие о мире, который рисовали сами; ненавидящие тьму, имя которой они позабыли и которую придумали себе заново. Где они теперь, эти два брата, рухнувшие на алтарь собственной гордыни и ненависти? Кто они теперь?..

Кровь ффина изъела лезвие Райсиного ятагана, превратив его в ржавый обрубок, — словно это была не кровь ффина, но кровь Дракона.

Дракон, пролетевший над кричащим от ужаса Мечом Т'Хаи, милостиво подарил покой его заблудшей душе...

Не осталось более ни Райси, ни Т'Хаи, ни Златы, ни Т'Лима.

Не осталось более ни ятагана, ни катана... ни ятагана, ни катана.

Светлые... Темные... Кто они были теперь?.. Мертвые... Убитые друг другом... Покинутые друг другом... Преданные друг другом.

Меч одиноко лежал на земле, и едкий ночной туман слезами оседал на его лезвии.

Не было больше никого и ничего... Самого мира больше не было.

Меч не хотел знать ничего, кроме покоя...

Но что это? Чья-то рука... «Нет, хозяин, не надо... ничего уже не осталось, ничего уже не может быть». Сонные движения, ищущие рукоять... Стоны в беспокойном сне, водоворотами уносящиеся прочь... «В чем смысл, если все заканчивается только так — смертью и помятыми мечтами?..» Суина ладонь, крепко обнимающая его. «Не надо...» Струной напрягшееся тело: «Оставь меня, дай мне умереть...» Вздох успокоения во сне рядом... Крепкое пожатие Суиных пальцев... Горная река его сна, плавно превращающаяся в горное озеро — гладкое и спокойное, как само небо... Еще один вздох... Сон, словно океан в многодневный штиль... Горькие слезы, еще обильнее проступающие на лезвии Меча... «Не надо... не надо заставлять меня *жить*...» Полоса неба в Суином сне, где все они — Райси и Джедди, Ауэн и Тристан, Раэлиэ и Крайс, Торби и Аэоми... Вздох Суи... Ласково обнимающие рукоять Меча пальцы... Полоса неба, светлеющая над ними... Уходящая ночь... Туман, неохотно уползающий обратно в норы... Новый восход, плавно подкрадывающийся к востоку нового дня.

Суи

Пробуждение его было долгим и мучительно болезненным. Казалось, все тело превратилось в осколки битого стекла, которые терлись и ранили друг друга при каждом движении. Голова гудела, словно разодранный барабан на ветру. Но чувство неимоверного облегчения приютилось под еще закрытыми веками глаз: «Все-таки это был сон... Но разве могло быть по-другому? Разве могла погибнуть их Армия? Разве могли погибнуть *его Сестры*?.. Нет! Это был сон. Как хорошо, что это был всего лишь сон!»

— Ты как, Суи?.. — глухой голос над ухом. — Ты ведь уже проснулся, да?.. Ты ведь дышишь, как тот, кто уже проснулся...

Такой знакомый голос. Радостная улыбка: «Ведь жив... жив ведь сукин сын Гиннад, не умер, да и как он мог умереть, если все *приснилось*?.. Жив он, и все они живы...»

— Ты держись, Суи, — тяжелый-тяжелый вздох. — Что было, то было, это все не твоя вина... Это мы, все остальные, виноваты. Мы оставили вас Трех вне боя, но *не сумели* победить... Как странно все получилось... Мы говорили, что можем проиграть Сражение, но ни один из нас в это не верил. Мы ду-

мали, что пойдём вперед смело и яростно, и ффины испугаются нашей ярости... Но они тоже шли вперед смело и яростно. И умирали они так же бесстрашно. В этом сражении мы были никто, потому что Вы не вели нас... Просто потерянные дети... В тот момент, когда мы запретили вам Троиам сражаться, мы уже пред-решили будущее... Райси и Злата не подчинились приказу... их больше нет. А ты держись, Суи, ведь никого уже не вернешь... Ты хотя бы себя не потеряй...

«Не вернешь... Кого не вернешь?.. Что он бормочет?..»

Как тяжело открываются веки... Размазанная болью в глазах, фигура гнома совсем рядом. Солнце беспощадно слепит глаза. Сочувственный взгляд бородача...

«Еще один?.. Еще один, кто сочувствует?.. — нервный смешок в горле. — Это кого же он не вернет?.. Уж не тех ли, кого потерял во сне?.. Сон?.. Неужели это был не *сон*: бой, вопли, люди, гибнущие под пулями своих же автоматчиков... Ангелы, падающие с Небес звездным дождем... Драконы, поливающие друг друга струями пламени?.. Стон... Стон из сна?.. Нет, кто-то стонет рядом...»

Затравленно Суи оглянулся на звук, резко осмотрелся по сторонам.

Везде, куда он мог дотянуться взглядом, на земле лежали раненые люди. Они уныло прятали от него свои глаза, как бы говоря: «Прости, Суи, мы не смогли сделать то, что должны были, то, что так просили нам доверить».

«Зачем мы забрали у тебя то, что исполнить не смогли?.. — говорили их потупленные в землю взгляды. — Прости нас... прости...»

Мог ли он простить их?.. Мог ли он простить *себя*?..

Наверное, мог... если бы Злата осталась жива. Если бы Райси была рядом. Если бы он не проснулся сегодня утром в бесконечном одиночестве осиротевшего мира... Где они?.. Где?..

Райсины знания говорили, что смертью жизнь не заканчивается, что смерть — это всего лишь *переход* в иное состояние и что в этом новом состоянии все так же продолжается *жизнь*. Что где-то Там героев ожидает Рай... Девачан... Авалон... Лета... Как много слов для одного и того же. Как много слов... бессмысленных слов.

Герои тысячелетиями уходили в Лету, чтобы прийти однажды на поле Брани и снова погибнуть от руки некротомансеров. Десятками тысячелетий люди превращались в Ангелов, для того чтобы снова спуститься в мир и погибнуть от лап Демонов. Мил-

лиардами лет слагались сознания Драконов — где теперь Драконы?.. Они все пришли в мир... в одно и то же затерянное измерение и навечно остались там.

Тысячи леттян отказались от постижения Мудрости, чтобы сдержатъ натиск некромансеров. Сотни Ангелов пролили Любовь на раскаленные углы демонических душ, чтобы не допустить их до людей. Десятки Золотых Драконов отдали все, что имели, лишь бы сдержатъ натиск Драконов Черных.

Их больше нет. *Никого из них больше нет.* Словно в математике Ауэна: два числа, равные по значению, но противоположные по знаку, объединились, для того *чтобы исчезнуть.*

Остались лишь люди. Остались виноватые взгляды, которые украдкой касались его. Остался Гиннад, как и все, отводящий взгляд.

Суи взглянул на небо, где ярким пламенем горело полуденное солнце. Он знал, что надо собирать людей, отводить их в тыл и маневрировать, увлекая за собой наступающую ффинскую армию. Знал, что нужно разделиться на несколько отрядов, чтобы атаковать ффинов с различных направлений. Знал, что нужно делать все, чтобы не допустить ффинов во внутренние человеческие миры.

«Соберется ли новая Армия?.. Зачем Архангельские Крыла вынесли его из битвы? Райси... Джеджи... почему Ангелы не спасли их?

Кто был он без них?..

Кто были они без него?..

Ведь было же какое-то место, до которого они должны были дойти *вместе*... какое-то Сверхшение, которое они должны были совершить?.. Где это все теперь?

Они мертвы... Архангел, который вынес его из битвы, мертв... И его вера в Сверхшения тоже мертва.

Прощение?.. Не было и никогда не будет никакого *прощения.* Есть только пустота внутри. Две трети пустоты. Никогда он уже не сможет маневрировать, уходя от ффинов... никогда.

Плевать на все. Плевать на мудрость, говорящую, что нельзя слушаться голосов, вопиющих об отмщении. Надоело быть мудрым. Это вчера он был мудрым. И вчера он устал от своей мудрости.

Незачем уходить от боя, чтобы дать бой позже. Как тяжело стремиться простить и не суметь. Что ж, коли не прижилось в нем прощение, то пусть живет в нем ярость».

Медленно он поднялся на ноги.

— Слушайте... — сказал Суи негромко и, преодолевая боль, закричал во весь голос: — СЛУШАЙТЕ ВСЕ!!!

Вокруг были лица... одни только лица... усталые, потухшие. Ничего, его ярости хватит на всех.

Ярость уже клокочет внутри... еще немного — и Суи разольет ее по другим душам.

— Я хочу сказать вам что-то, — прокричал Суи, едва находя в себе силы, чтобы кричать так громко. — Я хочу доверить вам всем нечто, о чем не рассказывал никому, даже Злате и Райси. И я хочу, чтобы именно *вы* услышали это... Это очень важно, чтобы вы поняли меня... Когда-то, вечность назад, у меня было видение. Мне было открыто поле боя, и я увидел лежащих там воинов... мертвых воинов. Я видел вашу скорбь и слышал ваш плач. *Я уже был на поле*, от встречи с которым вы меня так ревностно оберегали. Я видел вашу кровь, разлитую по земле еще до того, как она родилась в ваших венах... И меня спросили, что же я на самом деле видел? И я сказал, что видел не кровь и не боль... Я ответил, что видел славу рода человеческого. Я ответил, что видел сынов человеческих, отдавших жизни во имя спасения человечества. Я сказал, что видел ужас ффинов... и что я видел свет нашей будущей победы...

Непослушными пальцами Суи размазал по лицу бегущие слезы.

Люди, словно зачарованные, смотрели на него и не могли отвести взгляд. Им казалось, что великая сила лилась сейчас в человека, который стоял перед ними, сила настолько невероятная, что даже тело его плакало, потому что не могло этой силы вместить. Им казалось, что все произошедшее вчера было лишь подготовкой к тому, что начиналось сегодня. И именно теперь пришел тот самый великий день, о котором они столько мечтали.

Суи, их великий Суи стоял перед ними и говорил с ними... Он простил их... Он любил их... Он был готов умереть вместе с ними. Только теперь они поняли, что же на самом деле они пытались отнять у него, вынося тот глупый вердикт... Они слушали его, и их души наполнялись благодарностью за то, что Господь снова дал им *его*.

Один за другим люди подымались на ноги, забывая о ранах тела и о своей истерзанной душе. Один за другим они снова начинали верить. Суи давал им веру. Он учил их верить в то, во что верил сам. Как он ни старался, но так и не научился верить в прощение... поэтому он учил их вере в *святость последнего боя*.

— Я говорил вам, братья мои, — уже на пределе сил кричал Суи, — что победа будет за нами... Я говорил, что ффины никогда не получают ее, пока я жив, и победа будет!!! Победа будет за нами, ибо я еще могу дышать!!! Ибо рука моя еще может держать Меч!!! Ибо мы все вместе!!!

Все труднее давались ему слова, и голос его почти срывался на вопль.

— Ибо мы шли сюда не в праздном любопытстве, не в поисках богатой добычи, но ведомые дланью Господней! Ибо есть для нас лишь сила света, стоящая за нас, и есть еще живые ффины...

Пот катился по его лицу вместе со слезами.

— Вы, прошедшие через вчерашний ад... вы, те, кого воспоют в веках потомки... вы — готовы ли идти за мной сегодня?!!

Он уже не слышал себя и лишь теперь понял, что это от рева толпы, который сотрясал воздух.

— Вы, не погибшие вчера... готовы ли вы умереть сегодня?!!

Его двуручник оказался вдруг в его руке и взлетел над толпой, описывая смертоносные дуги и полыхая огненным сиянием.

— Вы... готовы ли вы умереть **за меня**?!!

И в ответ оглушающему реву:

— Тогда ЗА МНОЙ!!!! ЗА МНОЙ — ВО СЛАВУ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ!!!!!!

Сколько оставалось их от стотысячной армии?.. Всего пять тысяч солдат и несколько сот магов... Что знали они, во второй раз срываясь с холма в ложбину, полную растерзанных тел?.. Во что верили?.. Что слышали в тот момент?..

Они слышали топот ног и свое хриплое дыхание. Они верили в *святость последнего боя*. Они любили своего командира, своего Избранного, своего Суи.

Выходя вчера в свет костров, они видели горе в его глазах, *великое горе и великую скорбь*, словно он умирал вчера с каждым погибшим солдатом... Они видели *пустоту*... И теперь, когда пустота исчезла, люди были готовы на все.

И земля летела из-под ног, и яростный рев рвал глотки, и чистые слезы счастья струились по щекам... Ибо вера, потерянная вчера, была обретена сегодня... Ибо все, что они искали вчера, было найдено ими сегодня. И они *летели* вперед, и рев чего-то непонятного, что не было уже их яростью или болью, но было всем этим вместе, словно крылья, нес единственный выживший легион в сияние лучей грядущего.

Некоторые из особистов Суи на бегу подбирали с земли лазеры и снимали их с автоматически включившегося «stand by⁵⁵». Пехотинцы привычно перестраивались в когортный боевой порядок, хотя никто команды им не отдавал. Маги неслись над землей, словно призраки, словно злые духи войны, словно демоны, пришедшие за своими жертвами.

Особисты Суи первыми взбежали на ффинский холм, и змеиное шипение ударило одновременно с двух сторон, и вспышки огня вспороли пространство между людьми и ффинами. Они погибли быстро — особисты, бегущие впереди... те, кто знал, что ффины, наверняка, тоже подобрали Оружие... те, кто был обязан подавить огневые точки ффинов до того, как на холм взберутся беззащитные перед Оружием пехотинцы. Они погибли, но их Суи в эту минуту был рядом. Он был в их душах, и его великая вера горела над ними Млечным Путем, успокаивая материнскими руками, навеки принимая к себе их — отдавших свои жизни во славу ее...

Яростные крики солдат, бегущих к ффинскому лагерю... Блики света, срывающиеся с мечей... Суи, летящий впереди, — очередь из лазера понеслась к нему, но взмах его Меча, словно горошины, отбросил разряды... Рев его воинов, леденящий кровь в ффинских жилах... Лязг стали, заполнивший все вокруг...

Словно и не было вчерашнего дня... Словно не было той ужасной резни... И мечи снова были живыми существами, которые вырывались из рук.

Руби! РУБИ!!! БЕИ!!!

Руби, ибо прошли уже времена побед или поражений и осталось лишь уничтожение!

И не было более спасения ффинам, и не было им пощады. Ибо люди уже не были просто людьми: ведь с каждым из них был теперь их... *идол*, их непобедимый Суи... который рубил так стремительно, что удары Меча сливались в полосы, а ффины разлетались от него, сбивая на своем пути других... И люди, будто наяву, видели колонну света, бьющего с высот в Суи и разлетающегося брызгами по их душам.

Это был уже не бой. Это была бойня.

Среди людей, опьяненных мощью, уверовать в которую оказалось так... *просто*... среди них почти не было потерь. Раненый тут... убитый там... Но ффины погибали десятками.

Люди словно обезумели... Они не обращали внимания на раны — однорукие перехватывали оружие в другую руку, с но-

⁵⁵ Быть наготове.

вой яростью бросаясь в бой, — и не было для них ничего, кроме боя, ибо бой этот был для них всем. Они не останавливались до самого конца, унося с собой одного, второго, пятого, прежде чем падали на землю; и только там, с трудом двигаясь от потери крови, накладывали себе жгуты и теряли сознание.

Люди волной всемирного потопа ворвались в ффинский лагерь — и ффины в ужасе защищались от них, и оружие их с надсадным звоном ломалось, когда людские мечи рубили наотмашь.

Казалось, **свершился** Второй Великий Поход против ффинов и скоро в Гаксторне будет дан Пир в честь народа-победителя, который отвоевал себе право жить без страха на своей земле. Казалось, все это уже было в глазах летящих вперед людей... Казалось... им всем так тогда казалось...

— Суи!!! — безумный крик пронесся над головами, и сражающиеся замерли в немом ужасе... и медленно опустили оружие, не в силах поверить увиденному: их непобедимый Суи был опутан сетью, а над ним с занесенным мечом стоял тот самый ффин, с которым Суи дрался вчера.

— **Назад!!!** — орал ффин. — **Назад**, псы человеческие, назад, или, клянусь богами, я убью его!..

Вспышка!!! Сумасшедшая вспышка из-под сети, разрывающая на части двух ффинских пехотинцев, едва успевших прикрыть своего предводителя своими же телами.

«Господи, — в отчаянии подумали маги, — Суи, должно быть, немилосердно обжегся».

Новые ффины навалились на него, выворачивая руки и затыкая рот кляпом.

— **Назад!!! Назад**, кому я сказал?!!!

Взмах ффинского меча... Отшатнувшиеся люди.

— **ДЕЛАТЬ ТО**, что я говорю, или я разрублю вашего Суи надвое!!!!!! **ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО Я ГОВОРЮ!!!**

Новый взмах... Снова отшатнувшаяся толпа... Безумие в глазах ффинского воителя... Вышедший вперед маг с поднятыми руками, серый, как льняное полотно.

— Давай поговорим... ффин. Не смей ничего с ним делать... ффин... **ФФИН!!!**

Рычащий ффин... Суи, извивающийся под телами навалившихся на него пехотинцев... Маг, размахивающий над головой пустыми руками.

— Ффин!.. — кричал он. — Ффин... Успокойся, ффин... Смотри, ффин... **смотри сюда**. Вас осталось горстка, ффин, вас осталось совсем мало. Если убьешь Суи, сразу же погибнешь сам... И

своих солдат похоронишь. Слышишь меня, ффин?.. Ты слышишь меня?..

Ффин, наконец-то увидевший мага... Ффин, орущий магу, чтобы тот отвел всех людей прочь... Маг, говорящий, чтобы он отпустил Суи, и тогда люди уйдут... Ффин, нервно смеющийся и приказывающий убираться вон, или он убьет Суи прямо сейчас... Маг, кричащий, что тогда он сам поведет остатки Армии в ффинские миры и сожжет их дотла во славу своего Господа и командира своего... Ффин, кричащий, что убьет... Маг, кричащий, что убьет...

Ффин, кричащий...

Маг, кричащий...

Последняя страница книги о Параллелях, перевернутая их расами.

Прая

Армии людей и ффинов расходились неохотно, словно кулачные бойцы, чей поединок был прерван в самый неподходящий момент.

Люди уходили, скрежеща зубами от ярости и горя. «Если бы мы только могли, эх, если бы мы только могли...» — думал каждый солдат, но их командир был в плену, и люди не могли нападать. Каждый понимал, что Суи все равно будет убит, но напасть сейчас — значило забрать то время, за которое могло произойти... чудо.

Ффины уходили, злорадно ухмыляясь и мстительно поглядывая в сторону людей. И хотя никто из них не понимал, куда исчез Суи вместе с их повелителем Т'Хагардом и выжившими особистами, все твердо знали, что Суи не уйти от расплаты.

Позади уходящих Армий осталось только Поле, усеянное мертвыми телами. Люди... ффины... счастливы, чьи мечты о своей великой судьбе в сражении за великие Параллели уже осуществились...

Но не только мертвецы были сейчас на поле: среди недвижимых тел навстречу друг другу медленно шли двое — маленькая девочка и такой же маленький мальчик... Они могли бы показаться братом и сестрой, если бы не одно отличие... Сначала оно казалось почти неуловимым, но чем меньшая дистанция разделяла их, тем все более отчетливо был виден светлый кокон вокруг девочки, а кокон темноты все сильнее окутывал мальчика.

— Зачем звала меня, Прая? — спросил мальчик почти грубо. — Сама знаешь, все уже свершилось и изменению не подлежит.

— Есть еще двое, — Прая смотрела на мальчика твердо.
— Есть еще двое, Керст.

— Один, — мальчик поправил ее. — На самом деле есть только один, а второй... умрет. Пока еще не ясно — кто, но это ничего не изменит. Скоро останется один, а потом не останется никого... И Меч, который вы храните у Гавриила, уже никого не спасет. Вы проиграли, Прая... Мы с отцом оказались сильнее вас. И пора вашего властвования над миром земным и Небесным прошла. Еще немного — и от земного мира останутся осколки.

Он презрительно смотрел на девочку, и ее гневный вид скорее забавлял его.

— Вы обманули нас, — сжала кулачки Прая. — Он хотел решить все честно, но *ты* и *твой*, вы обманули нас. Все произошло *не так*, Керст, все случилось *плохо* — подло и низко.

Мальчик усмехнулся:

— Ты забыла, с кем имеешь дело, Прая... Никто *из нас* не будет играть в благородство. Мы не лицемерим, Прая, мы выигрываем. Мы сильнее вас хотя бы потому, что не заботимся о сохранении наших душ... Вы ожидали честного поединка, а мы ударили в спину... Подло и низко? Может быть... — снова усмехнулся он, — но мы твердо стоим на ногах над вашим умирающим телом, и скажи мне, сестричка, где она, твоя правда, и есть ли она вообще?.. Выигрывает не тот, кто прав, Прая... Выигрывает тот, кто делает для этого *все*.

Он улыбнулся почти ласково:

— Неужели ты звала меня только для того, чтобы узнать, не раскаиваюсь ли я?.. Бедная моя девочка... ведь я не знаю раскаяний. Я не знаю терзаний, — он повернулся, чтобы уйти. — Я знаю лишь победы.

Прая плакала от бессилия. Ей было очень обидно показывать свою слабость, но еще больнее ей было оттого, что она все-таки позвала его на эту встречу. Чего она ожидала?..

— Вы не победите!!! — крикнула она ему в спину. — Вы никогда не победите!!! Не верю!!! Не верю!! Не верю!

Она в изнеможении опустила на землю, и слезы лились из ее глаз, и плечи содрогались в бессильных рыданиях.

— Но почему... Господи?.. — сквозь слезы прошептала Прая.

— Почему... почему... почему?.. — твердила она, остановив взгляд на чьем-то мертвом плече. — Зачем ты с нами так?.. Почему все должно свершиться именно *сейчас*?..

— Каррр, — раздалось над ухом, и Прая вздрогнула от испуга: черный ворон сидел совсем рядом.

— Пошел вон! — взмахнула рукой девочка, но ворон увернулся и снова каркнул.

— Прразве не должна ты называть Его с великой буквы? — коверкая слова, произнесла птица.

— С... Сатана?.. — неповинуящимися губами выдавила девочка.

— Ххар... Хар... хар... — засмеялся ворон. — Может, без формальностей?..

— Я... я не звала тебя... — девочка помимо воли отодвинулась от него. — Не приглашала... Зачем пришел?..

Ворон склонил голову, искоса глядя на нее лукавым глазом.

— Мы с сыном — одно, — каркнул он. — Ты знала об этом, когда хотела встретиться с ним.

Ворон вспорхнул на ближайший труп и пару раз звонко клюнул в наплечник кирасы.

— Керст верит, что ты уже готова.

— К чему... готова? — еще дальше отодвинулась Прая.

Дынь!.. Дынь!.. Клювом по наплечнику, одним глазом на нее.

— Готова...

Дынь!.. Дынь!..

— Готова покинуть... м-м-м... Кхаррр...

Дынь!..

— М-м-м... покинуть *Его*...

— Да ты что?.. — стиснула кулачки девочка. — Да ты ЧТО?..
ДА Я **тебя**...

— Тихо... тихо, — повел крылом в ее сторону ворон. — К чему столько (Прая была готова поклясться, что птица усмехнулась) эмоций?.. Мы лишь говорим... м-м-м... говорим о фактах...

Ворон наклонил голову в другую сторону и внимательно посмотрел на Праю.

— Например о таких, что ты больше не называешь *его* с заглавной буквы...

Ворон усмехнулся.

— Ты же понимаешь, что шансов у вас уже нет. Конечно, остались двое, но неизбежность — великая вещь, Прая... Шансов на то, что их будет все так же двое, не существует, и если говорить математическим языком, я бы сказал, что вероятность этого события близка к нулю.

Ворон усмехнулся:

— А значит это...

— Я знаю, что это значит, — резко прервала его девочка. — Я, может, и не такая умная и математики не знаю, но смысл твоих слов мне ясен... Я не верю в вероятности, не верю в шансы. Всегда есть что-то еще, кроме математики... Если бы законы Вселенной строились только на вычислениях, Посвященные изучали бы математический анализ...

— Хххарррр-ххар-харрр, — хрипло рассмеялся ворон. — Математический анализ?.. Малышка, если бы я не знал, что ты безграмотна, то мог бы подумать о Гаксторнской Академии.

Ворон иронично усмехнулся:

— Говоришь, *всегда* есть еще *что-то*?.. Да есть ли оно хоть иногда, Прая?.. Можно потратить сотни лет в поисках ответа, и только после смерти сообразить, что на самом деле не было даже вопроса. Я понимаю тебя, девочка... Ведь так хочется, чтобы все было немного другим, чем есть в реальности... Но, к сожалению, одного желания мало, и осталось всего двое. Совсем скоро останется один, а один никогда не сможет сделать то, что сломало уже пятерых. Это тоже всего лишь трезвый расчет.

Ворон протяжно вздохнул:

— Не плачь, девочка, правды нет в твоих горьких слезах.

— А я и не плачу! — зло ответила ему Прая сквозь слезы. — Я никогда не плачу!!!

Ворон, казалось, пожал плечами, отвернулся и несколько раз ударил клювом по наплечнику. Дынь, дынь, словно сапожным молоточком. Когда девочка успокоилась, он снова обернулся:

— Почему ты так сопротивляешься тому, что я предлагаю?.. Почему ты так мучаешь себя отказом?.. Каким вопросом задаешься ты, не понимая, что давно уже услышала ответ?.. Пойдем со мной — и я избавлю тебя от мучений, от терзаний и усталости...

Ворон наклонил голову.

— Как же ты устала... Ты только посмотри, во что превратила тебя твоя глупая вера... Посмотри на те камни, которые ты тащишь за спиной, и подумай, для кого ты это делаешь... Неужели Он для тебя так дорог?.. Но *почему*?!!

Ворон искренне удивился.

— Почему *Он*?! Все, что Он сделал для тебя, так это убил твоих родителей и сжег твой поселок. *Он ведь мог помешать* и вступить за *тех*, кто так верно и самозабвенно служил *Ему*. *Он* мог помочь уйти, мог провести ффинов другой дорогой, мог сделать так, чтобы ты выросла красивой девушкой, мог дать тебе мужа, семью, детей, мог сделать, чтобы той бойни не было вовсе!!! Что

стоило для НЕГО — Создателя Пиллеи, — что стоило для НЕГО вступить за *тебя*?.. Но думаешь, Он хоть подумал об этом?.. О нет, Прая, нет... Только не Он.

— Зачем Ему вмешиваться? — ворон злобно посмотрел на небо. — Зачем?!! Зачем вмешиваться, если все идет по задуманному?.. Он хотел видеть посредника... У Него появился посредник. Он хотел видеть великий Поход праведников... Тут же возникла тройка одержимых, готовых послушно жечь и убивать. Он хотел видеть торжество Своего псевдосвета над моей псевдотьмой... Но тут Он просчитался, Прая... Тут Он просчитался так серьезно, как только Он мог просчитаться при всей Своей гениальности. Потому что я не собираюсь плясать под Его дребезжащую дуду и делать то, что Ему хочется... Я уже давно не Его слуга на Небесах, но Хозяин... Давно уже у меня своя мудрость и дуда своя, давно уже у меня есть все, о чем я мечтал, будучи около Него... Лучше быть Хозяином в Аду, чем слугою на Небе...

— И чему же ты Хозяин?.. — подняла заплаканные глаза Прая. — Чему же ты хозяин, если, будучи в Раю, ты не нашел в себе сил там остаться?.. Чему ты стал хозяином, когда тебя позорно изгнали оттуда и единственное, что ты получил, — это одиночество?.. Хозяин?.. Чему?..

Долго смотрел на нее ворон, прежде чем ответить ей одним словом, в котором была вся его вера, все, ради чего он сражался и ради чего жил. Он сказал, чему он стал хозяином...

— Себе.

Усталая улыбка появилась на лице девочки.

— Нет... Никогда я не присоединюсь к тебе, Сатана, ибо лучше мне быть рабом в Его царствии, нежели хозяйкою в твоём. Ты не хозяин себе, Сатана, но лишь раб своей гордыни. Ты победил?.. Ты еще *не* победил, нет-нет, и что не смогли сделать пятеро, сможет сделать один, как бы ты ни хотел убедить меня в обратном, ибо никогда не станет Суи **шестым**, поглощенным тобою, но навсегда останется **единственным**, кому удалось остаться **вне твоей власти**. А я тебе нужна не потому, что ты хочешь помочь мне, но потому, что хочешь использовать меня против Суи. Даже сейчас, плененный и надломленный, он все равно сильнее тебя, и ты понимаешь это и ищешь новые возможности для победы. Ты говорил мерзкие вещи, стараясь пробудить во мне отчаяние и неверие... стараясь отвернуть меня от Господа. Но даже сейчас, в боли и отчаянии, я ни за что не отвернусь от Него только потому, что не могу пока понять внутренний смысл происходящего и отделить то, что кажется, от того, что есть на самом деле... Во всем,

сделанном Им, заложен великий смысл, и смысл этот обязательно станет ясным в назначенное время.

— ДА КАКОЙ СМЫСЛ?!! — метнулся к ней ворон. — Смысла НЕТ, пойми!!! Не осталось уже у Него козырей в рукаве, ибо я знаю, как легла *каждая* карта в этой игре: я ведь сам подтасовал их. Он не может ничего, не может даже спуститься с Небес, пока земля не заполнена *демоническими ордами*: это ведь так сильно противоречит Его морали... А когда откроются Врата Ада, будет уже поздно и ничего не смогут сделать Его легионы, чтобы уберечь Пиллею. Пойми, Прая, что победитель — я, и что...

— А мне все равно!!! — топнула ногой девочка. — Мне все равно, кто победитель, потому что мою жизнь ТЫ НЕ ПОЛУЧИШЬ!!!

— Девочка... — гнев ворона тьмою замутил пространство. — Девочка, я бы не советовал тебе топать на меня ногами...

Тьма клубилась вокруг девочки, и посреди этой тьмы стоял темный ангел с горящими глазами и изодранными крыльями... Но потом ангел снова стал вороном и перелетел на другое тело.

— Не забывай, что все-таки ты смертна...

Резким ударом клюва он вырвал из тела кусок уже гниющего мяса и, тяжело хлопая крыльями, полетел прочь.

Прая долго смотрела ему вслед, а потом медленно опустила голову — одна, совсем одна посреди тысяч мертвых верующих... Они лежали вокруг нее, а она стояла над ними без сил...

Их вера... Их надежда... Их *мольба*...

Суи

Скрип колес наполнял воздух. Тряска отдавалась болью в каждой клеточке ноющего тела. Связанные руки уже утратили всякую чувствительность, а лодыжки ног все еще болели. Взгляд сидящего напротив ффина был спокоен и холоден.

Суи везли куда-то уже восьмой день. Повозка — одна из тех, что тащились за Армией с провиантом, — не рассыпалась на части лишь усилиями магов, ее сопровождавших.

Суи решено было отправить под охраной лишь двух десятков ффинских особистов и пяти чернокнижников, чтобы не привлекать внимания и не давать лишнего шанса ни людской настырности, ни ффинской ненависти. К телепортации тоже было решено не прибегать, чтобы не выдать себя следами порталов...

Суи везли старым добрым способом — сквозь старые границы миров.

— То, что ты сделал, не достойно воина, — сказал Суи ффину.

— То, что я сделал, — ответил ффин, — я сделал для своего народа.

— Тогда почему ты не добьешь меня? — оскалился Суи. — Твой народ это оценит.

— Я привезу тебя в Т'Хагард, и мой народ сам решит, что с тобой делать.

Суи думал о побеге первые два дня пути, пока еще чувствовал кисти рук: иногда путы ненадолго снимали, пока он не начал чувствовать легкие покалывания в онемевших пальцах.

— Не знаю, как зовут тебя, ффин, но почему ты так унижаешься передо мной? — спросил его однажды Суи и в ответ на изумленный взгляд добавил: — Захватил обманом, устроив ловушку из трупов своих же людей; связал, как овцу; везешь в Т'Хагард на верную смерть... Почему не поступишь, как воин?.. Развяжи мне руки-ноги, и пусть все решится так, как решалось на Поле... пока нас с тобой не разняли. А может, ты боишься меня, ффин «имени-не-знаю»?..

Долгий взгляд в ответ. Раздумье. Слова:

— Т'Хагард мне имя, человек Суи. Как и имя великого города моего народа, куда я везу тебя на суд моих братьев. Но не обольщайся, человек, твоей смерти так мало для расплаты за все, что вы нам должны.

— *Мы* вам должны?! — подался вперед Суи. — Да ты видел хоть одну деревню, где побывали ваши мародеры?.. Ты видел хоть один город после нашествия ффинских лагников?.. ТЫ... Да что ТЫ можешь рассказать МНЕ о том, что МЫ вам должны?.. Исчадия Ада... А я еще сомневался, изменит ли что-нибудь ваша гибель. Э-эх... жаль, не достал тебя на Поле... умничал бы сейчас перед Хироном.

Злое молчание в ответ, в котором едва сдерживалась оплеуха.

— Исчадия Ада?.. — сквозь зубы. — Да нет уж... Как бы вам ни хотелось изобразить нас сатанистами, на самом деле это вы — *его* орудия. Светолюбы, как же! Да света в вас еще меньше, чем в нас!.. Ты меня жалуешь зверствами мародеров... А ты сам когда-нибудь видел наши фермы, через которые прокатились ваши разведотряды... или каратели, которых вы нанимаете из кочевников?.. Ты хоть раз видел, что они оставляют после себя?.. Так что заткнись, псевдо-Евангелист Суи, поганяющий мой род, прикрывшись личиной мученика. Мы просто выживаем... А ВЫ...

То, что сделано *вами*, не будет прощено никогда! Лицемеры!!! Света в вас мало, но справедливости еще меньше!!!

— Лицемеры?!! Дай мне руки, Господи, дай мне руки — и я задушу это отродье!... Ты, именем которого проклинают, говоришь мне о справедливости?.. Говоришь о свете, сам будучи полон тьмы?.. Сражавшийся под знаменами с перевернутой пентаграммой, с перевернутым пятиугольником на кирасе... приносивший в жертву единорога, ты, плюющий на распятие, ты будешь говорить что-то о справедливости мне?..

Смех... хриплый злой смех ему ответ:

— Какой ты глупец... Это я плюю на распятие?.. Ты видел это сам или где услышал?.. Единорог... Да, вы помогли нам тогда... Если за что тебе и благодарен, так за то, что уберегли нас на Т'Анне. А перевернутые пентаграммы... глупец ты, Суи...

Жесткий взгляд в глаза.

— Колыбели, катапультированные с «Пегаса», упали на свои спины. Вот и вся разгадка. Не догадался еще сам?..

— Чего?.. — Суи пытался незаметно освободить хотя бы одну руку. — Что за чушь ты несешь?.. Какие колыбели и что еще за пегас?.. Я тебе говорю, что вам всем грешно на землю было рождаться, а ты мне... Моя б воля... я бы всех до одного... и ваш Сатана-создатель не помог бы...

Ухмылка, в которой смешались жестокость и грусть.

— Создатель... Ну-ну... Создатель... Ты так уверен?.. Наверное, придется мне устроить тебе небольшую экскурсию, *братишка*... Ты имеешь представление о том, кто такой Трансгал?.. Да не по манускриптам вашим, а кто он был на самом деле?.. Я читал вашу Библию Света, уж там все *описано*... но даже в *описанном* можно найти тайное, если научиться читать между строк. Библия ваша говорит, что Трансгал был верховным Архангелом, который объединял в себе огненную мощь Михаила и высшую мудрость Гавриила. Архангелом, который помогал Господу нашему... ох, — усмехнулся ффин, — извини-извини, Господу *вашему*... творить Параллели. На левой руке он носил браслет — символ преданности *его* Господу, на котором была выбита надпись «ТГК». Вы решили, что это означает «Трансгал Крестonosец». Но я знаю, что это означает другое...

— Заткнись!!! — крик Суи был так страшен, что на мгновение ффин действительно замолчал. — Заткнись, ибо оскверняешь ты уже не меня, но веру мою, а ее ты не трогай, ибо, даже связанный, я смертелен для тебя, если ты не замолчишь. Поноси меня, но не

смей трогать то, что для меня свято, ибо клянусь, что и сатанинские пентаграммы не помогут!

— Глупый-глупый Суи, — взгляд ффина изучал горизонт. — Пентаграммы... Далась тебе эти пентаграммы... Ладно, расскажу и о пентаграммах, хоть я уже и говорил о них, — ффин усмехнулся, — да только ты плохой слушатель...

Знаешь, откуда появляются ффины? Слышал, небось, разные байки, что, мол, Сатана творит нас из истлевших костей покойников, вдыхая в нас души насильников и убийц. Слышал... по глазам вижу, что слышал. Все это, конечно, бред, хотя и заслуживает внимания как первая попытка христианского человечества осмыслить понятие реинкарнации⁵⁶.

А если без метафизики, ни один ффин не появился на свет естественным путем. Нас творят Колыбели. Три последние Колыбели. Три из тридцати...

Когда все завертелось и трансгалы поняли, что натворили, они попытались удрать на край Вселенной, прихватив с собой три Колыбели, — прототипные модели, а не конвейерные. Наверное, они хотели обезопасить себя, а может, хотели создать небольшую Армию для захвата соседних миров... Кто знает?.. Но их чартерный корабль был перехвачен и сбит у Драконьих Игл сто семнадцатого мира. Ракеты попали в капитанский мостик и пассажирский отсек — никто не выжил.

Колыбели были катапультированы в аварийном режиме единым блоковым грузом. Стропы парашютов запутались в каменных уступах Игл... Через столетие стропы лопнули... Хорошо, что была зима и Колыбели упали в восьмиметровый снег.

— Упали, правда, — усмехнулся он, — вверх ногами, но я уже говорил тебе об этом... Атомный реактор блокового груза умер за год до Первого Великого Похода... до Семи Армий и падения Гриффа. До разрушения двадцати семи Колыбелей в ядерном аду Гриффова пламени.

Некоторое время ффин молчал.

— Потом Сатана пришел к нам и рассказал о местонахождении трех недостающих Колыбелей. Техников не было уже многие тысячелетия, и безграмотные пехотинцы установили Колыбели так, как и нашли, — вверх ногами. Именно тогда было сделано первое боевое знамя ффинов, на котором были изображены святые Символы наших Колыбелей, объединяющие нас в момент рождения. Но, как я говорил уже сколько-раз-не-упомню, Символы, изображенные на Колыбелях, были перевернуты.

⁵⁶ Переселение души после смерти человека в новое тело

Если хочешь знать, что изображено там на самом деле, переверни наши знамена, и ты увидишь вовсе не символы сатанизма, а нечто, для тебя непонятное. Ведь если для пятиконечной звезды в круге имеется эзотерическое толкование: это якобы прообраз человека, то что означает перевернутый пятиугольник?

— Это означает, что ты меня тут пытаешься накормить баснями до отупения... Я не верю тебе, ффин, ни единому слову не верю. Выдумка про перевернутые рожальни выглядит смешно. А то, что у вас не было раньше знамен... это вранье. В Первом Походе его летописцы отмечали, что вы шли в бой под черными знаменами с темно-бордовым кругом на них.

Ффин рассмеялся:

— Это были не наши знамена. Это были знамена, *данные нам ранее*... Только знаешь ли, *человек*, на них был не только круг... была еще и надпись в круге.

Знаешь, что такое интерферентные радары?.. Еще до того, как началась наша война, то, что мы зовем Оружием, использовалось повсюду. Интерферентные радары совместно со спутниками слежения применялись для обнаружения энергетических точек: скоплений солдат, расположений стационарных лучеметов...

В то время знамена не были в моде, потому что спутниковое наведение делало возможным уничтожение цели до визуального контакта. Но мода поменялась, когда мы пошли в бой под новыми знаменами, как я уже говорил, *данными нам*. В знамена в форме круга были вшиты микроэлементы, которые отражали луч интерферентного радара, при этом многократно усиливая его. Простое знамя в руках солдата создавало на экранах компьютера слежения сигнал в сотни раз более мощный, чем стационарный лучемет, делая, вместе с тем, все реальное Оружие вокруг себя невидимым. Это был мудрый тактический ход, позволивший на некоторое время вывести из строя спутниковую систему обнаружения, пока люди не додумались перейти на другой энергетический уровень обработки сигнала.

Однако это еще не все, человек Суи. В круге на знамени была еще и надпись... Были еще и буквы, венчавшие гений их создателя... нашего создателя... Имя того, кто привел в этот мир ффинов...

Некоторое время Т'Хагард и Суи смотрели друг на друга, а потом ффин усмехнулся:

— Там было всего три буквы, Суи, всего три... «ТГК».

Суи старался... Он старался, как мог. Но звуковой удар не разнес Т'Хагарда на части, а всего лишь сорвал тент с повозки.

Т'Хагард оказался куда более осторожным, чем думал Суи, и хотя удар отбросил ффина, блок, который тот успел выставить, спас ему жизнь. Трое пехотинцев были буквально размазаны по камням звуковыми атаками Суи, но потом его рот заткнули кляпом, и все закончилось.

Т'Хагард медленно подошел к нему, растирая онемевшие от удара предплечья, постоял немного над ним и так же молча отошел в сторону... Было странным, что ффин так и не пнул его ногой.

Руки и ноги Суи больше не развязывали: ффины решили, что лучше привезти Суи в Т'Хагард безруким и безногим, чем позволить ему выставить их трупы орлам на съедение в ближайшем горном мире.

А через три границы миров на караван, везущий самый ценный в истории Пиллеи груз, было совершено нападение.

Нападение было организовано грамотно, с учетом всех правил применения Древнего Оружия в ближнем бою.

То, что нападающие применили пороховое автоматическое оружие, отказавшись от более губительного лазерного огня, конечно же, уменьшило мощь их атаки, но, вместе с тем, не выдало их яркими лазерными вспышками.

Сначала ударил крупнокалиберный пулемет, что-то вроде ММ-60. Ффинские особисты без особых потерь укрылись за перевернутыми повозками. Однако в это время в спины им ударили еще два пулемета, образующие своим расположением основание равнобедренного треугольника. Этот огонь был губительным.

Холодный прицельный расчет оправдал себя, и за считанные секунды, пока ффины метались в панике, многие из них были убиты.

Ффины попытались укрыться за камнями и выждать момент для отступления, но тут в атаку пошла людская пехота. Атакующих было немного — не больше десятка солдат, — однако этого оказалось достаточно, чтобы опрокинуть ффинских особистов, отрезать их друг от друга и в упор разорвать огнем из лазеров. Многие ффины в отчаянии подымали руки, надеясь на милость победителя, но люди не брали пленных и, не останавливаясь, жгли из лазеров всех — вооруженных и безоружных, бегущих и падающих, умирающих и уже умерших.

Вспышки огня разрывали день на части, и казалось, что мир превратился в сплошное пульсирующее сияние, из которого временами вырывались контуры скал и размазанные очертания гибнущих солдат.

И в этот момент ффинские чернокнижники призраками взмыли вверх. Своей атакой они попытались прижать нападающих людей к земле, надеясь выиграть для своих товарищей хоть немного времени, но из-за скал потянулись вверх дымные хвосты ракет, и алые цветы разрывов вспыхнули в воздухе. Почти все чернокнижники успели заблокировать удары, но одного все же разорвало на части. А когда из-за холмов вылетел строй людских магов, стало ясно, что сражения в воздухе ффинам не выиграть. Совсем немногие из них успели телепортироваться; остальные погибли в считанные минуты.

Сражение на земле было скоротечно и кроваво. В памяти Суи навсегда осталось лицо Т'Хагарда, наполовину содранное брызнувшей от взрыва скальной крошкой. Ффинский командир вел сумасшедший заградительный огонь из истощающегося лазера, заливая камни вокруг себя своей кровью.

«Господи правый, — подумалось вдруг Суи, — у него ведь тоже красная кровь...» До сих пор Суи ни разу не задумывался, какого цвета кровь его врагов, и теперь, глядя на Т'Хагарда, он леденел от какого-то непонятного, но весьма жуткого предчувствия. «Почему у них тоже красная кровь?.. — ошеломленно размышлял он. — Ведь они Зло, самое злое из всех Зол в этой вселенной, так почему же их кровь не черная, почему не болотная, почему же кровь их такая... алая?»

Т'Хагард почувствовал его взгляд и медленно повернул к нему уцелевшую половину лица. Не долго он смотрел на Суи, но тот все же успел уловить оттенки насмешки и сочувствия в его взгляде. А потом Т'Хагард резко приставил дымящийся ствол лазера к своему подбородку и так же резко нажал на спуск. Суи даже зажмурился, потому что знал, что будет дальше — сверкнет ослепительная вспышка и голова ффина превратится в поток ионизированного пара... Однако все произошло не так. Словно что-то тяжелое упало на землю, и взгляду Суи предстал живой ффин... Блок его НЛ дымился, будто пронзенный невидимым копьем.

И завертелось все, словно в карусели. И голос Гиннада, такой знакомый и родной, произносящий над ффином: «А этот ублюдок нужен живым...» И людские пехотинцы, резко подымающие Т'Хагарда на ноги... И людской маг, сложным заклинанием останавливающий кровотечение на его лице... И чьи-то руки, осторожно разрезающие путы на бесчувственных Суиных руках... И Гиннад, стискивающий его в стальных объятиях... И слезы радости в их глазах; срывающийся голос гнома; его трясающаяся

от волнения борода; и крики о том, что они все-таки нашли его... Злой взгляд Т'Хагарда... стиснутые зубы и напрасные рывки рук в попытке вырваться из тугих объятий плетеной веревки.

— Не смотри ты на него так, — усмехнулся гном, — никуда твой дружок не убежит. Я заранее приказал магам сделать веревку для этой твари, да такую, чтоб ни ножом, ни заклинанием не прорезать. Маги долго колдовали над ней, так что вряд ли нашему ффинскому гостю повезет.

Гиннад понизил голос:

— Не хотел бы я оказаться на его месте, когда мы приедем в Гаксторн. Не знаю, что они там планировали сделать с тобой, но поверь, Суи, это ни в какое сравнение не идет с тем, что мы сделаем с ним.

И Гиннад с улыбкой хлопнул Суи по плечу, как всегда, чуть не сломав ключицу.

— Соберите ффинские трупы, — обратился он к солдатам. — Отвезем их в ближайший горный мир орлам на обед.

— Как вы нашли меня? — спросил Суи позже, когда маги, сменяя друг друга, сумели оживить его руки и ноги.

— Как нашли?.. — Гиннад вздохнул, набивая трубку.

Суи с удивлением смотрел на него: по традиции у гномов курить полагалось только старейшинам родов, да и то при условии процветания родовых ремесел — ведь в скалистых гномьих мирах табачком разжиться было негде.

— Как нашли?.. — Гиннад затаился глубоко и тяжело выдохнул.

— Да не смотри ты так на мою трубку, — с усмешкой сказал он, затягиваясь снова. — Сейчас такое время, что нельзя только предавать... себя особенно, а все остальное нынче дозволено. Трубку мне сам Совет выделил, — Гиннад усмехнулся, — из своих запасов.

— Гаксторнский Совет?..

— Не-е, — усмехнулся гном, — бери выше. Гномий Совет. Те, кто когда-то определил меня в Гномью Армию, — сам знаешь, какой она тогда была... Те, кто противился моему восхождению по лестнице народной любви... Те, кто вел агитацию против меня... Именно они и дали мне теперь трубку Старейшины гномьего рода.

Гиннад глубоко затаился, а потом усмехнулся устало:

— Клэр нашел тебя...

Гиннад вздохнул и взгляделся в темнеющее небо.

— TraceNet теперь наша.

Гном помолчал и улыбнулся еще раз:

— Иногда мне думается, что ни одна жертва на пути к освобождению не бывает напрасной... Теперь мы владеем сотнями тысяч спутников, которые парят над всеми мирами Пиллеи... а это так много, что иногда тот день, когда мы угрюмо проходили мимо древнего полуразрушенного замка, кажется мне *почти* оправданным...

Гиннад глядел на проступающие звезды.

— С того дня, как мы покинули Грифф, словно прошел не год, а несколько тысячелетий. Посмотри на ребят. Конечно же, это особысты, Суи, но теперь даже крестьяне в пограничных мирах вооружены лучше, чем вся наша Армия, уходившая в свой самый Великий Поход. Клэр научился создавать не только пороховое Оружие, но и лучевое, и фотонное, и электрично-магнетическое. У нас с собой несколько таких снайперских винтовок, и одна из них разбила лазер твоего дружка.

Гном усмехнулся, а потом снова вздохнул:

— Ффины сумели открыть границы миров для тяжелой техники вплоть до среднего танка «Рэйдер», и теперь без подствольных «Пингвинов» мы никуда и шагу не ступаем. Окрестности Гриффа, который выдержал уже не одну осаду, все оплавлены и заражены каким-то «лучением» настолько, что без обеззараживающих снадобий выжить там невозможно. Древняя магия производит теперь боеприпасы и Оружие для армии... Есть винтовки, которые настолько тяжелы, что их не поднять даже самому сильному гному. Клэр говорит, что люди стреляли из них *в космосе*, выше неба, куда они умели забираться в особых магических кораблях.

Новая затыжка...

— Ффины штурмовали Грифф?.. — тихо спросил Суи, думая об оплавленных скалах, зараженных радиацией.

— Да, — кивнул Гиннад. — И в первый раз всего через полтора месяца после ухода Армии. Какой-то ффинский клан нашел в тайниках своего рода записи о магических координатах города...

— Эфемеридах, — подсказал Суи, гном благодарно кивнул и продолжил:

— Ффинская Армия к тому времени уже полтора месяца была в походе против людей. Так как она двигалась, в основном, неизвестным маршрутом через пустынные миры, попытки найти ее не увенчались успехом. Связаться с Армией ментально ффинские чернокнижники тоже не смогли. Горячие головы из клана, нашедшего Грифф, решили собрать солдат, и тайком ночью вошли в

Гриффово измерение... Хотели во сне перебить побольше да и улизнуть. Их было около полутора тысяч. Согласись — бригада хоть куда... «Мамонты» (к тому времени уже два механизма стояли на страже) они приняли за скальные уступы. Оба «Мамонта» ударили всего с трех сотен метров. Из ффинов выжило не больше десятка.

Гном вздохнул и выколотил пепел из трубки.

— Во второй раз они подготовились серьезней. Кевлар, лазеры, FAGи, три «Рэйдера», парочка БМП, плазменные насадки на оружии. Восемь сотен человек планировали диверсию с использованием атомной ловушки на три мегатонны. Вылезли из портала на рассвете: надеялись, что сонные операторы не сообразят, что и к чему. Ох, Суи... если бы Клэр тогда уже не активировал идеен... идеен-тефирен-товые радары, не знаю, что бы осталось от крепости.

Ффинов уничтожили огнем в упор, стреляли из FAGов. Кто видел, говорят, это был сущий ад. Ффины не успели активировать мину... Мы ее забрали... Три мегатонны, Суи, это, ну как бы сказать... это мощность такая. Клэр пытался объяснить мне, но все, что я понял, так что этот взрыв мог бы за мгновение уничтожить сто тысяч нас, сто тысяч ффинов и ту ложбину, где мы встретились между двух холмов.

— Как?.. — похолодел вдруг Суи. — Как ты назвал?.. Какие радары?..

— Идеентефирентовые... Нет, погоди, индеефферентные... Я пока все эти словечки повыучивал, Суи, от меня чуть ум не ушел. Ну а радары... они как прожектора, понимаешь? Они вроде бы прожектора, но и не то, чтобы прожектора... Не как на маяках... называется просто так. Это похоже на здоровенные тарелки. Их из третьего Ангара подняли. Они какой-то свет невидимый излучают и его отражение сами же и улавливают. Понимаешь, все, что связано с энергией, вокруг себя создает невидимое свечение — что-то вроде души... и когда свет радара на это свечение падает, то сразу отражается назад, и радары его ловят. На экранах операторов загорается точка, и чем точка ярче, тем мощнее Оружие, от чьей души отразился невидимый свет. Вроде бы так... Но ты не переживай по поводу прожекторов. Самое главное, что Клэр нашел тебя, а вслед за ним нашли тебя и мы. Главное, что ты не едешь больше к ффинам заложником этого уroda, — кивнул он в сторону Т'Хагарда, — и теперь он сам наш заложник.

Суи поморщился от нарастающей боли в руках, с которых потихоньку сходила магическая анестезия.

— А почему маги не смогли найти меня?.. Ффины же не настолько великие колдуны, чтобы обойти Академиков...

Гиннад немного помолчал, а потом медленно принялся набивать вторую трубку.

— Не все так просто... — сказал он, когда красные блики затяжки на мгновение осветили черты лица. — Вспомни, когда мы только подходили к гномьим мирам, Клэр уже научился выколдовывать кевларовые доспехи, а они очень и очень крепкие, Суи. Когда Златовласка грезила у Колодца Солнца и Луны, Клэр запустил древнее колдовство для изготовления лазеров и автоматов. Когда Райси шагнула за Черные Дыры, Клэр научился создавать подствольные ядерные ракеты. Как ты думаешь, Суи, если бы наш Поход был подвластен *нам*, неужели бы бессмысленная бойня того дня была допущена?.. Нет. Выходит так, что есть еще что-то, что вмешалось в ход нашей компании...

Клэр говорит, что маги тысячи раз пытались связаться с нами и десятки тысяч раз — найти, но попытки их были тщетны, Суи... потому что неизведанное магическое поле накрыло нас — и нашу Армию, и ффинскую — на нашем пути к взаимному истреблению, словно кто-то решил обязательно свести нас возле того разрушенного замка. Никто не знал, что это было, Суи... Академики, так те вообще говорили, что существование этого поля вообще невозможно теоретически.

Никто не знал, где мы, никто не знал, каким путем направляемся. Ни один магический призыв не был услышан до того дня, пока ффины не захватили тебя. И когда это произошло, первым делом маги попытались отыскать тебя... Ты был виден, Суи, было понятно, что ты жив; но все то же поле скрывало твое местонахождение. После нескольких дней мучений маги сказали, что пробить поле не удастся никому, и все, что они узнали об этих полях, так это то, что поле, которое накрыло тебя, отличается от того, которым были скрыты Армии. Поле, накрывшее Армии, было как бы красным по цвету...

— Смещено в красную часть магического спектра... — проворчал Суи.

— Во-во!!! — кивнул гном. — Смещено в красную часть магического спектра, а поле, накрывшее тебя, было смещено в фиолетовую часть. Выражаясь проще, *первое* поле было пропитано злом, а *второе* — добром; а если добавить, какими эти поля были мощными, сам понимаешь, что оба предыдущих слова должны писаться с большой буквы.

Гиннад крепко затынулся и долго смотрел, как медленно, едва заметно глазу, поворачиваются на небосклоне созвездия.

— Божьи Силы вступились за тебя... — заговорил он снова.
— Но силы Сатанинские вели Армии друг к другу.

Суи удивленно смотрел на него.

— Но это же неразумно, — слотнув, сказал он наконец.
— Было бы понятно, если бы Нечистый накрыл полем только нашу Армию, а Армию ффинов снабдил бы Тяжелым Оружием. Тогда они раздавили бы нас, даже не стреляя, гусеницами своих танков.

Гном усмехнулся и легонько толкнул Суи локтем в бок:

— Разве я взываю к твоей разумности?.. Так вот, когда мы поняли, что тебя не найти с помощью магических хитростей, Клэр закатил самую грандиозную пьянку из всех, какие я повидал в вашем людском мире: в утро того дня он сумел активировать первую подсистему огромного оружейного комплекса StarNet, известную как TraceNet, — подсистему слежения и наведения боевых спутников. Боевые спутники — это ядерные ракетоносцы и огромные излучатели, их называют бэттлботами. Неизвестно, сколько десятков тысячелетий назад эти бэттлботы были запущены над параллельными мирами, но они до сих пор боеспособны, получая энергию из солнечного света. Если бы Клэр смог пробиться к этим спутникам, мы уничтожили бы ффинов за пару дней.

— Но ладно, — усмехнулся гном, — что-то я отвлекся. Не успело у нас похмелье пройти, а спутники выдали три сотни вариантов твоего каравана. На их анализ ушло много времени, но в конце концов мы все-таки нашли тебя. Вызволять своего командира собиралась вся новая армия... Ты, кстати, заметил, что в атаке не пострадал ни один солдат? Это лучшие из всех, кто только есть на этом свете, Суи, это те из особистов, кто выжил в Сече. И они пришли сюда отдать за тебя жизни и души свои... все самое ценное, что у них есть.

Они замолчали.

— Ладно, — вздохнул Гиннад наконец и снова выколотил из трубки пепел. — Давай помогу тебе дойти до лагеря, будем спать, а то завтра длинный переход, Суи, нужно спешить.

Утренний переполох в лагере сообщил Суи о том, что Т'Хагард сбежал.

Нет, он не смог вывернуть руки из петель магических пут... Заклинанием превратив свою слюну в кислоту, он плюнул на руку повыше веревки и потом несколько долгих часов стои-

чески терпел, пока кислота отсекала от него его собственную плоть.

Кровавый след вел до границы лагеря, где был убит дозорный, и дальше — до покалеченного портала, все еще мерцавшего в воздухе. Входить туда никто не решился: прыгать следом за одноруким калекой, выколдовавшим портал, — верх безумия.

Конечно, можно было бы магически проследить след портала, но если бы с той стороны оказались чернокнижники, то и месторасположение людей было бы раскрыто. Если ффины до сих пор не ворвались в этот мир, то только потому, что Т'Хагард пострадал при прохождении сквозь первоматерию настолько, что не смог даже рассказать о месте, откуда сбежал... Соваться же в измерение, не зная ничего о силе противника, ффины, верно, посчитали неразумным.

Людские войска повздыхали возле портала и покинули мир. Смены измерений шли для них, словно смены театральных декораций. В скальные миры отряд не заходил за неимением времени, и ффинские трупы так и остались лежать под безымянным небом такого же безымянного измерения.

Грифф

Грифф представлял собой величественное и в то же время ужасное зрелище. Здания, отстроенные магами целую вечность назад, были вновь разрушены ффинскими атаками, и обугленные руины громоздились на месте прекрасных дворцов. Люди даже не пытались отстроить их заново, потому что Клэром были открыты Внутренние Жилища — огромный город под землей, сравнения с которым не выдерживали даже самые величественные гномьи храмы, вырубленные в недрах гор.

Яркий свет, освещающий все закоулки подземных жилищ, круглосуточно лился из светильников на потолках, которые сами включались, стоило войти в комнату; из кранов в стенах бежала чистая холодная вода, приятно пахнущая *озоном*; воздух не заставился и всегда был свеж, независимо от происходящего в мире над Внутренним городом.

Самым большим чудом Жилищ были огромные площади *гидропонных* оранжерей, которые чем-то напоминали гаксторнские теплицы, но люди совсем не участвовали в выращивании плодов. После долгих трудов Клэр сумел разобраться в том, как управляются теплицы, — они были подвластны древней магии, которую Книгарь называл *программой*... И вот, подчиняясь его приказам, машины посеяли семена, ввели катализаторы, подобрали

температуру... Всего через неделю оранжереи выдали первые плоды помидоров и картофеля, а когда Клэр научился управлять интенсивностью использования тепличных площадей, продуктами было обеспечено все население Жилищ. Конечно, постоянно прибывали все новые и новые люди, но Клэр не боялся голода: по его расчетам гидропонные оранжереи могли обеспечить пищей не одну тысячу человек.

Первая атака ффинов застала Клэра врасплох... Хорошо, что автоматика «Мамонтов», которые оберегали рубежи города, не сплеховала.

Ко второй атаке Клэр подготовился лучше. Ффины недооценили его умение делать выводы из своих ошибок, и когда они полезли из того же портала, открытого все на ту же эфемериду, в мире Гриффа их встретил ураган смерти.

К тому времени уже все население города перебралось под землю — Клэр говорил, что даже самое мощное оружие не сможет пробить защиту, сооруженную Древними над Жилищами. Ффины приволокли с собой ядерную ловушку, но стоило кругу света загореться на экранах компьютеров, как фотонное сияние испепелило их всех.

Двумя неделями позже ффины впервые применили ядерное оружие, и приграничный Махалок был стерт с лица земли. В ответ люди десятимегатонным ударом уничтожили ффинскую Талиму, после чего одумавшиеся люди и перепуганные ффины заключили единственный пакт — о неприменении мегаядерного оружия.

Постепенно все снова вернулось на привычные круги: ффинские отряды перестали соваться в Грифф, используя эфемеридные координаты, а возле ближайших границ миров людьми были установлены мощные форпосты с использованием плазменных противотанковых ежей, скорострельных орудий и лазерных стационарных лучеметов.

Снова начались приграничные войны, конечно, уже с применением Оружия. Снова для набегов обе стороны активно нанимали кочевые племена. И только двести тысяч погибших все так же покоились в безымянной ложбине...

Больше всего в Гриффе Суи поразили лифты. Эти движущиеся кабины приводили его в настоящий трепет, и если бы он мог, то целыми днями катался бы на них... А первый спуск в глубокие Клэровы катакомбы заставил его затаить дыхание. Когда двери лифта открылись, Суи впервые в жизни увидел действующие компьютеры.

Место, куда привел его Гиннад, было *компьютерной лабораторией*, в данный момент ведущей *изыскательно-дешифровочные работы* по вопросу активации бэттлботов StarNet.

Конечно, Книгарь был здесь и с воплем радости кинулся к Суи, когда тот появился на пороге. Конечно, оба до хруста в костях стиснули друг друга в объятиях. Только... Суи не подал виду. Только... Книгарь не подал виду. Только оба они сделали вид, что не заметили, насколько постарел каждый из них за пролетевший год. Книгарь поседел, и сухие морщины избороздили его лицо. Суи поседел, и глаза его выцвели от горя. Они были словно два одиноких человека, которые познали глубину своего одиночества, лишь встретившись. Они были одни во всей Пиллее — Последний из Избранных и Последний из Тех-Кто-Был-В-Начале.

— Как ты? — тихо спросил Клэр, когда они прошли в его личный кабинет, где серверная станция светилась в сумраке мультискранными рядами.

— Держусь, — Суи похлопал его по плечу. — Ты?..

— Нормально.

Непонятно откуда взялась пузатая бутылка.

— «Black Label», — прочел Суи. — Это на староанглийском...

— Да, я знаю, — усмехнулся Клэр. — Я уже говорю на нем свободно.

— Всем нам приходится, — кивнул он на ряды операторов в лаборатории, — староанглийский всегда был стандартным языком для программных продуктов.

— Держи, — протянул он Суи глиняную кружку, такую странную в мире просыпающегося прошлого. — Виски тоже тех времен: мы нашли запасы спиртного во Второй продовольственной камере. На вкус, конечно, мерзкое — не Гаксторнские коньяки, — зато и в Гаксторн бежать не надо.

Из стола он достал жестяную банку и постучал ногтем по крышке... на ней проступили полупрозрачные цифры. Клэр быстро пробежал по ним пальцами.

— Это консервированное мясо, — пояснил он. — Банка сейчас разогреет его и откроется. В другой банке — тушеный картофель с грибами... я думаю, нам хватит.

Клэр открыл бутылку и налил себе и Суи по четверти кружки.

— За них, — сказал он, когда в молчании прошла не одна минута. — За них всех...

— Сияй ярко, Райси, как солнце...

- За тебя, Злата, земля тебе пухом...
- Ауэн, старый хрыч, ты с нами...
- Аэоми...
- Крайс...
- Тристан...
- Торби...
- Раэлиэ...

Они пили горько, помяная светло, раз за разом опрокидывали кружки и не утруждали себя закуской... Они пили, и все *те*, за кого они пили, *те*, которые погибли *за них*, казалось, возвращались, были где-то рядом... *все те*, чья потеря никогда не будет принята.

Непонятно, откуда взялась и когда опустела вторая бутылка. Непонятно, куда исчезли тени. А потом Суи и Клэр долго говорили. Суи рассказал то, что не рассказывал еще никому... Рассказал, как за день до Поля Райси пригласила его в свою палатку и как потом, уже под утро, когда ее голова покоилась на его груди, она сказала тихо, что это все, и больше ничего не будет, сказала, что вряд ли кто-нибудь выживет.

— Откуда она знала... скажи мне... скажи, Книгарь, ну откуда она знала, что это все?... Скажи... скажи, зачем это все... зачем эти твари... э-это побоище, где погибли все... зачем нужны... эти чертовы Параллели?..

Клэр усмехнулся:

- Действительно хочешь узнать?
- Ты говоришь, как Всемогущий... Господь Бог...

— А ты не смейся, — без улыбки ответил ему Клэр. — Просыпаясь от глубокого сна, человек не сразу может вспомнить, где находится и кто он вообще. Просыпаясь после смерти, мы тратим массу времени, чтобы вспомнить то, что знали раньше. Что знали до Леты... до Рая... до Девачана... Боже, сколько слов для одного и того же! Сложилось так, что мои искания уже привели меня к ответу, а твои искания только открывают перед тобой двери... Разве от этого я становлюсь Богом? На просторах истины это словно игра «кто моргнет раньше».

Клэр неотрывно смотрел на Суи, и Суи было не по себе от его взгляда.

— Ты мудрый воин, Суи, — сказал Клэр. — Ты мужественный воин. Я вижу, как нежелание вспоминать сражается в тебе с твоим извечным устремлением к Истине. Памятью прошлого ты знаешь, что когда покров невежества будет сброшен с твоих глаз, Пиллея уже не будет прежней... Ты проходил через это

много раз в прошлых воплощениях... Это словно первый прыжок с крыши сарая в детстве... это всегда страшно. Но я вижу твоё мужество, Суи... вижу, как ты готовишься прыгнуть, как ты готовишься испить эту Чашу Истины... какой бы горькой Истина ни оказалась... Раз ты решился, значит, слушай, Суи, слушай и не перебивай.

Вот уже полгода, кроме освоения Древних программ, я занимаюсь дешифровкой сверхсекретных документов, найденных в этой вот серверной станции. Знаешь, что это за станция?.. Знаешь вообще, что это за место — Грифф?..

— *Гри-ифф*, — протянул он. — Эх, Суи-Суи, блаженны несведущие, ибо, умножая знания, умножаем печали... Ладно, о Гриффе потом... Сейчас о файлах. В этом компьютере я нашел программы, с помощью которых в те времена взламывались коды шифровок. Для того чтобы зашифровать документы, в те времена существовала целая наука, которая придумывала все новые и новые методы *криптограммирования*. Когда я разобрался в принципах Древних криптопрограмм, то понял, что их криптологика примитивна, так как в ней полностью отсутствует то, что дала нашему сознанию магия... Освоив все возможное, я внес коррективы в программы и легко взломал коды на самых секретных файлах. Как я и ожидал, в них содержалась действительно ценная информация.

В свое время Грифф выполнял функции разведцентра Объединенного королевства Пиллеи, которое тогда называли Федерацией. А название города на самом деле было всего лишь аббревиатурой, которая в полном варианте звучала так: **Главный Разведывательно-Информационный Фонд Федерации**.

У Гриффа было еще одно прозвище, которое дошло и до наших дней. За величие архитектуры его называли Градом Титанов. Что до сути деятельности, Грифф по-другому называли Анти-монопольным Легионом, но это название осталось в далеком-далеком прошлом.

В те времена не сила правила Пиллеей и не магия, поскольку ее еще не было и в помине. В то время Пиллеей правила *экономика*...

— Правда, звучит бредово?.. — усмехнулся Клэр. — Но на самом деле это очень логично, потому что Древние по моральным соображениям все дальше отходили от грубых кровавых войн... что не мешало им оставаться внутри прежними дикарями. Все более изощренные способы убийств, все больше самооправдания, все более гордый взгляд, которым смотрели они с

Вершины мира... Нет, они не брали мечи в руки, и автоматы с лазерами использовали редко, но голод свирепствовал на окраинах Федерации, где нищие рылись в отбросах, в то время как в центре возносилось в небеса Величие Титанических Городов.

Как это просто, Суи, если ты король и в твоём королевстве пятьдесят миллионов человек... Ведь не надо много: раз в месяц бери у каждого человека золотой — и ты соберёшь *пятьдесят миллионов золотых в месяц*. Ты будешь жить припеваючи, и столица твоя будет сказочно богата, а крестьяне будут вкалывать на полях и спать по четыре часа, чтоб этот золотой заработать.

Но самое худшее начнется, когда твоя свита захочет жить так же, как ты... И ты ничего не сможешь поделать: у них есть сотни способов, чтобы убить тебя и посадить на трон нового короля. И ты будешь увеличивать налоги... и крестьянам придется уже умирать на полях, чтобы заработать тебе полтора золотых, два, три...

Бунты?.. Они ничего не изменят, потому что твои придворные уже собрали Армию головорезов, готовую распинать и сжигать не столько по приказу, сколько по призванию.

Вот так копились богатства в древности.

А потом, когда у каждого придворного было все, что он хотел, на деньги, которые все шли и шли от *нижних слоев*, организовывались *Корпорации*. Корпорации позволяли производить все более изысканные предметы роскоши, утварь, продукты питания, механические плуги для полей — все, что угодно, для того, кто имел деньги.

Федерация состояла из восемнадцати крупнейших *Корпораций*, которые не только производили, но и покупали, перепочупали и перепродавали... Они напоминали сеть наших Торговых Гильдий, только были в миллиарды раз мощнее.

Не поверишь, но в то время покупали и продавали даже деньги... Как так может быть, даже я понять не могу — ведь золотой он всегда золотой и вряд ли ты согласишься продать мне его за ползолотого, — но так было.

И эти Корпорации воевали, Суи... Они постоянно воевали между собой в более или менее проявленной форме.

Стоимость Корпораций в те времена условно разбивалась на неисчислимое количество частей, которые назывались *акциями*, и эти части продавались всем, кто желал их купить, то есть стать *акционером*. Этим маневром Корпорации привлекали огромные денежные ресурсы для обеспечения своей растущей деятельности, а акционеры могли, вложив деньги в ту или иную

Корпорацию, получить право *на часть ее прибыли*. Когда интересы Корпораций пересекались и не находилось компромисса — что бывало крайне редко, так как сосуществовать всегда выгоднее, чем воевать, — начинались страшные войны.

Главным оружием в тех войнах было нечто, мною понятное лишь теоретически; нечто, что называлось *контрольный пакет акций*, то есть количество акций, которое позволяло управлять Корпорацией.

Войны между Корпорациями в то время велись, в основном, методом скупки акций — пусть даже по завышенным ценам — для ввода в Правление своего человека. А что такое шпион и диверсант в тылу врага, ты сам неплохо понимаешь.

Корпорации были надстройками, высшим звеном развития всей экономики Пиллеи, и можно только догадываться, сколько было в этой цепи мириадом иных звеньев, названия которых давным-давно утеряны. Это могли быть производители первичного сырья, скупщики, перекупщики, производители информации (не удивляйся особо, но в те времена информация продавалась в виде специальных продуктов, и стоила она недешево).

Каждая Корпорация в то время имела и свои боевые части: флот, авиацию и пехоту — на случай непредвиденных ситуаций.

Допустим, в мире, где полным ходом идет добыча урана, к власти приходит узурпатор и говорит, что никакого урана у него нет, хотя за твоей спиной продает его твоим конкурентам. Разве ты будешь ждать?.. Нет. И владельцы Корпораций не ждали. Они экстренно собирали Совет Федерации и показывали отснятые видеофильмы об ужасах террора уранового узурпатора; и пока Федерация принимала решение, Корпоративные корабли уже высаживали боевой десант. Тирана со всеми подопечными, естественно, вздергивали, а народ «единогласно» избирал Своим Народным Избранником того, кто был более покладистым в вопросах продажи урановой руды.

Лицемерие было именем той эпохи — красивые слова, гордые взгляды, — а Генеральная Политика определяла лишь Емкость, в которую стекались отобранные у бедняков деньги.

Экономически богатые миры Федерации становились все богаче, а бедные — все беднее, потому что все, что было у бедняков, — это *труд*, за который им платили копейки. Одна и та же работа, которую выполняли во Внутренних и Внешних мирах Федерации, оплачивалась с разницей в сотни раз, и бедняк из Внешних миров с трудом мог прокормить семью, а «бедняк» из Внутренних — мог собрать деньги на новый дом.

Корпорации использовали все рычаги, чтобы породить водоворот в мировой экономике, который втянул бы все ресурсы во Внутренние миры, а Внешним — отшвырнул бы лишь пену. Они обрели очень серьезную власть, и с целью контроля над ними был создан Антимонопольный Комитет. Эта Организация в то время была самой могущественной во всей Федерации. Она следила за Корпорациями и поддерживала равновесие между ними, не допуская перевеса в сторону какой-либо из них. В ее арсенале были самые различные методы, начиная от введения экономических санкций против монополистов и заканчивая негласным стравливанием Корпораций между собой.

Что еще важно — каждая Корпорация бесперебойно финансировала Федеративные эксперименты с генетикой.

Возьмем, к примеру, гномьи миры. Ванадий залегает там на глубине трех-четырёх метров. Первородное железо разбросано слитками. Медь висит на скалах, словно смола на деревьях... Казалось бы, сплошные доходы. Но нет. Даже после того, как атмосфера была изменена в пригодную для человека, осталась проблема гравитации. Два с половиной обычных притяжения — в таких условиях много не наработаешь. Или эльфийские миры. Мощное сельское хозяйство, плодороднейшие земли, — но один человек не способен обработать до двух тысяч гектаров и не свихнуться в конце концов от одиночества. Или миры друидов — если вся планета усажена ценнейшей древесиной, но о ее порче можно узнать, лишь когда дерево начинает усыхать, это уже нехорошо, правда?.. Вот и проводились эксперименты с генетикой. За дополнительную плату рабочим в мирах приходилось немного... м-м-м... меняться, что ли.

Кряжистость гномов — результат двухгодичных исследований Международного Генетического Фонда Федерации, после которых производительность труда рабочих выросла почти в четыре раза. А то, что они изменились, — рабочим Внешних миров приходилось меняться, в надежде зарабатывать больше. В те времена нередкими были случаи, когда люди продавали свои внутренние органы, чтобы их семья не голодала или чтобы ребенок получил образование.

Эльфы заняли у Фонда чуть больше — около трех с половиной лет. В верхнюю часть ушных раковин эльфам на генетическом уровне были внедрены биопередатчики, которые позволяли им общаться друг с другом мысленно. Население каждой «эльфийской» планеты в то время составляло около трех тысяч человек. Передатчики дали им возможность не только общаться

друг с другом, но и «чувствовать» присутствие друг друга. Следя за работой сельхозмеханизмов на своих постах, они могли на свой выбор чувствовать себя в одиночестве, или в кругу друзей, или же в окружении весело шумящей толпы на так называемых «виртуальных форумах». Помнишь рассказы путешественников о великих Шпилях, которыми полны эльфийские миры? Это основные ретрансляторы, так называемые «соты», через которые мысли передаются от одного эльфа к другому. Где бы ни был другой эльф, если он в эльфийском мире, ретранслятор найдет его своим сигналом. Эльфы говорят, что даже родной воздух помогает им слышать друг друга, — и они правы. А то, что они до сих пор не забыли староанглийский, имеет вообще смешное объяснение: это был официальный язык, на котором работали ретрансляторы Федерации. Дальнейшая эволюция генетически внедренных эльфам способностей привела к тому, что они научились общаться между собой и без участия ретрансляторов, но в те далекие времена общение было возможно лишь с помощью «сот».

Друиды получили в дар от Международного Генетического Фонда Федерации способность эфирной диагностики флоры — деревьев, в основном, ну а как побочный эффект, трав, кустарников и прочее. В дальнейшем они научились понимать язык птиц и зверей, но начиналось все с растительного мира.

Ну и последнее, что тебе надо припомнить, это структуру Пиллеи. Ты думаешь, что наша вселенная имеет структуру дерева с Осью вместо ствола и Векторами вместо ветвей... Но на самом деле это не так. Пиллея имеет форму спирального водоворота звезд и называется Галактикой, а термин «Вселенная» охватывает столько миллиардов Пиллей, что у тебя и в голове не уместится.

Однако вернемся к Пиллее. Вокруг многих звезд обращаются планеты, то, что мы называем мирами или измерениями. В те далекие времена практически все планеты были модифицированы под типы от «АА» до «ДС» с целью сделать возможным выживание на них человека. Планеты типа «АА» — это, конечно, самые Внутренние миры, планеты на которых проживала так называемая «элита», «сливки общества»... Ну а планеты типа «ДС» — это гномьи миры, где модифицированные рабочие дни и ночи добывали в штольнях ресурсы для обеспечения «элиты».

Теперь о возникновении ффинов.

В те времена под мудрым руководством Антимонопольного Комитета все восемнадцать Корпораций жестко конкурировали друг с другом... все, кроме Корпорации, возникшей бук-

важно ниоткуда и сразу занявшей весь новый рынок, который появился одновременно с ней. Даже секретные файлы лишь вскользь описывают зарождение восемнадцатой Корпорации, которая принесла Федерации невиданные ранее технологии. Из тех обрывков, которые я сумел сложить, напрашивается вывод, что негласными основателями восемнадцатой Корпорации были сам Антимонопольный Комитет и Правительство Федерации... Судя по всему, они решили неплохо подзаработать на феноменальных научных разработках мало кому известного астрофизика из одной секретной Федеративной лаборатории.

До возникновения этой восемнадцатой Корпорации грузы перевозили из мира в мир через огромные пустоты между ними. Такое путешествие занимало много времени, и рентабельность продукции была низкой ввиду значительных транспортных расходов. Новая Корпорация внедрила альтернативный, более дешевый, метод транспортировки — когда груз превращался в волны и моментально переносился из одного мира в другой. В почву ряда планет Пиллеи были зарыты огромные механизмы, высокотехнологические бункера, генерирующие над собою поля переноса грузов — именно те поля, которые мы называем «границами миров».

Конечно, новая Корпорация делала все это не в приступе альтруизма: она имела пять процентов от стоимости каждого перевезенного груза, а звалась она... ох, держись, Суи, не падай, звалась она ТГК — «*Транс-Галактическая Корпорация*».

— Ты что-то бледный, Суи... может, тебе еще налить?.. Нет?.. Ну а я хлебну...

Так вот... для Пиллеи это был прорыв, словно переход от лошади к ядерному реактору. Часть прибыли, высвобожденная за счет упавших в *восемь раз* транспортных затрат, направлялась Корпорациями исключительно на разработку новых технологий. Резервного фонда Научной Академии Федерации уже не хватало на поощрение невероятных открытий, и впервые за многие столетия подобная статья была заложена в Федеративный Бюджет.

Служащих ТГК, трансгалов, в один голос звали Архангелами нового тысячелетия. По-моему, настоящие Архангелы были не очень довольны, хотя это мало кого интересовало: в те времена в Ангелов и прочих Высших не верили вообще. Древние умудрялись спорить даже о Божьем существовании, что говорит о полном непонимании предмета спора: спорить о Божьем существовании — это ведь все равно, что спорить о том, существует мир или он нам кажется. Но технократический гений Древних

лишал их возможности осознать самые простейшие понятия. Высокотехнологическая цивилизация... Наверное, они сами себе казались богами...

Обеспечение работы порталов шло из одного центра — планеты, превращенной ТГК в огромнейшую электростанцию, — Клэр улыбнулся, — из Наэна, Научной Академии Энергетических разработок.

Наэн — это первая в своей системе планета, и до прихода людей она представляла собой пузырящееся море раскаленной лавы... В то время она даже атмосферы не имела: лучи солнца срывали ее прочь до последней молекулы. Специальные щиты, которыми ТГК окружила планету, словно губка, начали впитывать излучение звезды. Внутренности планеты заполнили мощные электростанции, преобразующие первородную звездную энергию и передающие ее на сотни световых лет для обеспечения работы межпланетных порталов. Особенность передачи энергии заключалась в том, что была задействована основа звездной централизации Галактики — ее гравитационное поле, волны которого распространяются в десятки тысяч раз быстрее света. Менее чем за три года сеть межпланетных порталов окутала большинство обжитых человечеством миров.

— А летающие острова Наэна, — закатыл глаза Клэр, — это для красоты, Суи. Ради привлечения туристов... Ничего сложного, учитывая возможности ТГК.

А дальше, друг мой, было вот что. В один из дней основателям ТГК показалось, что пять процентов от стоимости груза — это слишком мало, да и остальные семнадцать Корпораций уничтожить бы не помешало. И перед ТГК была поставлена задача «получить все». Всю Галактику.

Эта Корпорация была единственной, чьи ресурсы, в частности финансовые, были практически безграничными ввиду полного отсутствия затрат на перевозки. Ты не поверишь, Суи, но деньги, вложенные в Корпорацию и раскрутку ТГК-программы, окупались менее чем за десять лет. Именно безграничность финансовых возможностей подсказала ТГК сценарий дальнейшего развития событий... Ведь ТГК в то время опять-таки была единственной Корпорацией, которая проводила самостоятельные генетические разработки. И вот ТГК поставила целью создание идеального солдата.

В то время границы миров работали в трех режимах: в режиме пропуска людей (в том числе гномов, эльфов, друидов — всех, кого называли производными гуманоидами), причем этот режим

никогда не отключался на случай срочной эвакуации с планеты; затем в режиме пропуска товаров, для которых составлялись специальные транспортные реестры; и, наконец, в режиме пропуска техники.

Смысла соваться на планету с танками не было: сколько их успеет выползти из портала, пока операторы местного Королевства не отключат третий режим?.. Да и, несмотря на внешнюю неуязвимость «Мамонтов», бэттлботы StarNet позволяли за несколько минут разбить эти неповоротливые крепости ионными ударами с орбиты. Поэтому трансгалы не стали использовать танки, а поступили иначе. Они создали тех, кто был вооружен даже без оружия — когтями на лапах и рогами на голове, — а в ближнем бою лучшего не придумать.

— Ты совсем уже бледный... хлебни, Суи, хлебни... вот и молодец.

Ближнего боя к тому времени уже не существовало: спутники позволяли поражать цели до входа в визуальный контакт. Однако ТГК вернула ближний бой. Она вывела из строя спутниковую систему, и знаешь чем?..

Суи сглотнул. Чувство *déjà vu*⁵⁷ скрипело внутри колесами ффинской повозки.

— Флагами, Суи... простыми знаменами, на которых кругообразно крепились активные микроэлементы энергетического имитирования. Когда микроэлементы отражали сигнал радаров, оператор, глядя на экран, уже не мог понять — знамя это или же ядерная ракета... Оперативные штабы потеряли возможность корректировать огонь подразделений. Людские армии стали слепы. Кстати, помнишь еще максимальную пропускную способность границ миров?.. Двести двадцать килограммов — это ведь не случайно, Суи, это вес ффина в полном боевом снаряжении, начиная от стрелкового оружия и заканчивая зубочисткой. Ффин, друг мой, это ведь тоже аббревиатура — **ф**изически **ф**ункционирующий **и**нструмент **н**ападения; хотя, если честно, я склоняюсь к тому, что это был обычный подхалимаж: главу Правления ТГК звали Авраам Ффин.

Клэр подмигнул Суи:

— А помнишь, сколько мы мучались с границами миров — почему они пропускают только то, что пропускают?..

— А как же с лошадьми?.. — сглотнул Суи. — С верблюдами... с повозками... Как же они пропускают *их*?..

⁵⁷ Уже видел (фр.)

— А-а-а... — рассмеялся Клэр, — я тоже долго ломал голову... Это больше напоминает шутку, нежели реальность. Скот в то время был товаром, Суи, и перевозили его в контейнерах... Границы миров до сих пор воспринимают лошадей, верблюдов, волов и прочее только как *товар*. А телега... ох, не смейся, Суи... воз воспринимается компьютерами управления как *упаковка товара*.

Представляешь, когда мы пришли в Грифф, его компьютеры все еще отслеживали телепортацию с каждого портала во избежание финансовых нарушений. На несуществующие сервера отсылались запросы о просроченной сдаче отчетности, каждый год начислялись новые штрафы... Как объяснить машинам, что штрафы давно уже потеряли для нас свое денежное выражение? Как объяснить им, что теперь мы платим кровью?..

Клэр покрутил в руках пустую консервную банку.

— Раз уж мы начали про анекдоты из прошлого, расскажу тебе еще один, немного грустный. Помнишь, наверное, что первыми я активировал программы производства кольчуг, мечей и доспехов. Когда я немного разобрался в компьютерах, то задался вопросом — почему программы производства колющего оружия и доспехов нашей эпохи были найдены мною как первый срез эпохи *той*, причем лежащий на самой поверхности. Ответ я нашел в программах Chat и E-mail, через которые шли внутренние сообщения и компьютерные письма, выходившие за пределы разведцентра. Многие из этих писем остались навечно покоиться в мусорных корзинах компьютерных desktop-ов⁵⁸.

Не поверишь, но люди тех времен были слишком утомлены своей эпохой. Технотронность цивилизации угнетала их, и время от времени они устраивали побеги в мир древних легенд. Представь — раз в год взрослые дядьки собирались на полях одного из удаленных миров и устраивали там настоящие *рыцарские турниры*. Они приходили в настоящих доспехах, с настоящим оружием определенной эпохи или бычины, они объединялись в *рыцарские ордена*, сражались друг с другом до умопомрачения, пока из всех орденов не побеждал сильнейший. Они строили макеты крепостей, осаждали и захватывали их, теряли, наступали, перегруппировывались, на ночь выставляли дозоры и спали в обыкновенных палатках... Силовые поля тех времен позволяли точно имитировать течение боя — и раненая рука была непослушна, убитые валялись под ноги сражающимся, где лежали до тех пор, пока *маги* одной из сторон не отпевали их и не возвра-

---

⁵⁸ Рабочий стол

щали к жизни своими заклинаниями. Эти сражения могли продолжаться неделями, пока у людей не заканчивалось то, что они называли *отпуском*. Движение это было очень распространено, а его участники звались *толкиенистами*.

Суи вздрогнул, вспомнив вдруг пещеру, эльфийку и Совет Хранителей. Неимоверным усилием он попытался унять дрожь в руках, а Клэр грустно смотрел на него, несомненно все замечая.

— Мечи, — наконец продолжил ученый, — созданные камерами перед вашим Походом, были именно тем оружием, с которым толкиенисты Гриффа отстаивали честь своего ордена на очередном ристалище... А программы, создавшие мечи, были написаны ими в нерабочее время и, конечно, не были закодированы...

— При всей своей цивилизованности и технотронности, — вновь заговорил Клэр немногим позже, — мир прошлого делал лишь первые прорывы в потустороннее. Во Внешних мирах были знахари, которые поверхностно работали с Тонким Миром, а Внутренние миры знали лишь теоретиков, которым от безделья хотелось почитать о высоких материях. Ни один эксперимент с использованием высших сил не заканчивался успехом, и попытки владычества над элементарными сущностями были тщетны... По крайней мере, до того дня, пока за эти проекты не взялась ТГК.

Людей с необычными психическими способностями начали тщательно изучать, чтобы узнать, почему колесики в них тикают по-другому, чем в остальных. Трансгалы не гнушались кровавыми жертвоприношениями, чтобы призывать развоплощенных элементариев, а призвав, использовали для разрушения, убийства или подавления человеческой воли. ТГК разработала все методы чернокнижников, Суи.

В те времена людей, применявших необычные методы, называли *магами* — ментальными *аннигиляторами*. Правда, магический проект заглох из-за начавшейся интервенции, но все же следует знать, что именно ТГК открыла двери магии в этот мир. Помимо сношений с отбросами Тонкого Мира, она вычленила методы психической концентрации и самоконтроля, экспериментально применив древние методики пробуждения энергии Кундалини.

Потом, когда волна *ффинов* смела весь старый мир, эти методики перекочевали из Гриффа в более безопасные миры, где и были открыты Сокровенные Школы. Несколько Школ развились в Ордена магов и Жриц, а одна Школа впала в некрокинетику. Именно с ней впоследствии установили контакты безграмотные

в магии ффины, и именно ее техники были переняты чернокнижниками.

Как видишь, Суи, при более детальном рассмотрении весь наш мир оказывается просто театральными декорациями бенефиса одной-единственной восемнадцатой Корпорации.

Пиллея... Мне сложно ответить, почему ее назвали именно так: никаких аббревиатур я не встречал. Хотя есть ведь старое-английское слово «reel⁵⁹», и, как знать, может, это удачная шутка ТГК. Почему бы не Пиллея?.. Они вполне могли решить, что это название неплохо подходит для сети надстационарных порталов.

Однако вернемся к ффинской интервенции.

Волна ффинов вышла из-под контроля Федерации, стоявшей за ГРИФФом. Даже когда прояснилась общая картина и ГРИФФ вступил в войну против ффинов, он оказался бессильным перед полчищами монстров, которые заполнили Галактику.

ТГК готовила вторжение почти пять лет, и когда в границы миров хлынули ффины, их количество исчислялось десятками миллионов. Представляешь себе такую Армию, вооруженную по последнему слову техники?.. Это был конец.

По обрывочным данным, которые я нашел в архивах, Пиллея сопротивлялась около года, после чего остались лишь разобщенные осколки цивилизации, которые в панике были готовы признать главенство ТГК. Но ТГК не присылала наместников... В то время она не была уже Корпорацией. От нее осталось лишь около двух тысяч ученых, которые закрылись в центральном офисе в отчаянной попытке разработать хоть какое-то противоядие против созданных ими же монстров. Надземный Грифф был в первый раз уничтожен, и только механизмы аварийного обеспечения все еще поддерживали Внутренние Жилища в действующем состоянии.

Противоядие против ффинов так и не было найдено, и Пиллея погибла, содрогаясь в судорогах последних ядерных взрывов. Человечество оказалось практически уничтоженным, а его жалкие остатки, в панике забившиеся в безымянные миры, за пару столетий скатились к раннему феодализму и не представляли никакой угрозы захватчикам.

Два долгих столетия ффины безраздельно хозяйничали на просторах Галактики. Колыбели произвели их на свет столько, что сами ффины были вынуждены отключить их. В своем без-

⁵⁹ Кожица, корка, шелуха, тонкий слой с поверхности (чего-л., взятый с целью исследования)

раздельном владычестве они все же обратились к сельскому хозяйству, потому что разграбленные агроколонии уже ничего не производили.

Среди ффинов начались страшные эпидемии болезней, о лечении которых они не имели никакого представления. Запущенные заново Колыбели форсированно производили тех, кому было суждено умереть в ближайшие месяцы. Знания о методах ведения боя терялись ффинами в ошеломляющей прогрессии. Ненужное Оружие откладывалось в сторону, а на смену ему приходили полевые пособия фельдшеров и учебники медицинских университетов, за которые ффины одаряли неприкосновенностью некоторые человеческие миры.

Именно в то время появились наследники Антимонопольного Легиона. Конечно же, их было немного — не более двух тысяч пехотинцев, десятка два «Мамонтов» и полсотни «Рэйдеров», — но на то время хаоса это была серьезная сила. Всего за год Легион очистил от ффинов ту половину Пиллеи, которой мы владеем до сих пор. Раньше я сомневался, но теперь все более склоняюсь к тому, что, не призови ффины Драконов, Легион уничтожил бы их... да видно, не судьба. Черные Драконы пришли по зову ффинов.

Суи пытался унять подступающую дурноту. «Сэр, не помогает... они неуязвимы...» Он сглотнул, но проступившие сквозь закрытые веки картины прошлого, видения его судьбы, были неумолимы.

— Драконы, пришедшие уничтожить Легион, были Черными, Суи... Ты уже знаешь, Кто Такие Драконы: сознание Райси должно было дать тебе ответы. Мне кажется, что, опускаясь в этот мир из более высокого состояния, Драконы обретают именно ту форму, которой мы стремимся наделить их. Вот скажи, Суи, почему Черные Стражи пришли именно в облике Драконов? Они могли придать материи, в которую воплощались, любую форму... Почему же именно Драконы?.. Почему не чернокнижники, из шестов которых бьют всесжигающие молнии?.. Может потому, что ффины звали именно Драконов... а для самих Драконов форма не имеет значения...

Однако остатки Легиона были уничтожены, и тысячетонные боевые машины превратились в бесформенные глыбы металла... Люди унаследовали от Легиона всего две ядерные бомбы, о судьбе которых ты, конечно же, знаешь. Но об этом чуть позже...

Уничтожив Легион, Черные Драконы исчезли... Если говорить точнее, они были изгнаны из Тела Пиллеи Советом Золотых Драконов... С тех времен и начинается примерно известная нам история Параллелей, то, что мы называем извечным устроением нашего якобы вечного мира.

— Почему я говорю обо всем так уверенно?.. — Клэр долго смотрел на Суи, а потом усмехнулся. — Учитывая, что наша жизнь не ограничивается одним воплощением, я применил свои знания и способности для исследования своего прошлого. В отчетах ТГК я нашел некоторые уже позабытые методики, позволяющие отправляться назад по той нити событий, которую оставил в астральном свете проходящий через материю дух. Я вспомнил многие воплощения — мы с тобой нередко трудились вместе *на благо человечества*... с тех далеких времен, как работали в ГРИФФе. Я вспомнил, кто ты... Кто ты был и кем ты со временем стал... Но об этом я ничего не расскажу. Эти знания не помогут тебе донести Чашу твоего Подвига... значит, они тебе не нужны.

Давай лучше поговорим о событиях нашего времени, Суи: о Первом Походе против ффинов, о Семи Армиях, об уничтожении Гриффа, — Клэр усмехнулся, — если это, конечно, можно так назвать. Практически все это мне понятно, кроме одного — возникновения гарпий. Академической байке о том, что гарпии — это стервятники, мутировавшие из-за остатков Божьего Пламени, я не верю: нельзя все объяснить радиацией. В ГРИФФовских материалах об исследовании ядерного оружия я нашел упоминания о том, что мегаядерные взрывы приводят к некоторому искажению пространственных структур... Это вполне может быть ответом. Если предположить, что искажения пространства приводят к уплотнению пространственной структуры, гарпии могут оказаться воздушными элементами, которых ядерная вспышка выбросила из Тонкого Мира к нам.

Клэр вздохнул.

— Исследовать их подробнее мне, к сожалению, не удалось, потому что вы перебили их еще до Второго Похода. Наверно, вы сильно нервничали, так как последнее время гарпии вели себя вполне прилично.

— Ладно, — усмехнулся Клэр, — ффинская оккупация Гриффа... Было ли иронией судьбы то, что ффины избрали своей резиденцией именно Грифф, или же они знали о наследии Антимонопольного Легиона, но до Внутренних Жилищ в период оккупации Гриффа они так и не добрались. Как Злате удалось от-

крыть Шлюз, я не пойму — Высшее Вмешательство, да и только: ведь цифровую комбинацию на трехмерной панели необходимо было набрать дважды, причем соблюдая ритм набора.

Ну так вот... уничтожение Гриффа. Известно, что Клэр Великий пришел в гномий мир и приказал выковать Семь Мечей, один из которых сейчас стоит у стены за твоей спиной. Но никто не знает, почему эти Мечи были особенными еще до того, как эльфы их перековали, а маги с некромансерами заговорили. Никто не знает, что в гномий мир Клэр Великий пришел не с пустыми руками — с ним был *Клинок*, и Клинок этот был подобен воплощению самого Света... и самой Тьмы. Сильнейшие гномы не могли даже на волосок оторвать его от земли, а мой предок ловко орудовал им, удерживая в одной руке. Гномы поражались силе Клэра и его власти над Мечом, и ни один из них не догадывался, что еще Шесть Высоких Духов поддерживают Клэра из далеких уголков Пиллеи — те Шесть, которым впоследствии были отданы Шесть Мечей. В одиночку даже Клэр Великий не имел шансов покорить первородную мощь Эскалибура, величайшего Меча легендарных кельтов.

На первые упоминания об Эскалибуре я наткнулся в информационной сети InterStar, каналы которой Федерация использовала для информационного обмена в системе StarNet. Я искал упоминания об эльфах на древнем сайте Британского музея истории и мифологии. Эльфов я нашел, и вместе с ними выплыл Эскалибур. Это было описание археологической экспедиции некоего Харта, триумфально вошедшего в Лондон с прекраснейшим Клинком всех времен и народов. Клинок был обречен на миллионы тестов и испытаний... Но сколько древние ни проводили анализов, результатов они не получили. Состав материала, типковки, да что там говорить, даже возраста не смогли установить... Приборы поначалу показывали чушь, а пороботав немного, навсегда выходили из строя. Единственным результатом тех исследований стали стеллажи догадок. А когда научная группа, работавшая над проектом, погибла в авиакатастрофе, Эскалибур стал просто одним из экспонатов подвалов Британского музея истории и мифологии...

Клэр усмехнулся.

— Ты можешь хоть на мгновение представить, что это был за Клинок, Суи, если седьмая часть его мощи, растворенная в металлах и чужеродной магии, так изменила тебя?.. Кельты призвали этот Клинок в наш мир... кельты, которые, по преданиям, своими глазами видели эльфов.

— Настоящих эльфов, — добавил он, и Суи сильно вздрогнул, вспомнив пещеру, полную таинственного света, браслетик из льна и венки из блеклых цветов...

— Кельты были прародителями бретонцев, которые, в свою очередь, стали предками носителей староанглийского языка. Предками наших предков, Суи. Кельты почти не знали технологий, даже самых примитивных, они не умели строить города, подобные Гаксторну, они не знали секретов прочных сплавов, но они знали магию. Позже бретонцы забыли ее, но во времена Эскалибура именно магия правила миром.

Те Древние, которые были Древними для кельтов, жили магией... Они строили летающие корабли, которые использовали не водород или ядерное топливо, но Первоэнергию, разлитую во всем мироздании. Но эта Древняя раса не смогла обуздать своих устремлений и взорвала континент, на котором обитала...

Осколки истинных Знаний были разбросаны по всей Земле, прапланете человечества. Немного досталось и кельтам. Этих осколков хватило, чтобы самые сильные кельтские маги поднялись до телепортации и прозрения истинной сущности вещей... не говоря уже про покорение элементаров.

Эскалибур, кстати, был призван в мир одним из таких магов, Мерлином. Мне сложно сказать, кем был изготовлен Эскалибур, но я почти уверен, что в мир Короля Артура, для которого предназначался Меч, он попал из Высших миров, может, даже из Драконьих... Проводником выступила ундина, Владычица Озера, но кто вручил этот Меч ей?..

Однако люди не сумели совладать с мощью Этого Оружия, и никто из участников истории, соприкоснувшихся с ним, не был достаточно счастлив в своей жизни: Артур погиб в бою с собственным сыном; Мерлин отдал все, что у него было, обольстительнице-ведьме; Ланселот, первый рыцарь Круглого Стола, пал жертвой неразумной любви к жене своего короля... Нельзя сказать, чтобы Эскалибур принес им хоть толику счастья.

Меч уничтожал всех, кто брал его в руки или имел к нему какое-то отношение. Он выплескивал Энергию, Силу сквозь своих верных меченосцев... Словно провода в лаборатории Раэлиэ, перегорали эти люди под жаром неслыханного напряжения. Почему же Меч убивал тех, кто брал его в руки?.. Дело в том, Суи, что сила Эскалибура никогда не заключалась в его Свете или его Тьме. По своей природе Эскалибур был колоссальным резонатором человеческих стремлений. Когда его огромный потенциал добавлялся к направленному потенциалу Хранителя

Меча, благие стремления обретали жизнь так же, как и стремления злые... В людях, которые окружали его, возжигались все светлые и темные огни одновременно... Это разрывало людей на части. И есть огромный смысл в том, что Высшие хранили Эскалибур у отшельницы-ундины... Дело в том, Суи... ты вообще слушаешь меня?.. Суи?..

Клэр долго смотрел на спящего *Избранного*, потом вздохнул и медленно опустил голову на свои руки.

— Дело в том... — стол качался во все стороны, и Клэр со стоном сполз на пол, — дело в том, что, несмотря на посторонние влияния, человек всегда сам определяет, что он готов отдать своей мечте, и выбор никогда не бывает особенно разнообразен — всего две чаши весов. С одной стороны, человек может устремиться к служению Свету. Но, познавая Свет, пусть не удивляется, насколько это болезненно: ведь только тот, кто умирает для всего, чем он был, может родиться для Света. Если же что-то оказывается дороже Света, то открывается брешь, в которую проникает Тьма. При этом человек может продолжать верить, что он все еще идет прежним Путем, однако все его истинные идеалы на самом деле низвергнуты. И тогда будет избрана вторая чаша весов — человек искал способа приобщиться к Свету, но, найдя, счел цену слишком высокой.

Долго не мог уснуть Клэр. Похмелье проступало все явственнее, и потомок древнего рода тихонько постанывал, всем своим естеством ощущая совсем не магические тиски.

Утром с невероятным трудом Суи смог заставить себя подняться на ноги. Переступив сопящий клубок, он добрался до компьютера. Долго он искал то, о чем говорил ему ффин, и в конце концов нашел: перевернутые знаки с ффинских флагов — Звезду в круге и Пятиугольник.

U.S. Space Forces⁶⁰.

Pentagon Outer Intelligence⁶¹.

Ффин действительно не лгал... Тьмы в людях было никак не меньше.

Два часа спустя по сети InterStar пришло сообщение, что в одном из пустынных миров тридцатого вектора ффинами предложена первая в истории Второй Конфронтации встреча глав враждующих сторон.

Встреча

Пустыня летела мимо. Заметно для глаза в небе плыли высокие ленточки перистых облаков. В полосы сливались ряды

проносящихся мимо барханов. Мерно ревел двигатель вездехода на воздушной подушке.

Гиннад то и дело угрюмо поглядывал на Суи, но тот смотрел мимо: он слишком хорошо знал, что хотел сказать гном. Все были против его поездки на назначенную Т'Хагардом встречу, никто не сомневался, что это очередная ловушка; но Суи знал, что должен пойти. Он не сомневался, что ффин может обмануть его, но сама собой вспоминалась дребезжащая повозка и то, как Т'Хагард пытался открыть ему истину, приподняв покрывало иллюзий и лжи. Тогда Суи укрылся за своей яростью, но прошло всего несколько дней — и действительность прорвалась сквозь очевидность.

Книгарь был прав: он помнил *все*. Где-то в глубинах его Духа хранилось знание обо всем, что произошло на Пиллее... И горечь, которая залила его сознание в кабинете Клэра, была слишком знакома. Да, Книгарь был прав: это словно первый прыжок с крыши сарая в детстве... каждую жизнь проходишь его заново.

Ффины... кто были они? Как легко и удобно было думать, что у ффинов нет души. Как легко и удобно было думать, что их надо поголовно вырезать. Исчадия Сатаны... Но кто исчадия: ффины или же люди, которые их породили?..

Суи сопровождали десять спецназовцев: все, кто остался в живых из пяти сотен особистов Армии. Это были его братья, которые ринулись во Вторую Атаку силою Духа, спустившегося на него в то далекое утро; они же освободили его из ффинского плена.

Клэр со вздохом отчаяния сообщил перед отъездом, что он разместил спутник TraceNet над местом будущей встречи, и пообещал следить за происходящим в оба глаза. И пожелал удачи.

Их снарядили по последнему слову техники былого прогресса. Каждый получил кевлар со вставками лазерных отражателей и шлем с графоинформологом, который выводил данные на прозрачные лицевые щитки; каждый имел связь со спутником и всегда мог уточнить обстановку в округе; у каждого был антигравитатор с пятнадцатиминутным запасом энергии. Из оружия все как один предпочли надежный НЛ с подствольным «Пингвином». И когда Клэр сообщил, что все-таки сумел открыть границы миров для вездехода, они были готовы отправиться в путь.

---

⁶⁰ Космические силы Соединенных Штатов

⁶¹ Внешне-Космическая разведка Пентагона

Пустыня летела мимо, и вибрация вездехода насквозь пробивала тела двенадцати человек, спешащих навстречу своей участи.

Когда бег транспортера замедлился, Гиннад сказал со вздохом:

— Что бы ни говорили, Суи, ты, главное, знай, что ты прав... В тебе есть вера, Суи, та вера, часть которой ты сумел передать и нам. И я благодарен тебе за это, потому что моя жизнь и жизнью-то не была до этих дней, которые подарил мне ты. Лучше умереть сейчас, зная все, что я знаю, чем прожить еще триста лет, так ничего и не отыскав.

Он осмотрел спутников, но ничего не стал спрашивать у них. В их глазах была решимость самого искреннего ответа.

Вездеход остановился, опустилась плита двери грузового отсека, и двенадцать человек вышли в сияние дня.

Поблизости никого не было, лишь на вершине недалекого бархана замер ффинский вездеход; за ним должен был располагаться ффинский лагерь. Включилась система охлаждения кевларов, и легкое марево заиграло над идущими людьми.

С бархана ффинский лагерь был виден, как на ладони: наскоро натянутый тент, стол для переговоров, сидящие за столом парламентареры, около десятка пехотинцев с оружием в руках... Все выглядело мирно, если верить только глазам.

Медленно Суи спускался с бархана, и песок так же медленно скользил вместе с ним, принаравливаясь к его осторожным шагам.

Т^оХагарда было не узнать. Бегство в едва выколдованный портал страшно изувечило его: теперь он напоминал скорее старца, доживающего свои последние дни, чем сильного и рослого ратника, каким его помнил Суи. Правую сторону тела изломало так, словно он прошел через пресс в яблочной давилльне. Было покалечено все — даже лицо не осталось целым.

Т^оХагард понял взгляд Суи, и его губы на мгновение стиснулись в тонкую белую полоску жесткой ухмылки... Но мгновение прошло, и ухмылка исчезла. Левой рукой ффин указал Суи на стул напротив, помолчал немного, а потом заговорил — дикция у него была немного смазана покалеченной челюстью:

— Вот и увиделись снова, Суи. Жизнь полна сюрпризов, и неизведанных карт у нее в рукаве куда больше тридцати шести. Двойки забирают тузов, короли пасуют перед десятками — все так перепуталось в этой игре, что временами даже правила перестают быть правилами.

Он посмотрел в сторону, собираясь с мыслями, а потом продолжил:

— Я был не прав, когда выкрал тебя и повез в Т'Хагард. Если бы я довез тебя, Суи, то у Пиллеи не осталось бы ни единого шанса. Ведь мы — двое Последних, тех, кто все еще держит все эти миры вместе... Мы и наши Мечи.

— Точнее, — усмехнулся он, — теперь остался только ты: просто непривычно думать о себе как об уже умершем. Я ведь сломался, когда узнал, что вы взорвали Талиму. Шесть моих названных братьев погибли там, Суи, шесть из шести, все, кто был моей семьей. Я возненавидел человечество тогда и мольбою своею призвал Сатану. Он забрал мой Меч... Я умолял его помочь мне отомстить, но он молча ушел прочь. И тогда я понял, что больше не нужен ему, что никто из нас не нужен; и все это время он помогал нам не потому, что хотел нашей победы, но потому, что все еще существовали Семь Замков, которые необходимо было сорвать... И та помощь, которую он непрошено оказывал нам, на самом деле не была помощью: *так было нужно ему*. Но цена, которую я заплатил за это знание, оказалась слишком высока. И для меня не осталось никакого шанса... но такой шанс еще есть у тебя, Суи, у того человека, кем ты стал теперь.

Ффин взглянул ему в глаза, а потом усмехнулся:

— Ты хоть заметил, что перестал ненавидеть, что война перестала быть твоей **вендеттой**, оставшись просто войной?.. Ты сумел осознать то, что не дано было понять нам — мне и моему Мечу, — да и всем другим тоже. Ты ведь понял — сколько ни вылей на землю ффинской крови, она не смоеет даже капли крови человеческой. Ты все-таки смог понять разницу между исполнением своего Предназначения и гневным попиранием его. Ты смог снова стать чистым; а пока ты чист, *он* никогда не сможет заполучить тебя или Меч твой.

Т'Хагард смотрел прямо перед собой невидящим взглядом:

— Нам нужен мир, Суи. Нам, ффинам, и вам, людям, нам всем нужен мир. Не какое-то вшивое перемирие, о которое любой пограничный князек сможет ноги вытереть, нет, нам нужен самый настоящий мир, который станет святым *даже* для наших народов.

— Я вижу непонимание в твоем взгляде, — усмехнулся ффин. — Конечно, странное предложение: какой мир может быть между расами, которые враждовали с самого создания, — ффин снова усмехнулся, — одной из них? Но *мир* — это единственное решение нашей вражды.

— Нет-нет, — махнул он рукой— не пойми меня неверно. Мир не решит вопрос, кто из нас останется в живых. Мы с тобой, Суи, да и наши народы, всего лишь песчинки, которые унесла одна и та же пыльная буря... Ведь на грани гибели стоим не только мы... но и Параллели, весь наш мир, и каждое наше неправильное решение приближает разрушительный финал. Мы уже убили Туэола, самую близкую нам часть сознания Пиллеи... мы убили иных Драконов, обезглавив многие Галактики... и мы убили многих Ангелов. Что осталось у нас в запасе? В запасе у нас всего одно решение: мир... или же отказ от него.

Ффин замолчал, устало глядя на горизонт.

— Эх, Суи, — заговорил он снова. — Как я жалею о тех временах, когда все было просто... когда были мы, ффины, и были вы, люди — ублюдки и узурпаторы, которые выживали нас из мира, который (как я тогда верил) исконно принадлежал нам... Если бы я мог, я никогда бы не пошел к застенкам ТГК, не собирал бы Армию, никогда не последовал бы за Т'Лимом во Внутренние Жилища... Если бы я только мог изменить это... Но я не могу, и время, которое прошло мимо, наградило меня не только изувеченным телом, но и изувеченной душой, которая не была готова узнать все, что принесло мне немилосердное Предназначение...

— Ты знаешь свое Предназначение? — усмехнулся Суи.

— Но ведь и ты знаешь... — ответил ему ффин.

— Я думал, что знаю... — Суи провел дрожащей рукой по лицу, — пока не пришел на Поле и не увидел, что Оно сделало... Предназначение Небесное...

Ффин лишь покачал головой:

— Нет, Суи... Это сделало не твое Предназначение. Это сделал ты. Ты пришел на Пиллею с Заданием нести мир. Мы все пришли сюда, чтобы нести мир нашим народам... И теперь мы не вправе винить Господа за то, как мы это Задание выполнили. Кровь... ненависть... грязь... Так легко оскользнуться на Пути, сбиться с Дороги и пойти тропой полегче, которая уже не ведет в Вьсь... Так легко рыдать потом в чащобе у подножия Горы и проклинать свое Предназначение, с детства манившее призрачным светом Вершины... У нас не осталось времени, Суи, мы уже катимся по склонам... И сегодня нам придется выбирать: изодрать ли руки до костей, пытаясь остановиться, или же сбереечь руки, чтобы через некоторое время рухнуть в пропасть.

Т'Хагард замолчал, глядя на Суи бесцветными от горя глазами... Суи больше не видел в нем монстра. Он словно смотрелся в запотевшее зеркало.

«Мир... мир между людьми и ффинами».

— Но... но это нереально... — сказал он тихо. — Между нами не может быть мира, Т'Хагард. Это противоречило бы устрою Пиллеи.

Суи помимо воли говорил с ффином как бы извиняясь. Взгляд Т'Хагарда сказал ему то, о чем ффин вежливо промолчал. Т'Хагард видел, как изменился Суи, и понимал, что Суи уже знаком с подлинной историей Пиллеи, иначе не было бы вины в его глазах, не было бы желания уйти от прямого ффинского взгляда. Ффин понимал, что нет для Суи больше простых и понятных вещей, что простое стало запутанным, а то, что было запутанным ранее, объяснилось так легко... Он видел, что Суи никогда уже не сможет относиться к нему так, как раньше, и поэтому пропускал мимо ушей старые слова, которые так неуверенно говорил ему новый Суи.

— Мир... — как бы попробовал это слово Суи. — Мир...

Перед его глазами встали ряды его друзей... За что они сражались? Чтобы убить как можно больше ффинов? Нет. Убийство было необходимо, чтобы сотворить мир без огня, без кровавых набегов, без распятых вниз головой людей. Люди сражались не против ффинов как таковых, но против их зверств. Если ффины уйдут в дальние миры, люди никогда не последуют за ними, чтобы жечь и убивать... Пиллея видела смертей достаточно... Но что же ффины? Как уйдут они в далекие миры, оставив земли, на которых жили их пращурь? Разве эти поколения виноваты, что люди сотворили из них монстров? Кто дал им жажду убийства? Кто дал им стремление к завоеванию? Кто дал им ненависть к человечеству? Нет... не уйдут ффины в далекие миры, но скажут: *вы уходите* — и мы не будем больше убивать вас; Пиллея видела смертей достаточно.

Все выше восходило солнце, и все сильнее гудели радиаторы кевларов. Испарина пробивала лбы и мигом улетучивалась, оставляя шелушащуюся от пустынного жара кожу. А потом Суи вздохнул едва слышно:

— Прости, Т'Хагард... но я не могу... Люди не смогут... да и никто не сможет. Я уже понимаю, что это единственный шанс; ты понимаешь; Гиннад и Клэр смирятся, потому что любят меня. Остальные тоже смирятся... поначалу. Равно как поначалу смирятся и твои братья. А потом кто-то не выдержит... будет просто стычка в погранмирах, пять пастухов против семи... Все произойдет само собой: слово за слово, мечи из ножен, Оружие с предохранителей. Потом кто-то найдет трупы, пять или семь...

неважно... Но он прибежит в селение, залезет на колокольню и будет звонить в колокола, пока ополчение не вернется с окровавленными головами на копьях. И все начнется заново... Прости Т'Хагард, я верю, что ты хочешь добра, но мы никогда не сможем изменить мир, пока желание зла правит остальными. Мы стали мудры... Ты заплатил за мудрость свою цену, я — свою... но ведь мы ничему не научились. Наша мудрость — это всего лишь отголоски прошлого. Прошлого — понимаешь? — *не будущего*. Выздоровливай, Т'Хагард, скажи чернокнижникам, чтобы починили тебя, и когда начнется новый бой, я буду на новом Поле. Приходи, враг мой... приходи, мой брат. И, может, с нашей смертью что-то, наконец, изменится в их душах...

Ффин отвернулся, чтобы Суи не заметил его слез... Суи хорошо понимал его...

— Может... — после молчания ответил ффин, — может, так и будет... но их понимание никому уже не поможет... Ты единственный, кто остался. Ты думаешь, будет просто бой, где мы с тобой положим свои жизни на алтарь будущего? Нет, Суи... будет другое. Ты останешься жив, но будет гибель *остальных*: Гиннада, Клэра, особистов... будут села с вырезанными жителями, сотни тысяч изувеченных трупов... Будет ровно столько, чтобы ты смог обрести ненависть заново. И когда клинок настигнет тебя, для Пиллеи не останется уже никого. Сложно воевать против сильного противника, но еще сложнее воевать против себя самого. Ты не смог пересилить себя... Я понимал, что так может быть, но мне не хотелось верить в это.

Ффин виновато улыбнулся:

— Но, так или иначе, все будет решено здесь и сейчас, и если нет ненависти в твоей душе, то она не должна появиться там вновь. Прости меня, Суи, но только то, что я делаю, сможет дать единственный шанс всем, кто придет в мир снова.

Суи непонимающе смотрел на него... Но голос Клэра вдруг ворвался в зной пустыни из далекого Гриффа:

— Четыре объекта, быстро приближающиеся... jet⁶²-истребители... Ффины владеют авиацией... Мигом выпрыгивайте отсюда: у них на борту ядерное оружие... Суи, почему медлишь... что происходит... ты меня слышишь?..

Четыре точки, возникшие над горизонтом и со свистящим грохотом пронесшиеся над головой... Черные капли бомб, падающие все ближе и ближе к земле... Перевернутый стол, отброшенный стул... Верные пехотинцы, в одно мгновение собравшиеся вокруг него... Его руки, чертящие рисунок сложного

заклинания; каркающий от непроносимых слов голос... Защитная сфера, гигантским пузырем вспухающая из его солнечного сплетения... И четыре ослепительных вспышки света, вонзившиеся в пузырь с четырех сторон, радужным сиянием пытающиеся проползти, протиснуться внутрь, выжечь, испепелить, обратить в пар... Ударная волна, равняющая барханы, вгибающая стенки магической защиты внутрь, сметающая прочь обуглившиеся останки ффинов... Оружий от напряжения Суи... Оплавленный вездеход, промелькнувший над головами... Рыхлые полусферы сияющей плазмы, медленно проявляющиеся в слепяще-белом небе, нависающие над куполом магии, на глазах превращающиеся в ярко горящие грибообразные облака... Суи, надрывно кричащий... Бурлящие барханы, тугими струями тянущиеся в сторону облаков; пыльной бурей несущиеся к ним и взмывающие вверх; перекрученными жгутами вливающиеся в грибообразные основания... Защитная сфера, эллипсом вытягивающаяся в сторону ближайшего взрыва, стремящаяся подползти к нему и понестись вверх, перегорая в атомном аду в сияющую серебром плазму... Суи, уже хрипящий... Портал, тонкой иглой открывающийся внутри их сферы... Клэр, кричащий что-то непонятное и неслышимое в гуле ветра... Еще один портал, открывающийся за ним... Ффинские самоубийцы, лезущие в атомный ад, чтобы сбить укрывшую людей защиту, и попадающие в портал Клэра... Ффинские чернокнижники, готовые в любую секунду сомкнуть стенки своего портала... Ффины, затянутые в Гриффово измерение магией, предназначавшейся для Суи... Беспорядочная лазерная пальба внутри Клэровой лаборатории, вопль Книгаря, которому шнур лазера перерубил ноги... Завывающие чернокнижники... Гиннад и особисты, непрерывно стреляющие из своих НЛ сквозь ффинский портал и не дающие колдунам сомкнуть его... Особисты, выпрыгивающие в ффинский мир и тянущие за собой полубесчувственного Суи... Ффинский форпост, уставившийся на вывалившихся из первоматерии людей... Съеживающийся вокруг портала пузырь защиты... Пехотинцы, тянущие Суи в сторону... Ффинские автоматчики, целящиеся в них, но вдруг понявшие, что сейчас произойдет... Невероятно яркий стержень огня, плазмы и накаленного сияния, бьющий из портала, врывающийся в этот мир и сбивающий с автоматчиков плоть, как осенний порыв ветра сбивает листву с деревьев... Ффинские чернокнижники в горящих мантиях, пытающиеся стянуть портал по краям... Их обугленные до костей руки... Колонна света,

⁶² реактивные

превращающаяся в световую шпагу, медленно гаснущая... Перво-материя, толчками вгибающаяся в этот мир под напором бьющей с той стороны энергии... Чернокнижники, запечатывающие портал... Хриплое дыхание, рвущееся из глоток... Минута... пять... десять... Первый лазер, поднимающийся в людскую сторону. Сдаешься?.. Отрицательное покачивание... Лазер, бессильно опускающийся... Снова хриплое дыхание... Несколько человек, потерявших сознание... Ффинский чернокнижник, баюкающий свою оторванную руку... Снова ползущий вверх ствол лазера... второй, третий... замершие на спусковых курках пальцы... Сдавайся... Отрицательное покачивание... Сдавайся, прошу тебя... Ну сдавайся же... Сдавайся, человек проклятый!!!.. Свистящее шипение первого залпа... Люди, укрывшиеся за каменистой насыпью железнодорожного полотна... «Рэйдер», медленно поворачивающий к ним свою башню... Дымный след «Пингвина», тянущийся к нему... Взрывная волна, разбрасывающая ффинов в стороны... Дымный след «Пингвина», тянущийся уже к насыпи... Суи, в полубредовом состоянии уводящий ракету в сторону магическим блоком... Ффины, поворачивающие в их сторону походное безоткатное орудие... Гиннад, трясуший Суи и кричащий, что им нужен портал... Бесчувственные руки Суи, чертящие в воздухе орнамент заклинания... Что-то, с надрывным толчком рвущееся у него внутри... Гиннад и пехотинцы, палящие из лазеров и затаскивающие своего командира в открывшийся портал... Три «Пингвина», один за другим несущиеся к ффинам... Вспышки взрывов... Темнота... темнота... темнота.

Им повезло, что ффинские чернокнижники с обугленными руками и обожженными телами были не в состоянии проследить портал Суи и открыть свой по его следу, а когда пришла подмога, время было уже упущено. Повезло, что деморализованные ффины даже не попытались забросить в срастающийся портал ядерную ракету. Им повезло, что никто не преследовал их. Повезло и с местом, куда открыл портал Суи. Ведь он мог попытаться вернуть их в Грифф, и тогда уж точно никогда бы не очнулся. Его изорванное нагрузками тело, наверняка, подключили бы к больничным машинам, а оставшиеся в живых Академики начали бы тренироваться на нем в остатках своих знаний. Конечно, умереть ему не дали бы... Только вряд ли вечное существование в коме можно назвать жизнью.

Однако, растворяясь в ядерном бреде своего сознания, Суи вспомнил место, которое любил всегда, место на самом краю Параллелей — с поющими водопадами и сияющими радугами

в небесах... Хозяйкой этого мира была его крестная, добрая и ласковая женщина, старая и мудрая, как сам мир. В тот момент он даже не вспомнил, что она была еще и искусной целительницей, травами подымающей на ноги самых безнадежных больных. Люди становились совсем другими после ее лечения, и если раньше они жили как все, то после жили только так, как было указано через целительницу В'юнн. Но Суи не думал ни о чем, он просто летел в единственное место, которое любил...

Всего один раз отпустила его мать в гости к часто гостившей у них крестной, и эти дни навсегда остались в памяти Суи.

«Почему у тебя нет детей?» — спросил он, когда крестная навестила их накануне Рождества. «Ну... — мягко улыбнулась она. — Ты же знаешь, что ведуньи могут иметь детей, только пока молоды... Искусственное омоложение, к которому прибегают в Гаксторне, не затрагивает детородные органы, — она улыбнулась и потрепала Суи по волосам, — а я далеко уже не молода...» «Но ты была молодой когда-то», — не унимался Суи, играясь с подаренным плющом в горшке, так тонко реагируя на каждое его движение. «Все мы бываем молоды», — едва слышно ответила ему крестная, снова потрепала его по волосам и ушла на кухню.

— Господи!.. — разнеслось по равнине, когда в израненном пехотинце ведунья узнала своего крестника.

В одно мгновение она была возле него, и сияющий свет из ее рук разлился по телу Суи. Кто-то безуспешно дергал ее за плечо и указывал на закрытый, но незапечатанный портал. Она могла бы сказать, что все порталы, ведущие сюда, запечатываются сами, потому что ее мир всегда принимал тех, кто нуждался в укрытии, но для этих слов не было времени.

Жесткий взгляд, такой жесткий, что Гиннад отшатнулся прочь...

— Быстро ко мне в дом, — отрывистые слова, словно скрип стекла. — На чердак... и с майским плющом ко мне... долго не удержи.

— Но как...

— В плюще... эфиреттамил... найдешь по показаниям... своего датчика веществ.

Затихающий топот Гиннада, спешащего изо всех сил... Сила, пульсирующей струей бьющая из ведуньи в Суи... Кровь, капающая из ее носа, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, и вот уже бегущая тоненькой струйкой... На глазах бледнеющее лицо... Остолбеневшие особисты... Гиннад, обжигающий руки гигантскими витками плюща, переливающегося все-

ми цветами радуги... Листья растения, спазматически тянущиеся к Суи, обвивающие его, с жадностью и наслаждением пьющие его боль... Корень плюща, вонзающийся в землю, растающий в нее... Новые и новые побеги, обвивающие Суи так, что его уже не видно — лишь один покров шевелящихся листьев, льнущих к нему... В'юнн, медленно оседающая на землю в залитом собственной кровью платье... Гиннад, тянущий с чердака вторую охапку майского плюща... Поющий рядом водопад... Воющий от боли водопад... В'юнн, блее мрамора... Плющ, быстро увядший возле ее тела, не сумевший вернуть ей то, что она отдала лежащему рядом Суи... Пехотинцы, хоронящие ее со всеми почестями... Кричащий от боли водопад... Мир, который не примет более ни одного страждущего...

После похорон Гиннад долго сидел у могилы В'юнн и задумчиво дымил трубкой. Она была эльфийкой, ее прическа скрывала острые кончики ушей. Она прекрасно рисовала, и на многих портретах, висящих на стенах ее дома, гном без труда узнал совсем юного Суи. Кто был для нее Суи?.. Кем была она ему?.. Были ли они друг для друга больше, чем два кусочка одиночества, затерявшиеся в чуждых землях?..

Гном курил свою трубку. Отсветы затыжек сверкали рубиновым в его слезах. И одиночество было с ним, то одиночество, которое задело его лишь краешком своего вселенского отчаяния.

Суи медленно выздоравливал. Целый месяц метания в бреду, огненного жара и эфирных прикосновений ласковых рук, которые, обжигаясь, тянулись к нему сквозь огромные просторы мироздания, сквозь жизнь, сквозь смерть, сквозь гигантский куст плюща, выросший вокруг него.

За этот месяц многое изменилось в жизни как людей, так и ффинов. Мораторий на применение ядерного оружия был в гнев снят и отброшен в сторону. Страшный удар с орбиты уничтожил Т'Хагард, чуть не расколов мир ффинской столицы надвое. Стратегические бомбардировщики ффинов уничтожили Гаксторн, а атака мобилизованной ффинской армии отбросила людей во внутренние миры. Под ее удары попали даже те измерения, которые уже тысячи лет не видели ффинов.

Ффины побеждали... Говорили, сам Сатана смастерил им новые рожальни, а Господь сильно недооценил его, отдав ффинам три Темных меча. Говорили, что Князь Тьмы выпил их силу и теперь не боится Ангельских легионов, которые могли бы уже спуститься на землю, чтобы остановить его. Говорили, что наступают последние дни Пиллеи и скоро не будет уже света в мире.

И если ранее сосуществовали Рай, Пиллея и Ад, то теперь останется один лишь Ад, ибо даже Рай не сможет противостоять его натиску долго. Говорили о массовых самоубийствах, о зверствах в оккупированных деревнях. Говорили о приходе Конца всему...

Когда засох огромный куст майского плюща и Суи вытащили из-под его ломких веток, он оказался вовсе не молодым и сильным парнем, который, как все думали, легко сможет сплотить людей вокруг себя и оттеснить ффинов за самые дальние границы их далеких земель. Суи выжил, он был в здравом разуме и трезвой памяти... Только... слезы на глазах у Гиннада... Только... потупленные взгляды верных друзей... Как ждали они его выздоровления, а Суи... он стал стариком... Молочно-белые волосы, изрезанное морщинами лицо, паралич, сковавший тело так, что ходить он мог очень медленно, опираясь на клюку. Создавая защитный шар вокруг себя и пехотинцев, сдерживая натиск ядерного огня, открывая портал в свой любимый мир, Суи призвал энергию из всех тайников своего существа и остался опустошенным. То, что он мог разговаривать, было чудом не меньшим, нежели явления святых.

Могила его крестной за время выздоровления превратилась в громадный куст диких роз, непонятно как выросший так быстро. Суи долго стоял у могилы, сопоставляя все, что он видел, сопоставляя все, что он помнил, а потом сказал, что они еще встретятся в Лете — в его прошлом... в ее будущем. И сказал, что все бывают молоды.

Ффины уже осаждали Грифф, когда в мире В'юнн появилась Прая. Она пришла сама, не пользуясь услугами магов, — да их помощью она воспользоваться и не смогла бы: ффинские черно-книжники окружили Грифф дестабилизирующим полем и никто уже не мог выжить после телепортации из города или же в город.

Прая вышла из Гриффа рано утром. Уставшие ффины в дозоре на минуту задремали, пока девочка проходила мимо, прикорнул и часовой на вышке, и еще несколько автоматчиков.

Она шла полями, иссеченными ионными ударами с орбиты, шла долинами, перелопаченными танковыми гусеницами, шла лесами, сожженными диверсионными группами, чтобы выкурить партизанское ополчение разбитых частей. Она шла по избитой войной земле, и там, где она проходила, шел дождь, горячими слезами оседая на металлической окалине сторевших танков.

— Привет, Суи, — сказала она, когда наконец оказалась рядом с ним, маленькая девочка, которая на самом деле была уже такой старой.

— Привет, Прая, — ответил ей он, глубокий старец, который на самом деле был еще так молод.

— Пойдем, Суи? — улыбнулась девочка. — Ты ведь уже готов спасти Пиллею?..

Суи улыбнулся ей и легонько погладил по голове дрожащей рукой.

— Вряд ли есть человек, который знает ответ наверняка. Но я готов идти с тобой, Прая, готов сделать все, что в моих силах.

— Тогда пойдем... пойдем, Суи, я помогу тебе.

Девочка подошла к нему, и яркий кокон света окружил ее. Суи улыбнулся и поднялся на ноги, чувствуя, как легче ему стало, когда она наложила руки на его чело, словно она была Ангелом милосердия, одно присутствие которого снимает жар прочь. Да она и была для него Ангелом...

— Прости, что не могу взять больше, — виновато улыбнулась Прая, — но больше я просто не унесу.

Медленно, шаг за шагом, пошли они прочь, и никто не осмелился произнести ни слова. Они знали, что никогда не видели и никогда уже не увидят ничего подобного этой девочке и этому старику, рука об руку идущим спасать их единственный мир.

Часть III. Спасители

*Слово произнесенное предполагает
ответственность.
Сказав о любви к Богу, надо ждать
не наград, но испытаний.*

Предисловие

Ночь все ниже опускалась над Пиллеей, подобно демону, идущему за жертвой к темному алтарю... Без луны, без звезд, без малейшего проблеска веры в скоплении безверия.

Ночь, темная, словно воды Стикса, и такая же неумолимая, укутывала своими крыльями Пиллею — без малого четыре миллиарда живых существ, уже отчаявшихся найти в своей вражде хоть какой-то проблеск смысла. Без малого четыре миллиарда... Четыре миллиарда без двухсот тысяч...

Для них не было спасения, не было искупления, не было уже ничего, кроме отчаяния и смерти. Для всех, кроме двоих, медленно идущих к мирам Великого Шелкового Пути, кроме двоих, которые все еще верили в свою цель.

Они не могли точно сказать, чем была эта цель, но они просто шли вперед, веря, что лишь новый шаг открывает новые просторы, где может быть обретена истина.

Они шли, уставшие, измученные, одни в непроглядной тьме, которая сомкнулась над утонувшим светом Пиллеи... Был ли этот свет их целью?.. Они не знали. Они медленно шли вперед, стараясь отыскать ответ.

Великий Шелковый Путь

Скрип всепроникающих песчинок на зубах... Шаркающие шаги ног, обремененных непосильным грузом... Рваный слой песка на каменных плитах... Резкие порывы ветра... Широкая,

как городская площадь, дорога, полосой тянущаяся от одного горизонта этого мира до другого его горизонта... Пустыня, уже многие тысячелетия пытающаяся поглотить ее... Длинные нити перистых облаков в жарком, давящем на землю небе... Тоска... печаль... отчаяние.

Старик и маленькая девочка шли по этой избитой временем дороге, выложенной тесаными плитами многие тысячи лет назад.

Торговый Шлях был создан еще до запуска надстационарных порталов в рамках программы ТГК «Пиллея» и проходил через четыре десятка миров, ставших аналогами крупнейших железнодорожных станций древности, куда приходил товар, чтобы распределиться по конечным потребителям.

Будучи в Гриффе, Суи с изумлением вычитал про восьми-полосный автобан А1, прозванный Великим Шелковым Путем. Конечно, шелк был всего лишь одним из грузов и название закрепилось за автобаном не из-за него: очень давно, еще в те времена, когда человечество умещалось в одном-единственном мире, так называли огромный по тем временам торговый путь, идущий из азиатских провинций мира в европейские регионы. Здесь же название закрепилось по аналогии — и весьма удачной. Были времена, когда потоки огромных, приспособленных именно для передвижения по Пути механизмов наполняли автобан: одни — груженные товарами и везущие их потребителю, другие — груженные сырьем для производства товаров, третьи — полупустые, передвигающиеся от миров, где разгружались, к другим мирам, где загружались вновь, для того чтобы доставить груз по назначению и громадным прыжком вернуться в начальный пункт своего маршрута.

Суи с трудом представлял масштабы экономической жизни Пиллеи, если передвижение каждого груза, каждая оплата за него были не просто отслежены и учтены, но еще и оптимизированы.

На прилегающих к Шелковому Пути территориях миров располагались ремонтно-обслуживающие базы дорожной техники и перевалочные склады, где товары перегружались из Путевых тягачей на менее грузоподъемный, но приспособленный к дорогам худшего качества транспорт. Именно этот транспорт, бывший иногда водным или воздушным, доставлял товары к границам миров, ведущим в требуемые заказчиком измерения. Иногда такой путь отнимал больше времени, чем все передвижения по Шелковому Пути.

И если Наэн был энергетическим сердцем Параллелей, то Шелковый Путь был его экономическими, бесперебойно работающими мышцами, которые приводили цивилизацию в непрерывное и, казалось, весьма осмысленное движение, в то движение, которое ее и погубило.

Словно яд, несущийся по венам тела, пронеслись ффинские орды по Параллелям. Открытость миров и их прямая связь между собой сделали атаку ффинов похожей на воду, хлынувшую внутрь корабля без водонепроницаемых переборок, когда она просто пронесется через палубы и сметает все на своем пути.

И река ффинских орд катила свои черные воды по Пути, разрезаемая на отдельные потоки волноломами телепортов. Она исчезала в них, прямо с марша вливаясь в полыхающий огонь своего нашествия.

Наверное, это было по-настоящему ужасно, когда оборвалось движение по Пути; когда люди с криками выпрыгивали из горящих машин; когда огонь фотонных аннигиляторов взметал в воздух осколки строений дорожного управления.

Галактика оказалась бессильной перед вторжением ффинов. Даже значительные ффинские потери быстро компенсировались производством новых солдат в Колыбелях. Созданные ТГК для покорения Галактики, они слишком преуспели в этом...

Великий Шелковый Путь... *Нынешний Шелковый Путь...*

Время от времени торговые караваны обгоняли старика и девочку, медленно идущих по дороге. Их принимали за деда и внука, сочувствовали изможденному виду, давали еду или немного денег. Караваны, с которыми им было по пути, иногда подвозили их... конечно, не все: богатые торговцы, в основном, проезжали мимо, делая вид, что не замечают их... они спешили туда, где их ждала прибыль.

Торговцы двигались на груженных телегах, даже не представляя себе, какую страшную пародию на дела давно минувших лет они собою являют. Они проезжали мимо, и на какое-то мгновение солнце запутывалось лучами в грудах товаров, даря старцу и маленькой девочке короткие секунды спасительной тени. Они проезжали, и их мокрые и замученные пустыней волы косились на девочку и старца в поисках хоть капли сочувствия.

А другие караванщики — и чем беднее, тем охотнее, — придерживали усталых лошадей и тихо спрашивали старика о том, куда они держат путь. Давали напиться воды; наполняли их фля-

ги, хотя у самих воды было немного; часто подсаживали девочку в седло, а старца заботливо поддерживали под руки; и замедляли свой шаг, но помогали, как могли...

На привалах девочка и старик всегда держались рядом; он обнимал ее, и она умиротворенно засыпала, пока караванщики готовили нехитрую снедь.

С девочкой всегда пытались заговорить, но она очень неохотно отвечала на вопросы, и люди молча любовались ею, стараясь находиться к ней хоть немного, но поближе. Она казалась маленьким полевым цветочком, ласточкой в небе, оазисом, манящим за далекий горизонт... Глядя на нее, люди чувствовали, как спокойствие наполняет сердце, как в усталость дневного марша вплетается давно забытый уют очага и непонятная уверенность, что все будет хорошо, делает звезды ближе и понятнее в прозрачном небе пустыни... Все чувствовали, что было в этой девочке *что-то* и что было это *даром* Господним...

Старик рядом был очень стар. Наверняка, он был не дедом ей, а может, даже и не прадедом. Может, он вообще не был ей родственником: просто нашел ее как-то у сожженного поселка и взял с собой, да так и остались они вместе, сроднившись более, чем родные. Хороший был старик: о себе позаботиться не мог, но, что имел, девочке отдавал — а сколько таких бродило нынче по дорогам: голодающих, просящих подаяния и страшно, по-собачьи преданно заглядывающих в глаза каждому встречному... Молодцом был старик; и если погибли родители девочки, то дал ей Господь новую семью, потому что не забывает Он о таких чистых искорках Своего Света, как эта малышка.

Имя у нее было какое-то чудное... Может, в восточном караване шли ее родители, когда напали ффины, может, просто переселенцами были... не догадаешься. А имя... Мольбою звалась она, Мольбою, если имя перевести. Именем же старика мало кто интересовался, но даже когда интересовались, то он отмалчивался или делал вид, что задремал.

По ночам часто просыпался старик — не от холода, хотя старческие кости ломило каждую ночь, но от прекрасного чувства, что ждет его кто-то за пределами сна, ждет, с нежностью положив голову ему на грудь.

— Звезды так не похожи... В разных измерениях они совершенно различны... — говорил он часто. — Хотя Клэр рассказывал, что звезды всегда одни и те же, просто в разных мирах мы видим их с разного расстояния, поэтому они кажутся то ярче, то

бледнее... А угол, под которым мы смотрим на созвездия, меняет их форму.

Девочка рядом тепло улыбалась ему.

— Какая она... Галактика?... — спрашивал старик.

— Разная, — отвечала девочка. — Совсем разная. И Клэр, конечно, прав: все зависит от того, как на нее смотреть.

Она запрокидывала голову к полному неисполненным желаний звездному небу, задумчиво смотрела вверх, а потом продолжала:

— Сбоку она напоминает веретено — тонкая по краям и утолщающаяся к середине... Кажется, что многие тысячи витков удивительно тонкой и такой же удивительно пушистой нити намотаны на невидимый стержень, а незаметные глазу волоски сияют вокруг нее, ловя изгибы лучинного пламени. Сверху она немного похожа на спираль, выгравированную на рыцарских гербах, — только не с одним, а со многими рукавами, закрученными от центра... Если смотреть сбоку и сверху, то она напоминает скорее овальное и очень пушистое облако, — словно сияющий туман, собранный над горным озером и тем более густой, чем ближе к середине...

— Вон там, — указывала девочка рукой на далекую звезду, — все красное, словно песчаная буря вечером, потому что там полно какой-то пыли. А в центре этого громадного облака горит красная звезда и подсвечивает его, словно огромный фонарь. Та звезда уже маленькая теперь и намного холоднее всех звезд, возле которых крутятся наши миры, хотя было время, когда она горела в сотни раз ярче.

— А что же случилось с ней? — обычно спрашивал старик.

— Она так возгордилась своим светом, что забыла, для чего Господь создал ее. Когда она забыла, что является лишь *отражением* Великого Единого Светила, то раздулась от гордыни и лопнула на части... взорвалась. После взрыва часть этой звезды рассыпалась и превратилась в облако пыли и газа вокруг нее. Теперь она, конечно же, опомнилась, да только поздно уже, и до конца своих дней ей придется искупать свои прегрешения в полумраке созданной ею же тьмы.

— А вот там, — указывала девочка пальчиком в другое место, — светят сразу три звезды вместе... Синяя, словно накаленная лазурь, зеленая, как расплавленный изумруд, и белая, похожая на горящую платину. Они связаны великими узами, они тянутся одна к другой, и космос вокруг них сияет радугой их любви. У них

нет планет, и они печалются по этому поводу, хотя общее приращение, ими созданное, такое непостоянное, что любая планета, родись она там, была бы ими же и уничтожена. Но звезды светят все так же радостно, и все свое тепло, всю свою любовь они дарят окружающей Вселенной. Они любят само Пространство и отдают Ему себя...

— Планеты же... — девочка улыбалась грустно. — Планетные системы образуются иногда около двойных звезд, хотя очень редко, и это уже не закон, но исключение из него.

В такие моменты девочка гладила старика по иссушенной руке:

— Ты сам знаешь, как на таких планетах красиво... Знаешь, что в переливчатом небе постоянно сияют радуги, что ночи там не бывает, а от игры света и разноцветных теней кружится голова...

Воспоминания захлестывали девочку настолько сильно, что помимо воли и старик начинал видеть все, о чем она ему рассказывала.

— Как и все, находящееся вблизи смерти, такие планеты особенно прекрасны.

Они лежали и смотрели ввысь... Звездные отблески были точно иголочки в их глазах.

— Наверное, Галактика великолепна, — задумчиво говорил старик, а девочка тихо вздыхала.

— Да, конечно... Само Пространство исполнено незримого света... Каждая его молекула, каждый его атом сияет спокойной Радостью Единения... той Радостью, которая есть особая Мудрость Мироздания. Но наряду с этим великолепием я видела и Черные Дыры... В Космосе нет ничего страшнее их...

Девочка передергивала плечами.

— Они с такой силой тянут в себя все, до чего могут дотянуться, что и меня чуть было не затянули, когда я пролетала мимо. Сам Господь вступился за меня, и если бы не Он, до конца своего пути я так и не долетела бы... Но если откинуть эти воспоминания, то Космос безусловно прекрасен. Там так тихо и спокойно, что иногда даже возвращаться не хотелось... хотелось остаться там навеки и парить до скончания мира в прекрасной Светлой тишине. И знаешь, увиденное очень помогает мне, когда тяжело... Ведь я помню, что там есть над всеми нами — над людьми и ффинами, Драконами и Ангелами, даже над самим Господом... Оно — Великое Спокойствие Вселенной... Великая Мудрость Вселенной...

Ее Великая Любовь. Ведь если Вселенная спокойна, то зачем переживать нам. Ведь если спокойна *Она*, то все просто не может быть таким ужасным, каким мы его видим... каким *представляем*. И, когда тяжело, я вспоминаю все, что видела *там*, и понимаю, что тяжело на самом деле не мне, а лишь тому существу, которое я за себя принимаю. И, когда я думаю так, мне кажется, что кто-то легко проводит рукой по моим волосам, словно дает знак о том, о чем говорить не может...

— Суи... а ты... что ты об этом думаешь?.. Суи?..

Небольшая пауза, легкий вздох и улыбка... мягкая, нежная улыбка на лице девочки. Ее ручка, ласково обнимающая спящего старика. Ее воспоминания, приносящие картины спокойствия и тепла в его растревоженные памятью сны. Ее засыпающий взгляд, обращенный к небесам... Ее будущее, так медленно, но так неумолимо к ним подкрадывающееся.

Великий Шелковый Путь II

— А что, собственно говоря, — спросил однажды за ужином один из торговцев всю компанию, — такого плохого в этих *ффинах*?.. Они тоже ведь живые, им тоже надо что-то есть и во что-то одеваться. Они также хотят роскошную сбрую для коня, пусть даже и гроверного, хотят украшений для своих женщин... от женщин-то им никуда не деться...

— *Ффины* однополые, — хрипло кашлянув, сказал побелевший вдруг старик, а девочка опасливо взяла его за руку.

— Чего?.. — потянул купец.

— Нет у них женщин, — прохрипел старик. — Все до единого они мужики... солдаты. Остаточные рефлексy включают в себя и половые.

Старик смотрел прямо в глаза торговца:

— Ты прав, женщины им нужны. Людских девушек они воруют именно из-за этой нужды. Через что проходят эти несчастные, сложно представить. Хотя сам знаешь, что есть работорговцы, которые продают нищенок *ффинам*... Может, знаешь, что им за это полагается?.. Сдирание кожи от пояса до колен.

— Да ладно тебе, — лениво махнул рукой торговец. — Говоришь так, словно мы все еще живем в допоходных временах... Пугаешь... Понятно, что и тебя в твое время пугали, но те времена давно позади.

— Нынче в деревнях почти не осталось распутниц, а знаешь почему?.. — криво усмехнулся торговец. — Да потому что му-

жиков в деревнях не осталось тоже — после Похода-то да после Войны, — а ффины платят исправно. Распутницы давно уже все в их мирах, давно уже обслуживают то, что ты назвал... как там, остаточным чем-то, и не припомню уже, больно ты заумный...

После того как погибли Райси и Злата, после того как ффины убили Суи, нам осталось только подчиниться. Если не устояли Избранные, что могут сделать простые смертные?

Восемь тысяч безумцев заперлись в Гриффовых катакомбах, но скажи мне, старик, что дает тебе их безумная борьба?.. Ффины уже владеют Пиллеей.

Да, они не могут свободно разгуливать по ней, опасаясь ударов с Клэровых звезд, но скажи мне, старик, разве это так мешает ффинам?.. Их маги нашли заклинания для обмана звезд. И теперь, чтобы понять, не лгут ли следящие со звезд глаза, Клэру приходится тратить уйму времени, и восемь из десяти его ударов выжигают пустоту. Звезды его уже почти выдохлись и не успевают перезаряжать свои «лучатели»... А скоро, попомнишь мои слова, ффины отыщут способ, как добраться до небес и стянуть эти звезды оттуда.

— Ты, я вижу, не то, чтобы горевал по этому поводу... — старик с болью в глазах смотрел на одного из тех, за кого людские воины отдали жизни в один далекий день. — Рад ффинским успехам?..

Торговец потупился и некоторое время молчал... Взгляд старика оплавливал его душу.

— Нет, — ответил он наконец, — я всему этому не рад. У меня у самого трое братьев в Походе полегло, а один вернулся без ног и без разума. Я не пошел в Поход, потому что был самый младший — а за матерью присматривать надо, — но часто теперь я завидую моим троим... а иногда и четвертому тоже... Нелегко мне жить, старик, после того, как и мать моя обезумела, но что делать, скажи... что делать? В партизаны идти?..

Неужели не видишь ты, что мир меняется, меняется независимо от нас, и что он с легкостью раздавит любого, кто будет противиться переменам... Ффины не жгут больше захваченных деревень... не насилуют женщин, не вырезают скот. Знаешь, что они делают, старик?.. Они строят школы. Они изменились — наши извечные враги... так сильно, что даже не верится.

Да, им нужна вся Пиллея, от этого никуда не деться; да, власти над ними мы уже не получим; но посмотри, что происходит, старик: ведь и в рабов ффины уже никого не обращают. Они не

забирают скот и продовольствие, нет. Они приходят в села и вместо этого *покупают* то, что селяне хотят им продать. Они строят громадные площади, где торгуют всем подряд, даже не имея на руках товаров или денег, но обмениваясь *обязательствами*.

Ты думаешь, смерть моих братьев, смерть Суи, за которого они полегли, ты думаешь, это все было напрасно?.. Нет. Не было... То, что происходит, это и будет миром, за который они сражались, за который отдали свои жизни... А то, что мир этот принесут нам не людские, а ффинские легионы... Наверное, ради того, что будет, можно переступить через то, что было, как ты думаешь?..

Старик смотрел на людей, которые сидели в тот вечер у костра, и видел лишь потупленные взгляды. Никто больше не хотел войны. Никто не хотел умирать ради того, ради чего можно было жить. Ффины уже не были врагами для этих торговцев, они стали для них *деловыми партнерами*.

Школы они строят... Торговлю ведут... У ффинов просто не хватит сил для прямого наступления на Клэровскую армию и на подавление партизанских бунтов в тылу. Финской армии нужен провиант — и они получают его, получают за ту же цену, как и во время грабежа; просто средства, которые пошли бы на содержание карательных отрядов, они тратят на доставку из своих миров редких здесь товаров. Школы... Да для себя они строят эти школы, для себя, и когда погаснет последняя искорка сопротивления в Гриффе, когда электроника последнего бэттлбота будет выведена из строя мобильными лазерными излучателями, кровавая Варфоломеевская ночь воцарится на земле. Людей, так послушно идущих к протянутой ффинской руке, больше не будут гладить по загривку, их попросту перебьют всех, кроме тех, разве что, кого оставят для разведения женщин... Ффинам не нужен мир с людьми, если они спокойно могут получить этот мир и без людей... Сколько из ффинов понимает внутреннюю тождественность двух рас? Сколько из ффинов сможет понять, что две стороны листа являются собой *Одно*, хотя различные письма покрывают их? Сколько осознает, что *Пиллеи хватает на всех*? Не осталось таких более.

Суи хотелось кричать от невыносимой боли, которая терзала каждый его нерв.

«Пройдет совсем немного времени — и человеческие головы будут снова нанизаны на колья вокруг деревень... кровью будут нарисованы перевернутые пентаграммы на дверях домов, внутри

которых будут умирать изнасилованные женщины!.. Пройдет всего немного времени — и тьма покроет миры, и не останется больше света!!! Пройдет *совсем* немного времени — и...»

Детская рука, стискивающая его ладонь... Белые от напряжения пальчики... Молящие о молчании глаза...

Старик медленно поднялся и так же медленно направился прочь от горящего костра: ему захотелось побыть одному...

— Ты, наверное, многих потерял на этой войне, — крикнул ему вслед купец, и Старик, дернувшись, замер, будто бы окаменев.

— Многих, — хрипло ответил он наконец и пошел дальше. — Слишком многих...

Через некоторое время купец — тот самый, что защищал ффинов, — отыскал старика и сел рядом с ним на границе света от костра и темной ночи, которая наваливалась со всех сторон.

— Что ты предлагаешь нам, Старик? — спросил купец тихо. — Что, по-твоему, мы можем сделать, скажи?..

Долго ждал он ответа, но старик молча смотрел во тьму своими утратившими цвет глазами...

Торговцу ответила маленькая девочка, тихо подошедшая к ним и со вздохом присевшая у ног старика. Она посмотрела на купца грустно, даже слишком грустно для такой маленькой девочки, улыбнулась ему и сказала:

— Наверное, вы все еще можете молиться.

Великий Шелковый Путь III

— Прая, почему все так получилось?.. — спросил Суи однажды, когда они сидели на быстро остывающих плитах Пути, глядя, как темнеющее небо размазывает по барханам алый лоскуток заката. — Почему все получилось *именно так*?.. Почему знание об Истине пришло так поздно? Зачем была нужна моя устремленность?..

— Если бы не мы... Трое, — горько усмехнулся Суи, — все сложилось бы по-другому... Если бы не мы... *шестеро*, — тихо поправился он. — Мы были так устремлены... так вдохновлены великой идеей возвеличивания своей расы... Мы так яро ненавидели расу противоположную. Мы словно пустили ток в огромные электромагниты — и тысячи созвучных духов устремились к нам со всех сторон Пиллеи. Устремились, чтобы убивать ффинов... чтобы убивать людей... *устремились, чтобы убивать*.

Суи смотрел вдаль, и в его глазах были слезы.

— Неужели все эти духи были настолько грешны, что должны были погибнуть в кровавой сече?.. Но в чем их грех? В том, что принесенные нами идеи дали им веру, надежду, устремление? Кто из этих духов искал личной выгоды или величия? Кто хотел *использовать* Поход?.. Крайс? Тристан? Ауэн? Или королева эльфов Аэоми?.. Все они, начиная от гномов-кузнецов и заканчивая мастерами-садовниками эльфов, пришли к Гриффу для того, чтобы *отдать* Походу себя. Наши слова стали их словами, наша вера — их верой, наши идеалы — их идеалами. Но где все это теперь? Нет ни людей, которые шли в Поход, ни ффинов, которые шли им навстречу... И идеалов тоже нет. Люди погибли вперемешку с ффинами, и алая кровь смыла прочь глупые слова и безумные призывы. Мы пролили море крови... Я пролил море крови... Неужели только для того, чтобы увидеть несовершенство того Суи, который яростно взывал о Возмездии? Но этого Суи больше нет... Есть лишь усталый старик, который снова стоит у перепутья и не знает, какую из дорог ему выбрать... Если бы Господь смог открыть мне Знание перед Походом, я ни за что не допустил бы безумия Сечи.

Прая смотрела на Суи... Слезы бежали из его глаз, но он не замечал их. Прая знала, что никогда ранее он не испытывал более сильных мучений. Девочка тихо обняла его.

— Почему?.. — прошептал Суи. — Почему нельзя было открыть мне Знание раньше?..

— Потому что Знание — это не слова, которые можно произнести, — ответила Прая наконец. — Знание — это опыт, отложенный в Чаше твоей Мудрости твоими собственными действиями. Это то, что перейдет с тобой в Высший мир после смерти и что будет внутри тебя, когда ты родишься в этот мир заново.

Ты так хотел Похода, ты так устремлялся к уничтожению ффинов... Ты не знал, к чему может привести твое устремление. Теперь знаешь. Теперь уже никогда не подымеешь ты Меч, стремясь очертить *будущее* его взмахами. Но не приходи ты на Поле, не узри своими глазами гибель самых дорогих тебе людей, не говори ты в повозке с Т'Хагардом... к чему стремился бы ты сейчас? Ты бы стремился собрать новые легионы, чтобы снова повести их на ффинов.

Запомни, Суи, что даже самые страшные моменты складываются в нашей жизни только потому, что мы не осознаем той цепи причин, которая порождает их. И мы идем вперед слепо, пробираясь в крошечной темноте невежества... Мы кричим, что

вверяем себя Господу, но, на самом деле, вверяем себя тому идеалу, *который мы принимаем* за Господа. Мы наделяем Его близкими нам чертами, вкладываем в Его уста близкие нашему сердцу слова, а после преклоняем колени и твердим: «Мы верны Тебе». Мы возводим стены Его Храма и вставляем в окна прекрасные витражи. Но однажды мы оказываемся среди руин, и осколки витражей ранят наши руки... потому что основанием для Храма мы избрали песок... Мы воздвигли храм себе, а не Ему, и основанием этого храма были ложь и иллюзии.

Но что сделано, то сделано, и сколько ни рыдай, Храм этим не восстановишь... Надо искать более надежную основу и строить Храм заново.

В крушении надежд мы обретаем Знание, которое дает нам шанс не повторить ошибок в будущем. Самые великие постройки не вечны, и тысячелетия ровняют их с землей; но время не властно над Опытом, который обретают строители.

— Неужели никогда раньше не пытался я уничтожить ффинов?.. — прошептал Суи.

— Пытался, — мягко улыбнулась Прая, — но всегда одумывался за миг до Свершения. А потом мучался вопросом: а может, не надо было?.. Многие твои воплощения Светлые Водители оберегали тебя, но на сей раз эта часть твоей кармы должна быть изжита. Кроме того, наряду с твоей личной кармой существует еще и карма, которую сложили люди и ффины. Эта карма также вела расы к встрече в великой битве... Ты и другие Избранные... вы просто направили этот поток в одинокую ложбину между двух холмов, где все объединилось в одном Акте Искупления... Кто знает, чем закончилось бы нагнетание ненависти с двух сторон, если бы ей не было проложено русло... Господни пути неисповедимы, *но всегда Мудры*. Как твои Учителя не мешали тебе устремляться к Битве, так не мешали Они и другим людям выбирать способ искупления их собственных грехов. Каждый из вас наделен свободной волей и сам определяет будущий путь своего развития. Если вы не будете устремляться к Свету, разве Учителя смогут помочь вам?

— Кто Они?..

— Они... — Прая задумалась. — Они самые Светлые наши Друзья... Они давно уже не люди, но остаются в нашем мире, чтобы помогать нам. Они Ангелы, которые некогда спустились с Небес, чтобы принести нам Знание, и заплатили за это великую цену, воплотившись людьми... Они те, кто в тысячелетиях борь-

бы сумел снова подняться в Небеса... чтобы остаться среди людей. Они наш Свет и Надежда, Вера и Отрада. Без Их Руководства человечество давно погибло бы.

— Господь?.. — Суи посмотрел на Праю.

— Наивысший среди Них, — ответила девочка.

Суи молчал, глядя на проступающие звезды.

— Ты говорила, что мы сами избираем пути развития... что мы развиваемся, создавая карму, которую позже должны изжить. Но где место Руководству?

Прая улыбнулась:

— Ты больше не веришь в Них?

— Я хочу понять Их.

— Мой ответ не поможет тебе.

Они сидели и молчали.

— Христос был один из Них? — спросил вдруг Суи.

— Да, — снова улыбнулась девочка. — И Будда, и Кришна... и многие другие, Кто воплощался, чтобы закладывать Основание великого Храма. Если мы строим на этом основании, строения наши остаются в веках и становятся основанием для строений новых. Все остальное «строительство» обречено на разрушение.

— Но почему никто из Них не возглавил Поход?.. Почему Они доверили это мне... Райси... Злате?..

— Думаешь, Они на Небесах наслаждаются блаженством? Великий Труд, который нам даже не снился, ежесекундно вершится этими Духами. Представь себе емкость, наполненную водой. Насыпь на поверхность воды мелких деревянных щепок и проследи, чтобы ни одна из них не столкнулась с соседними. И ты получишь грубое подобие той титанической Работы, которую Они выполняют на многих-многих планах Вселенной. Кроме Них некому выполнить эту работу... А вот мир народам Пиллеи принести можете и вы. Учителя никогда не доверяют работу тому человеку, у которого нет шансов ее исполнить. Если вы получили это задание, значит, и справиться можете.

— Но пятеро уже погибло... Я остался один. Если они не смогли, как это получится у меня?

— Никто, кроме тебя, не сможет ответить на этот вопрос, Суи. Запомни — ни Сатана, ни Господь, ни Ангелы Небесные не смогут сказать, получится ли у тебя исполнить задание, за которое ты взялся. Ответ только в тебе... в том, чем ты готов пожертвовать, через что ты готов пройти.

— Но, Прая, мне так страшно... А вдруг все, что мы делаем, ничего не сможет изменить... вдруг это никому не нужно...

— В Гриффе нас ждут восемь тысяч человек, Суи; восемь тысяч *воинов*, которые не поддались ффинским обманам; восемь тысяч, которые могут обороняться под землей вечно; те, кто так нуждается во всем, что мы сейчас делаем.

— Ффины могут подобрать коды доступа и ворваться внутрь города до нашего прихода...

— А могут и не подобрать... — снова перебила его девочка, и металлические нотки зазвучали вдруг в ее детском голосе. — А может, война уже закончена и ффины правят Пиллеей, а мы еще ничего об этом не знаем. А может, завтра мы умрем, потому что метеорит упадет с небес туда, где мы остановимся на ночь... *Может быть все, Суи...* но вопрос ведь не в том, *что* может быть, а в том, *будет* ли это на самом деле.

Суи смотрел под ноги и молчал.

— Прости, Прая, — наконец сказал он хрипло. — Прости меня...

— И ты меня прости, — вздохнула девочка и прижалась к нему. — Я не хотела тебя обидеть.

Они долго еще сидели обнявшись, а когда усталость сомкнула их глаза, метеор прочертил в небе над ними сияющую дугу... и исчез где-то далеко за горизонтом.

Великий Шелковый Путь IV

— В сторону!!! В сторону, расступись!!!

Старик и девочка едва успели сойти с дороги, а замешкавшихся торговцев ффинские пехотинцы вытолкали на обочину прикладами.

Материя над дорогой завибрировала — все быстрее и резче — и распахнулась на несколько секунд магическим порталом. Из гудящего портала вывалился маг в обожженной мантии, тащивший под руки двух искалеченных ффинов.

— Позаботьтесь о них! — крикнул он и тут же прыгнул назад.

— Есть лекари?!! — кричал ффинский пехотинец, пока другие спешно срывали со своих поясов пакеты первой помощи. — Среди вас есть лекари?!!

Стоящие у обочины караванщики в немом ужасе отшатнулись, потому что ффины, выпавшие из портала, были страшно обожжены: их руки, которыми они, скорее всего, прикрились от

близкого разрыва, были обуглены до костей. Оба находились в полуобморочном состоянии, не понимая, что жить им осталось считанные минуты... Оба водили непонимающими взглядами по сторонам и надрывно хрипели.

Седой старик не мог понять, почему маг прыгнул назад вместо того, чтобы поддерживать их тлеющие жизни до прихода хотя бы еще одного мага; девочка, стоящая рядом, осторожно высвободила свою руку из его ладони.

— Две ффинские когорты попали под ядерный удар Клэра, — негромко сказала она, медленно направляясь к ффинам. — В живых осталось не более десятка солдат. Чернокнижник прыгнул за следующими.

— Ты куда?.. — потянулся за ней старик, но девочка печально улыбнулась:

— Я нужна одному из них...

Она медленно протискивалась между онемевшими от ужаса торговцами. Суи, ничего не понимая, тоже начал пробираться за ней. Прая с трудом выбралась из жестких оков толпы и направилась к умирающим. Сначала никто не обратил на нее внимания: ффины хлопотали над ранеными, вводя обезболивающее и подключая их к походному микрогенератору плазмы. Раненые стонали, их конечности непроизвольно сокращались, предвещая приход смерти. Прая подошла к ним.

— А ты куда?! — рывкнул один из пехотинцев, заметив ее.

— Эй, — полуобернулся он к каравану, — чей ребенок, забереите ребенка?!..

Раненый ффин, над которым наклонился пехотинец, тоже заметил девочку... Его голова повернулась к ней, и жалкая улыбка с трудом искривила сторевшие губы. Он медленно протянул девочке свою дымящуюся руку, и Прая, сделав еще один шаг, плавно обняла его ладонь своими. Ффин неотрывно смотрел на нее, и его взгляд становился все более спокойным... Девочка словно отгняла страх прочь, и хотя надежды остаться в живых у ффина не было, Прая давала солдату нечто большее, чем надежда выжить... Что-то заблестело в уголке его глаза, и сверкающая кровавым закатом слеза покатила по щеке. Пехотинец силился что-то сказать девочке, но не мог произнести ни звука... Прая опустилась на колени и склонилась к его лицу. Едва слышно она прошептала что-то ффину на ухо. Его рука в последний раз конвульсивно сжалась в ее ладошках, и слезы, стоявшие в глазах девочки, побе-

жали по ее щекам. Так же медленно, словно в полусне, поднялась она на ноги и подошла к Суи... нерешительно взяла его за руку.

— Пойдем дальше?.. — тихо спросила она.

Ее ладонь была грязной и жирной от сажи, которая была некогда ффинской ладонью.

Никто не пытался задержать их. Второй раненый тоже умер, а все вокруг продолжали смотреть вслед маленькой девочке и седобородому старику... Как люди, так и ффины пытались понять, чему они стали невольными свидетелями, кем был человеческий ребенок, который подошел к умирающему ффинскому солдату?.. Их расы воевали, и эта война должна была изувечить своим прикосновением душу девочки так же, как она изувечила тело ффина... но девочка стояла перед ффином на коленях, и они вместе плакали о том, что происходит в мире.

Оцепеневшие ффинские солдаты смотрели вслед девочке и старику, и лишь когда портал распахнулся снова, оцепенение покинуло их.... На долгие годы они сохраняют в душе память о сегодняшнем дне: появление девочки, слезы в ее глазах, слезы в глазах их брата, в которых не было уже страха и неопределенности. До конца войны не смогут они сделать больше ни одного выстрела. Они не умрут на поле боя, а вернутся в свои дома и сообщая будут строить будущее Мира... И только перед смертью они расскажут своим названным братьям о том, чему свидетелями стали они однажды.

— Ты спасла душу того парня?.. — спросил Суи, когда ни ффинов, ни мечущегося чернокнижника, ни каравана на обочине, когда ничего этого уже не было видно.

Пряя молчала... А Суи не торопил ее с ответом.

— Никто и никогда не сможет спасти грешника, кроме самого грешника, — наконец ответила девочка. — Того, о чем ты спрашиваешь, не было, Суи... Я не вывела ффинскую душу из плamени ада и не привела ее к Райским вратам... Я просто побыла с ним рядом.

— Он ведь умирал, Суи, — сказала она тихо. — Он прожил хорошую жизнь, и всю жизнь был не как все: не был в сатанистах, осуждал войну, писал стихи. Умирая, он очень боялся, что все оборвется на полувздохе... раз и навсегда закончится... Он боялся, что никто так и не прочтет написанного им, что больше никогда не увидит он лазурного неба над головой. Я сказала ему, что Лазурь ждет его... сказала, что еще сотни стихотворений будут написаны им, когда он снова придет в этот мир... сказала, что

за темными воротами смерти его ждет Вечный Свет, который он искал всю жизнь. Мне незачем вести его в Рай, потому что свет его сознания все равно приведет его туда... Я лишь помогла ему перестать бояться... перестать бессильно трепетать перед наступающими из полумглы тенями. Какими ужасными ни кажутся тени, за каждой из них сияет солнце... нужно лишь прорваться сквозь тот барьер, который заслоняет свет.

— Но он же ффин... — пробормотал Суи. — И ты говоришь, что Рай примет его?..

— А ты что думал? — усмехнулась Прая. — Что каждый ффин обречен проводить время между смертью и рождением в аду? Но, Суи, что делает вас людьми или ффинами? Лишь тело, которое вы носите. Сбрасывая это тело при смерти, неужели ты все еще будешь человеком? Ты думаешь, Т'Хагард все еще ффин?

Каждый из вас предстанет пред Господом в своем истинном облике, прикрыв наготу лишь накопленными в поднебесном мире сокровищами. Кто искал Мудрость — предстанет в строгих одеждах Мудрости, которые совмещают Скорбь и Радость; кто искал Красоту — предстанет в сиятельных тогах Красоты, которая совмещает Созидание и Разрушение; но кто искал богатство, или месть, или плотские утехы, или же иной самообман — тот предстанет пред Господом облаченным в изодранные лохмотья гниющих иллюзий: все, что этот человек копил, осталось под Небесами и к Трону Владыки он приходит нищим.

Величайшие земные богачи обращаются в просторах Тонкого Мира в убогих прокаженных, в то время как кузнецы и ремесленники, умевшие созидать Прекрасное, становятся источниками света, облачаясь в одежды из Светоносной Материи. Различны Пути бывших богачей и бывших бедняков: первые стремятся вернуться как можно ближе к земному миру, где оставили все ценное для них, а вторые устремляются к Сиятельным Небесам, где могут найти то, к чему устремлялись на земле. И Небеса открывают последним невиданные в земном мире возможности наслаждаться Светом, сплетая Светоносную Ткань Мироздания и наполняя Вселенную лучами Радости и Любви. А бывшие богачи, спускаясь в околосемные слои, никогда не обретут того богатства, которое осталось внизу... Эти несчастные могут приблизиться ко всему, что они любили, настолько близко, что смогут ясно видеть его и почти ощущать... но никогда не смогут насладиться этим. Так, умирающий от жажды странник устремляется к оазису и

припадает губами к воде... которая лишь выглядит водой, обращаясь вблизи песком.

Стоны и скрежет зубовный наполняют пространства вблизи плотного мира... и пространства эти называются людьми адом. Но Рай и ад на самом деле — это не определенные места, но внутреннее состояние, в котором пребывает человеческое сознание. Ведь страдания рождаются в сознании грешника не потому, что он попадает в околосемные слои; страдания возникают потому, что грешник не может опуститься еще ниже — в земной мир, чтобы удовлетворить свои вожеления. Поэтому знай, Суи, что многие люди страдают сейчас в аду, а многие ффины пребывают в высших Небесных сферах.

— А где Райси? — спросил Суи тихо. — Где Злата... Ауэн... Торби?..

Девочка молчала.

— Можешь не отвечать, — сказал Суи тихо. — Я сам знаю, что они в аду.

— Кто уходит, оглядываясь, тот не может взлететь, — посмотрела на него девочка. — Именно поэтому так было важно, чтобы умирающий ффин перестал бояться. Он хороший сотрудник, и со временем принесет много Света Пиллее... поэтому я должна была быть рядом с ним.

— А кто был рядом с Райси? — спросил Суи устало. — Или со Златой... или с тем же Т'Хагардом, или с Т'Лимом?.. Почему они должны были умирать в одиночестве?

— Потому что есть отрезки Пути, которые необходимо проходить в одиночестве...

— Тебе-то что, — усмехнулся Суи. — Если Господь постоянно пребывает в тебе... как можешь ты быть одинока?..

Личико Праи дернулось, словно слова Суи обожгли ее.

— Я не слышала от Него ни слова с тех пор, как Армии погибли. С этого момента все мы идем в одиночестве... потому что именно мы должны развязать тот узел кармы, который завязали когда-то. Господь подсказал нам, как... указал Путь, который привел...

— К Сражению? — перебил ее Суи.

— Сражение было необходимо. Весь мир жаждал Сражения... весь мир стремился к Сражению... Оно было неизбежно. Несмотря на то, сколько людей и ффинов осталось в той ложбине, и ты, и Т'Хагард, вы оба *постигли* в Сражении, а не погибли... Это ли не чудо?

— Но цена, Прая... — простонал Суи. — Не слишком ли велика цена этого знания?

— Велика?! — изумилась девочка. — Ты думаешь, что если бы погибло меньше твоих товарищей или, тем более, если бы Райси и Злата остались живы, — ты смог бы *постичь*? Ведь даже этих жертв оказалось недостаточно, и на следующий день ты одержимо повел солдат в новую атаку, стремясь лишь убивать и разрушать. Райси и Злата были уже мертвы, и сто тысяч человек покоились рядом с ними, а ты вел оставшихся в бой! Пойми, что жертвы, принесенные вашей неразумности, были самым меньшим из того, что могло произойти... Если хочешь, можешь видеть в этом случайность, но поверь мне, Суи, кровавый пот на челе Учителей — это не громкие слова. Не передать того напряжения, в котором трудятся Они ради спасения человечества... ради того, чтобы у вас был Девачан, место, где Вы могли бы познать Свет перед новым рождением в мир сумерек.

Теперь молчал Суи. Они устало шагали по плитам автобана, а солнце уже подходило к закату.

— Расскажи мне, кто такие ффины?.. — попросил Суи.

— Ффины... — задумчиво произнесла девочка. — Ффины — это те же люди, только переодетые в иные тела. Когда ТГК создавала ффинов, она задумала их как «усеченных людей» с ярким стремлением к разрушению. Но все в мире уравновешено, Суи, и где есть Тьма, там есть и Свет. Развитие принципов, заложенных в ффинов, привело к тому, что теперь люди выглядят как «усеченные ффины». Да, среди людей нет такого сатанизма, как среди ффинов, но ни один человеческий маг не поднимается в высоты, которые открывает для себя истинный ффинский Посвященный. Чем чернее тучи, тем сильнее молнии... Ффинские черно-книжники обучаются активному использованию стихийных, элементарных, сил, но через некоторое время большинство из них становится рабами элементаров. Это и есть те черные тучи, о которых я говорила... Но среди них мелькают молнии Истинно великих сознаний, которые подчиняют стихии и приходят к познанию единства принципов Духа и Материи... великих Холста и Угля, которые объединились в Созидании Мироздания.

Прая задумалась на секунду, а потом продолжила:

— Перед рождением все мы обозреваем будущее, в котором нам предстоит жить, принимаем из Рук Учителя испытания, которые нам предстоит пройти... и только сильные духом люди решаются родиться ффинами, чтобы во тьме помраченного рас-

судка, которым наградили их люди, суметь отыскать Проблески Света Истины...

— Т'Хагард... и остальные...

— Они рождались ффинами для того же, для чего ты родился человеком. Вы все несли Пиллее мир. Помрачение телесное туманило чистоту духа, входящего в плоть, но раз за разом вы приближались к своей мечте все ближе... И вот, день вчерашний стал днем сегодняшним.

— Почему же теперь *все* на моих плечах?.. — простонал Суи.

— Потому что эта ноша для тебя посильна, — ответила Прая.

Солнце садилось над огромным пустым автобаном класса А1, известным как Великий Шелковый Путь, а маленькая девочка и усталый, как мир, старик все так же шли, пытаясь поспеть за его лучами, манящими за горизонт.

Великий Шелковый Путь V

Неизвестно, какой именно день пути разгорался над горизонтом сверкающе-алой полосой заката, когда старик и маленькая девочка закончили свое изматывающее путешествие по громадной полосе каменных плит, проходящей почти через сорок миров Пиллеи.

Уже больше недели не встречали они караванов. Лишь жаркий ветер был их ежедневным попутчиком... Но ветер не приносил слов утешения, он лишь горько завывал, обдувая ноги колкой поземкой песка...

Караваны давно уже не добирались в эти забытые миры, выжженные когда-то огненными языками Первого Великого Похода. Миры находились теперь в стороне от цивилизованной Пиллеи, и лишь отшельники да изгой селились здесь.

Беспрерывные войны не способствовали заселению новых территорий, а растущая смертность среди людей и ффинов с начала Второго Похода опустошала даже густонаселенные земли. В людских мирах почти не осталось мужчин: во Второй Поход ушло гораздо меньше тех, кто потом отправился мстить за погибших... А бесконечные атаки на Грифф неотвратимо уменьшали ффинское население...

В последнем встреченном караване говорили, что Колыбели давно не справляются с восполнением потерь и что ффинское население теперь уменьшается много быстрее человеческого; говорили, что восемь тысяч сражающихся людей во внутренних

жилищах Гриффа неуязвимы, а ффинские легионы давно уже перешли с шеститысячной меры на меру в восемьсот солдат. Говорили, что в этих легионах совсем не осталось ветеранов и что Армия, некогда наводившая ужас на людей, напоминает теперь толпу перепуганных юнцов, беспомощно сгорающих в сиянии первого же ядерного удара, даже не пытаюсь спастись. Говорили, что ффинам все сложнее объявлять новые призывы и фермеры со злобой смотрят на военных; что еще немного — и Пиллея увидит невозможное: гражданскую войну среди ффинов. И хотя на пороге гражданской войны находились ффины, именно люди говорили об этом с грустью и непониманием. Ффины перестали быть для них врагами и укоренились в сознании как надежные деловые партнеры. В караванах говорили, что в пограничных мирах люди и ффины уже сейчас вместе трудятся в плавильнях. И торговцы с радостью пошли на сотрудничество со своими бывшими противниками... назревающая гражданская война была для торговцев лишь новыми ффинскими налогами...

Слушая эти рассказы, Суи вспоминал Т'Хагарда и его предложение о мире... В тот жаркий пустынный день Суи казалось, что мир недосыгаем, однако прошло совсем немного времени — и сказанное Т'Хагардом начало осуществляться.

«И действительно, зачем ффинам уничтожать людей? Разве Пиллеи не хватит на всех?»

— Простые люди и простые ффины сумеют найти общий язык, — сказала как-то Прая в ответ его мыслям. — И ффины даже свергнут сатанинское правительство, которое отдаст приказ об уничтожении людей... Но в планах Сатаны нет завоевания Пиллеи для ффинов, а единение двух народов произойдет слишком поздно, для того чтобы что-то изменить.

Долгие тысячелетия борьбы стусили огромные грозовые тучи в тех слоях мироздания, которые соприкасаются с миром земным. Никогда с самого сотворения мира не были эти слои настолько пропитаны злобой и ненавистью. Многие духи, уходящие с Пиллеи, направляются теперь не в высокие слои Тонкого Мира, но остаются в околосемных слоях, обуянные страстным желанием убивать и уничтожать. Изначально, при разделении человечества на людей и ффинов, они были неплохими духами, но теперь, изломанные тысячелетиями ненависти, они стоят на пороге обращения в демонов... а некоторые из них уже шагнули в пропасть Погибели, откуда возврата нет. В таких несчастных осталась только ярость...

Они опускаются так близко к земле, что могут питаться силами живых людей... Маги называют их одержателями или *дуг-па*. Словно вороны, собираются они над рядами армий, которые готовятся к сражению. А когда сражение начинается, стаи одержателей устремляются вниз, впиваются иссушенными губами в души людей, чтобы напиться их ненавистью и злобой. Они входят в человеческие тела, словно тыходишь в свои одежды, а когда одежда надета, она повторяет каждое твое движение.

Демоны лишены своего Духа, который отрывается от сознания, падающего в Пропасть, и возносится к Небесам... зато они обладают силой свободно перемещаться в низших слоях Тонкого Мира, которые называют адом или Кама-Локой. Они умеют читать в слабых человеческих душах, умеют предвидеть недалекое будущее, создавать простые предметы якобы из воздуха, умеют лечить ранения.

Так как *дуг-па* лишены соприкосновения со Святым Духом — единственным Источником Света и Энергии в этом мире, — их тонкие тела находятся в состоянии непрерывного разложения и нуждаются в том, чтобы их подкармливали человеческой энергией.

Пребывая в Кама-Локе и периодически питаюсь выбросами человеческой ненависти, *дуг-па* может существовать очень долгое время, поэтому может набрать огромную силу. Самые сильные из них умеют стучать первоматерию в подобия тел и сходиться в плотный мир... ты видел таких демонов во время Сражения. Конечно, *дуг-па* такого уровня немного, а после Сражения их остались единицы...

Сатана же всегда хотел привести жителей Кама-Локи в плотный мир. Если ему это удастся, Пиллея, какой мы ее знаем, погибнет... потому что ничто не сможет противостоять необузданной ярости демонических орд. Сатана будет разрушать и жечь... Он сделает все, чтобы Господь спустился с Небес вместе с Ангелами.

Мощь Сияния воинства Господнего настолько велика, что мало кто сможет пережить встречу с Ним. Вспомни, как слепили Ангельские крылья во время Сражения, вспомни, как полыхали жаром Их огненные мечи... Много больше Ангелов хотело сойти с Небес в тот день, но Они все же остались Наверху, потому что иначе вся ложбина вспыхнула бы Первородным Пламенем.

Если в земном мире произойдет столкновение Ангельских легионов и демонических орд, жизнь на Пиллее будет уничтоже-

на... Многие миры будут разрушены или отброшены в развитии назад на тысячи Эонов... Пепел и лава покроют все.

— Но скажи, Прая, зачем Сатана стремится разрушить Пиллею? Ведь в таком случае не останется больше человечества... Откуда тогда он и его демоны будут брать ярость и злобу, чтобы кормиться?

Девочка усмехнулась:

— Сейчас положение Сатаны намного серьезнее, чем ты думаешь. Все эти десятки тысячелетий, которые прошли после обращения светоносного Люцифера в Князя Тьмы, Великие Учителя трудились не покладая рук, чтобы восстановить нарушенное его падением равновесие. Господь неоднократно сходил с Сатаной в смертельных поединках и в каждом из них уничтожал часть Сатанинского могущества. Предстоит еще несколько таких сражений, после чего Князь Тьмы будет повержен.

— Но я думал, что сейчас Сатана силен, как никогда раньше...

— Чем темнее клубятся тучи, тем ярче сверкает молния. Все в мире построено на равновесии, и где сгущается Тьма, там одновременно зарождается и Свет. Чем более плотно населяется Кама-Лока слабыми духом людьми, тем самоотверженнее сражаются сильные духом, помогая Учителям сдерживать натиск разрушения. Когда Князь будет повержен, многие из падших духов, которые еще не успели обратиться в демонов, воскреснут к Свету. Сатана предчувствует свое поражение и стремится всеми силами избежать последней схватки. Лучший способ для этого — разрушить Пиллею, тогда среди обломков он сможет безбедно существовать еще некоторое время: Братство Учителей будет слишком занято созданием условий для новой жизни.

Они замолчали.

— Что тогда делаем мы? — спросил наконец Суи.

— Мы помогаем спасти Пиллею, — ответила девочка. — Сатана ведь не может открыть своим демонам доступ в земной мир... а самостоятельно сюда могут войти только единицы. Долгие тысячелетия искал Князь способ соединить миры и в конце концов нашел этот способ в Эскалибуре. Меч, созданный в Высших Мирах из первородных стихий и Высшей магии, — вот был ответ. Остатки мощи Люцифера совместно с магией Эскалибура сумеют обеспечить доступ демонам к физическому миру... Приведя Армии к сражению с помощью магии и своего покорного слуги Танэола, Сатана использовал письма Кармы Избранных,

чтобы наполнить их души ненавистью... Перейдя в таком состоянии в Тонкий Мир, они все оказались в его лапах... они и их Мечи. Но этого все еще недостаточно... Теперь ему нужен ты и твой двуручник, самый мощный из Семи. Шесть частей объединятся вновь, и тропа соединит Кама-Локу и земной мир. Конечно, тропа эта так и не станет широкой дорогой, как было бы, завладей Сатана и Седьмым Мечом, однако демоны все же смогут протиснуться по ней. Так сложилось, что теперь судьба Пиллеи в твоих руках.

— Но в чем моя миссия?..

— Ты должен не допустить ненависть, обиду, страх. Ты должен познать *мир*. Ты должен стать неуязвимым для Сатаны... Ты должен вернуть надежду Пиллее.

— Но ведь я смертен... Я умру — и придет другой хранитель Меча...

— Меч твой — часть тебя, Суи. Когда смерть откроет для тебя Тонкий Мир, Дух Меча последует за тобой, а на Пиллее останется лишь кусок металла. Вы уходите вместе и возвращаетесь вместе, и только вместе Сатана может заполучить вас.

Они долго молчали, сидя возле портала, и незаданный вопрос повис между ними... А небо над головами было уже звездным.

Позже они вошли в портал, который уводил их с Великого Шелкового Пути, и Суи с облегчением вздохнул. Тихо-тихо вздохнула рядом с ним Прая. Они шли по зеленой траве следующего мира, где не было уже пустыни и иссушающего солнца, но облака над ними снова были алого цвета в лучах очередного заката.

И все так же в воздухе висел ее вопрос... Прая посмотрела на Суи. На него все равно ведь придется ответить, потому что это не только ее вопрос...

Готов ли он завершить то, что было начато им в лабораториях ТГК?

Ответа Суи не знал.

Гриффов вектор

Двое медленно пробирались через дымные и избитые войной миры. Они были измучены, но вместе с тем казались спокойными и умиротворенными. Они, путешествующие из мира в мир так долго, были совсем не злы ни на людей, ни на ффинов, ни на саму войну. Казалось, они перешагнули уже тот рубеж, за которым не оставалось места для злости, обиды или ненависти...

Их принимали за блаженных, чей разум был помрачен безусловным горем, за тех, кто перенес столько страданий, что новое страдание уже не вмещалось в их сознаниях. Их с легкостью в сердце пускали переночевать, и совесть не позволяла уложить их спать где-нибудь в сарае: их укладывали в комнатах — впрочем, после Второго Похода комнаты пустовали почти в каждом доме. С ними охотно разговаривали, хотя старик был молчалив, а девочка — грустна... Люди видели это, но все же чувствовали какую-то неосознанную необходимость поговорить с ними или просто побыть рядом.

Люди рассказывали о своих бедах: о том, что мало осталось скота после войны, что цены на корма растут, а на зерно — падают, что если так пойдет и дальше, то выгоднее будет кормить волов первосортной пшеницей, чем продавать ее забредающим сюда торговцам... И когда люди говорили, что-то отлегалось у них на душе: они чувствовали, что их слышат и понимают, как никогда раньше...

А потом наступала ночь, люди мирно засыпали, и ласковые сны снились им... такие, каких они не видели уже давно. А наутро, после скудного, но радушного завтрака, старик и девочка уходили. Многие просили их остаться хотя бы еще на денек, но старик был молчалив, а девочка грустна, и все понимали, что им надо идти... и что не их ума это дело, кто эти двое, и как сумели они принести с собой давно позабытое спокойствие, и почему так цемило сердце, когда они уходили.

А двое все так же шли... из мира в мир, из измерения в измерение, из жизни одних людей в жизнь людей других. Они молча шли к тому, что уже так давно ждало их впереди...

Гриффов вектор был изувечен до неузнаваемости последней войной: здесь наступление ффинской армии встретило наиболее сильное сопротивление войск Книгаря. Произошедшее здесь напминало движение подбитого «Мамонта», траки легированных гусениц которого перемешивают в одну массу и землю, и плазменные ежи, и бетонные укрепления.

Бесперывные атаки; тактическое отступление; контрнаступление; вновь отступление; маневры в попытках избежать ядерного удара... удар... безумное сияние, сжигающее горизонт... отступление; перегруппировка уцелевших частей; подтягивание резервов; остановка; бой за каждый кусочек земли; новое наступление; опять война — словно гусеницы «Мамонта», перемалывающие в щебень гранитные валуны.

Суи читал это все по карте обезображенной земли.

Они не раз видели эти миры раньше, но сейчас с трудом узнавали их. Поля были исполосованы окопами и рвами; утыканы давно погасшими плазменными ежами; вспаханы артиллерийским огнем и исхлестаны угольно-черными полосами ионных ударов с орбиты... Обожженные березовые рощи в болотистых местностях были изрублены на самодельные слани для прохода танков... Оплавленные воронки мегатонных ударов разливались коркой оплавленной земли от горизонта до горизонта... Повсюду виднелись обломки техники, изувеченные попаданиями «Пингвинов»... А в одном мире они увидели ффинский «Мамонт» без воздушной подушки, который заманили в болото и добили ионными спутниками...

Миры встречали их сторевшими поселками и разрушенными крепостями.

Боль и отчаяние умирающих, безысходная усталость живых и унылое ожидание чуда пропитывали атмосферу Гриффового вектора.

А потом на пути им встретился замок, где сошедшее с ума людское ополчение попыталось устроить форпост на окраине Торгового Шляха. Перед ними предстал замок со взорванными воротами; с крепостными стенами, изувеченными артиллерийским огнем; с безголовыми трупами, свисающими из башенных бойниц; с людьми, согнанными в ратушу и сожженными там заживо; с семьей бургомистра, четвертованной, и самим бургомистром, привязанным к столбу и умершим от жажды многие дни спустя. Они побывали в замке, который даже не могли вообразить себе торговцы, так рьяно защищавшие ффинские интересы.

Выйдя из него, Суи бессильно опустился на землю у крепостной стены и так же бессильно заплакал. Безголовые трупы, свисающие из крепостных бойниц... Суи ведь помнил их живыми... Гиннад и последние из особистов погибли именно здесь...

Рядом села посеревшая Прая и едва прошептала:

— Убивая беззащитных, ффины убивали себя. Умершие рождаются заново, но изгнанный Дух не вернется.

Суи все так же плакал, а Прая продолжала дрожащим голосом:

— Как будут они скорбеть о том, что совершили... Не окажись среди них, брат мой Суи... найди в себе силы противиться.

Суи медленно поднял голову.

— Иногда, Прая, мне уже все равно, что будет... — прошептал он. — Лишь бы только *все это* закончилось...

Прая с болью во взгляде стиснула его ладонь:

— Ты говоришь, как безумный самоубийца, который стремится убежать от жизни, потому что она причиняет слишком много боли. Но как можно убежать от жизни, когда жизнь есть Все? Как можно убежать от Кармы, если Карма бежит по Жизни миллиардами нитей, создавая прекрасный узор и сплетая все едино?... И каждое живое тело является частью этого узора. Словно кровь, наполняет она тебя. Можешь ли ты убежать от своей крови?

Когда самоубийца выпивает яд, он всего лишь выдергивает нить из узора и потом в долгих мучениях вынужден вплетать эту нить заново. Стараясь уйти от горького труда, на который указала ему жизнь, он находит только новый труд — в еще большем количестве... и еще горше. Нет покоя в этом мире, Суи... но есть Успокоение Радости, когда ты перестаешь убегать от сложной ранее Кармы и принимаешь свою Чашу, стремясь искупить прошлое во имя сотворения будущего.

— Тебе больно, Суи, — она погладила его по руке, — но эта боль не пришла извне... Ты принес ее с собой. Не сотни трупов кричат об отмщении из-за крепостных стен, но твоя собственная жажда мести. Люди уже умерли, и они уже на небесах, и вряд ли с тех высот им хочется, чтобы за них мстили... Этого хочется тебе... Снова и снова в твоей душе разгорается тот черный огонь, который толкнул тебя в атаку утром после Сражения...

Прозри же, брат! Умершие здесь родятся заново только в том случае, если мы сохраним для них Пиллеу.

Да, в этом замке погибли сотни, но поддайся ненависти — и погибнут миллиарды.

Ты видишь в ффинах мерзавцев, которые убивали невинных... а я вижу несчастных глупцов, которые отреклись от Духа Святого и обрекли себя на прозябание в качестве дуг-па в Кама-Локе. Сколько страданий им предстоит, пока не растворятся во мгле остатки их сознаний... растворятся лишь для того, чтобы все начать заново.

Облачко межзвездного газа соединяется с другим облачком... Миллиарды миллиардов лет нужны, чтобы образовалась покрытая лавой планета; еще миллиарды — чтобы она остыла достаточно для появления океанов и первых мхов на камнях; еще

миллиарды — чтобы мхи стали рыбами, птицами, животными и, наконец, человеком.

Так ради чего же эти финские солдаты отреклись от того огромного пути, который проделало их сознание? Каждому из них казалось, что причины были вескими: погибший в атомном аду брат; покалеченный лучом лазера друг; взорванный ударом с орбиты город. Достаточно ли этого, чтобы отречься от *самих себя*?

Суи долго молчал.

— Хотел бы я иметь твою мудрость, — сказал он наконец. — Наверное, с ней живется легче.

— У каждого своя боль, Суи. Ты страдаешь, потому что не можешь увидеть Свет мира и бродишь во тьме... Я страдаю, когда вижу тебя и других людей в подобном состоянии. Каждое Знание должно быть омыто кровью страданий, иначе слова так и останутся словами. Многих я повела по этому Пути, когда Галактика стала Пиллеей... — Прая закрыла глаза, прислонившись спиной к крепостной стене, нагретой солнцем. — Сколько их, которые не выдержали и упали... Как мало осталось вас... как мало... И теперь я рядом с тобой, Суи... Мне хочется обнять тебя, погладить по волосам, как когда-то... в тех жизнях, где ты рождался моим ребенком... Мне хочется утешить тебя, рассказать, как же это просто — верить Ему и идти к Нему... но если я расскажу, то ввергну тебя в пропасть, потому что нет иного Знания, кроме того, которое рождается в твоих собственных страданиях.

— У тебя... было много учеников? — спросил Суи.

— Сначала всегда много учеников, мой мальчик. Когда вдохновение окрыляет, человеческое сознание возносится высоко к Небесам... а оттуда все дороги выглядят широкими и ровными. Но когда ноги сбиваются в кровь от тысяч километров нехожего пути, слабость человеческая пускает ростки недовольства. Недовольство копится — сначала тайно, потом все более и более прорываясь наружу, — пока человек не срывается отречением. Бедные и несчастные дети... Элементальные силы, притянутые ростом духа до падения, уже не оставят их в покое, но будут бить и бить, пока человек не канет во тьму или же пока не очнется и не встанет на Путь снова. Только я с другими учениками буду уже далеко впереди.

— Сколько нас выходило в Путь?

— Сотни.

— А сколько осталось?

— Шесть.

Суи молчал... лишь сердце птицей билось у него в груди.

— Но с тремя ффинами был Керст... Разве он — часть тебя?..

— Нет, — усмехнулась девочка. — Керст настоящий слуга Сатаны, один из дуг-па. Т'Хагард, Т'Хаи и Т'Лим были настолько сильны, что преодолеть чары Керста для них не составило труда, а Господь направил кармические потоки так, чтобы им не пришлось совершить чего-нибудь по-настоящему глупого... принести Единорога в жертву, например...

Суи закрыл глаза и тоже откинулся на нагретые камни.

— Райси... Злата... Т'Хаи, Т'Лим, Т'Хагард... они же все в аду...

— Ад лишь этап. Главное, что они не отреклись, а помрачения бывают у каждого. Ты сам бросался в бой, и дважды мог быть убит, и был бы сейчас тоже в аду... Но Господь принял на Себя часть твоей ноши, чтобы ты имел шанс свершить то, к чему стремился так долго. Он всегда помогает обрести Знание, до которого может дотянуться человеческое сознание.

— Он проводит нас через такие мучения, готовя к встрече с Собой?.. — тихо прошептал Суи. — Каким же именем назвать Его, когда мы встретимся?

Прая рассмеялась сквозь слезы и прильнула к Суи, крепко обняв его:

— Поверь, что когда вы встретитесь, имена уже не будут иметь значения.

Гриффов вектор II

В один из бесконечных дней путники вступили в пустынные миры, окружавшие Грифф, подобно умирающему телу, которое скрывает иссохшую душу. Поселения людей попадались все реже, и однажды они поняли, что больше передышек не будет до самого Гриффа.

Им было очень тяжело...

Суи мучался со своим износившимся телом: нещадно болели почки, иногда надрывный кашель не позволял ему уснуть до полуночи, и звезды качались в небесах в такт его хрипящего дыхания. Прая с трудом несла ту малую часть ноши, которую взяла на себя в далеком мире В'юнн: ее постоянно тошнило, она почти ничего не ела, тело с трудом принимало даже воду.

Суи не раз порывался спросить, для чего нужны такие невероятные мучения, но знал, что девочка не ответит. Он помнил

ее слова о том, что Карма всегда погибает, подобно древесной стружке, не раз приводя человека к одной и той же ситуации на разных этапах жизни — до тех пор, пока созданные ранее долги не будут уплачены. Он чувствовал на своем примере, как страдания очищают память Духа и проясняют рассудок. И теперь Суи знал, что этот участок пути возник перед ними неспроста и все мучения необходимы для того, что ожидает их в будущем... Просто он никак не мог увязать человеческий образ Благого Господа со способностью причинять такую боль.

— Прая... — позвал ее как-то Суи. — Скажи, что такое Благость Господа нашего?

Девочка устало усмехнулась:

— Скажи сам, как ты думаешь...

Суи долго шел молча, собираясь с мыслями.

— Может, это Его способность наполнять мир добром?..

— Тогда скажи, что есть добро?

Суи опять долго молчал. Ему было плохо, но телесные страдания меркли перед страданиями духовными, которые терзали его неспособностью понять ответ.

— Наверное, добро — это то, что лучше всего для мира.

— А если в данный момент для мира лучше всего страдания... Как назовешь ты Господа, который позволит колесу Кармы излить страдания в мир?

— Почему миру надо так много страданий, Прая? Почему все наши приобретения должны быть закалены в огненном пламени страданий?

Девочка вздохнула и ласково посмотрела на Суи:

— Милый мой ученик... скажи, что такое страдания?

— Страдания — это когда человек испытывает боль... или когда у него забирают что-то очень для него дорогое... или когда он несет людям свет, а люди не понимают его и плюют ему вслед.

— То есть, страдания — это когда человеку больно... да?

— Наверное, так...

— Вспомни, Суи, как в далеком прошлом ты мог часами тренироваться с лопатой, представляя себе, что это меч... Разве тогда неокрепшие сухожилия не полыхали кипящей медью внутри твоих рук? Но если жизнь приносила тебе страдания... почему ты был так окрылен радостью?

— Но у меня была *цель*, Прая, это совсем другое... Я мечтал научиться сражаться, а боль легко переносится на пути к мечте!..

— А теперь представь, что ты забыл о своей мечте, Суи... что обронил ее однажды в пыль обыденности и все, что у тебя осталось, — это ежедневные тренировки с лопатой. Что бы ты чувствовал, ощущая, как раз за разом боль разливается по рукам, в то время как ты едва стоишь на ногах после работы на поле?

Суи долго смотрел в песок у своих ног.

— Безысходность... — сказал он наконец. — Бесмысленность всего... Страдания...

— Большинство людей не знает другого. В дороге, под проливным дождем и колким снегом, с одним сухарем в котомке человек может быть счастлив, если он держит путь к Месту, о котором так долго мечтал.

— Но почему мы забываем, Прая? Ведь То Место прекраснее всего, что только может быть... почему же мы забываем о Нем?..

— Есть одна притча, Суи... может, ты помнишь ее... Она рассказывает про одного бедного ремесленника и принцессу, которые были влюблены друг в друга. Понимая, что ему никогда не получить благословения ее родителей, ремесленник уехал в чужую страну, чтобы сыскать себе богатство и славу. Вслед ему принцесса отпустила белую голубку, наказав, чтоб та берегла ее возлюбленного от страданий и смерти. В чужой заморской стране ремесленник нанялся в оруженосцы к рыцарям и ходил с ними в крестовые походы. Он сражался бесстрашнее всех, потому что в каждом бою образ Любимой наполнял его львиной храбростью. Скоро его посвятили в рыцари и возвели в ранг капитана, и не было более благородного капитана в той армии, потому что образ Любимой даровал его сердцу величайшее Милосердие к побежденным врагам. Проходили годы, его слава становилась все более заметной, распускалась, словно цветы по весне. И однажды принцесса местного королевства решила покорить пламенное сердце рыцаря. Долго ли, коротко ли было сражение, но в конце его рыцарь капитулировал и стал блистательной принцессе мужем. А много-много лет спустя, когда он умирал от старости, белая голубка опустилась к изголовью его кровати... и старый король вдруг горько заплакал, словно от невыносимой боли. А когда он умер, голубка улетела в далекий заморский монастырь, где его бывшая невеста уже многие десятилетия служила Господу.

Прая некоторое время молчала, а потом улыбнулась печально:

— Почему этот рыцарь забыл о своей принцессе? Почему вместо того, чтобы пройти сквозь испытания и вернуться Домой,

он затерялся в испытаниях, найдя в них *наслаждение*... много более грубое, чем то, к которому стремилось его сердце, но зато доступное *здесь и сейчас*. Человек привыкает ко всем обстоятельствам, брат мой Суи... но если обстоятельства становятся ему домом, Истинный Дом обращается лишь воскресным подаванием в церкви.

— И тогда Господь разрушает иллюзию, которая поработила человека?..

— Не совсем так... Он позволяет карме, которую сложил человек, *вернуться* к нему разрушением. Господу незачем карать людей: он Пастырь, а не Палач. Каждому, кто утратил Путь в земных утехах, Господь дарует шанс обрести Путь вновь и для этого разрешает карме отнять у человека то, что пленило его. Представь, как больно Ему слышать крики и проклятия *за те страдания*, которые человеку приносит его собственное отречение от Мечты.

Суи ничего не ответил Прае...

Двое брели через пустыню, и их силуэты медленно растворялись в пламенеющем сиянии заката.

Гриффов вектор III

Они попрощались у тайной границы миров, за которой начиналось Гриффово измерение.

Они долго стояли рядом, не решаясь ни идти каждый своим дальнейшим путем, ни просто заговорить.

Они и так знали, что могли бы сказать друг другу.

Суи мог бы спросить, действительно ли ей нужно уходить, и Прая сказала бы, что да... Суи спросил бы, увидятся ли они снова, и Прая, улыбнувшись, наверняка взяла бы его за руку и ответила, что обязательно... Он подумал бы и сказал, что к тому времени сущность Господа станет более ясной для него, а Прая рассмеялась бы и ответила, что, конечно, ибо будет каждому по вере его... Суи обнял бы ее, и так они сидели бы вместе, пока хоть один лучик света виднелся над горизонтом. А потом Суи указал бы на какую-нибудь летучую живность, промелькнувшую в воздухе над ними, а Прая сказала бы, что так было всегда и когда для одних существ наступает ночь, для других приходит день. Она сказала бы, что никогда в этом не было ничего плохого, подумала бы и добавила, что, по крайней мере, до недавнего времени. Суи грустно улыбнулся бы и, наверное, прилег на все еще теплый песок. Глядя на звездное небо, попросил бы Праю рассказать ему

о звездах, и она, с улыбкой устроившись возле него, долго рассказывала бы ему про туманности и сверхновые, про астероидные пояса и ледяные кольца вокруг гигантских планет. А потом, ласково улыбнувшись, уснула бы тихим и спокойным сном около давно уже спящего старика.

Но все произошло не так.

Они долго молчали, а потом Суи крепко обнял ее.

— Обещаешь, что будешь беречь себя? — тихо спросил он.

Прая кивнула, уткнувшись лицом в его иссушенную грудь.

— Обещаешь, что даже если не останется никого из шести, ты найдешь новых учеников для своей Мудрости?

Девочка снова отрывисто кивнула, из последних сил борясь со слезами.

— Как знать, — снова заговорил Суи, — может, кто-то из тех, кто утратил путь, снова вернется к тебе... пути Кармы неисповедимы, но всегда Мудры.

Так они и расстались у никому неизвестной границы миров, которая вела из промежуточного измерения в мир города Гриффа, а ветер еще долго гудел на гребнях раскаленных барханов, взмывая с них в быстро темнеющее небо.

Спасители

Гриффов мир был ужасен. Никогда еще в своей жизни Суи не видел места, более похожего на ад.

В этом изнуряющем пути его сознание и раньше проваливалось в околосемные пространства, где искаженные яростью тени тянулись к нему со всех сторон; но с тех пор как они расстались с Праей, натиск дуг-па из Кама-Локи усилился многократно. Десятки голосов врываются в его сознание, на разные лады убеждая остановиться, не идти дальше, не искать пути... Голоса кричали, угрожали, молили, прятались за его собственные мысли... они вползали змеями и врываются тиграми... Как тяжело было сохранить себя в этой какофонии!

Пустыня, по которой он шел уже много дней, была разбита оплавленными кратерами ядерных ударов. Радиоактивное излучение было очень высоким; постоянный металлический привкус во рту говорил, что скоро его физическое тело откажет.

До Гриффа была не одна неделя пути, а голоса в его голове кричали, что он умрет завтра... они убеждали остановиться и провести последние часы в молитве, а не в бессмысленном издевательстве над собой. Но Суи шел вперед, опираясь на клюку,

увязая в песке и кашляя от раскаленного ветра. Он понимал, что очевидность говорит о близкой смерти, но молиться Господу он мог и на ходу. И Суи молился.

К вечеру этого дня он ослабел настолько, что мог двигаться лишь ползком. Сплошной гул наполнял его голову, прерываясь разве что резкими позывами сухой рвоты да свистом в ушах... Но он полз... он все еще полз, из последних сил моля Господа укрепить его...

Он не заметил, как пересек линию магической сигнализации, а когда гул в его голове изменил тональность, он не придал этому значения...

Ветер резкими порывами обдал его, словно ворвался из Кама-Локи, а ффины, выпрыгивающие из вездехода на воздушной подушке, казались затерявшимися в аду демонами.

— Да ты посмотри на него! — один ффин провел вдоль Суиного тела резко и очень прерывисто щелкающим счетчиком Гейгера. — Как он только не светится?..

— Этот идиот, должно быть, прополз сквозь второй квадрат.

— ДА НУ... сдох бы уже.

— Думаешь, это он?..

— Не знаю... надо вызывать магов, пусть обеззаразят его, а то и прикоснуться невозможно.

Пробуждение Суи было резким, словно удар в челюсть. Над ним склонился чернокнижник...

— Не умер... — растягивая слова, произнес он. — Молодец, что не умер... хотя сам ты вряд ли будешь этому рад.

Двое пехотинцев подхватили Суи под руки, а третий резко и очень сильно ударил его в живот. Воздух вперемешку со слюной вылетел изо рта; колени подогнулись к животу; желудок, казалось, лопнул и залил кислотой все внутри; сердце екнуло пару раз и остановилось. Тонкий Мир выглянул из теней в углах комнаты сотнями оскаленных пастей... но Суи не боялся теней... он не боялся призраков, потому что там, Высоко, было Солнце, и его лучи прорывались сквозь мглу, и к Этому Свету был путь, и этот путь был словно прекрасная витая лестница. Он начал медленно воспарять над миром, но... сердце снова екнуло... снова... и застучало опять.

— А ну, чуть сильнее, — сказал вновь возникший из мглы чернокнижник.

Пехотинец отступил назад и, разогнав силу удара, вонзил свой кулак все в то же место. Суи зашипел, выдавливая из легких

остатки воздуха; его вырвало кровью вперемешку с желчью; и мучительный стон разнесся по помещению. После третьего удара Суи понял, что именно чернокнижник держит его в этом мире, не позволяя умереть. Это был опытный колдун, но его мысли были для Суи открытой книгой: чернокнижник хотел, чтобы Суи возненавидел, чтобы он ударил в ответ.

Кровь струйкой текла изо рта Суи... алая кровь... такая же, как и у Т'Хагарда. Сколько раз Суи видел кровь ффинов... но именно кровь Т'Хагарда поразила его. «Господи, — пронеслось в голове у Суи, — как же мы слепы... Наши братья сходят в ффинские тела, чтобы помочь миру, а мы возносим над ними меч ненависти... О ненавистное помрачение! Почему плотный мир так жесток?..» Суи горько заплакал. Ффин с размаха ударил его по лицу, но лишь волна печали поднялась в Суи в ответ.

Чернокнижник отрывисто приказал пехотинцам перетащить его в камеру пыток.

Его пытали долгие пять дней. Суи даже не представлял, что может существовать такая боль... Ему отрубали конечности и приращивали их заново; раз за разом выжигали глаза, но лишь для того, чтобы снова наполнить их через минуту; несколько раз полностью сдирали кожу, — а Суи все так же горько плакал над утерянным миром Пиллеи.

Когда боль становилась невыносимой, он кричал, что ффины — его братья, что он прощает своих мучителей; кричал, что все они просто заблудились в ненависти; кричал, что все они найдут своего Господа.

Некоторые палачи не выдерживали и выбегали прочь из пыточной, они метались по ффинскому лагерю и молили Небо простить их за содеянное. Их, конечно, убивали, но скоро весь лагерь уже говорил, что Суи — истинный брат Т'Хагарда, с которым они сошли с Небес, чтобы принести мир Пиллее. Вера во Всевышнего Вседержителя впервые за все времена перестала быть тайной религией, и хотя сатанисты ежедневно убивали десятки своих братьев-ффинов, те умирали радостно, говоря, что были слепы, но теперь прозрели.

Когда на шестой день пыток Суи тащили в темную палатку, каждый ффин провожал его взглядом: кто — полным ненависти, кто — полным любви.

Хотя снаружи стояла жара, в палатке было холодно. Пехотинцы положили Суи в обитое бархатом кресло и спешно удалились. Суи не знал, зачем его сюда притащили, но был рад возможности

немного передохнуть... Он бессильно откинулся на спинку кресла и сразу потерял сознание.

— Эй... — грубый мужской голос разбудил его. — Эй, солдат, подъем!

Суи со стоном приоткрыл один глаз, потом второй.

Кресло напротив, пустовавшее, когда его занесли в палатку, теперь было занято. Высокий мужчина с пепельно-серым лицом сидел в нем. Суи вдруг понял, кто это... Ему показалось, что клубы непроницаемой тьмы исходят от плечий этого человека, раскидываясь в стороны изъеденными крыльями. Суи показалось, что еще секунда — и он громко закричит, словно маленький ребенок, впервые столкнувшийся с самым страшным из своих кошмаров. Но секунда прошла, а он все так же сидел в кресле и все так же смотрел на *него*.

— Странно, — произнес Князь Тьмы. — Даже сатанисты, участвовавшие не в одной черной мессе, пугаются, увидев меня впервые.

Суи с усталым вздохом прикрыл глаза.

— М-м... Суи, ты хочешь перевести нашу беседу в монолог?.. Я ведь не обладаю Праинными навыками общения со спящими.

Суи со стоном открыл глаза: даже полумрак этой палатки ранил их острой болью.

— Что ты хочешь? — хрипло спросил он, и глаза его снова закрылись.

— Я?.. — Сатана рассмеялся. — Я думал, ты готов для нашего разговора, но вижу, что тебя нужно вернуть в камеру еще на несколько дней. Ты думаешь, у меня дел больше нет, как тут с тобой язык чесать?.. Мне нужна твоя ненависть, Суи, потому что тогда я смогу завладеть твоим Мечом. Мне нужна *вся* твоя ненависть, чтобы заполнить эту безмозглую землю Легионами Адских Демонов. Мне нужна она, Суи... и я намерен получить ее. Ты можешь в любой момент вернуться в камеру, и я буду держать тебя там, сколько понадобится. И не сможешь ты сопротивляться вечно, потому что человек всегда предаёт идеалы, которые причиняют ему боль, — какими бы святыми они ни казались ему когда-то. Ты надеешься противостоять *мне*? Думаешь, ты прошел через все испытания? Да ты не представляешь даже, каким испытаниям я могу тебя подвергнуть! Ты полюбил ффинов? Хорошо! Мои слуги прекратят мучить тебя и начнут пытать их!!! Рано или поздно ты сломаешься, Суи, потому что я говорю так... Не трать нашего общего времени, сдайся мне сейчас — и твои мучения закончат-

ся. Ты не хочешь ненавидеть никого из этого мира — не надо! Но возненавидь меня! Тебе же этого так хочется! Суи... Суи?!!!!!

Тихое посапывание было ему ответом.

Прошла еще неделя пыток, и Суи снова доставили в палатку.

За эту неделю расстреляли всех, кто был в лагере, когда туда привели Суи... Лагерь заполнили самыми рьяными сатанистами. Но даже самые жестокие, не ведающие раскаяния палачи, не выдерживали в камере пыток больше двух дней, и к концу недели снова все говорили про Мессию, пришедшего объединить *Человечество*. Многие тайком пробирались к камере Суи ночью, чтобы послушать его рассказы про Святую Праю или про то, какими доблестными воинами были все Избранные, невзирая на различие между их расами.

Когда Суи опять принесли в палатку, он почти не мог разговаривать, потому что язык практически не двигался из-за постоянных приращиваний.

— Ну что, еще на неделю в камеру? — с наигранной легкостью спросил его Сатана.

— Как ты б-банален, — спокойно ответил Суи, с печалью глядя на падшего ангела. — Ран-н-нь... гм... раньше я думал о тебе невесть что... б-боялся... Думал, встречи с тобой не перенесу. Как глуп я был. Я м-м-многое вспомнил за это время... вспомнил, кто был моим помощником и вдохновителем в лабораториях Т... ТГК. Я хотел получить Власть, и ты п-п-пришел, чтоб о-о-одарить меня п-п-порабощением. Ты берешь самое худшее в людях и обращаешь против с-с-самих людей, обретая власть над ними. Но это единственное, что ты умеешь, — по-о-о-работать людей через их слабости... В остальном же ты никто. Ты стремился уничтожить м-м-меня, но лишь дал мне новую силу. Ты стремился показать, как с-с-слаб я, с-с-сломив пытками, но лишь помог сотням заблудших ффинов вернуться к Свету. Ты мне пытками угрожаешь, а в глазах у тебя — растерянность. Думаешь уже поторговаться... Но, выдержав твой кнут, неужели я пой... пойду... з-за т-т-твоим пряником?...

Сатана вздохнул:

— Первое. Меня начинают раздражать твои заикание и шепелявость. Надо щелкать пальцами, или на слово мне поверишь, что можешь говорить внятно?..

Суи безразлично пожал плечами.

— Ладно... Это первое. А второе... со вторым мне прямо как-то неловко... Ты так разделал меня, что в глаза себе смотреть про-

тивно. Действительно... как я мог быть таким недалеким, чтоб так тебя недооценить?

— Покупать?.. Да не буду я тебя покупать, — Сатана усмехнулся, посмотрел на пальцы правой руки, демонстративно прищелкнул ими — и детское тело возникло из воздуха у его ног... Арбалетная стрела пронизывала его насквозь, войдя между лопаток и выходя с левой стороны груди.

«Вот и все», — пронеслось в голове у Суи.

— Ты, я надеюсь, понимаешь, *кто* убил ее... кто был достаточно силен для того, чтобы убить *ее*...

Суи понимал, что действительно уже все... что не осталось больше ничего... что все снова, как в тот день, когда, очнувшись ранним утром от ужасного кошмара, он понял, что в его сердце живет лишь пустота. Что никогда уже не будет Последнего Шага лишь потому, что он простой человек. Понял, что для Приобщения к Себе Господь всегда будет требовать Высшую Цену, принимая как достойные лишь те поступки, которые сильны нечеловеческой силой... верны нечеловеческой верой...стремительны божественным стремлением.

Суи понимал, что никогда уже не сможет забыть о ненависти, не сможет простить того, что был в этом мире Ангелочек, чистый лучик Света, осветленная отчаянием Правда, а теперь ее нет; понял, что никогда уже не сможет простить черную арбалетную стрелу, пронзившую этот Свет, и руку, эту стрелу выпустившую.

Что-то сломалось в нем... Вспомнилась вся Любовь, которую отдала ему Она; вспомнились страдания, через которые они вместе прошли; вспомнился Мир, который Она ему принесла.

Суи знал, что будет дальше. Знал, что шок сменится бешенством и руки сами поползут вверх, чертя рисунок заклинания — простой молнии, потому что на большее его не хватит. Знал, что он ударит, весь вложившись в удар, а Сатана с легкостью отразит его атаку и, усмехнувшись, протянет руку за тем, что по праву будет принадлежать ему.

Шок сменился бешенством... Руки сами поползли вверх... Казалось, ничего уже не изменить и ненависть вот-вот вспыхнет в его душе... Но отчаяние вновь приблизило Тонкий Мир.

Как светло было там... Как сияли самые низшие его сферы... Как могла Кама-Лока так сиять?..

«Она жива... — пронеслось в голове Суи. — Она здесь... Она рядом».

И две тоненькие ручки опустились на его руки, и детский голосок, которому незачем быть взрослым, сказал ласково:

— Ты прав, мой милый Брат... Я Жива.

Суи ошеломленно смотрел перед собой, и так же ошеломленно молчал Сатана. Черты ангельского лица проявились из Тонкого Мира прямо перед Суи, и тот же ласковый голос продолжил:

— Я ведь никогда не умирала, и арбалетная стрела никогда не убивала меня, потому что я — это тот дух, что парит перед тобой, а не то тело, что покорно свернулось у ног Князя...

Свет... яркий свет озарил комнату, и одновременно с диким воплем Сатаны Суи увидел *ее* всю... увидел, как она прекрасна.

— Зачем мстить ему за убийство моего тела, если в любой момент я могу сойти с Небес в Духе? Пойми, мой ученик, Князь никогда не сумеет причинить мне вреда, и все его попытки будут лишь ускорять Путь Мой к Свету. Я пришла помочь вам Троице и научить вас, и пока я была нужна Вам, я была под защитой Господа... А теперь, когда миссия моя выполнена и когда я привела тебя к финальному Испытанию, зачем мне оставаться в земном мире? В Небесах слагается Будущее, и мое место там — пока моя Карма, мой Долг и мои ученики не призовут меня в плотный мир снова. Разве Сатана убил меня?.. Не верь ему, Суи. И единственный замок, которым заперта от тебя Истина, открывается твоей любовью. Той самой любовью, которая растет в твоём сердце, словно цветок, и взрастить или погубить которую можешь лишь ты сам... Не желая любить, ты убиваешь этот Цветок... и делаешь это ты, Суи, именно ты, а не черная арбалетная стрела.

Улыбка... мягкая улыбка заиграла на его устах, и слезы побежали из глаз, когда он шептал:

— У тебя... у тебя же — крылья...

— Да, — звонко рассмеялась Прая и взмахнула ими. — Правда ведь, здорово... Но когда мы сходим вниз, наши Крылья обращаются пламенным сердцем.

Она медленно отстранилась, повернулась к Сатане, и в руке ее загорелся миниатюрный огненный мечик.

— Ух, — шутливо замахнулась она, рассмеялась снова и исчезла.

Суи долго смотрел ей вслед, а потом нежно поцеловал руку — там, где она коснулась ее.

Сатана топал ногами и кричал Небу, что это все нечестно.

Нечестно?.. Суи готов был рассмеяться.

— Ну а теперь, — сказал Сатана получасом позже, — я буду уже покупать тебя. Мне не стоит, конечно, говорить про такие мелочи, как золото, бриллианты, почести, женщины.

Каждое слово Сатана как бы катал на языке, внимательно наблюдая за Суиной реакцией.

— Начнем мы, пожалуй, с того, что я готов отдать тебе созвездие — любое на твой выбор — и навечно освободить его от своей воли. Ты станешь там богом... Ты ведь хотел знать, Кто такой Бог, вот и узнай это на своем примере.

Суи пожал плечами:

— Зачем мне созвездие, если своим отказом я несу жизнь всей Пиллее?

— Да, — рассмеялся Князь, — жизнь-то — да. Вот только долгую ли?.. Ты же знаешь, что скоро умрешь... год, не больше.. А когда ты умрешь, у твоего Меча будет уже другой Хозяин — тот, кто не видел ни Похода, ни Поля, кто не знаком с Праей... Другой, сломать которого будет куда легче.

— Говоришь так, будто не знаешь, что мы с Мечом — Одно. Думаешь, я не знаю этого?

Сатана рассмеялся и произнес с издевкой:

— Какая восхитительная логика! И что же ты думаешь, недруг мой, ты каждый раз рождаешься одним и тем же человеком? Да каждый раз, приходя в поднебесный мир, ты рождаешься *новым*, каким ты еще ни разу не был, чтобы развить качества, которых тебе не хватает. Так вот, новый Суи не будет так мужественен и устремлен, как ты, потому что эти качества ты уже развил... но в нем появится стремление к прощению, которое в своем низшем аспекте проявляется как слабость духа... Так же, как твоя устремленность в своем низшем аспекте выглядела непримиримостью и давала мне возможности приблизиться к тебе, так же я найду эти лазейки и в будущем... Ты станешь совсем другим, Суи... и устоять не сможешь.

Теперь усмехнулся Суи:

— Будущее покажет. Если все так просто, то не понимаю, почему бы тебе действительно не подождать моего нового воплощения.

— Не понимаю, не понимаю, — шепеляво передразнил его Сатана. — Неужели ты думаешь, что я расскажу тебе, почему, и что, и как?.. Покупайся на созвездие, Суи, потому что в твоём будущем я не пощажу ни тебя, ни тех, кто будет рядом с тобой. Райси, Злата, Т'Хагард, Т'Лим, Т'Хаи... все твои братья... они не

выстояли в этой жизни и уж тем более не выстоят в следующей. Они — в аду, где останутся на многие десятилетия, и в земной мир они родятся изможденными и неготовыми к противостоянию. Так вот, я готов отдать их тебе, хотя их души ненавидящие, а значит, по праву мои...

Суи покачал головой. Сатана ударил кулаком по ручке кресла:

— Но ты же знаешь, что Райси любит тебя!!! И ты любишь ее! Вся ваша религия построена на любви. Как же ты можешь обрезать человека, которого любишь, на мучения ада? Если не согласишься, я напущу на нее самых яростных демонов!!! Я изломаю ее так, что от нее останется лишь запуганная debilка!

Но Суи снова лишь покачал головой:

— Тебе не запугать ни ее, ни меня.

— Ну ты и мерзавец, — оскалился Сатана. — Умирая через несколько лет, ты еще вспомнишь этот момент, клянусь!!! А теперь уходи. Уходи в свой ничтожный Рай.

Суи с трудом поднялся на ноги:

— Сначала мы спустимся с тобой в твой «великий» Ад.

— Зачем? — удивился Сатана.

— Ну я же не оставлю их тебе...

— Кого?..

— Тех, чьи души ты выкрал у Господа.

— Да ты что? — фыркнул Князь. — Ты в своем уме?.. Ты понимаешь, на что замахнулся?.. Если с твоим слабоумием бессилена, то в моих владениях бессилена уже ты. Я никогда не отдам тебе их, никогда...

— Сила не в том, чтобы владеть кем-то, — сказал Суи, делая первый шаг к Сатане, а потом, чуть погодя, — и другой, хотя боль от первого все еще пронзала тело. — Сила в том, чтобы вести за собой людей, зажигая их сердца.

Суи было очень страшно, однако светлая сила рвалась из его изношенного тела.

«Сколько томился ты в темнице плоти, — думал Суи, — раз за разом направляя стремления мои к Обителю Небесной, Дух мой, светлый Ангел мой, Крылья моего сознания... Пришла пора и для полетов».

Сатана с испугом смотрел на него и видел, что, чем ближе подходит Суи, тем явственнее проступают два кокона, окружающие их: светлый — вокруг Суи и полный тьмы — вокруг него самого. Нечистый вдруг осознал нечто, ошеломившее его на-

столько, что на несколько долгих секунд он просто замер, не веря своим глазам.

— Стой! — дар речи скороговоркой вернулся вдруг к Сатане. — Стой-стой-стой... Это же нечестно, это же... Эти души мои... Да стой же ты... СТОЙ!!!

— Господи!!! — обратился он лицом вверх. — ОН НЕ МОЖЕТ ПОСТУПАТЬ ТАК!!! СТО-О-О-ОЙ!!! — заорал он и ударил в Суи мощнейшей шаровой молнией, но та всего лишь сорвала палатку за его спиной.

Суи тяжело закашлялся, сглотнул кровь и сделал последний шаг к Сатане. Его рука двинулась вперед — и рука Князя помимо воли потянулась навстречу. Заряд боли огненным клинком пронзил кисть Суиной руки, затем — его плечо; словно расплавленное олово, боль залила легкие...

С каждым миллиметром сближения Света и Тьмы боль становилась все сильнее, все яростнее терзала она тела Суи и Князя. Сатана не выдержал первым и закричал... А когда между их пальцами оставалось совсем немного, молнии с сухим треском пронзили это пространство. Белый, как мел, Суи застонал от невероятных страданий и одним резким движением схватил Нечистого за руку.

Два взгляда... На одно короткое мгновение остались лишь два взгляда: один — просто усталый, второй — очень испуганный... А потом... Взрыв, сотрясший землю, был ужасен...

Суи, тяжело дыша, смотрел на свое изувеченное тело, лежащее на земле... на вырванную руку, на обезображенное лицо... на разорванный пополам торс.

— Честно, нечестно, — сказал он тихо. — Заладил тут, как ребенок. Проигрывать, между прочим, тоже надо уметь.

Черный ворон возле его ноги злобно каркнул.

— Щас ногой как двину! — по интонации Суи было непонятно, шутил он или же угрожал серьезно.

Ворон заворчал и принялся угрюмо разгребать лапами землю... Жуткий кроваво-красный свет ударил из-под его когтей, и Суи беззлобно усмехнулся.

— Единственная прелесть долгов в том, — сказал он сам себе, — что рано или поздно они будут возвращены.

Спасенные

Они возникли на зеленых полянах Бог знает какого мира — все те, кто сумел загореться Небесным устремлением сошедшего

в ад Брата, все те, кому дали последний шанс посмотреть друг на друга телесными глазами.

Их было много, гораздо больше двухсот тысяч.

Люди и ффины братались и рыдали на плечах друг у друга... Они переходили с одной поляны на другую и со светлым смехом вспоминали все битвы, в которых они сходились, *сражаясь за мир*.

Они говорили о будущем: как вернут Пиллее Свет, как научатся любить этот Свет, невзирая на одежды, в которые он облачен. Они плясали, пели песни... и шли дальше, на другие поляны, лишь две из них обходя стороной. Они знали, что там, на одной поляне и на поляне второй, встретились сейчас *Те, Кто Сумел*.

Молча смотрели в небо Т'Хагард, Т'Лим и Т'Хаи... Тепло думали о том, что Суи очень окреп, что Райси стала Золотой Всадницей, что Злата перестала быть наивным подростком. Ффины понимали, что в обозримом будущем они не сойдут в поднебесную Пиллею, потому что Мироздание Беспредельно и работы хватает на каждом Его Уровне... Лишь бы Прая была рядом... лишь бы Она Учила.

А на второй поляне, всего в нескольких десятках шагов от них, наслаждались красотой Пиллеи люди.

Райси притихла около Суи. Великая жрица, наследница Раэлиэ Коронодержащей, она ведь была просто женщиной, нашедшей того, кого найти уже отчаялась.

Злата в стороне шепталась о чем-то с Орлом. Они хихикали, как дети, и радостно обнимались.

Вечно хмурый Ауэн бродил от одного цветка к другому и бормотал себе под нос, что величие жизни можно оценить, лишь постигнув забвение смерти. А Раэлиэ следила за ним с теплой улыбкой на устах.

Гиннад, хитро поглядывая по сторонам, рассказывал Торби секреты сталеплавильного мастерства, а кочевник обещал гному научить его стрелять из лука.

Крайс и Тристан звонко рубились на мечах, а ласковая девушка, когда-то подарившая Суи платок, весело смеялась, громко хлопая в ладоши. Тристан все время побеждал и говорил, что это потому, что он влюблен... Победив, он преклонял колено около смущенно красневшей девушки и вновь просил ее благословения. Аэоми с улыбкой шептала что-то ей на ухо, девушка повторяла за ней слово в слово, и никто, кроме Суи, не узнавал автора этих стихов.

— Суи... — позвал его знакомый голосок. — Он прислал меня, чтобы приветствовать вас. Чтобы проводить вас Наверх...

— Суи, — снова окликнула его Прая, — что ты ищешь за спиной?

Суи топтался на месте и говорил, что ему не дает покоя какая-то легкость за плечами — словно ниточка между лопаток, постоянно тянущая его вверх.

Ауэн удивленно осмотрел его, Райси усмехнулась, а Крайс громко рассмеялся и поэтому снова проиграл Тристану.

— Это крылья, — мягко улыбнулась девочка. — Ты уходишь Наверх, и пламенное сердце обращается сиятельными крыльями...

Суи онемел, изумленно глядя на нее, а Прая хихикнула и предостерегающе взяла его за руку:

— Однако не пытайся взлететь... Они совсем не то, что ты думаешь, и в воздухе парить помогают не они. Тонкий Мир слишком отличается от земного, чтобы подходить к нему с земными мерками.

Суи рассмеялся немного нервно:

— Так я теперь — Ангел?..

— Прая, — Суи попытался перевести сбившееся вмиг дыхание. — Да какой из меня Ангел? Я ведь ничего не умею. Если бы ты не была рядом, я не выстоял бы перед Сатаной... Я ведь никогда не смог бы простить ему ту стрелу... Я так и не смог бы понять, что никакого вреда тебе он не причинил...

Прая рассмеялась, по привычке ласково пожимая ему руку:

— Грешны мы все, Суи... Один лишь Всевышний Бог Свят... Все мы — люди, Драконы, Ангелы, — все мы живем вместе в одном и том же мире, всего лишь по-разному его воспринимая. И поверь, что Господь наш дал нам Пиллею вовсе не для того, чтобы мы судили здесь друг друга, кичились своей святостью и кивали на чью-то греховность. Он дал нам этот мир, чтобы мы могли поддерживать друг друга на Пути нашем Наверх; на Пути нашем к Обители Его; на Пути к нашему истинному Дому, к тому единственному Месту, где нас всегда примут, когда мы вернемся Туда.

Суи смущенно молчал, прерывисто дыша, а потом снова всполошился:

— Но если сейчас ты поведешь нас *Наверх*... Это что, значит, я увижу *Его*?..

— Ты увидишь Господа, — нежно улыбнулась ему девочка. — Всевышний Незрим и Непостижим, но Лестница к Нему образует Мирозданье.

— О Господи, — заморгал Суи. — О Господи правый, да что же я Ему скажу? Ведь столько всего было в моей жизни, а Он же все это знает...

— Суи, — мягко прервала его Прая. — На самом деле, Он очень гордится тобой. Тобой и жизнью твоей...

Она долго смотрела на него, а потом вдруг рассмеялась:

— Гордится почти так же, как и я... Ты ведь такой прилежный... самый мой прилежный ученик... Клэр Великий... великий миротворец Пиллеи.

Суи сглотнул. Так просто открылась еще одна страница прошлого.

— Пойдем, — взяла Прая его за руку.

— Погоди, Прая, погоди... — вновь затараторил бледный от волнения Суи. — По поводу Его Сущности... мне кажется, я понял, что ты говорила тогда, в пустыне, но не знаю, правильно я понял или нет... Послушай, что скажу... Он ведь действительно Великий Пастырь, и каждое сознание Ему дорого. Но Он не может уничтожить ту Карму, которую мы сами слагаем... Он может перенести ее часть на будущее и дать нам немного времени, чтобы мы поняли свои ошибки. Но бывает так, что выходят все сроки, и даже Его страдания уже не могут отодвинуть Час, когда мы должны посмотреть в глаза собственных творений. И когда этот Час наступает, то остается лишь выбор между жизнью и смертью, который мы делаем сами.

Он не вмешивался не потому, что не хотел помочь нам, а потому, что в зеркале перед нами мы видели себя, и никто, кроме нас, не мог победить нас самих. Если бы мы проиграли, мир был бы уничтожен и Он начал бы все заново... Не потому, что злился бы на нас, но потому, что мы того заслужили... заслужили бы вечного забвения в тени попорченных идеалов...

И Сатана... на самом деле даже Сатана был Его марионеткой... подвластный Его воле и никак не понимающий этого. Так ведь, Прая, так?..

— Миленький мой Суи, — сквозь слезы улыбнулась девочка. — Скоро ты сам сможешь задать Ему любой вопрос... Просто, получив ответы, помни, что на свете есть вещи, которые даже Ангелы постичь не в силах... пока Они всего лишь Ангелы.

Она повернулась ко всем остальным и нежно, словно мать, оглядела их:

— Ну что, милые мои... еще одна страничка написана... Пойдемте-ка Наверх вплетать ее в прекрасные Переплеты ваших Книг.

Сверкающая винтовая лестница возникла перед ними. Ее ступени были полупрозрачны и нереальны, лишь отдаленно напоминая мрамор.

Медленно поднимались *они* по лестнице, и *их* мечи сияли золотым, а *крылья* за спинами проявлялись ослепительно-белым.

Был ли это конец?

Конечно, это было только начало.

Эпилог

Солнце нового дня поднималось над Пиллеей.

Ффины, благодаря Суи, поняли, что неразумно делать глупые поступки... штурмовать неприступную крепость, например.

Актом доброй воли людей стало освобождение почти тысячи военнопленных из глубин Гриффовских катакомб. В ответ ффины отпустили всех людей, плененных их Армией.

Солнце нового дня поднималось все выше, и людям были переданы незаконченные ффинские разработки антирадиационных смесей, которые удачно доработал безногий Клэр и применил в Гриффовых окрестностях.

Впервые в истории Пиллеи был создан Единый Научный Комитет, а вслед за ним — и Единый Экономический Комитет *Федерации*. Объединение людской и ффинской общин привело к выпуску единой валюты, ходящей в обеих частях Параллелей.

День разгорался все сильнее, и вскоре совместными усилиями была запущена одна из Древних *электростанций*, снабдившая *электроэнергией* отстраивающиеся недалеко друг от друга Гаксторн и Т'Хагард...

Говорят, история всегда ходит по кругу и за ночью всегда приходит день... Люди и ффины радовались новому дню, объединению культур и знаний, быстрому совместному продвижению вперед там, где раньше у каждого был полный застой. Они радовались новому шансу, словно дети, беззаботно забывшие о том, что история никогда не стоит на месте и новый день не сможет длиться вечно.

Ведь за восходом солнца неизбежно последует не только полдень, но и закат, и рано или поздно придется вспомнить, *что же такое* ночь... что такое злость и ненависть... что такое ярость и одержимость. И каждый будет снова пытаться разбить зеркало напротив, вместо того, чтобы попробовать изменить *себя*. И каждому придется снова встать перед самим собою и снова слышать шепот подлых голосов внутри. И каждый, ломаясь под их натиском, увидит, что за пределами предательства нет ничего, кроме самого предательства; поймет, что есть лишь один путь, ведущий из этого бесконечного круга, и будет устремленно искать его; услышит призыв и пойдет ему навстречу... оступаясь и падая,

поднимаясь и оскальзываясь вновь... Пойдет, даже когда рядом не останется никого из тех, кто вступил на путь первыми... Пойдет, чтобы умереть страшно и мучительно, чтобы умереть радостно, чтобы умереть там, где будет конец пути... и где будет его начало. Пойдет, чтобы в Смерти постичь значение Жизни.

Ибо лишь то золото становится червонным, в тигель к которому доливают кровавую медь.

Ибо лишь кровь, пролитая за святое дело, смывает предыдущий грех.

Ибо лишь кровь мучеников, омывшая горизонт, сможет когда-нибудь вновь стать Рассветом.

1991 — 2003

© Ким Киуру. 14 декабря 2003 года. Черкассы.

ББК 83.34 УКР
К38

ISBN 966-7036-70-7

“ПАРАЛЛЕЛИ”

Автор: Ким Киуру

Художник: Ли С.Я.

Редактор: Конева Е.С.

Сдано в набор 01.06.2006 г., Подписано к печати 9.06.2006 г., Формат 80x110,5 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Minion. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27, Усл. кр. отт. 27,35. Тираж 1000 экз. Зак. №907.

Отпечатано на Смелянском КИПП “Тясмин”,

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела в государственный реестр издателей, изготовителей и распространителей издательской продукции серия ДК №1483 от 01.09.2003 г.

20700, г.Смела Черкасской обл., ул.Победы, 16.
Тел. (04733) 4-40-20.